

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 4 (8)
2019

ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ
ИСТОРИИ РУССКОГО
ГОСУДАРСТВА

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ РУБЕЖИ
РОССИИ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, КАДРОВАЯ,
БИОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

РОССИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

РОССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

ИЗ ИСТОРИИ СПЕЦСЛУЖБ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

РУССКИЕ ЦАРИ – КТО ОНИ?

КАЛЕНДАРЬ ПЯМЯТНЫХ ДАТ

КОРНИ УКРАИНСКОГО
НАЦИОНАЛИЗМА И СЕПАРАТИЗМА

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 4 (8)
2019

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АНТОШКИН Николай Тимофеевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, депутат Государственной Думы;

БАБАНСКИЙ Юрий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-лейтенант, ветеран боевых действий;

БЕНОВ Геннадий Матвеевич – генерал-лейтенант, председатель Союза ветеранов советских офицеров, член ВС ВВС СССР;

БОДУНОВ Игорь Аркадьевич – полковник, ветеран военно-технического сотрудничества, член правления Фонда «Резерв»;

БОНДАРЕНКО Константин Константинович – полковник, ветеран военной разведки;

БЫЧИХИН Павел Александрович – полковник, ветеран военной разведки;

ГАЕВ Александр Александрович – полковник таможенной службы;

ГЛАГОЛЕВ Вячеслав Евгеньевич – генерал-лейтенант, ветеран военной разведки, профессор, доктор военных наук, действительный член Академии военных наук;

ГРОСС Виктор Константинович – полковник, летчик-испытатель 1-го класса;

ДЕМЕНТЬЕВ Сергей Павлович – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, член Фонда «Резерв»;

ДОМСКИЙ Игорь Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор, член-корреспондент РАН, лауреат Премии Правительства РФ;

КАРПЫЧЕВ Александр Анатольевич – генерал-лейтенант, президент Союза ветеранов военной разведки;

КЛИМУК Петр Ильич – дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, летчик-космонавт СССР;

КОРНЕЕВЕЦ Владимир Сергеевич – полковник, ветеран военной разведки;

КОТЕЛКИН Александр Иванович – генерал-майор авиации, кандидат экономических наук, ветеран военной разведки;

КРИВОРУЧКО Анатолий Петрович – полковник, доктор исторических наук, профессор, ветеран военной разведки, член Союза писателей России;

КРИТСКИЙ Василий Юрьевич – заместитель главного конструктора по перспективным разработкам ОКБ им. А.М. Люльки, ПАО «ОДК – УМПО», член Фонда «Резерв»;

КУЗНЕЦОВ Владимир Васильевич – заместитель начальника департамента международных организаций МИД РФ;

ЛАДЫГИН Фёдор Иванович – генерал-полковник, начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (1992–1997 гг.);

ЛЕМЗЕНКО Кир Георгиевич – вице-адмирал, ветеран военной разведки;

ЛЁВИН Алексей Гаврилович – Герой Социалистического Труда, президент Всероссийской общественной организации «Трудовая доблесть России», кандидат технических наук;

МОЧНОВ Николай Борисович – полковник, ветеран боевых действий, президент Фонда «Резерв», Заслуженный испытатель космической техники, ветеран военной разведки;

НЕМЧИКОВ Геннадий Алексеевич – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, вице-президент Фонда «Резерв», кандидат военных наук;

ПАНИН Илья Григорьевич – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов ГУК МО РФ;

ПОЛОЗОВ Андрей Алексеевич – гвардии майор, летчик 1-го класса, литератор;

ПОНОМАРЕВ Александр Васильевич – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

ПОПОВ Сергей Владимирович – генеральный директор «ОДК — Пермские моторы»;

РЕШЕТНИКОВ Василий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, Заслуженный военный летчик СССР, участник Великой Отечественной войны;

РОМАНЕНКО Юрий Викторович – дважды Герой Советского Союза, полковник, летчик-космонавт СССР;

РУМЯНЦЕВ Владимир Владимирович – генерал-лейтенант, ветеран военной разведки;

САВИНЫХ Виктор Петрович – дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт, Почетный президент Университета геодезии и картографии РФ, член-корреспондент РАН;

СТРЮКОВ Владимир Антонович – полковник, ветеран боевых действий, член Союза писателей России, ветеран военной разведки, главный редактор ВИА «Во славу Отчизны»;

ЦИБЛИЕВ Василий Васильевич – Герой Российской Федерации, генерал-лейтенант авиации, летчик-космонавт РФ;

ЧУЙКОВ Николай Владимирович – полковник, председатель общественной комиссии по международному сотрудничеству Союза ветеранов России;

ЮДИН Виктор Анатольевич – генерал-майор авиации, член Фонда «Резерв».

История – особая наука, занимающаяся изучением прошлого человеческих обществ, начиная с зарождения социума по настоящее время. Главной задачей истории, основным её предназначением следует считать познание прошлого человечества для понимания современного состояния нашего человеческого общества и предвидения его развития в будущем.

История призвана отражать реальность прошлого в его узловых моментах так, как писал древнеримский политический деятель и мыслитель Марк Туллий Цицерон: «Первая задача истории – воздержаться от лжи, вторая – не утаить правды, третья – не дать никакого повода заподозрить себя в пристрастности или в предвзятой враждебности».

В истории России была целая временная полоса, когда появилось удивительно прискорбное пренебрежение к истории, к наследию наших предков. А ведь память о них – необходимое условие воспитания чувства патриотизма. Само понятие «патриотизм» вмещает в себя мощные заряды исторических знаний нашего прошлого, без которых невозможна осмысленная любовь к своему Отечеству.

Изучение прошлого, осмысление происходящего и предвидение грядущего вдвойне ценно тогда, когда приходит тому срок и, когда правда остается незабываемым критерием сущего во всех разностях и сложностях взаимосвязанного развивающегося исторического процесса.

Военно-исторический альманах «Во славу Отчизны» нацелен на освещение вопросов нашей истории в объективном, справедливом и честном ключе.

Учредители:

Союз ветеранов военной разведки;
Фонд «Резерв» ветеранов
Военно-воздушных сил

Главный редактор:

Владимир Стрюков

Верстка дизайн-макета:

Ирина Васина

E-mail: info@vosslavy.pf

www.vosslavy.pf

★ ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

И.А. Бенедиктов
Политический гигант и партийный гном 4

Александр Самсонов
Битва за историю 4

★ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

С.А. Зеленцов
Тоцкое войсковое учение..... 52

★ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

А.П. Шевякин
Операция «Суфлер» 60

★ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ РУБЕЖИ РОССИИ

Анатолий Кошкин
Удар на Север или на Юг 65

★ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, КАДРОВАЯ, БИОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

В.П. Ветров
Роль военной ветеринарии в условиях биологических угроз 86

★ РОССИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

И.Р. Григулевич
Боливийский дневник. Эрнесто Че Гевары 110

★ РОССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Ю.Н. Тихонов
Коминтерн и «восточный фронт» мировой революции 126

★ ИЗ ИСТОРИИ СПЕЦСЛУЖБ

Владимир Стрюков
Операции ГУКР СМЕРШ НКО СССР 147

★ ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

А.С. Орлов
В преддверии II мировой войны 174

★ РУССКИЕ ЦАРИ – КТО ОНИ?

В.А. Ачалов
«Настоящий русский мужик» — это ещё не профессия 192

★ КАЛЕНДАРЬ ПЯМЯТНЫХ ДАТ

100 лет Герою Советского Союза генерал-полковнику авиации В.В. Решетникову 221

Н.А. Найденев
Флагману гражданского двигателестроения России 85 лет. 233
45 лет Ветеранской организации ГРУ 246

★ КОРНИ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА И СЕПАРАТИЗМА

Александр Камчатов
Трубадуры украинского сепаратизма 247

★ ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

В.В. Колесник
Как был взят дворец Амина 265

С.П. Дементьев
23 года – полет нормальный.. 276

Владимир Корнеевец
Народа мудрость 278
Счастье 279

Г.П. Кочергин
Старый рабочий..... 280

И.А. БЕНЕДИКТОВ

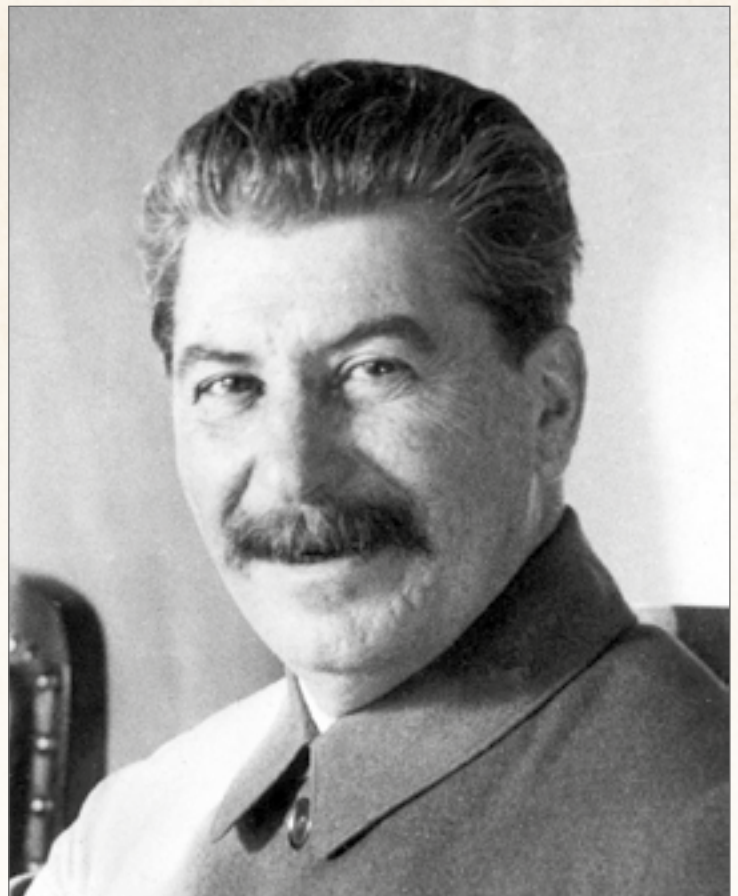
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ГИГАНТ И ПАРТИЙНЫЙ ГНОМ

К 140 ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И.В. СТАЛИНА

9 (21) декабря 1879 года родился Иосиф Виссарионович Сталин — выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения, видный теоретик и пропагандист марксизма — ленинизма; Полководец, Генералиссимус Советского Союза (1945), Герой Социалистического Труда (1939), Герой Советского Союза (1945). Жестокий и нередко беспощадный к своим врагам, мудрый правитель огромной державы, достигшей при нем невиданной экономической и военной мощи.

Обращение к жизни и деятельности Сталина позволяет увидеть, как в условиях самого отчаянного кризиса, который когда-либо поражал нашу страну, нашелся руководитель, сумевший предложить ясную и логично обоснованную программу вывода страны из тупика и спасения ее от неминуемой гибели. Изучение деятельности Сталина позволяет увидеть

пример государственного мужа, нетерпимого к досужей болтовне, лжи, хамелеонству и разгильдяйству, поощрявшего честное выполнение служебного и патриотического долга, глубокие знания предмета, рачительное отношение к народному добру. Деятельность Сталина является примером государственного деятеля, вникающего в самые разнообразные проблемы страны, дотошно изучающего их, умеющего организовывать коллективные обсуждения стоящих проблем, превращая эти дискуссии в творческий процесс и венчая их принятием взвешенных и глубоко продуманных решений. Стиль работы Сталина показывает, как важно тщательно контролировать исполнение каждого принятого решения, чтобы сохранить доверие к слову государственных руководителей. Деятельность Сталина служит примером исключительного упорства в достижении великих целей.

Будучи выходцем из народа, носителем богатств народной традиции и древней духовной культуры, Сталин своей жизнью и деятельностью показал, как важно руководителю страны сохранять близость к народу, понимать народ, уметь говорить языком, понятным народу, поощрять народные таланты, создавая максимум благоприятных условий для образования и движения вперед наиболее способных и талантливых выходцев из народа. В то же время Сталин является примером исключительной требовательности государственного деятеля к себе как в личной жизни, так и в работе, примером полнейшей самоотдачи во имя осуществления великого и благородного народного идеала — создания общества социального равенства и процветания.

Величайшим историческим свершением Сталина явилась его деятельность в годы подготовки ко II мировой войне и в ходе самой войны. Величественная победа советского народа над гитлеровской Германией и ее союзниками по блоку «оси» в Великой Отечественной войне, благодаря которой мир был спасен от порабощения и геноцида, была одержана под его руководством.

Жесткость и суровость Сталина всегда сочетались с его гибкостью, умением подняться над привычным и шаблонным, быстро отказаться от курса, который заводил страну в тупик, и найти нестандартное решение, отвечающее реалиям сегодняшнего дня. При этом он не поступался принципами, которыми руководствовался всю свою сознательную жизнь, и сохранял верность многим из духовных ценностей, обретенных им в течение своего сложного жизненного пути.

Вряд ли изучение личности Сталина, его жизни и деятельности, его времени завершится скоро. Нам еще предстоит многие новые открытия документов и фактов, которые позволят лучше понять этого великого человека и мир, в котором он жил. Но главным условием для изучения Сталина является освобождение его образа от примитивных мифов, рожденных ограниченным невежеством и воинствующей завистью политических гномов.

Интервью с Иваном Александровичем Бенедиктовым, в течение двух десятилетий (с 1938 по 1958 год) занимавшим ключевые посты в руководстве сельским хозяйством страны, хорошо знакомым с методами и стилем работы И. В. Сталина, Н. С. Хрущева, других видных политических и хозяйственных деятелей, основано на нескольких беседах с ним, состоявшихся в 1980 и 1981 гг. в бытность моей работы корреспондентом Гостелерадио СССР. Иван Александрович в тот период был на пенсии, но активно занимался общественной работой, в частности, по линии Общества советско-индийской дружбы — в конце своей служебной карьеры Бенедиктову довелось поработать сначала советским послом в Индии (1959-1967 гг.), а затем в Югославии (1967-1970 гг.).

Подготавливая по заданию редакции передачи о советско-индийском сотрудничестве, я не удержался и стал задавать Ивану Александровичу вопросы на другую, более волновавшую меня тему. Бенедиктов со свойственной аппаратному работнику сдержанностью отвечал сначала сухо и односложно, явно давая понять, что не намерен тратить время на праздные разговоры. Однако, почувствовав, видимо, искренность моего стремления разобраться в происшедшем, стал говорить раскованно, охотно и откровенно, согласившись даже специально побеседовать на острые темы.

Иван Александрович не возражал против публикации своих высказываний, хотя и сильно сомневался в возможности этого. Здесь он оказался полностью прав — все мои попытки «пристроить» интервью даже в самом усеченном виде в литературно-художественные издания кончались неудачей. Через несколько месяцев после получения очередного отказа из редакции известного журнала Ивана Александровича не стало... Основания для продолжения борьбы отпали сами собой, и я предоставил рукопись «грызущей критике мышей».

Сейчас, когда вошло в моду публиковать ранее запретные, шедшие вразрез с официальными установками произведения, думаю, есть смысл вновь вернуться к ней.

В. Литов, член Союза журналистов СССР, кандидат экономических наук

— С конца 70-х гг. в развитии нашей экономики наметился очевидный спад. В официальных документах его объясняют как объективными трудностями, так и субъективными просчетами. Большинство же ученых и специалистов видят корень зла в отсутствии подлинно экономического механизма развития и управления народным хозяйством и особенно внедрения научно-технических достижений... Хотелось бы знать мнение по этому вопросу человека, занимавшего важный пост в нашей экономике в период, когда она развивалась едва ли не самыми быстрыми в мире темпами...

Боюсь разочаровать Вас своим "консерватизмом" и "догматизмом". Я считал и считаю, что экономическая система, действовавшая у нас до середины 60-х гг., и сейчас могла бы обеспечивать высокие и стабильные темпы роста, устойчивую ориентацию на эффективность и качество и, как закономерное следствие, постоянное повышение благосостояния широких слоев трудящихся. Конечно, жизнь есть жизнь, кое-что надо было изменить и обновить. Но это касается лишь второстепенных узлов и деталей, в целом же проклинаемая многими экономистами "сталинская система", как Вы правильно заметили, доказала высокую эффективность и жизнеспособность. Благодаря ей к концу 50-х гг. Советский Союз был самой динамичной в экономическом и социальном отношении страной мира. Страной, уверенно сокращавшей свое, казалось бы, непреодолимое отставание от ведущих капиталистических держав, а по некоторым ключевым направлениям научно-технического прогресса и вырвавшейся вперед. Достаточно вспомнить наши достижения в космосе, мирном освоении ядерной энергии, успехи фундаментальных наук.

Ошибаются те, кто думает, что мы добились всего этого за счет экстенсивных, количественных факторов. В 30-е, 40-е да и 50-е гг. упор как в промышленности, так и в сельском хозяйстве делался не на количество,

▲ Бенедиктов Иван Александрович

а на качество, ключевыми, решающими показателями были рост производительности труда за счет внедрения новой техники и снижение себестоимости продукции. Эти два фактора были положены в основу экономического роста, именно этим оценивали и продвигали хозяйственных руководителей, именно это считалось главным, прямо вытекающим из основ марксистско-ленинского учения. Конечно, с позиций сегодняшнего дня такая "жесткость" и прямолинейность выглядит немного наивной, да и тогда она приносила определенные "минусы". Но в целом направление было выбрано совершенно правильно, что доказывает опыт современных американских, западногерманских и японских фирм, которые уже довольно широко планируют как рост производительности труда, так и снижение себестоимости продукции на многие годы вперед.

То же самое можно сказать и о социальной сфере, идейно-политическом климате в обществе. В своей основной массе советские люди были довольны жизнью и с опти-

мизмом смотрели в будущее, верили своим руководителям. Когда Хрущев выдвинул задачу достижения наивысшей в мире производительности труда и выхода на самые передовые в мире рубежи научно-технического прогресса, мало кто сомневался в конечном успехе — столь велика была уверенность в своих силах, способности догнать и перегнать Америку.

Но Хрущев не Сталин. Плохой капитан способен посадить на мель самое хорошее судно. Так и произошло. Наши капитаны сначала сбились с курса, потеряв заданные темпы, потом стали шараться из одной крайности в другую, а затем и вообще выпустили из своих рук руль, заведя экономику в тупик. И, не желая открыто признать свою беспомощность, явное несоответствие высоким постам, стали сваливать все на "корабль", на "систему", поставив на конвейерный поток производство бесконечных решений и постановлений о ее "развитии" и "совершенствовании". А "теоретики" и ученые начали оправдывать эту бумажную карусель высокоумными рассужде-

ниями о некой “оптимальной экономической модели”, которая-де сама по себе, автоматически обеспечила бы решение всех наших проблем. Руководству, мол, придется лишь сидеть у пульта этой “модели”, время от времени нажимая ту или иную кнопку. Нелепая, чисто кабинетная, профессорская иллюзия!

— Но ведь и Ленин призывал экспериментировать, искать оптимальные варианты...

Не к месту Вы здесь ссылаетесь на Ильича, совсем не к месту. Стремление к реорганизациям и реформам, постоянный перестроечный зуд Ленин считал самым безошибочным признаком бюрократизма, в какие бы “марксистские” одежды он ни рядился. Вспомните пророческие ленинские слова о том, что система системой, а есть еще и культурный уровень, уровень “умелости” работы как “наверху”, так и “внизу”, который системе не подчинишь. Не суйтесь к народу с “ломкой системы” и реорганизациями, предупреждал Владимир Ильич еще в начале 20-х гг., подбирайте людей и проверяйте фактическое исполнение дела, и народ это оценит. Этот важнейший, пожалуй, самый главный ленинский завет управления, завет, который буквально пронизывает все последние произведения, записки и документы Ильича, на деле — на словах, разумеется, все за! — сейчас забыт. Что же удивляться тому, что дела у нас вопреки лавине “назревших” постановлений и реорганизаций идут все хуже и хуже...

При Сталине же ленинский лозунг “Кадры и контроль решают все” последовательно и твердо проводился в жизнь. Несмотря на очевидные ошибки и упущения (у кого их нет?), все крупные исторические задачи, стоявшие перед страной, будь то создание экономических основ социализма, разгром фашизма или восстановление народного хозяйства, удалось решить. А назовите мне хотя бы одну экономическую или социальную проблему, которую даже не решить, а сдвинуть с места

удалось Хрущеву и его преемникам! Всюду тонны слов и граммы дел, а реального продвижения вперед так и не видно. Скорее наоборот, сдаем уже завоеванные позиции...

Поймите меня правильно. Я не против реформ и реорганизаций как таковых. Я против того, чтобы переносить на них основной упор, ожидая от очередного постановления чудодейственных результатов. Надо уменьшить раз в десять число таких постановлений и реорганизаций, а все силы бросить на кропотливую, черновую, будничную работу по реализации немногих, но четких и конкретных решений. Тогда и появятся чудодейственные результаты, укрепится доверие народа к партии, которое, увы, расшатывается сейчас с каждым годом. Впрочем, здесь я америк не открываю. Именно в таком духе работал партийно-государственный аппарат в так называемые годы “культы личности”. Думаю,

не напрасно к опыту тех лет присматриваются — и с немалым успехом! руководители крупнейших западных монополистических корпораций.

— Простите за откровенность, Иван Александрович, но Ваши рассуждения кажутся мне слишком упрощенными. Получается, что от того, кто возглавит страну, зависит в конечном счете все... Не придается ли в таком случае личностному фактору некая демоническая сила, что, несомненно, идет вразрез с краеугольными положениями марксизма-ленинизма...

Ленин, судя по вашей логике, “шел вразрез”, когда после окончания Гражданской войны заявил, что для победы социализма в России нужна была лишь “культурность” коммунистов. Иначе говоря, умение управлять страной, по отношению к которой они были “каплей в народном море”.

▲ Сталин в Горках у Ленина 1922 г.

▲ Мечты Хрущева

Это говорилось в условиях страшной разрухи, голода, средневековой отсталости деревни, да и города, в ситуации, когда страна, говоря теми же ленинскими словами, напоминала "смертельно избитого человека"! Подавляющее большинство ученых и специалистов как в России, так и за рубежом, загипнотизированные так называемыми "объективными факторами", открыто называли ленинский план строительства социализма "больной иллюзией", ставкой на "демонические силы большевистской партии". Демоны демонами, а социализм в кратчайшие сроки мы построили вопреки всем "премудрым пескарям" с учеными степенями и званиями!

Впрочем, исторические аналогии мало кого убеждают. Перейду лучше к сегодняшнему дню. Даже при нынешней экономической системе у нас есть десятки предприятий как в промышленности, так и сельском хозяйстве, не уступающие мировому уровню, а кое в чем

даже превосходящие его. Возьмите, например, станкостроительное объединение в Иванове, которое возглавляет Кабаидзе, или известный колхоз председателя Бедули. Главное, решающее условие успехов, достигнутых флагманами нашей экономики, — уровень руководства, профессиональная компетентность директора или председателя. Не готовят Кабаидзе или Бедуля достойных себе преемников — все опять пойдет под откос, скатится до преобладающего у нас уровня посредственности и серости, уровня мало профессионального ремесленничества.

Выходит, корень зла не в существующей экономической системе — в ее условиях талантливые люди способны делать чудеса! — а в том, что принято называть "субъективно-личностным фактором". У нас много говорят о возрастании роли этого фактора при социализме. Что ж, положение верное, только роль этого фактора нельзя понимать однозначно, в розовом свете. Умный, компетентный

руководитель резко ускоряет продвижение вперед предприятия, отрасли, страны, слабый и посредственный также резко тормозит, замедляет его. Отсюда — жесткая требовательность к руководящим кадрам, постоянный и всесторонний контроль за их профессиональным, идейно-нравственным и политическим ростом. Без этого социализм не только не реализует, а, напротив, растеряет свои исторические преимущества.

Если и говорить о создании "новой системы", то это должна быть крупномасштабная, широко разветвленная, глубоко продуманная система выявления, продвижения, стимулирования роста одаренных людей во всех эшелонах управления, как государственного, так и партийного. Сумеем подготовить и "зарядить" на высшие интересы несколько десятков тысяч Кабаидзе и Бедуль — страна совершит резкий рывок вперед. Нет — будем топтаться на месте под фанфарный звон очередных постановлений и реорганизаций.

Основной задачей партийного и, во многом, государственного аппарата и должно быть нахождение и продвижение талантливых людей. А у нас сейчас думают об этом чуть ли не в последнюю очередь, посвящая едва ли не все время подготовке очередных решений и постановлений и организации вокруг них пропагандистской шумихи. Более того, талантливых, ярких людей стараются задвинуть подальше, отдавая предпочтение послушным, серым, а то и вовсе неумным людям, которые прорвались сейчас даже на министерские посты. А когда “наверху” все поставлено с ног на голову, и “внизу” дело не пойдет. И я ничуть не удивляюсь возросшей стихийности экономических и социальных процессов в обществе, падению дисциплины, сознательности и ответственности рядовых тружеников, разрастанию того, что модно ныне называть “антисоциалистическими явлениями”. Повторяю, главный источник наших бед — резкое снижение уровня партийно-государственного руководства, забвение гениальных заветов Ленина о подборе кадров и проверке исполнения как основном, решающем инструменте партийного влияния...

— Насколько мне известно из официальных документов и утверждений видных историков, избавляться от талантливых людей в высшем эшелоне начал именно Сталин, кадровую политику которого вы считаете образцовой...

Если вы хотите добраться до сути, побольше работайте собственной головой. С момента прихода к власти Хрущева в эти документы попало столько фальши и конъюнктурщицы, что подчас диву даешься — как могло появиться такое в наших партийных, коммунистических изданиях! “Видные” же ученые-специалисты, которые сегодня пишут одно, завтра другое, а послезавтра третье, тоже не очень надежный источник.

Теперь по сути. При Сталине продвижение в высшие эшелоны управления осуществлялось только по политическим и деловым качест-

вам — исключения, конечно, были, но довольно редкие, подтверждавшие общее правило. Главным критерием являлось умение человека на деле и в кратчайшие сроки изменить ситуацию к лучшему. Никакие соображения личной преданности и близости к “вождю”, так называемый “блат”, не говоря уже о семейно-родственных связях, в расчет не брались. Более того, с людьми, к которым Сталин особо симпатизировал, точнее, ставил в пример другим, спрос был и жестче, и строже. Я имею в виду В. М. Молотова, Г. К. Жукова, Н. А. Вознесенского, авиаконструктора А. Н. Яковлева и некоторых других...

Существовавшая в те годы подлинно большевистская система подбора и расстановки кадров приводила к тому, что на ключевых постах в партии, государстве, армии действительно оказывались наиболее талантливые и подготовленные в профессиональном отношении люди, совершавшие по нынешним меркам невозможные вещи, буквально чудеса. Н. А. Вознесенский, А. Н. Косыгин, Д. Ф. Устинов, В. А. Малышев, И. Ф. Тевосян, Б. Л. Ванников, А. И. Шахурин, Н. С. Патоличев — перечисляю лишь немногих, все они обладали выдающимися способностями и дарованиями и, что немаловажно, заняли высшие посты в самом расцвете своих сил.

При Сталине Советское правительство по возрастному составу было едва ли не самым молодым в мире. Меня, к примеру, назначили наркомом земледелия СССР в 35 лет, и это являлось не исключением, а скорее правилом. Большинство наркомов было примерно такого возраста, даже моложе, да и многим секретарям обкомов партии в тот период едва перевалило за 30 лет. Лозунг “Молодым везде у нас дорога” в 30-е и 40-е гг. последовательно, с железной настойчивостью и твердостью проводился а жизнь. Начав свою работу в сельскохозяйственном учреждении совсем еще молодым человеком, я был твердо уверен, что все успехи по службе зависят исключительно от моих личных достоинств

и усилий, а не от сложившейся конъюнктуры или заступничества влиятельных родственников. Как и многие мои сверстники, я знал, что если проявлю себя должным образом на деле, то мне не дадут засидеться на месте, не позволят долгие годы “выслуживать” один чин за другим, растрачивая энергию и напор молодости на переключивание канцелярских бумаг, а сразу же дадут дорогу, “двинут” через несколько ступеней “наверх”, туда, где действуют и решают.

Могу с полным основанием сказать, что курс на выдвижение молодежи был сознательной, всесторонне продуманной и взвешенной линией как самого Сталина, так и других членов Политбюро ЦК нашей партии. И эта линия полностью оправдала себя. Убежден, что, если бы мы вступили в войну с шестидесятилетними наркомом и командующими армиями, ее результаты могли бы быть иными... Хотя бы потому, что решить невиданные по сложности задачи и выдержать чудовищное напряжение военных лет, а затем восстановительного периода сумели бы лишь творчески, нешаблонно мыслящие и действующие молодые люди.

Вспоминается в этой связи Дмитрий Федорович Устинов, бывший в период войны наркомом вооружений. Совсем еще молодой человек, не имевший, естественно, большого жизненного и инженерного опыта, он смело, на свой страх и риск, принимал за несколько часов решения, связанные со строительством и оснащением военных заводов, которые обычно требуют многомесячной работы целых коллективов и проектных институтов и столь же многомесячных согласований с различными инстанциями... И, как признавали специалисты, не ошибался в расчетах...

Или Авраамий Павлович Завадягин, много сделавший и для обороны, науки и техники. “Это невозможно, немыслимо, противоречит мировому опыту”, — возмущались по поводу сроков выдвигавшихся им проектов наши высокоинтеллектуальные научные

▲ Хрулев, Устинов, Ванников

“светила” и специалисты. Но Завенягин добивался своего и совершал это “невозможное” и “немыслимое”. Или возьмите высший командный состав Красной Армии. Конечно, репрессии 1937-1938 г. ослабили его, дали возможность некоторым маршалам и генералам старой закваски усилить свои позиции. Но параллельно с этим шел и процесс подбора и роста талантливых людей, умеющих воевать по-современному. В целом накануне войны в своем преобладающем большинстве руководящие должности и в армии, и в Генштабе заняли достойные люди, способные военачальники, правильность выдвижения которых была подтверждена жестоким опытом самих сражений. Г.К. Жуков, А.М. Василевский, К.К. Рокоссовский, И.С. Конев, К.Т. Мерецков, другие наши прославленные военные деятели сумели превзойти на полях битв лучших полководцев гитлеровской Германии, обладавшей, бесспорно, самой сильной армией капиталистического мира.

И дело не только в исконной талантливости, патриотизме и революционном энтузиазме нашего народа. Все эти замечательные качества, как показывает опыт последних десятилетий, утрачиваются чуть ли не полностью, когда нет порядка и должной организации дела, когда отсутствует подлинно большевистская система выявления, продвижения и стимулирования талантливых людей.

Не могу согласиться с утверждениями иных “знатоков” истории о том, что молодые и способные люди были привлечены в государственный и партийный аппарат, чтобы заполнить “вакуум”, образовавшийся в результате репрессий 30-х гг. Во-первых, наряду с молодежью бок о бок работали и старые, опытные кадры, обеспечивалось довольно эффективное сочетание молодости с опытом. Во-вторых, и это главное, на ключевые посты даже после репрессий 1937 г. конкурентов, включая опытных заслуженных деятелей, вполне хватало. Говорю это с пол-

ным основанием, поскольку хорошо помню тогдашнюю ситуацию в наркоматах сельскохозяйственного профиля. Да и в других картина была примерно такой же. Помню и недовольство ветеранов с дореволюционным партийным стажем назначением молодых наркомов. Все было... Но ЦК твердо отстаивал свою линию, не делая никаких скидок на бывшие заслуги и героические дела.

Что бы ни говорили о Сталине, при нем на руководящих постах находилось несравненно больше одаренных, талантливых людей, чем при Хрущеве, не говоря уже о его преемниках. Кстати, и спрос за упущения был конкретный, индивидуальный, а не размыто-коллегиальный, как сейчас, когда пропадают миллиарды, приходят в запустение целые регионы, а ответственных днем с огнем не сыщешь! В наше время ситуация подобного рода была просто немыслимой. Нарком, допустивший перерасход двух-трех тысяч рублей, рисковал даже не своим постом,

жизнью! Может быть, кое-кому это и покажется жестоким, однако с точки зрения государственных, народных интересов такой подход, на мой взгляд, полностью оправдан.

Хорошо, конечно, что в последние годы почти прекратились нападки на Сталина со стороны обывательски настроенных или пострадавших от репрессий лиц, стали более объективно показывать его государственную и военную деятельность. Но, увы, методы и стиль руководства не возрождают или просто не могут...

— *Складывается впечатление, что вы принципиально отвергаете реформу 1965 г. и видите спасение в сталинском лозунге "Кадры решают все". Но ведь эта реформа отнюдь не была кабинетной выдумкой бюрократов, решивших во что бы то ни стало отомстить Сталину. Мне не раз доводилось встречаться с руководителями передовых предприятий и колхозов, которые жаловались на несовершенство сложившейся в 30-е и 40-е гг. экономической системы, особенно ее оценочных показателей. К тому же "защитенность" на кадровом факторе связана, видимо, с исторической спецификой нашей страны и сейчас уже вряд ли оправдана, тем более что она противоречит мировому опыту...*

Люди всегда стремятся к лучшему, а руководители, даже самые передовые, к облегчению своей тяжелой, зачастую неблагодарной участи. Понять по-человечески их можно: уравниловка, некомпетентность "верхов" больней всего бьют именно по передовым коллективам, — но подходить к решению государственных вопросов надо с государственной, а не личной или ведомственной колокольни, к чему склонны, к сожалению, даже весьма достойные и уважаемые мной люди.

Да, я сторонник текущего, но отнюдь не капитального ремонта нашей экономической системы, огромные потенциальные возможности кото-

рой, повторяю, доказаны опытом 30-х, 40-х и 50-х гг.

Косыгинские реформы оцениваю неоднозначно. Алексей Николаевич, которого я глубоко и искренне уважаю, был, бесспорно, наиболее компетентным, умелым и знающим хозяйственным руководителем за послевоенные годы, что, кстати, вызвало открыто враждебное отношение к нему Хрущева, органически не выносившего более способных, чем он, людей. В косыгинских предложениях есть ценные и полезные элементы, которые можно и нужно внедрить в экономический механизм. Но только как элементы, строго подчиненные плановому началу. В целом ориентация на прибыль, активизацию товарно-денежных отношений, возрождение рыночных факторов как регулирующих основ экономического развития в наших условиях крайне вредна и опасна. Такое изменение хозяйственной стратегии неизбежно ведет и уже привело к умалению планового характера экономики, падению государственной дисциплины во всех звеньях, усилению неконтролируемости экономических и социальных процессов, росту цен, инфляции и другим негативным явлениям. Конечно, есть и определенные "плюсы". Но на фоне перечисленных мной огромных "минусов" они малозначительны.

— *В ваших исходных позициях, Иван Александрович, есть, на мой взгляд, очевидное противоречие. Вы утверждаете, что отход от сталинской экономической системы обернулся громадными "минусами". Но ведь фактически отхода-то и не было: реформы 60-х гг. реализовать не удалось, они забуксовали на первых же шагах. По сути, последние десятилетия у нас сохранялась та же самая система, которая сложилась в 30-е и 40-е гг. В этом плане куда логичней предположить, что наши неурядицы проистекают из самой сути системы, а не в результате ее изменений...*

Я уже говорил вам о плохих капитанах, способных посадить на мель

самое современное судно... Да, косыгинские реформы забуксовали, здесь Вы правы. Но кое-что все-таки внедрили, расшатав плановое начало и государственную дисциплину. Спросите у любого директора завода, что ему нужно в первую очередь для выполнения плана и выпуска качественной продукции? Он наверняка ответит — нормальное материально-техническое обеспечение, выполнение поставщиками всех своих обязательств. А именно это и отошло сейчас на задний план, уступив место стоимостным показателям и погоне за прибылью.

Вполне допускаю, что, если бы косыгинские реформы удалось реализовать до конца, а не трусливо-половинчато, как привыкли поступать сейчас в любом вопросе, ряд экономических показателей существенно бы улучшился. Но достигнуто это было бы недопустимо высокой и, главное, неоправданной с точки зрения государственных интересов социальной ценой. В данном случае предлагаемое сторонниками кардинальных реформ лекарство неизбежно окажется хуже болезни: легочное заболевание с помощью таких "медикаментов" может перерасти в раковую опухоль...

К счастью, пока "минусы" рыночной модели проявляются, так сказать, в уменьшенно-замороженном варианте. В Югославии же, где действовали более решительно и последовательно и где уже во многом прошли тот путь, на который мы только становимся, эти "минусы" проявили себя во всей красе. Стихия рыночных факторов привела к острым диспропорциям между различными отраслями хозяйственного комплекса, целыми регионами страны, научно-техническая база страны безнадежно устаревает, в экономике буквально свирепствует "групповой" эгоизм. Хотя югославам и удалось за послевоенные годы существенно поднять жизненный уровень населения, добиться очевидных успехов в производстве некоторых товаров, ряде отраслей сервиса и услуг, этот подъем произошел на нездоровой основе и за счет факторов, неизбежно ве-

дущих к созданию взрывоопасной обстановки, к общенациональному кризису, о чем, впрочем, совершенно откровенно говорят ведущие экономисты страны.

“Рыночный социализм” привел к безудержному росту инфляции, резкой социальной дифференциации и поляризации населения, по уровню которых Югославия уже превзошла некоторые капиталистические страны, к массовой безработице и, как закономерное следствие, к растущему недовольству широких слоев трудящихся, особенно рабочих, забастовки которых давно уже стали обыденным явлением. Не сомневаюсь, что, если открыть все шлюзы рыночной стихии, такая же точно, а может быть, даже хуже перспектива ждет и нас... И наивны надежды, что эту стихию удастся сдержать в социалистических рамках, под плановым контролем. В Югославии, где немало толковых экономистов, думающих руководителей, не раз пытались — ничего не вышло. Тут уже действуют объективные факторы. Субъективными намерениями, пускай самыми благими, их не отменишь...

Теперь о “мировом опыте”. Тенденция здесь как раз не в пользу рыночных факторов, скорее наоборот. Усиление плановых начал, акцент на перспективу наблюдаются сейчас в деятельности всех крупнейших американских, японских, западногерманских корпораций, делающих погоду в капиталистической экономике. Менеджеры процветающих компаний, особенно японских, все больше думают о завтрашнем и даже послезавтрашнем дне, предпринимают шаги, идущие вразрез с механическим равнением на рыночную конъюнктуру. О росте государственного сектора экономики практически во всех капиталистических странах, принятии и успешной реализации долгосрочных экономических и научно-технических программ я уже не говорю — здесь капиталисты кое в чем и нас обошли. А ваши экономисты-“новаторы” представляют равнение на товарно-денежные ориентиры чуть ли не как панацею от всех бед!

Если мы действительно хотим черпать полезное из-за границы, а не только говорить об этом с вы-

соких трибун, начинать надо с создания подлинно научной и современной системы подготовки, роста и продвижения кадров. Здесь Запад далеко оставил нас позади. Ведь это факт, что даже при примерно равной технической оснащенности производства за счет так называемых организационных факторов, определяемых в первую очередь компетентностью руководящих кадров, капиталистические фирмы добиваются производительности в 2-3 раза более высокой, чем наша. Подготовка кадров западные предприниматели уделяют куда больше внимания и времени, чем реорганизациям и перестройкам. Это уже не говоря о том, что с нашими шараханьями из одной крайности в другую при таких реорганизациях любая, даже самая процветающая, капиталистическая фирма разорилась бы в две недели...

— Но в западных фирмах куда более продуманная организационная структура управления, чем у нас... Почему бы не заимствовать этот опыт!

▲ Микоян, Киров, Сталин

Заимствовать надо с умом, а не механически. Надо всегда идти своей дорогой и брать только то, что отвечает особенностям национальной экономики, органически вписывается в нее. Как это делают, к примеру, японцы.

Мой хороший знакомый, вернувшийся из командировки в Японию, рассказал, что на предприятиях крупных корпораций, где практически отсутствует наглядная агитация, он видел только один лозунг “Кадры решают все!”, причем японцы хорошо знают, кому этот лозунг принадлежит... Последовательно внедрив его в соответствии со своей национальной спецификой буквально во все звенья производственного процесса, хозяева корпораций добились поразительных успехов, сумев на ряде важнейших направлений обойти даже своих американских конкурентов. В так называемых “кружках качества *Рацю*”, позволивших японским фирмам полностью избавиться от брака, использован опыт нашего стахановского движения, опыт организации социалистического соревнования, и в частности, саратовской системы бездефектной сдачи продукции, что в Японии и не скрывают...

Ведущие компании Страны восходящего солнца регулярно составляют планы внедрения рабочими рационализаторских предложений, передовиков производства всячески рекламируют и прославляют, как у нас в 30-е и 40-е гг. Мне рассказывали, что наибольший интерес к павильону “Социалистическое соревнование” на ВДНХ проявляют именно японские специалисты, которые самым тщательным образом изучают все ценное, что появляется в этой сфере. И еще один интересный факт. Оказывается, рабочие-рационализаторы и передовики производства в Японии получают почти символическое вознаграждение — там не без основания считают, что идейно-моральные факторы — корпоративный коллективизм, взаимовыручка, солидарность — действуют намного сильнее материального стимулирования! А ведь мы открыли это еще в 30-х гг.! Открыли и ... забыли, увлекшись чи-

▲ Смотр пахоты

сто материальными стимулами, отодвинув в сторону другие, не менее, а, пожалуй, даже более действенные!

Вот так и получается: капиталисты активно используют наш опыт и наши достижения, мы же от своих огромных объективных преимуществ фактически отказываемся, покаянно преклоняя колени перед пресловутой “рыночной моделью”, ориентируясь даже не на вчерашний — позавчерашний день капиталистической экономики! Если это “новаторство” и “прогресс”, то что же тогда считать “консерватизмом” и “ретроградством”?

Вспоминается в этой связи такой эпизод. В конце 30-х г. будучи наркомом земледелия СССР, я одновременно занимал пост председателя Главного выставочного комитета Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, располагавшейся тогда на территории нынешней ВДНХ. Сталин и другие члены Политбюро уделяли работе выставки большое внимание, считая ее главным центром распространения стахановского движения в области сельского хозяйства. Как-то во время осмотра экспонатов Сталин обратил внимание на то, что некоторые овощи, фрукты, а также зелень, доставленные на выставку с передо-

вых хозяйств юга, имели, мягко говоря, не совсем товарный вид.

— В чем дело, товарищ Бенедиктов? — спросил он. — Это выставка передовых достижений или залежалого товара?

— Продукция на выставку поступает по железной дороге, на что, естественно, уходит несколько дней. Госконтроль возражает против доставки ее самолетами, ссылаясь на неоправданные расходы.

— Госконтроль смотрит на дело со своей, ведомственной колокольни. А вы должны подойти к вопросу с государственных позиций и не губить нужное дело формализмом. Люди своими глазами должны увидеть, какие овощи и фрукты можно выращивать. Надо вызвать у них желание и тягу к передовому опыту, к его распространению. А ваша пожухлая продукция к этому не располагает. Экономите тысячи, а теряете миллионы.

Вскоре после этого продукцию на выставку стали доставлять самолетами. Сталин оказался прав: мне не раз доводилось быть свидетелем того, как посещавшие выстав-

▲ Ворошилов, Микоян, Хрущев 30-е годы

ку делегации колхозов и совхозов буквально загорались идеей “вырастить такую же свеклу и капусту”. Кстати, стахановское движение позволило поднять производительность труда в стране минимум в полтора раза, повысив одновременно сознательность и культуру труда рядовых рабочих и колхозников. И все это в кратчайшие сроки и без каких-либо крупных затрат.

— *И все-таки трудно поверить, что кадровая политика при Сталине была на недостижимой для нашего времени высоте. Сейчас, по крайней мере, нет массовых репрессий, нет дикого произвола и беззакония, выкашивавших лучших людей, интеллектуальный цвет нации... Или вы считаете, что 1937 г. укрепил ряды руководящих кадров?*

Думаю, когда Вы познакомитесь не с частью, а со всеми относящимися к теме репрессий фактами и документами, проанализируете и продумаете их в контексте тогдашней сложной, напряженной и противоречивой обстановки, вам станет стыдно за фальшивые фразы, услышанные от озлобленных, сбитых с толку, потерявших способность здраво рассуждать людей. Не мо-

гла бы наша страна так быстро и уверенно избавляться от средневековья, идти вперед, не сумела бы она стать вопреки всем испытаниям современной и великой державой, а советская культура достичь вершины своего расцвета, если бы “цвет нации”, как вы утверждаете, систематически выкашивали “злодей” Сталин и его окружение. Потому и шли вперед, потому и преодолели испытания, которые не выдержала бы ни одна страна в мире, что удалось раскрепостить, выдвинуть на первый план все талантливое, смелое, творческое и честное в нашем народе.

А вот когда кадровая политика изменилась, когда в общегосударственном масштабе стал проводиться курс на преследование и травлю талантливых людей, когда в моду вошли приспособленчество и карьеризм, творческие силы народа действительно стали истощаться и мы докатились до позора регулярных закупок за рубежом зерна и другого продовольствия, острейшего дефицита товаров первой необходимости, допотопного состояния сферы обслуживания, прогрессирующего отставания от Запада в научно-технической сфере. Убежден, бескровные потери в экономике, политике, идеологии, которые мы понесли и несем в последние десятилетия, многократ-

но превосходят тот ущерб, который причинили репрессии и беззакония 30-х и 40-х гг. По сути, растрочен, разъеден обывательской идеологией и психологией творческий потенциал нескольких поколений самого талантливого и наиболее здорового в своей нравственной основе народа! За это придется, да и приходится расплачиваться самой дорогой ценой.

Да, в 30-е гг. пострадали тысячи невинных людей. Конечно, человека, у которого незаконно расстреляли отца или мать, мало утешит то, что на одну невинную жертву приходилось немало справедливо осужденных. Тут надо перешагнуть через свою боль, перестать смотреть на историю, мир через призму личной озлобленности. Хотя бы ради элементарной объективности — о партийно-классовом подходе не говорю, — для многих Ваших “интеллектов” он как красная тряпка для быка... Что бы ни говорили о том времени, его атмосферу, его настрой определяли не страх, репрессии и террор, а мощная волна революционного энтузиазма народных масс, впервые за много веков почувствовавших себя хозяевами жизни, искренне гордившихся своей страной, своей партией, глубоко веривших своим руководителям.

К тому же надо объективно, строго документально, всесторонне и, главное, с наших классовых позиций разобраться в том, что произошло, установить общее число как заслуженно, так и невинно пострадавших людей, определить личную вину Сталина, его окружения, а также выслушивающихся перед начальством перегибщиков на местах, которых и тогда было немало. А уж после этого обличать, метать громы и молнии... У нас же все наоборот: сначала накричим, обольем себя грязью, а потом начинаем задумываться: а правильно ли сделали, не нагромодили еще себе искусственных проблем, которые потом героическими усилиями надо будет преодолевать? Я уверен: настанет пора задуматься о необходимости воссоздать подлинную картину происшедшего, а пока наши противники на нашем молчании зарабатывают себе солидные очки. Давно, давно пора сделать это, тем более что работы здесь непочатый край. Очень много ведь было преподнесено с подачи Хрущева, который ненавидел Сталина и перенес своекорыстные интересы и личную озлобленность в большую политику. Компетентные люди говорили мне, что Хрущев дал указание уничтожить ряд важных документов, относящихся к репрессиям 30-х и 40-х гг. В первую

очередь он, конечно же, стремился скрыть свою причастность к беззакониям в Москве и на Украине, где, выслуживаясь перед Центром, погубил немало безвинных людей. Одновременно уничтожались и документы другого рода, документы, неопровержимо доказывавшие обоснованность репрессивных акций, предпринятых в конце 30-х гг. против некоторых видных партийных и военных деятелей. Тактика понятная: выгородив себя, свалить всю вину за беззакония на Сталина и "сталинистов", со стороны которых Хрущев усматривал основную угрозу своей власти.

Впрочем, я увлекся, впал в предположения, стал говорить о том, чего твердо не знаю. Тут нужны документы и бесспорные факты, а я ими не располагаю. Так что прошу больше не касаться этой темы: говорить, не имея документальных доказательств, не привык...

— Получить эти документальные свидетельства у меня еще меньше шансов, архивы закрыты напрочь... Толковых исследований по этому вопросу вообще нет, у партийных идеологов эта тема считается закрытой, а тут и Вы, активный участник тех событий, отказываетесь что-либо сообщить... Но я хочу

знать правду — что мне делать! Обращаться к тем самым писателям и "интеллектуалам", которые, судя по вашим высказываниям, наводят тень на плетень! Или к западным кремленологам, которые, как Вы правильно заметили, весьма ловко зарабатывают очки!

Хорошо, хорошо, я расскажу вам подлинный эпизод из моей жизни, произошедший, если мне не изменяет память, в 1937 г. Выводы же делайте сами...

В то время я занимал руководящий пост в Наркомате совхозов РСФСР. Зайдя как-то утром в кабинет, обнаружил на столе повестку — срочный вызов в НКВД. Особо удивления и беспокойства это не вызвало: сотрудникам наркомата довольно часто приходилось давать показания по делу раскрытых в нашем учреждении вредительских групп.

Интеллигентный, довольно симпатичный на вид следователь, вежливо поздоровавшись, предложил мне сесть.

— Что Вы можете сказать о сотрудниках наркомата Петрове и Григорьеве (фамилии по соображениям этики изменяю — И. Б.)?

— Отличные специалисты и честные, преданные делу партии, това-

▲ Сталин над планом пятилетки 1936 г.

рищу Сталину коммунисты, — не задумываясь ответил я. Речь ведь шла о двух моих самых близких друзьях, с которыми, как говорится, не один пуд соли был съеден...

— Вы уверены в этом? — спросил следователь, и в его голосе, как мне показалось, прозвучало явное разочарование.

— Абсолютно, ручаюсь за них так же, как и за себя.

— Тогда ознакомьтесь с этим документом, — и у меня в руках оказалось несколько листов бумаги.

Прочитав их, я похолодел. Это было заявление о “вредительской деятельности в наркомате Бенедиктова И. А.”, которую он осуществлял в течение нескольких лет “по заданию германской разведки”. Все, абсолютно все факты, перечисленные в документе, действительно имели место: и закупки в Германии непригодной для наших условий сельскохозяйственной техники, и ошибочные распоряжения и директивы, и игнорирование справедливых жалоб с мест, и даже отдельные высказывания, которые я делал в шутку в узком кругу, пытаюсь поразить друзей своим остроумием... Конечно, все происходило от моего незнания, неумения, недостатка опыта — какого-либо злого умысла, естественно, не было, да и не могло быть. Все эти факты, однако, были сгруппированы и истолкованы с таким дьявольским искусством и неопровержимой логикой, что я, мысленно поставив себя на место следователя, сразу же и безоговорочно поверил во “вредительские намерения Бенедиктова И. А.”.

Но самый страшный удар ждал меня впереди: потрясенный чудовищной силой лжи, я не сразу обратил внимание на подписи тех, кто состряпал документ. Первая фамилия не удивляла — этот негодяй, впоследствии получивший тюремное заключение за клевету, писал доносы на многих в наркомате, так что серьезно к его писаниям уже никто не относился. Когда же я увидел фамилии, стоявшие на втором и третьем месте, то буквально оцепенел: это были подписи Петрова и Григо-

рьева — людей, которых я считал своими близкими друзьями, которым доверял целиком и полностью!

— Что Вы можете сказать по поводу этого заявления? — спросил следователь, когда заметил, что я более-менее пришел в себя.

— Все факты, изложенные здесь, имели место, можете даже их не проверять. Но эти ошибки я совершал по незнанию, недостатку опыта. Рисковал в интересах дела, брал на себя ответственность там, где другие предпочитали сидеть сложа руки. Утверждения о сознательном вредительстве, о связях с германской разведкой — дикая ложь.

— Вы по-прежнему считаете Петрова и Григорьева честными коммунистами?

— Да, считаю и не могу понять, что вынудило их подписать эту фальшивку...

Понимать-то я уже начал, прокручивая в памяти отдельные, ставшие сразу же понятными нотки отчуждения, холодности и натянутости, появившиеся у моих друзей сразу после того, как я получил назначение на ключевой пост в наркомате... И Петров, и Григорьев, пожалуй, были специалистами посильнее меня, но исповедовали философию “премудрых пескарей”, подтрунивая подчас над моей инициативностью и жадной быстрых изменений.

— Это хорошо, что Вы не топите своих друзей, — сказал следователь после некоторого раздумья. — Так, увы, поступают далеко не все. Я, конечно, навел кое-какие справки о Вас — они неплохие, человек Вы неравнодушный, довольно способный. А вот о ваших друзьях — “честных коммунистах”, отзываются плохо. Но и нас поймите, Иван Александрович: факты имели место, честность тех, кто обвиняет вас во вредительстве, сомнению Вами не подвергается. Согласитесь: мы, чекисты, просто обязаны на все это прореагировать. Еще раз подумайте, все ли вы нам честно сказали. Понимаю, Вам сейчас сложно, но и отчаиваться не надо — к определенному выводу мы пока не пришли, — сказал на прощанье следователь, пожав мне руку.

Не помню, как я добрался домой, что говорил жене. В памяти сохранилось только, как мы лихорадочно обзванивали своих друзей и как жена, упрямо сжав губы, чтобы не расплакаться, писала открытки и письма родным и близким — связи с семьей “врагов народа” могли всем им сильно повредить, и мы просто обязаны были сделать соответствующие предупреждения.

Во второй половине дня, когда я, превозмогая мрачные мысли и предчувствия, старался у себя на работе, в кабинете, вникнуть в смысл поступивших бумаг, раздался телефонный звонок — меня приглашали в Центральный Комитет партии утром следующего дня. “Все ясно, — убито подумал я, — исключат из партии, а потом суд”.

Жена все-таки сорвалась, проплакала всю ночь. А наутро собрала мне небольшой узелок с вещами, с которым я и направился в здание Центрального Комитета на Старой площади. Помню недоуменный взгляд, которым окинула меня сидевшая на регистрации у зала заседаний пожилая женщина. “Это можно оставить здесь”, — сказала она, показав на столик рядом с дверью. На заседании обсуждались вопросы, связанные с развитием сельского хозяйства. Я почти не вникал в смысл выступлений, ждал, когда же назовут мою фамилию, начнут клеймить позором. Фамилию наконец назвал... Сталин.

... Бюрократизм в наркомате не уменьшается, ... медленно и веско сказал он.... Все мы уважаем наркома... старого большевика, ветерана, но с бюрократизмом он не справляется, да и возраст не тот. Мы тут посоветовались и решили укрепить руководство отрасли. Предлагаю назначить на пост наркома молодого специалиста товарища Бенедиктова. Есть возражения? Нет? Будем считать вопрос решенным.

Через несколько минут, когда все стали расходиться, ко мне подошел Ворошилов: “Иван Александрович, вас просит к себе товарищ Сталин”.

В просторной комнате заметил хорошо знакомые по портретам лица

членов Политбюро Молотова, Кагановича, Андреева.

— А вот и наш новый нарком, — сказал Сталин, когда я подошел к нему. — Ну, как, согласны с принятым решением или есть возражения?

— Есть, товарищ Сталин, и целых три.

— А ну!

— Во-первых, я слишком молод, во-вторых, мало работаю в новой должности — опыта, знаний не хватает.

— Молодость — недостаток, который проходит. Жаль только, что быстро. Нам бы этого недостатка, да побольше, а, Молотов? — Тот как-то неопределенно хмыкнул, блеснув стеклами пенсне. — Опыт и знания — дело наживное, — продолжал Сталин, — была бы охота учиться, а у Вас ее, как мне говорили, вполне хватает. Впрочем, не зазнавайтесь — шишек мы Вам еще много набьем. Настраивайтесь на то, что будет трудно, наркомат запущенный. Ну а в-третьих?

Тут я и рассказал Сталину про вызов в НКВД. Он нахмурился, помолчал, а потом, пристально посмотрев на меня, сказал:

— Отвечайте честно, как коммунист: есть ли какие-нибудь основания для всех этих обвинений?

— Никаких, кроме моей неопытности и неумения.

— Хорошо, идите, работайте. А мы с этим делом разберемся.

Только на второй день после этого разговора, когда мне по телефону позвонил один из секретарей ЦК, я понял, что гроза прошла мимо. А узелок, кстати, в этот же день прислали из ЦК в наркомат — я был настолько ошеломлен, что совсем про него забыл...

— Видимо, Сталину просто неудобно было отменять уже принятое решение, и это вас спасло.

— Не думаю. За многие годы работы я не раз убеждался, что формальные соображения или личные амбиции для него мало значили. Сталин обычно исходил из интересов дела и, если требовалось,

не стеснялся изменять уже принятые решения, ничуть заботясь о том, что об этом подумают или скажут. Мне просто сильно повезло, что дело о моем мнимом “вредительстве” попало под его личный контроль. По вопросам, касавшимся судеб обвиненных во вредительстве людей, Сталин в тогдашнем Политбюро слыл либералом. Как правило, он становился на сторону обвиняемых и добивался их оправдания, хотя, конечно, были и исключения. Обо всем этом очень хорошо написал в своих мемуарах бывший первый секретарь Сталинградского обкома партии Чуянов. Да и сам я несколько раз был свидетелем стычек Сталина с Кагановичем и Андреевым, считавшимися в этом вопросе “ястребами”. Смысл сталинских реплик сводился к тому, что даже с врагами народа

надо бороться на почве законности, не сходя с нее. Займись моим делом кто-нибудь другой в Политбюро, наветам завистников и подлецов мог бы быть дан ход...

— *Выходит, репрессии и произвол творились за спиной у Сталина, без его ведома? Но ведь на XX съезде приводились неопровержимые доказательства того, что именно Сталин был инициатором репрессий, намечал основные жертвы...*

Насчет неопровержимости у меня немалые сомнения. Все делалось тогда наспех, с явной целью опорочить Сталина и, главное, его сторонников. Сломив их сопротивление, Хрущев и его ближайшее окружение рассчитывали добиться монопольного положения в партии и государстве.

▲ Поздравительное письмо

▲ Наш паровоз вперед лети

А когда идет борьба за власть, в ход пускают всякие аргументы, подчас сомнительные. Прозвучавший, например, в известном докладе Хрущева более чем прозрачный намек на участие Сталина в убийстве Кирова так и не удалось подтвердить реальными доказательствами. Хрущевские слова о том, что Сталин якобы “руководил военными действиями по глобусу”, оказались вздорным оговором, что подтвердили практически все маршалы и генералы, работавшие с ним в годы войны. Вообще в докладе Хрущева на XX съезде наряду с очевидными фактами много и неясного, противоречивого, просто непонятого, особенно там, где речь идет об участии в репрессиях тогдашних членов Политбюро, в число которых, как известно, входил и сам

Хрущев... Повторяю: здесь нужно кропотливое изучение архивных документов и материалов, глубокий анализ и размышление с наших партийных, классовых позиций, учитывающих все факторы и обстоятельства, а не только те, которые вписываются в заданную теоретическую “схему”.

А у нас вместо такого анализа и размышлений начинают сводить счеты со своими политическими противниками под видом, разумеется, “восстановления исторической справедливости”, наживать соблазнительный идеологический капитал “новаторов” и борцов с очередным “измом”, который, конечно же, надо оформить как “крупный творческий вклад”. Хрущев ведь тоже стал жертвой такого, мягко говоря, сомнительного подхода. Обругали последними

словами, потом полностью вычеркнули из всех исторических документов, как будто и не было такого деятеля в нашей истории. Мало еще у нас политической культуры, много низкопробной конъюнктурщицы, погони за сиюминутными результатами, которая, в конечном счете, бьет по долгосрочным, стратегическим интересам...

— *Итак, надо ждать анализа и изучения архивов. Но ждать-то, видимо, придется долго... А что же делать сейчас, когда противники социализма наносят чувствительные удары по нашей идеологии, подрывают у людей доверие к партии, чернят путь, пройденный народом! Мне, как пропагандисту, лектору общества “Знание”, часто приходится выступать перед молодежной аудиторией. Вопросов на тему культа и репрессий задается немало. Что отвечать, чем заполнять вакуум, если даже из публикуемых мемуаров, когда их, конечно, публикуют, все острое, относящееся к этой теме, беспощадно вымарывается! Почему Вы, активный участник и свидетель тех событий, не можете высказать свое мнение, свою версию, гипотезу, в конце концов! Ведь высказываются на эту тему абсолютно некомпетентные, озлобленные люди, преподнося свое мнение как окончательную истину и убеждая кое-кого в этом... Или Вам, сталинскому наркому, коммунисту, наконец, нечего им возразить и нам надо стесняться своей истории?*

Ваша настойчивость убеждает. Стесняться нашей истории действительно не следует — при всех своих драматических страницах это героическая история, история великого народа. Выскажу, ничего не подделаешь, личную точку зрения, не подтвержденную, повторяю, необходимыми документами и фактами.

Да, я активный участник событий тех лет, много раз встречался со Сталиным, хорошо знал видных партийных и хозяйственных руководителей

30-х и 40-х гг., много раз присутствовал на заседаниях Политбюро. Но все-таки большую часть времени занимался вопросами сельского хозяйства, в другом, естественно, разбираюсь значительно слабей. Получше, конечно, нынешних крикунов, но все-таки недостаточно профессионально. Так что прошу учесть это.

Репрессии 30-х и отчасти 40-х гг. вызваны главным образом объективными факторами. Прежде всего, конечно, бешеным сопротивлением явных и особенно скрытых врагов Советской власти. Первых было значительно меньше, чем вторых, и в этом-то и состояла вся трудность.

Далеко не все, кто в результате Октябрьской революции потерял богатство, привилегии, возможность жить за счет труда других, бежали за границу. Немало этих людей, воспользовавшись сумятицей и неразберихой первых послереволюционных лет, сумели пробраться в государственный, партийный аппарат, даже в НКВД. Тем более что образованных людей, квалифицированных специалистов не хватало всюду. Потенциальной "пятой колонной" была значительная часть дореволюционной интеллигенции, утратившей ряд привилегий и льгот, особенно материального плана, и перешедшей на работу в советский аппарат, как говорится, "скрепя сердце", не имея другой альтернативы... К этой "пятой колонне" относились и бывшие нэпманы, либо ненавидевшие Советскую власть кулаки, часть среднего крестьянства и некоторые рабочие, пострадавшие в результате эксцессов и разгула стихии, которыми неизбежно сопровождаются любая революция и крупные социальные преобразования. Меньшую, но вполне ощутимую опасность представляла и деятельность ушедших в подполье буржуазных, мелкобуржуазных и даже монархически настроенных политических групп и группок, ряд которых поддерживал регулярные связи с эмигрантскими кругами. Все это было не выдумкой Сталина или НКВД, а самой что ни на есть прозаической реальностью. Достаточно сказать, что в ходе расследования

дела так называемой Промпартии, преследовавшей явно антисоветские цели, было выявлено около двух тысяч человек, сознательно и целенаправленно занимавшихся вредительской деятельностью. В середине 30-х гг. я лично был свидетелем случаев сознательного вредительства в химической и кожевенной промышленности. Да и в Наркомате совхозов РСФСР, Наркомате земледелия СССР, где мне довелось работать, некоторые специалисты из числа дореволюционных интеллигентов не упускали случая подставить нам подножку.

С этими подрывными акциями смыкалась деятельность троцкистско-зиновьевской, а затем и бухаринской оппозиции. Их лидеров, правда, еще в конце 20-х гг. вынудили отойти на задний план, выступить с покаянными речами. Однако немало сторонников Троцкого и Бухарина осталось в партийном и государственном аппаратах, в армии, органах госбезопасности, где они продолжали вредить Советской власти по "идейным" соображениям, лицемерно ссылаясь при этом на идеалы Октября. Кстати, среди командного состава Красной Армии было немало бывших царских

офицеров. Многие из них, включая Тухачевского, Якира, Уборевича и других, перешли на сторону большевиков в результате большой организационной и пропагандистской работы, проделанной Троцким, вклад которого в укрепление обороноспособности революции, как вы знаете, высоко ценил Ленин. Конечно, большинство этих людей, сохраняя определенные предрасудки и предубеждения своего социального слоя, лояльно относились к Советской власти. Но были и те, кто держал камень за пазухой, что также являлось источником определенной опасности, поскольку Троцкий с его выдающимися организационными способностями и талантом конспиратора умудрялся поддерживать, находясь в эмиграции, регулярные связи с недовольными внутри страны. О прямых агентах капиталистических разведок, которых на территории Союза в 30-е гг. засылалось немало, я уже не говорю.

Конечно, противники Советской власти, а их суммарно было, видимо, несколько миллионов, составляли явное меньшинство в народе. Однако, учитывая важность занимавшихся ими постов, более высокий уровень интеллекта, образованности, знаний,

▲ Электрофикация на селе

сбрасывать их со счетов как потенциальную угрозу социализму было бы преступным, совершенно недопустимым для серьезного политического деятеля легкомыслием. В условиях не скрывавшего свою враждебность капиталистического окружения, надвигавшейся смертельной схватки с фашизмом высшее руководство страны просто обязано было принять решительные крупномасштабные меры, чтобы обезопасить ее от возможных ударов из-за спины, обезвредить потенциальную "пятую колонну", обеспечить максимальное единство в руководящих эшелонах партии, государства, армии.

— Вы коснулись врагов Советской власти и идейных противников Сталина. Но среди репрессированных было немало тех, кто был готов отдать за него жизнь..

Верно. Но это лишний раз доказывает, что репрессировали не за отсутствие личной преданности Сталину, как кое-кто хотел бы представить, а по другим, более серьезным соображениям. Каким? Ну, хотя бы взять объективно назревший процесс оздоровления и омолаживания руководства.

Среди старой партийной гвардии, сумевшей "зажечь" и поднять массы на Октябрьскую революцию, оказалось немало, говоря ленинскими словами, "святых" и "безруконьких" "болванов", которые умели "важничать и болтать", но не умели работать по-новому, с учетом стоявших перед страной задач. Мой наркомат, к примеру, возглавлял старый большевик, человек, несомненно, заслуженный и честный (поэтому не называю его фамилии), но совершенно неспособный организовать дело. Бесчисленные уговоры и совещания, собрания с "яркими" лозунгами, постоянные здравицы в честь революции, Ленина, к месту и не к месту — таков был его стиль, и переделать себя он был просто не в состоянии. Не помогал и высокий уровень образованности, культуры, высокие нравственные качества — деловых свойств ничем не заменишь.

В своих последних работах Ленин не раз подчеркивал, что большинство (вплоть до 9/10) в партии составляют люди, не умеющие действовать по-новому, призывая освобождать их с ответственных постов, невзирая ни на какие заслуги, "вычищать" их. Все это, увы, соответствовало действительности. Естественно, что массовое выдвижение на руководящие посты более молодых, способных, умеющих работать по-современному людей не могло проходить безболезненно, вызывало недовольство, обиды и обвинения со стороны ветеранов, сопротивление которых также надо было сломить.

Но больше всего людей, конечно, пострадало не за это. Помните слова Ленина о том, что русский человек — плохой работник по сравнению с рабочим западных стран? Что греха таить: расхлябанность, безответственность, обломовщина у нас у всех в крови — от рабочего до министра, культура труда у многих низкая, если не сказать примитивная. И чтобы вытравить все эти "родимые пятна прошлого", еще много времени и усилий потребуется. Убежден, что в 30-е гг., когда решался вопрос жизни и смерти Советского государства, надо было использовать весь арсенал борьбы с нашими исконно русскими "болячками", применяя наряду с мерами материального и морального стимулирования меры административного порядка и даже карательно-репрессивные. Да-да, тот самый кнут, без которого подчас просто невозможно вышибить из части наших людей (и не такой уж маленькой) элементарное варварство, дикость и бескультурье.

Полистайте последние тома Собрания сочинений В. И. Ленина, где собраны его служебные письма, телеграммы, записки. Любое дело, не уставал повторять он, "расхлябается, при наших проклятых, обломовских нравах в две недели, если не подгонять, не проверять, не бить в три кнута" 1. "Христа ради, посадите Вы за волокиту в тюрьму кого-либо. Ей-ей, без этого ни черта толку не будет" 2. Чуть ли не через каждую строчку призывы к "кнуту",

к арестам и репрессиям, вплоть до высшей меры, за безрукость, нерадивость, обломовщину, взятки и попытки "замять" некрасивые дела... И по отношению к кому эти призывы? К руководящим работникам, в том числе и высшего звена, к большевикам, к прошедшим тюрьмы, каторгу, ссылки! Да, Ленин уважал людей, ценил их деловые качества. Но когда этого требовала обстановка, проявлял жесточайшую требовательность, не останавливался перед применением самых суровых и крутых, если хотите, "карательных" мер. Сталин унаследовал такой стиль, да иначе и нельзя было в то время. В специфической обстановке 30-х и 40-х гг. приравнять беспечность, безответственность и разгильдяйство к политическим преступлениям было просто необходимо. И люди, в своем преобладающем большинстве сознавая это, поддерживали такие меры. С практической точки зрения ведь абсолютно все равно, по какой причине построенный за счет крайнего напряжения сил завод не выдает столь нужную всем продукцию — из-за диверсии вражеских агентов или элементарного головотяпства тех, кто не способен наладить производство и больше думает о личных интересах, чем об общественных... И меня ничуть не трогают жалостью истории о матери двух детей, получившей несколько лет тюрьмы из-за кражи двух пшеничных колосков. Конечно, по отношению лично к ней приговор был, что и говорить, жесток. Но он надолго отбивал охоту у сотен, тысяч других протягивать руку за государственным добром, наживаться за чужой счет... Разве нынешние, до предела обнаглевшие несуны и махинаторы всех сортов не лишают государство миллиардов, а может быть, десятков миллиардов рублей, которые, к примеру, можно было бы использовать на социальные пособия не одной, не двум, а миллионам матерей? Впрочем, я отвлекся. Подытожу сказанное. Репрессии 30-х гг. были в своей основе неизбежны. Думаю, проживи Ленин еще лет 15, он стал бы на этот же путь. Не случайно

наиболее последовательные критики Сталина и так называемого “сталинизма” рано или поздно начинают критиковать и Ленина. В логичности этим людям, по крайней мере, не откажешь... Но, конечно же, издержек и перегибов при Ленине было бы намного меньше.

— *В чем же конкретно, по вашему мнению, состояли эти издержки и где грань, отделяющая объективные факторы от субъективных ошибок и упущений?*

Я уже говорил, что в партийном аппарате, органах НКВД были как затаившиеся враги Советской власти, так и разного рода карьеристы, честолюбцы и проходимцы. Исходя из своекорыстных, личных интересов, они зачисляли в разряд “врагов народа” честных и талантливых людей, фабриковали соответствующие “дела”, привлекая в качестве “свидетелей” всяческих подлецов, вроде моих бывших друзей Петрова и Григорьева. Перехлестам и перегибам, особенно на местах, способствовал невысокий политический, общекультурный уровень — а другого просто

не могло быть! — руководящих кадров на местах. Тем более что и пропаганда в этом смысле работала “по-ударному”, среди широких масс населения возник какой-то психоз обнаружения “вредительства”, под которое без разбору подводили все подряд, даже случайные ошибки, отсутствие должного опыта у честных людей. Конечно, в идеале каждый случай срыва и остановки производства, выпуска бракованной продукции и т.п. надо было разбирать объективно и индивидуально, тщательно выясняя, где был недостаток опыта, где преступная халатность, а где сознательное вредительство. Но так происходило далеко не всегда — куда ведь легче и проще было все валить на “врагов народа”, тем более что память об этих врагах, издававшихся над простыми людьми в царское время, была еще свежа...

Повторилась, правда, в видоизмененном варианте, ситуация первых лет революции и гражданской войны, когда стихия многовековой ненависти эксплуатируемых к эксплуататорам привела к гибели десятков тысяч невинных людей из “верхнего” и “среднего” сословия. Вправе ли мы

винить за эти эксцессы, эти жестокости Ленина, Дзержинского, их соратников? Абстрактно говоря, да — там недосмотрели, здесь недоучили, то недодумали и т.п. Однако на практике унять разбушевавшиеся страсти, остановить жестокою резню и кровопролитие сразу, “одним махом” было просто невозможно. Большевики все делали для этого, рисковали жизнью, но обуздать стихию не всегда удавалось. Примерно то же самое произошло и в 30-е гг., при Сталине.

Да, тот факт, что в ходе репрессии пострадали тысячи честных, невинных людей, говорит о большом вреде, который был нанесен нашему обществу. Но в целом крупномасштабная, решительная чистка партийно-государственного аппарата, армии укрепила страну и сыграла положительную роль. Без издержек, подчас весьма болезненных и крупных, в истории не было, да и никогда не будет подлинно революционных преобразований.

— *Вы говорите о “народной стихии”. Но ведь репрессии организовывались партийным аппаратом и органами НКВД, которые*

▲ В центре Ягода и Хрущев

▲ Берия, Сталин, Маленков

прочно держал в своих руках Сталин...

Откуда приходили в партийный аппарат и органы госбезопасности люди? Конечно же, из народа, в основном из рабочих и крестьян. Не испытывать на себе влияния их настроений, суждений и психологии они не могли. А рабочие и крестьяне тогда тоже не сплошь и рядом были передовыми...

Трагизм обстановки состоял в том, что очищать, укреплять страну приходилось с помощью засоренного аппарата, как партийного, так и НКВД, другого просто не было. Поэтому за одной волной чистки следовала другая — уже против тех, кто допустил беззакония и злоупотребления должностью. Кстати, в процентном отношении больше всего, пожалуй, пострадали органы госбезопасности. Их «вычищали» регулярно и радикально — без всякой снисходительности к прошлым заслугам и революционной биографии.

Сталин, несомненно, знал о произволе и беззакониях, допущенных в ходе репрессий, переживал это и принимал конкретные меры к выправлению допущенных перегибов, освобождению из заключения честных людей. Кстати, с клеветниками и доносчиками в тот период не очень-то церемонились. Многие из них после разоблачения угодили в те самые лагеря, куда направляли свои жертвы. Парадокс в том, что некоторые из них, выпущенные в период Хрущевской «оттепели» на волю, стали громче всех трубить о сталинских беззакониях и даже умудрились опубликовать об этом воспоминания!

— Простите, но ваши слова о непричастности Сталина к расправам над честными людьми не убеждают. Если даже допустить это, то в таком случае он был просто обязан, во-первых, честно и открыто признаться перед всем народом в допущенных беззакониях, во-вторых, реабили-

тировать несправедливо пострадавших и, в-третьих, принять меры к недопущению подобных беззаконий впредь. Ничего ведь этого не было сделано....

Вы, видимо, просто не в курсе дел. Что касается во-первых и во-вторых, то Январский пленум ЦК ВКП(б) 1938 г. открыто признал беззакония, допущенные по отношению к честным коммунистам и беспартийным, приняв по этому поводу специальное постановление, опубликованное, кстати, во всех центральных газетах. Так же открыто, на всю страну говорилось о вреде, нанесенном необоснованными репрессиями, на состоявшемся в 1939 г. XVIII съезде ВКП(б).

Сразу же после Январского пленума ЦК 1938 г. из мест заключения стали возвращаться тысячи незаконно репрессированных людей, в том числе и видные военачальники. Все они были официально реабилитированы, а кое-кому Сталин принес извинения лично.

Ну а по поводу в-третьих, я уже говорил, что аппарат НКВД едва ли не больше всех пострадал от репрессий, причем значительная часть была привлечена к ответственности именно за злоупотребление служебным положением, за расправы над честными людьми... Наибольшую ответственность, как вам, наверное, известно, за такие расправы несут Ягода и Ежов — бывшие наркомы НКВД. Вместе со своими подручными они были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны именно за то, что погубили лучших людей, опытные партийные кадры. Пришедший им на смену Берия слыл «либералом» и на первых порах действительно резко сузил размах репрессий. Однако, не выдержав испытания властью, тоже стал допускать злоупотребления, полностью разложился в морально-бытовом плане. За год до смерти Сталина его сняли с поста наркома, ближайшие бериевские сподвижники были арестованы и находились под следствием. Кольцо вокруг Берии немудимо сжималось, недаром он

проявлял лихорадочную активность в последние месяцы жизни Сталина, а сразу же после его смерти первым начал кампанию его дискредитации. Теперь о мерах по недопущению репрессий. Они были приняты XVIII съездом ВКП(б) в 1939 г. Съезд отменил практиковавшиеся до того регулярные массовые чистки партии. Лично я считаю, что это было ошибочное решение. Обеспокоенный ущербом, нанесенным партии массовыми репрессиями, Сталин ударился в другую крайность и явно поторопился. Ленин был куда ближе к истине, когда подчеркивал, что правящая партия должна постоянно чистить себя от “шкурников” и “примазавшихся”. Забвение этого завета обошлось и обходится нам страшно дорого. Правда, это стало очевидным лишь сейчас — тогда я не сомневался в правильности принятого решения.

В связи с заданным вами вопросом вспоминается такой эпизод. Когда в сельскохозяйственные наркоматы в конце 1938 г. стали воз-

вращаться из заключения незаконно осужденные люди, я в присутствии Сталина выразил удовлетворение по поводу этого. Реакция, однако, была неожиданной.

“А куда вы смотрели раньше? — сердито сказал Сталин. — Наверняка ведь знали этих людей, понимали, в каком положении они оказались. Почему не заступились за них, не пришли ко мне, в конце концов? Неприятностей боитесь? Так если вы спокойной жизни ищите, с наркомовского поста уходить надо. Тут премудрые пескари немало вреда наделать могут”.

Сталин был здесь не совсем прав — что мог, я предпринимал, а идти ва-банк, как это делали другие наркомы, действительно добивавшиеся спасения честных людей, в моем случае нужды не возникало. Сталин, к счастью, редко, впадал иногда в необъяснимое раздражение, порой даже озлобленность, хотя обычно очень хорошо владел собой, умело контролировал эмоции. Но я привел

этот случай для того, чтобы показать, каков был действительный настрой его мыслей в тот период.

— *Все-таки трудно поверить в то, что Сталин не знал и не ведал, что творилось в Наркомате внутренних дел...*

При Сталине наркомам предоставлялась достаточно большая свобода рук. Это считалось важнейшей предпосылкой инициативной и самостоятельной работы. Контроль, довольно жесткий и постоянный, касался разработки перспективных, “стратегических” направлений развития отрасли, а также практической результативности проводимого курса. В оперативную, повседневно текущую работу наркомата не вмешивались, как сейчас, когда министр буквально каждый свой небольшой шаг, не говоря уже о крупных решениях, согласует и пересогласует с соответствующими подразделениями Центрального Комитета и дру-

▲ Маленков, Хрущев, Булганин

▲ Дзержинский, Сталин на отдыхе в Крыму 1925 г.

гими руководящими инстанциями. Впрочем, и отраслевых отделов ЦК, за исключением аграрного, тогда не существовало. Я, конечно же, советовался с сотрудниками ЦК, других учреждений, но решения всегда принимал самостоятельно, иногда даже вопреки их мнению.

По горькому опыту других и отчасти своему хорошо знал, что спрос за результаты будет персональным — никакие “советчики” и “соучастники” вплоть до секретарей ЦК и даже членов Политбюро не помогут. Сталин быстро и надолго отучал прятаться за чужие спины, перекладывать ответственность, как он иногда раздраженно выражался, на “колхоз безответственных лиц”. Думаю, аналогичный принцип действовал и в отношении других наркоматов, включая НКВД.

В целом такой подход повышал КПД руководящих кадров, позволял четко видеть “кто есть кто” на деле, что сейчас трудно определить — слишком много страховочных и пе-

рестраховочных подписей и согласований. Но была, к сожалению, и обратная сторона. Я имею в виду “закрытость” наркоматов от внешних влияний и возможность злоупотреблений. Видимо, эти обстоятельства и дали о себе знать, когда во главе НКВД были поставлены вполне подготовленные в профессиональном, но недостаточно устойчивые в политическом и морально-нравственном плане люди. Контроль в конце концов сработал — они были сняты со своих постов и получили по заслугам. Но пострадали невинные люди, и определенную долю ответственности за это, конечно, Сталин несет.

Сейчас, правда, через 40 лет, легко кричать об ошибках прошлого, куда трудней объективно разобраться и понять, почему они произошли. Впрочем, языком всегда легче работать, чем головой. Тут я вашего брата журналиста и литератора хорошо понимаю...

— *Разрешите еще один каверзный вопрос. Вы сказали, что Сталин даже поощрял наркомов отстаивать незаконно репрессированных людей. Интересно, сохранили бы Вы свой пост, вступившись, скажем, за Тухачевского, Вознесенского или Блюхера? Распространено мнение, что репрессии против них были вызваны тем, что Сталин видел в них конкурентов в борьбе за власть...*

За людей, перечисленных вами, я не вступился бы по той простой причине, что был тогда полностью уверен в их виновности, как, впрочем, и подавляющее большинство советских людей. Насчет же “борьбы за власть”, устранения “конкурентов”, это, извините, досужие вымыслы.

Упрощенные оценки всегда привлекательней. Очень хорошо сказал по этому поводу Белинский: “Чем односторонней мнение, тем доступней оно для большинства, которое любит, чтобы хорошее неизменно было хорошим, а дурное дурным, и которое и слышать не хочет, чтобы один и тот же предмет вмещал в себя и хорошее и дурное”. Ну а если по сути, еще раз повторяю, и на этот раз без всяких оговорок о моей некомпетентности; деспотизм и властолюбие никакого отношения к репрессиям не имели, по крайней мере, со стороны Сталина — о его окружении же разговор особый...

Я десятки раз встречался и беседовал со Сталиным, видел, как он решает вопросы, как относится к людям, как раздумывает, колеблется, ищет выходы из сложнейших ситуаций. Могу сказать совершенно определенно: не мог он, живший высшими интересами партии и страны, сознательно вредить им, устраняя как потенциальных конкурентов талантливых людей. Люди, с ученым видом знатоков изрекающие подобные глупости, просто не знают подлинной обстановки, того, как делались дела в руководстве страны.

Вопреки распространенному мнению, все вопросы в те годы, а том числе и относящиеся к смещению видных партийных, государственных

ных и военных деятелей, решались в Политбюро коллегиально. На самих заседаниях Политбюро часто разгорались споры, дискуссии, высказывались различные, зачастую противоположные мнения в рамках, естественно, краеугольных партийных установок. Безгласного и безропотного единодушия не было — Сталин и его соратники этого терпеть не могли. Говорю это с полным основанием, поскольку присутствовал на заседаниях Политбюро много раз.

Да, точка зрения Сталина, как правило, брала верх. Но происходило это потому, что он объективней, всесторонней продумывал проблемы, видел дальше и глубже других. Люди есть люди — постепенно к этому привыкли и, следуя линии наименьшего сопротивления, переставали отстаивать свое мнение до конца. Сталин создавал возникавшую здесь опасность, сердился, ставил в пример Н. А. Вознесенского, который был тверд и последователен в отстаивании своих взглядов, однако изменить ситуацию так и не смог — перевалив 70-летний рубеж, он стал заметно сдавать, сказывался, видимо, возраст и колоссальное напряжение государственных дел. В конце же 30-х г. коллегиальность в работе Политбюро проявлялась достаточно четко: бывали случаи, правда, довольно редкие, когда Сталин при голосовании оказывался в меньшинстве. Особенно это касалось репрессий, где Сталин, как я уже говорил, занимал более «мягкие» позиции, чем ряд других членов Политбюро.

Убежден, что Тухачевский, Якир, Блюхер и другие крупные деятели были репрессированы по политическим соображениям и на основе коллегиальных решений Политбюро. Личные моменты, если и были, играли подчиненную роль. Другое дело, насколько эти соображения обоснованны и продуманны. Ошибки, естественно, были возможны. Но чтобы разобраться в них, выяснить подлинную картину происшедшего, надо посмотреть на дело политически, с точки зрения государственных интересов, провести всесторонний и глубокий анализ...

— *И все-таки Тухачевский...*

Заладили: Тухачевский, Тухачевский... Кругом только и слышишь: изверг Сталин погубил-де самого талантливого советского полководца. Сколько раз приходилось рассказывать о 30-х г., и везде один и тот же вопрос... Не выдержал как-то, спросил об этом своего старого знакомого, кстати, яркого критика Сталина, имевшего самое прямое отношение к работе комиссии, реабилитировавшей Тухачевского.

— Непростой был человек, — отвечает. — Партийное руководство над армией не очень-то признавал, самоуверенности и дворянской спеси тоже хватало. Но полководцы такие редко появляются — на десятилетия время опередил, талантище огромный, недаром его немцы больше всех боялись. Они и состряпали фальшивку, а НКВД сфабриковало дело. С юридической точки зрения обвинения полностью несостоятельны. Реабилитировали правильно, не сомневайся.

— Постой, неужели только дым и был, ни малейшей искорки? Ведь обвинительный документ Блюхер и Алкснис подписали. Они-то под страхом смерти не стали бы честных людей оговаривать, ты же знаешь...

— Да, было кое-что. Установлено, что Тухачевский проводил секретное совещание, на котором обсуждались планы смещения Ворошилова (тогдашний нарком обороны — В. Л.). Но юридически ни один пункт обвинения не был подтвержден.

— Вот те на! Да в любой стране за это не только с постов снимают, под суд сразу же отдают! Везде министра обороны смещает и назначает высшее руководство. Или ты думаешь, что Тухачевский надеялся убедить Сталина и других членов Политбюро своим красноречием? Зачем тогда секретность? Да ведь это фактически заговор, государственная измена...

— Не горячись, Иван! Ты в юриспруденции всегда плохо разбирался. Нужны были улики, точные факты, неопровержимые доказательства, словом, все атрибуты законности, а их просто состряпали! Да и не был Тухачевский изменником — тут речь скорее шла об интриге, о борьбе таланта с бездарностью...

Не знаю, как юридически, а с точки зрения защиты интересов страны Тухачевского и его группу, если, конечно, намерение сместить наркома обороны имело место, надо было с ключевых постов убрать! Надвигалась война, на карту, по сути, ставилась судьба социализма, народа,

▲ Никита Хрущев и Иван Серов

▲ 16 съезд ВКП(б)

и иметь среди высшего командного состава людей, способных нарушить элементарную дисциплину, воинский долг, было бы преступлением. Можно представить себе, как обернулись бы события, если в самые критические моменты войны вместо одного генерала, изменившего Родине — Власова — их оказалось бы несколько десятков, да еще на куда более влиятельных постах! И мало что меняет, если бы даже они ударили по "сталинскому режиму" из-за спины по "идейным соображениям". Результат-то был бы один и тот же. Французскую армию фашисты разгромили за несколько недель в немалой степени и потому, что в военно-политических кругах страны не было единства, генералы перессорились с политиками, поддались пораженческому настроению...

Видите, стоило копнуть чуть глубже, в сторону от традиционных антикультовых представлений, и схема "деспот Сталин уничтожил талантливых людей" начинает трещать

по швам... Думаю, многое в репрессиях 30-х и 40-х гг. выйдет из рамок этой схемы, если делом заняться объективно и всерьез.

— Ваше мнение созвучно позиции видного деятеля большевистской партии, соратника В. И. Ленина Елены Дмитриевны Стасовой. При всей своей антипатии к Сталину она считала, что на него нельзя возлагать прямую ответственность за неоправданные репрессии и уничтожение честных людей. Елена Дмитриевна возмущалась действиями Хрущева, называла его "безответственным авантюристом", "прожектором". Ваши оценки близки и к суждениям выдающегося немецкого писателя Л. Фейхтвангера, посетившего Советский Союз в 1937 г. и опубликовавшего об этом книгу. Фейхтвангер хотел лично разобраться в том, действительно ли Сталин в целях укрепления режима своего деспотизма уничтожает талан-

тливых людей. Писатель, который оговаривает свое принципиальное несогласие с "большевистскими" методами руководства, особенно "в области искусства", присутствовал на процессе Пятакова и Радека, лично с глазу на глаз беседовал со многими обвиняемыми и пришел к твердому выводу о том, что процессы были полностью обоснованны, а действия Сталина и его соратников отвечали высшим интересам советского народа и государства. Фейхтвангер охарактеризовал поведение многих западных интеллигентов, поднявших шумиху о "сталинских злодеяниях", "близоруким", "недостойным" и "бесчестным". И все-таки это, так же, как и ваши суждения, убеждает мало: слишком много очевидных фактов, идущих с ними вразрез...

Что ж, я высказал свою личную точку зрения и предупреждал вас, что необходимыми архивными до-

кументами и материалами не располагаю. Но насчет “очевидности” советую все-таки быть поосторожней. Волонтаризм мы осудили, а волонтаристскую подачу истории пока нет, хотя в этом направлении и сделано в последние годы несколько робких шажков...

Подумайте еще вот над чем. В “дееспотические” 30-е гг. стенограммы политических процессов публиковались открыто и были доступны фактически каждому, хотя там высказывались и шедшие вразрез с официальными мнения и версии. При Хрущеве, стороннике “открытости” и “гласности”, все это было переведено в служебные и секретные фонды. Не потому ли, что они противоречили “очевидности” официально преподнесенных и истолкованных “фактов”?

Что касается Фейхтвангера, то он был далеко не одинок. Р. Роллан, А. Барбюс, М. А. Нексе, другие прогрессивные писатели, ученые, деятели искусств выступали в поддержку курса Сталина и его соратников. Даже не очень-то благоволивший “силовым методам” в политике Эйнштейн отказался подписать воззвание осуждавшее репрессии... Ведь это факт, что лучшая часть западной интеллигенции, доказавшая верность прогрессивным и гуманистическим идеалам, отмежевалась от крикливой кампании разоблачения “сталинских злодеяний”. И наоборот, лицемеры и крикуны, изменившие этим идеалам, докатившиеся до сотрудничества с фашизмом и реакцией, больше всех надрывали горло по поводу “сталинского террора”. Тоже хороший повод для размышлений...

— *Вы стали наркомом земледелия СССР как раз в то время, когда в советской биологической науке разрастался конфликт между сторонниками традиционного, мичуринского направления и генетиками, Лысенко и Вавиловым. Как известно, Сталин и ваш наркомат поддержали Лысенко, советская школа генетики подверглась настоящему разгрому, многих ее приверженцев, включая Вавилова, репрессировали. Отечественная*

биологическая наука, занимавшая в те годы передовые позиции, стала серьезно отставать от мирового уровня. Согласитесь, после всего этого трудно поверить, что сталинское руководство наукой было компетентным. Я уже не касаюсь недопустимых методов расправы с инакомыслящими. Хрущев, при всех его недостатках, относился к ученым, по крайней мере, цивилизованно...

Хрущев куда больше повинен в отставании генетики, чем Сталин. В 30-е гг. было несравненно труднее предвидеть ее перспективность, чем в 50-е. Никиту Сергеевича буквально заворожили блестящие посулы и обещания Лысенко, которому он в отличие от Сталина верил безоговорочно, и в результате генетики не получили необходимой поддержки как раз в то время, когда у них стали намечаться осязаемые успехи. Не сомневаюсь, что, если бы Сталин, обладавший незаурядным чутьем на практическую ценность новых направлений, протянул бы еще лет 5-6, генетики получили бы все необходимое, и даже сверх того. Уж что-что, а концентрировать силы и средства на решающих участках, находить и продвигать талантливых ученых-организаторов он умел, как никто

иной. Ведь это факт, что именно Сталин был одним из первых политических лидеров мира, осознавших всю громадную практическую значимость ядерных исследований и освоения космоса. Да и твердая поддержка им малоизвестных в то время И. В. Курчатова и С. П. Королева, которых не очень-то признавала академическая элита, говорит о многом. Ломая косность и рутинерство тогдашних научных “светил”, ЦК партии под руководством Сталина придал работам на этих, казавшихся многим даже в научном мире полуфантастическими направлениях общегосударственное значение. В результате, отставая от Запада в экономическом отношении на десятилетия, наша страна на ключевых участках научно-технического прогресса сумела занять ведущие позиции, подвела необходимый материальный фундамент под статус великой державы.

— *Вы уже говорили об этом в начале нашей беседы, касаясь экономики...*

Что ж, повторю еще раз, придется вам потерпеть, раз взялись выслушивать меня до конца.

Большинство оригинальных школ, выдвинувших советскую науку на передовые рубежи в мире, сложились

▲ Громыко, Хрущев

▲ На торжествах в Доме Союзов

и набрали силу в проклинаемый иными журналистами и литераторами сталинский период. Их расцвет приходится на конец 50-х — начало 60-х гг., после чего все постепенно пошло под откос. Знаменитые отечественные школы стали захиревать, в науке возобладали групповые интересы и монополизм именитых кланов, ученые, особенно гуманитарного профиля, стали мельчать прямо на глазах.

Вы, наверное, находите в газетах многочисленные примеры того, как могущественные научные кланы расправляются с талантливыми “чужаками”. Можете говорить что угодно, но я абсолютно убежден в том, что в начале 80-х гг. КПД нашей науки стал куда ниже, чем сорок лет назад, а всякой дряни, мешающей ее нормальному развитию, несравненно больше. Впрочем, очистительные процессы замедлились всюду.

— *И все-таки хотелось бы по-подробней о генетике.*

Что ж, вернусь к ней. В конце 30-х гг. и в первые послевоенные годы, когда страна испытывала острейшую

нехватку сил и средств для выживания в схватке с фашизмом, а затем и восстановления из руин, мы просто не могли иметь роскошь содержания бесплодной, оторванной от жгучих требований жизни науки. Все, буквально все в те годы жестко подчинялось интересам укрепления экономического и оборонного потенциала, к любому вопросу подходили прежде всего именно под таким углом.

Научные исследования, проводившиеся Лысенко и его сторонниками, были четко нацелены на реальную отдачу и в ряде случаев уже приносили осязаемый практический эффект. Я имею в виду как повышение урожайности, так и внедрение новых, более перспективных сельскохозяйственных культур. Работы же Вавилова и его последователей каких-либо практических результатов не обещали даже в обозримом будущем, не говоря уже о тогдашнем настоящем.

Кстати, среди генетиков преобладали ученые буржуазной, дореволюционной закваски с элитарными, подчас явно антинародными замашками, афишировавшие свою “аполитичность” и преданность “чистой

науке”, которой, мол, не до “заземленных”, практических нужд. Кое-кто из них чуть ли не в открытую солидаризировался с человеконенавистническими расовыми “теориями” фашизма и даже работал на их подтверждение. Один из таких академических снобов — биолог Тимофеев-Ресовский — пошел даже на прямое предательство Родины, добровольно оставшись в фашистской Германии, где всю войну протрудился в научно-исследовательском институте в Берлине, тесно связанном со спецслужбами гитлеровского рейха.

Симпатии такие люди, естественно, не вызывали. Но главное, повторяю, в том, что тогдашние генетики не сумели доказать важность и перспективность своего направления.

Конечно, с позиций сегодняшнего дня, очевидно, что проявленный здесь чрезмерный “практицизм” притормозил развитие “большой науки”. Но виновны за этот просчет скорее те, кто нес прямую ответственность за академическую науку, а также в определенной мере и я, как министр земледелия Союза. Сталин, который от данной проблемы стоял

довольно далеко, постоянно, кстати, побуждал нас, руководителей министерского ранга, следить за перспективными научными направлениями, последними достижениями и техническими новинками, защищать талантливых ученых от нападков и интриг бездарностей и завистников. Но допущенный просчет все же решающего значения не имел. И сейчас, с высоты прошедших десятилетий, я по-прежнему считаю, что проводившийся партией курс на всемерное приближение сельскохозяйственной науки к жизни, к ее потребностям и нуждам был в своей основе правильным. Да и сам Вавилов, возглавлявший тогда Институт растениеводства, фактически признавал это, давал неоднократные обещания преодолеть чрезмерно узкую специализацию его исследований, переориентировать деятельность института в сторону сельскохозяйственной практики. Но своих обещаний, к сожалению, не сдержал.

— *И все-таки Вы же не будете отрицать, что в споре Лысенко-Вавилов победа осталась на стороне невежества и не порядочности, нетерпимости к иной точке зрения и что симпатии Сталина к Лысенко способствовали утверждению в биологии того самого монополизма одной группы людей, который сейчас превратился в едва ли не самый главный тормоз развития науки...*

Почему же не буду отрицать? Буду отрицать, и отрицать решительно. Но сначала позвольте мне, старику, поворчать немного. Тенденциозность и односторонность вопросов о Сталине и о Вавилеве не делают Вам чести. Похоже, что Вы уже заняли определенные позиции, повторяя неумные выдумки, которые любят муссировать в так называемых "интеллигентских кругах". Зачем же тогда вам мои суждения? Журналист должен быть более объективным и беспристрастным, если он искренне стремится понять что-то, а не "заклеймить" непонятое модными фразами. Хочу в дан-

ной связи привести замечательные слова В. И. Ленина: "...Необходимо рассматривать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение в том, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится "субъективная" стряпня для оправдания, может быть, грязного дела. Это ведь бывает... чаще, чем кажется".

Похоже, Вы и попались на такую "субъективную стряпню". Только в вопросе о Сталине ее использовали для оправдания своих неприглядных дел нечистоплотные политики, а в истории с Вавиловым — столь же нечистоплотные деятели науки.

— *Что же, критику принимая, постараюсь быть более объективным, хотя, как вы понимаете, отказаться сразу от того, что считал само собою разумеющимся, не так-то просто... И все же, как вы расцениваете широко распространенные утверждения о шарлатанстве Лысенко и мучечестве Вавилова?*

Как типичнейший пример групповщины. В интересах утверждения своей монополии определенные люди — а последние 20 лет, как известно, генетики держат в биологии ключевые участки — распространяют заведомо ложные, порочащие "конкурентов" сведения.

Я хорошо знал Трофима Денисовича Лысенко, его сильные и слабые стороны. Могу твердо сказать: это был крупный, талантливый ученый, много сделавший для развития советской биологии, в чем не сомневался и сам Вавилов, который, кстати, и двинул его в большую науку, чрезвычайно высоко оценив первые шаги молодого агронома. Ведь это факт, что на основе работ Лысенко созданы такие сорта сельскохозяйственных культур, как яровая пшеница "Лютенцес-1173", "Одесская-13", ячмень "Одесский-14", хлопчатник "Одесский-1", разработан ряд аг-

ротехнических приемов, в том числе яровизация, чеканка хлопчатника. Преданным учеником Лысенко, высоко чтившим его до конца своих дней, был и Павел Пантелеймонович Лукьяненко, пожалуй, наш самый талантливый и плодовитый селекционер, в активе которого 15 районированных сортов озимой пшеницы, в том числе получившие мировую известность "Безостая-1", "Аврора", "Кавказ". Что бы ни говорили "критики" Лысенко, в зерновом клине страны и по сей день преобладают сельскохозяйственные культуры, выведенные его сторонниками и учениками. Побольше бы нам таких "шарлатанов"! Давно, наверное, решили бы проблему повышения урожайности, сняли с повестки дня обеспечение страны зерном. Успехи генетиков пока куда скромней — и не от этой ли слабости позиций, низкой практической отдачи крикливые обвинения своих соперников? Хотя, разумеется, я этих успехов не отрицаю, просто убежден в том, что воцарившаяся монополия одной научной школы приносит немалый вред...

Да, ряд лысенковских положений не нашел экспериментального подтверждения, а кое-какие из них и просто оказались ошибочными. Но назовите мне хотя бы одного ученого, который бы не ошибался, не выдвигал ложных гипотез? Что же, "шарлатаном" объявлять его за это?

Теперь о борьбе вавиловского и лысенковского направлений. Здесь бытует немало спекуляций, искажающих истинную картину происходившего. Во-первых, эта борьба шла с переменным успехом: бывали, и не раз, моменты, когда Лысенко оказывался в меньшинстве. В решениях, например, Февральского пленума ЦК 1947 г. говорилось об ошибочности ряда направлений его деятельности. Хорошо помню резкую критику Лысенко заведующим Отделом науки Центрального Комитета партии Юрием Ждановым, который, правда, позднее, в ходе разгоревшейся дискуссии изменил свою точку зрения.

Далее. Как бы ни драматизировались гонения на генетиков, фактом

▲ Сталин в рабочем кабинете в Кремле

остается то, что многие ученые этого направления, подвергнутые резкой критике на известной сессии ВАС-ХНИЛ в 1948 г., где сторонники Лысенко взяли верх, продолжали, хотя и в ухудшившихся условиях, свою работу. Немчинов, Дубинин, Раппопорт, Жебрак, называю лишь тех, кого помню, — все они оставались в науке, несмотря на довольно резкое осуждение Лысенко и его сторонников, и, что весьма характерно, отказывались от “покаяний”. Что касается репрессий, то их применяли отнюдь не за те или иные взгляды, а за конкретные вредительские действия, хотя и здесь, видимо, имелись случаи произвола и беззакония, кстати, и по отношению к ученым, находившимся от генетиков по другую сторону научных баррикад. Один такой судебный процесс, если мне не изменяет память, был проведен незадолго до войны.

И еще на одно обстоятельство хочу обратить ваше внимание. После

развенчания Лысенко и его сторонников все ключевые участки в биологической науке, воспользовавшись благоприятным моментом, заняли его научные противники. Уже одно это говорит о том, что “поголовное уничтожение генетиков” — злобная выдумка, подхваченная, к сожалению, несведущими журналистами и литераторами.

— И все-таки Сталин, судя по всему, благоволил Лысенко и недолюбливал Вавилова...

Тут с вами, пожалуй, можно согласиться. С одной лишь оговоркой: Сталин обычно не руководствовался личными симпатиями и антипатиями, а исходил из интересов дела. Думаю, так было и в этом случае.

Не помню точно, кажется, в 1940 г. в Центральный Комитет партии обратились с письмом двое ученых-биологов — Любищев и Эфроимсон. В довольно резких тонах

они обвиняли Лысенко в подтасовке фактов, невежестве, интриганстве и других смертных грехах. В письме содержался призыв к суровым оргвыводам по отношению к “шарлатану”, наносящему огромный вред биологической науке.

Мне довелось принять участие в проверке письма. Лысенко, конечно же, оправдывался, приводил разные доводы, когда убедительные, когда нет, но никаких “контрсанкций” по отношению к обидчикам не требовал. Это был его стиль — не превращать науку в конкурентную борьбу с обязательным устранением проигравших. Он страстно, фанатически верил в свою правоту, испытывая подчас наивные надежды, что противники в силу неопровержимости фактов рано или поздно придут к такому же выводу и “сложат оружие” сами, без оргвыводов со стороны руководящих инстанций. “Вот видите, — сказал по этому поводу Сталин, органически не выносивший мелких

склок и дрязг, характерных для научной и творческой среды. — Его хотят чуть ли не за решетку упечь, а он думает прежде всего о деле и на личности не переходит. Хорошее, ценное для ученого свойство”.

И второй, весьма типичный для Лысенко факт. Когда арестовали Вавилова, его ближайшие сторонники и “друзья”, выгораживая себя, один за другим стали подтверждать “вредительскую” версию следователя. Лысенко же, к тому времени разошедшийся с Вавиловым в научных позициях, наотрез отказался сделать это и подтвердил свой отказ письменно. А ведь за пособничество “врагам народа” в тот период могли пострадать люди куда с более высоким положением, чем Лысенко, что он, конечно же, прекрасно знал...

Не хочу сказать, что Трофим Денисович всегда был таким. Иногда верх брали упрямство, предвзятость, склонность к трескучей политической фразе. Но людей без недостатков, увы, не бывает. Важно, чтобы достоинства перевешивали.

Впрочем, я сужу с “общечеловеческих”, моральных позиций. Сталин же, уверен, подходил к этому, как и к другим вопросам, политически. Что я имею в виду?

Чтобы преодолеть отсталость, выйти на передовые рубежи технического прогресса, стране нужны были ученые нового, социалистического типа, свободные от недостатков русской буржуазной интеллигенции с ее дряблостью, ленью, “безрукостью”, барски-пренебрежительным отношением к простому народу. Говоря современным языком, в 30-е гг. сформировался массовый социальный заказ на ученого с активной жизненной позицией, тесно связанного с трудящимися, их революционной борьбой за создание нового общества, людей, непримиримых к академической рутине и догме, “почиванию на лаврах”, людей, нацеленных на решение назревших практических задач.

В прекрасном фильме “Депутат Балтики”, герой которого “делался” с великого русского ученого-биолога Тимирязева, глубоко и правдиво пе-

редан весь драматизм противостояния такого ученого преобладавшему в тогдашней науке “образованному мещанству”, насквозь пропитанному буржуазными привычками и предвзятостями. Увы, большая часть дореволюционной интеллигенции заняла обывательские позиции, Тимирязевы были единичным явлением. Но их эстафету взяли в свои руки ученые нового, социалистического мира, вышедшие из самых глубин народа, как Лысенко. Вавилов же так и не сумел избавиться от недостатков дореволюционной академической элиты...

В научной полемике, которая разгорелась между ними в 30-х гг.,

Лысенко и его сторонники продемонстрировали куда больше бойцовских качеств, твердости, настойчивости, принципиальности. Вавилов же, как признавали даже его единомышленники, лавировал, сдавал одну позицию за другой, старался сохранить хорошие отношения и с “вашими и с нашими”, что у меня, например, всегда вызывало раздражение и недоверие — значит, не уверен в своей позиции, боится ответственности. Думаю, что у людей, непосредственно руководивших в тот период наукой, были такие же чувства, хотя, конечно, в таких делах решать должны не эмоции.

Определенное малодушие и слабость проявил Вавилов и находясь

▲ На участке Турксиба

под следствием, когда, не выдержав психологического давления следователей, оговорил не только себя, но и других, признав наличие вредительской группы в Институте растениеводства, что, естественно, обернулось мучениями и страданиями совершенно невинных людей. Но об этом, правда, я узнал намного позже. В тот же период ни я, как нарком земледелия, ни тем более Сталин во все перипетии борьбы между Лысенко и Вавиловым, в обстоятельства его ареста не входили...

Лысенко же даже под угрозой четвертования не оговорил бы ни себя, ни тем более других. У него была железная воля и стойкие моральные принципы, сбить с которых этого человека представлялось просто невозможным. Другое дело, что иногда он впадал в необъяснимое упрямство и раздражение, начинал подводить под свои эмоции "теоретическую" базу.

Полагаю, что не случайно к Трофиму Денисовичу так тянулась научная молодежь, которой подчас не хватает опыта, но которая весьма чутка к истинному и фальшивому. Мне доводилось не раз бывать на встречах Лысенко со студентами,

аспирантами, молодыми учеными и могу сказать вполне определенно: он умел "зажигать" аудиторию, вести ее за собой, внушать молодежи страстное желание к творческому поиску, к достижению неординарных результатов. А вот ученые старой, дореволюционной закваски, и я это хорошо помню по учебе в Сельскохозяйственной академии в 20-х гг., симпатии у нас, рабочей молодежи, рвавшейся осваивать большую науку, не вызывали. Многие из них приняли революцию с большим запозданием, да и то, как говорится, "держа камень за пазухой", проявляли открытую неприязнь к "кухаркиным детям", осмелившимся начать продвижение к научному Олимпу. Для выходцев из рабоче-крестьянской среды Лысенко был своим, до мозга костей преданным идеалам революции, наглядным примером того, сколько многого может достигнуть простой человек, одержимый жаждой истины, страстным желанием превратить науку в мощный рычаг улучшения жизни людей. Все это, конечно же, сказывалось на отношении Сталина, стремившегося активней вовлечь в науку рабоче-крестьянскую молодежь, к Лысенко.

— *Но Вы сказали, что Сталин более критически относился к деятельности Лысенко, чем Хрущев...*

Да, недостатки ученого он видел довольно отчетливо. При мне Сталин, правда в тактичной форме, не раз отчитывал Трофима Денисовича за стремление подвести "марксистский базис под жакетку", то есть распространить марксистскую идеологию и терминологию на сферы, не имевшие к ним прямого отношения. В таком же духе Сталин сделал критические пометки на одобренном им в целом докладе, с которым Лысенко выступил на известной сессии ВАСХНИЛ в 1948 г.

Небезынтересно отношение Сталина к невыполненным лысенковским обещаниям поднять урожайность пшеницы в 4-5 раз. "Товарищ Лысенко, по-видимому, поставил малореальную задачу, — сказал как-то он. — Но даже если удастся повысить урожайность в полтора-два раза, это будет большой успех. Да и не стоит отбивать у ученых охоту к постановке нереальных, с точки зрения практиков, задач. То, что сегодня кажется нереальным, завтра может стать очевидным фактом. К тому же в нашей науке немало ученых "пескарей", предпочитающих спокойную жизнь, без нереальных задач. Накажем Лысенко — таких "пескарей" станет еще больше".

Кстати, уже не в связи с Лысенко. Сталин неоднократно поддерживал "внегрупповых" ученых, изобретателей-одиночек, ставивших, по мнению общепризнанных специалистов и государственных институтов, "нереальные" задачи, настаивая на оказании им необходимой поддержки, выделении средств и так далее. Как и другим наркомам, мне тоже часто доставалось "на орехи" за отказ поддержать того или иного чудака с очередным проектом "вечного двигателя". В большинстве случаев, естественно, "вечный двигатель" не заводился, о чем и сообщалось Сталину, хотя бывали и исключения. Многочисленные неудачи "кустарей-одиночек", однако, не обескураживали его, и он снова и снова просил

▲ Трудовая коммуна

▲ Хрущев и Брежнев 1941 г.

наркомов внимательно разобраться с очередным “новаторским” проектом. Тогда сталинские действия казались мне ошибочными, отвлекавшими от более важных дел, губящими массу времени и нервов. Теперь же я смотрю на вопрос иначе. Сталин приучал нас, хозяйственных руководителей, с предельным вниманием относиться к проектам и предложениям “аутсайдеров”, всемерно поощрять техническое творчество масс и кое-чего добивался. Конечно, изобретателям и рационализаторам, особенно шедшим наперекор официальной линии, было в 30-е и 40-е гг. не очень-то легко — любителей “спокойной жизни” и тогда хватало на всех уровнях. Но, по крайней мере, с консерватизмом, косностью, “групповым эгоизмом” ведомственных и научных учреждений в те годы боролись эффективно и результативно, всей этой мерзости было несравненно меньше. Ситуация же, когда многие важнейшие и ценней-

шие открытия и изобретения лежат на полке десятилетиями, а их авторы подвергаются изощренной травле и унижениям со стороны преследующих своекорыстные интересы ведомств и научных институтов, в те годы представляю немислимой. Волкитчиков еще на ранних стадиях уличили бы во “вредительской деятельности” — а, по сути, она таковой и является — со всеми вытекающими из этого для них малоприятными последствиями. Честно говоря, когда читаешь сегодняшние газеты, описывающие мытарства современных Кулибиных и Ползуновых, поневоле думаешь, что старый метод в конечном счете куда полезней и “гуманней” для страны, чем бесконечные увещевания и призывы к “партийной совести” с самых высоких трибун...

— *Однако по отношению к генетике Сталиным все же был допущен явный произвол, да и кибернетику объявили...*

Заладили: генетика и кибернетика, кибернетика и генетика. Всюду только это и слышишь. Поверить иным литераторам и журналистам, так у нас в сталинский период и науки-то не существовало, были лишь гонения на нее да сплошные ошибки...

Да, ошибки делались, просчеты допускались, в любом деле без них не обойтись. Но правда в том, что в 30-е гг. таких ошибок делалось несравненно меньше, чем сегодня, да и сам климат в науке был более здоровым, творческим и, если хотите, нравственным. По крайней мере, тогда погоду делали истинные ученые, сегодня — посредственности и бездари, создавшие такую обстановку, в которой истинные ученые просто задыхаются. Сужу, конечно, по сельскохозяйственной науке, но ситуация примерно везде одинаковая.

Десятки, сотни никому не нужных, работающих “на себя” институтов, миллионы бездельников, целыми

днями бьющих баклуши, монопольные кланы “знаменитостей”, разделивших науку на сферы влияния и объединяющих усилия только для того, чтобы разделаться с талантливыми “чужаками”, — вот вам настоящая, а не сусальная картина сегодняшней науки, которая, разумеется, “свободна” от сталинского “насилия и диктата”! А попытайтесь честный человек навести здесь хоть какой-то порядок, почистить научные сферы от паразитирующих элементов, всякой швали — сразу же вопли на весь мир: караул, возврат к 1937 г., порочным и осужденным методам “культы”!

Вместо того чтобы бороться с мерзостями сегодняшнего дня, давно превзошедшими и по масштабу, и по пагубности воздействия все, что было в прошлом, копошатся в реальных и мнимых ошибках сорокалетней давности, талдычат о генетике и кибернетике, кибернетике и генетике... Впрочем, понятно: пнуть лишний раз мертвых вождей ничего не стоит, а вот попробуй какого-нибудь нынешнего директора института или даже просто заведующего кафедрой...

“Корни ищем”, — объяснил мне как-то знакомый литератор. Скорее всего, братцы мои, просто шумите, от неумения и нежелания работать как надо ударились в столь близкое сердцу просвещенного мещанина смакование “острого” и “пикантного”. Если бы искали, то ставили вопрос совсем по-другому: почему то, что было при Сталине единичным явлением, исключением, стало сейчас правилом, превратилось во всеобъемлющую систему, без разрушения которой выход советской науки на самые передовые в мире рубежи просто невозможен?

Скажете, это произошло, потому что репрессированы наиболее талантливые и честные. Но с таким же успехом можно свалить вину за сегодняшние беды на Петра Первого или Ивана Грозного.

Уж сорок лет прошло после репрессий, от “порочных методов” культа личности отмежевалось не одно поколение партийных лидеров,

а наши литераторы все в одну дуду: Сталин, Сталин, Сталин... Да за эти десятилетия при нашем строе, при нашем талантливом народе почище “японских” или “западногерманских” чудес можно было совершить! А у нас не то что на прогресс, на регресс дело пошло...

— *Позвольте теперь, Иван Александрович, перейти несколько в другую сферу. Вы были наркомом и министром сельского хозяйства при Сталине и Хрущеве. Нельзя ли сравнить их подход к важнейшей отрасли экономики?*

Хрущев слыл в Политбюро специалистом по сельскому хозяйству. И это в значительной мере соответствовало действительности. Никита Сергеевич довольно-таки неплохо разбирался в вопросах сельского хозяйства, особенно земледелия, приближаясь по запасу знаний и компетентности к уровню хорошего агронома. Сталин здесь ему явно уступал, чего, впрочем, и не скрывал, обращаясь за советом в тех случаях, когда обсуждались проблемы отрасли.

Однако, как это ни парадоксально, возглавив страну, Хрущев совершил несравненно больше ошибок и просчетов в области сельского хозяйства. Увлекаясь какой-либо идеей, Никита Сергеевич буквально загорался стремлением как можно быстрее воплотить ее в жизнь, спешил, шел напролом, теряя всякое представление о реальной действительности. В результате некоторые его действия имели губительные, просто катастрофические последствия, чего Сталин никогда бы не допустил...

Думаю, корень всего — в отношении к специалистам: ученым, агрономам, компетентным в области сельского хозяйства людям.

Сталин, ставивший на первое место интересы дела, принимал решения, как правило, выслушав мнения наиболее авторитетных специалистов, включая противоречащие точки зрения, к которой склонялся он

сам. Если “диссиденты” выступали аргументированно и убедительно, Сталин обычно либо изменял свою позицию, либо вносил в нее существенные коррективы, хотя, правда, были и случаи, когда с его стороны проявлялось неоправданное упрямство. Хрущев, действия которого со временем все больше определялись личными амбициями, относился к специалистам, особенно “инакомыслящим”, иначе. В моду стали входить те, кто умел послушно поддакивать, вовремя предугадать и “научно обосновать” уже сложившееся мнение Первого, которое он не менял даже вопреки очевидным фактам. С легкой руки Никиты Сергеевича в сельском хозяйстве, да и других отраслях с невиданной быстротой стали размножаться руководящие и научные кадры типа “чего изволите”, затирая тех, кто привык думать собственной головой и отстаивать свою точку зрения до конца.

— *Ваша оценка противоречит широко распространенному представлению о том, что при всех своих сумасбродствах Хрущев был демократичней, гуманней и терпимей к чужому мнению, чем Сталин...*

Глубоко ошибочное представление. Видимость часто принимают за сущность — в этом-то и вся загавыка. В случае с Хрущевым это тем более сложно, что с ним за годы пребывания на посту №1 произошли разительные метаморфозы.

Я хорошо знал Никиту Сергеевича как в довоенные, так и в первые послевоенные годы. Это был сильный, динамичный и чрезвычайно работоспособный руководитель. Большой природный ум с крестьянской хитрецой и сметкой, инициативность, находчивость, врожденные демократизм и простота, умение расположить к себе самых разных людей — все эти качества заслуженно позволили Хрущеву занять высокие посты в партии, войти в Политбюро. В те годы он действительно был демократом, считался с чужим мнением, относился к людям по-настоящему

му уважительно. Впрочем, таков был общий настрой, определявшийся Сталиным и его окружением, и Никита Сергеевич, как умный человек, старался “идти в ногу”.

Сделавшись Первым и укрепив свою власть отстранением “антипартийной” группы, Хрущев буквально на глазах начал меняться, Природный демократизм стал уступать место авторитарным замашкам, уважение к чужому мнению — гонениям на инакомыслящих, в число которых сразу же попадали те, кто не высказывал должного энтузиазма по поводу “новаторских” идей “выдающегося марксиста-ленинца”. По правде говоря, я не сразу уловил эти изменения и продолжал на Политбюро, ответственных совещаниях унаследованную со сталинских времен привычку говорить то, что думаешь и считаешь правильным, приятно или неприятно это “вождю”. Хрущев вначале реагировал на это спокойно. Постепенно, однако, в его отношении ко мне стала ощущаться какая-то отчужденность, а затем и открытая враждебность. Наиболее ощутимо я почувствовал

ее, когда выступил против неумного, мягко говоря, предложения Никиты Сергеевича перевести Сельскохозяйственную академию из Москвы в деревенскую местность. Раскручивавшаяся в то время кампания “ближе к производству” приводила к несуразностям, нарушавшим нормальное управление многими отраслями народного хозяйства. “Послушай, Иван, не лезь ты на рожон, — сказал мне близкий друг, работавший в аппарате Хрущева. — Не такой он демократ, как кажется на первый взгляд. Убедить все равно не сможешь, а вот портфель потерять — вполне”. Совету этому я не внял и вскоре действительно расстался с руководящими постами в народном хозяйстве, получил назначение послом в Индию...

Впрочем, и на дипломатической должности я не изменил своей привычке “лезть на рожон”, иными словами, предпринимать казавшиеся мне нужными шаги, которые, однако, могли вызвать недовольство руководства. Так, действуя на свой страх и риск, я организовал, наверное, впервые в нашей советской исто-

рии покупку крупного участка земли за рубежом, в Дели, под территорию посольства СССР. Сегодня стоимость земли в индийской столице возросла в десятки раз, и мы экономим за счет этого большие валютные средства. Но в то время на подобные операции смотрели косо, под идеологическим прицелом — приобретение земельной собственности, мол, “чуждый социализму метод” и более приличествует “буржуазному рантье”, чем коммунисту. С большим скрипом, используя свои давние связи в Госплане и Министерстве финансов, сумел добиться выделения необходимых средств. Вот тогда-то, на собственном примере ощутил возросший на высших этажах бюрократизм и механическое равнение на Первого, стремление уйти от личной ответственности, застраховаться максимальным количеством подписей и виз. “Новый” стиль управления давал себя знать — плохое намного быстрее распространяется, чем хорошее, а склонность к перестраховке, перекладыванию ответственности на чужие плечи в аппарате была всегда.

▲ Хрущев и Джон Кеннеди

▲ Дискуссия с Жуковым

Возвращаясь к вашему вопросу, хочу еще раз повторить: именно Хрущев начал избавляться от людей, способных твердо и до конца отстаивать свои взгляды. Многие сталинские наркомы, привыкшие говорить в лицо самую горькую правду, постепенно уходили со своих постов. А те, кто оставался, превращались, за редким исключением, в умных царедворцев, прекрасно сознававших всю пагубность хрущевских "начинаний", но считавшихся со сложившейся расстановкой сил и тем, кто ее в конечном счете определял... Хрущев был прав, когда в октябре 1964 г., выслушав упреки в "авантюризме" и "прожектёрстве", обвинил своих соратников в том, что они своим соглашательством и молчанием способствовали всему этому. Он, правда, забыл, что сам поощрял подобный стиль поведения, который постепенно стал преобладающим. Ведь именно Никита Сергеевич навсегда убрал из "большой политики" деятелей так называемой "антипартийной группы" во главе с Молотовым, осмеливших-

ся высказывать собственное мнение о деятельности Первого секретаря ЦК, остро критиковавших его недостатки и упущения.

— *Допускаю, что Хрущев был более авторитарен, чем принято полагать, но поверить в то, что Сталин в большей степени считался с чужим мнением, самостоятельностью людей, трудновато...*

И тем не менее это так. Почитай-те воспоминания компетентных людей — тех, кто близко знал Сталина, работал с ним, как говорится, бок о бок. Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, Н. Г. Кузнецов, И. С. Исаков, С. М. Штеменко, другие наши военачальники — все они в один голос признают, что Сталин ценил самостоятельно мыслящих, умеющих отстаивать свое мнение людей. Г. К. Жуков, знавший Сталина лучше, чем кто-либо, прямо пишет, что с ним можно было спорить и что обратное утверждение просто неверно. Или полистайте превосход-

ную, лучшую, на мой взгляд, книгу о нашем времени авиаконструктора А. Яковлева "Цель жизни", где он дает оценку стилю и методам работы Сталина, его человеческим качествам с позиций честного русского интеллигента, не склоняющегося к тому или иному идеологическому лагерю.

Так уж устроен мир: обычно выделяют и приближают к себе людей, родственных по духу, по отношению к работе, жизни. Человек глубокого аналитического ума, решительный, волевой и целеустремленный, Сталин поощрял такие же качества и у своих подчиненных, испытывая очевидную симпатию к людям твердых и независимых суждений, способным отстаивать свою точку зрения перед кем угодно, и, наоборот, недолго любил малодушных, угодливых, стремящихся "приспособиться" к заранее известному мнению вождя. И если по отношению к молодым, начинающим работникам допускалось определенное снисхождение, своего рода "скидка" на первона-

чальную робость и отсутствие опыта, опытным и даже очень заслуженным деятелям подобные “человеческие слабости” никогда не прощались. “Толковый специалист, — сказал как-то об одном из них Сталин. — Но ставить на руководящую работу нельзя. Слишком угодлив. Такой из любви к начальству наделает вреда больше, чем самый лютый враг. И не спросишь за это — мнение-то согласовано с руководством”.

Приходилось, правда, довольно редко, возражать Сталину и мне. Спорить с ним было нелегко, и не только из-за давления колоссального авторитета. Сталин обычно глубоко и всесторонне продумывал вопрос и, с другой стороны, обладал тонким чутьем на слабые пункты в позиции оппонента. Мы, хозяйственные руководители, знали твердо: за то, что возразишь “самому”, наказания не будет, разве лишь его мелкое недовольство, быстро забываемое, а если окажешься прав, выше станет твой авторитет в его глазах. А вот если не скажешь правду, промолчишь ради личного спокойствия, а потом все это выяснится, тут уж доверие Сталина наверняка потеряешь, и безвозвратно. Потому и приучались говорить правду, невзирая на лица, не щадя начальственного самолюбия.

К сожалению, необходимые строгость и последовательность проявлялись не всегда. В ряде случаев Сталин, может быть, из-за острой нехватки людей, может быть, по каким-то личным соображениям, допускал назначения, и на высокие посты, людей, склонных к угодливости, умеющих ловко пристраиваться к сложившейся конъюнктуре. Так было, на мой взгляд, с выдвижением А. Я. Вышинского, занимавшего некоторое время даже пост министра иностранных дел, — человека редкого ораторского дара, блестящей образованности и глубоких знаний, но приспособленца по своей сути. Обычно же, повторяю, предпочтение отдавалось принципиальным, самостоятельно мыслящим людям. И не случайно в годы Великой

Отечественной войны Сталин открыто называл своим преемником Г. К. Жукова, а в первые послевоенные годы — Н. А. Вознесенского — людей железной воли, с твердым и прямым характером, чаще других возражавших ему при обсуждении военных и государственных вопросов.

Или возьмите выступление Сталина на последнем в его жизни Пленуме ЦК партии, где, сославшись на возраст и здоровье, он официально попросил освобождения хотя бы от некоторых высших постов. Одновременно Сталин подверг резкой критике двух своих ближайших соратников — В. М. Молотова и А. И. Микояна, которых многие прочили в его преемники, именно за то, что они якобы не обладали достаточной твердостью и самостоятельностью. Этот упрек, особенно

в отношении В. М. Молотова, мне и сейчас кажется несправедливым. Но сталинский подход весьма показателен. И здесь отнюдь не было “скрытой игры”, “византийской хитрости”, о чем так любят посудачить западные “кремленологи” и “советологи” — с их работами я достаточно познакомился, находясь за рубежом. Дело в том, что Сталин вскоре достойного, с его точки зрения, преемника, по крайней мере, на один из высших постов, подобрал. Я имею в виду Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, бывшего первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии, который во время войны возглавлял штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. Обладая твердым и самостоятельным характером, Пантелеймон Кондратьевич одновременно был коллективистом и демократом

▲ Первые автомобили

▲ Сталин на параде 7 ноября 1941 г. посвященном 24 годовщине Великой Октябрьской революции

до мозга костей, умел располагать к себе, организовывать дружную работу широкого круга людей. Сталин, видимо, учитывал и то, что Пономаренко не входил в его ближайшее окружение, имел собственную позицию и никогда не старался переложить ответственность на чужие плечи. Документ о назначении П. К. Пономаренко Председателем Совета Министров СССР был завизирован уже несколькими членами Политбюро, и только смерть Сталина помешала выполнению его воли. Став Первым секретарем ЦК, Хрущев, который, естественно, был в курсе всего, предпринял необходимые шаги с тем, чтобы отодвинуть Пономаренко подалше — сначала в Казахстан, затем, в 1955 г., на дипломатическую работу, послом в Польшу, а потом в Нидерланды. Впрочем, и здесь он работал недолго — опасного “конкурента” быстренько препроводили

на пенсию, весьма скромную и без причитавшихся ему льгот за государственную службу. Человек простой, скромный и непритязательный в личной жизни, обремененный заботами о родных и близких, он в буквальном смысле влачил полунищенское существование, когда наконец после отставки Хрущева друзья, обратившись в ЦК, добились достойного обеспечения его старости. Я специально остановился на этой истории, чтобы предварить ваши возможные вопросы о “гуманности” и “человеколюбии” Хрущева на фоне “жестокости” и “деспотичности” Сталина. Да, Сталин бывал крут, подчас неоправданно, иногда жесток. Но при нем люди, совершившие определенные просчеты и пониженные за это в должности, могли снова пойти вверх, как это случилось с Г. К. Жуковым, С. К. Тимошенко, Л. З. Мехлисом, некоторыми наркомками. Да и меня

временно понижали в должности, делали замом, затем снова назначали наркомом. При Хрущеве же вышедшие из доверия Первого шли только вниз и никогда уже не поднимались. При его преемниках тоже... Почему? Да потому, что Сталин не хотел ломать людей, давал им шанс исправить ошибки, понимая, что умелых руководителей не так-то просто найти. Хрущев же думал только об укреплении своей власти, опасаясь того, что обиженные им люди, вновь оказавшись на высоких постах, могут представить этой власти потенциальную угрозу...

— *А как же все-таки с разоблачением культа личности? Многие считают, что, пойдя на это, Хрущев проявил и политическую смелость, и гуманность, по крайней мере, по отношению к невинно пострадавшим людям.*

Не вижу особой, тем более политической смелости в том, чтобы воевать с мертвыми, делать их козлом отпущения за ошибки прошлого и, конечно же, недостатки настоящего. Обычно такой "смелостью" блещут те, кто при "живом начальстве" ел его глазами, вел себя, как говорится, тише воды, ниже травы. Уже потом, когда становится безопасно, они компенсируют свое малодушие и трусость "смелыми" проклятиями в адрес "тирана" и "деспота". Среди высшего руководства Хрущев, пожалуй, больше всех заискивал перед Сталиным, боязнь которого принимала у Никиты Сергеевича болезненные, подчас анекдотичные формы, что, естественно, не способствовало повышению его авторитета в глазах Первого, и без того недолголюбивавшего, как он говорил в раздражении, "Никиту". Хрущев, думаю, понимал это: но ничего не мог с собой сделать — есть вещи, неподвластные нашей воле. На заседаниях Политбюро, ответственных совещаниях, где мне довелось присутствовать, Никита Сергеевич в отличие, например, от Молотова или Жданова, возражавших, иногда довольно резко, Сталину, не то что сказать против, пикнуть не смел.

Что касается "гуманности", то она к истинным причинам разоблачения культа личности отношения не имеет, хотя, конечно, выпив и расчувствовавшись, Хрущев и мог пустить искреннюю слезу по поводу душераздирающего рассказа о страданиях в сталинских лагерях — при всей своей черствости по отношению к людям он был человеком эмоциональным, а кое в чем и сентиментальным. Вообще-то версия о "гуманности" его намерений была на руку Никите Сергеевичу, и он делал все, чтобы на этот крючок клюнуло как можно больше легковых, благо проглотить его, а точнее, сделать вид, что поверили, и у нас в стране, и за рубежом их более чем достаточно.

Может быть, вам и неизвестно, но я еще не забыл, что в 30-е и 40-е гг. Хрущев водил прочную дружбу с Л. М. Кагановичем, "железным наркомом", занимавшим в Политбю-

ро самые жесткие, непримиримые позиции по отношению к "врагам народа". В тесном контакте с Кагановичем Хрущев сначала в Москве в предвоенные годы, а затем на Украине в послевоенные весьма, пожалуй, даже чересчур решительно очищал партийные организации от "переродившихся" и "вредительских элементов". В ходе чисток пострадало немало честных людей, что вызвало недовольство Сталина и послужило одной из причин утраты доверия его к Кагановичу. Хрущеву же удалось реабилитировать себя беспорными успехами восстановления разрушенных войной сельского хозяйства и промышленности Украины.

Помню, как в это время я позвонил Никите Сергеевичу, бывшему тогда первым секретарем Компартии республики, в Киев, попросил тщательней разобраться с группой

ответственных работников сельского хозяйства, исключенных из партии, как я был убежден, необоснованно, — некоторых из них я знал очень хорошо. Хрущев, внимательно меня выслушав, обещал переговорить с Кагановичем, который был послан Политбюро на Украину, чтобы помочь ему организовать дело. Никита Сергеевич дал понять, что вопрос будет, видимо, решен положительно, и просил меня "не поднимать шума в Центре, что может только осложнить ситуацию". Не знаю, разговаривал ли он с Кагановичем или нет, только людям это не помогло.

Вообще, я обратил внимание на весьма странную вещь. Когда говорят о Сталине, все его действия обычно объясняют борьбой за власть, когда же речь заходит о Хрущеве, его акции приписывают исключительно благородным мо-

▲ Хрущев и Малиновский

▲ На Трибуне Мавзолея Ворошилов, Сталин, Вершинин

тивам — “гуманности”, “демократизации”, “состраданию” и тому подобному. Не знаю, чего тут больше: наивности или сознательного самообольщения. Хрущев, как и Сталин, был политиком. И его действия определялись вполне прозаическими, политическими интересами, весьма далекими от возвышенных морально-нравственных категорий...

— Хотелось бы конкретно знать, что вы имеете в виду. И попутно, чем объясняете тот бесспорный факт, что разоблачения культа личности, массовых репрессий 30-х и 40-х гг. вызвали такой широкий положительный резонанс?

Главной пружиной действий Хрущева была борьба за власть, за монопольное положение в партийном и государственном аппаратах, чего

он в конце концов и добился, совместив два высших поста — Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.

Но вначале положение Никиты Сергеевича было сложным. Хотя он и был первым по партийной линии, большинство в Политбюро составляли отнюдь не его сторонники, скорее наоборот. Молотов, Маленков, Каганович, Ворошилов, другие видные партийные и государственные деятели из бывшего сталинского окружения были отнюдь не высококого мнения о Хрущеве, рассматривали его как компромиссную фигуру, калифа на час, что он, конечно, хорошо понимал. В государственном и партийном аппаратах на местах также оставалось немало прошедших сталинскую школу людей, весьма скептически оценивавших Хрущевское “новаторство”. Надо было ослабить и сломить эту “оппозицию”,

представить своих политических противников в неприглядном свете, осуществить массированную обработку общественного сознания в антисталинском духе. Я имею в виду подготовку необходимой почвы для мелкобуржуазного, авантюристического прожектерства, шедшего вразрез со строгим, научным реализмом марксистско-ленинского подхода. Кампания по развенчанию Сталина и реабилитации жертв его “репрессий” идеально подходила для этих целей, тем более что часть реабилитированных получала посты в партийном и государственном аппарате, становясь, естественно, опорой Хрущева.

Что касается “широкого общественного резонанса”, то он также объясняется вполне прозаическими интересами определенных, как сейчас модно говорить, социальных слоев и групп. Шумные аплодисмен-

ты из-за рубежа понятны: кампания по дискредитации Сталина, которую на Западе умело перевели в кампанию по дискредитации Советской власти, ослабила и расколола международное коммунистическое и рабочее движение, усилила ревизионистские и оппортунистические тенденции, посеяла сумятицу в умах и чувствах прогрессивно настроенных людей, короче, сыграла на руку политическим противникам социализма, которые в основном этой кампании и аплодировали.

Да и в нашей стране антикультовские обличения приветствовали те, кому был не по душе честный труд, железная дисциплина и порядок, разного рода бездельники, ловкачи, мошенники, паразитирующие за счет других — попробуй тронь их, и сразу же начнется крик о “деспотизме”, “подавлении свободы”, “рецидивах сталинских репрессий”! Критика Сталина импонировала определенной, особенно склонной к обнюорачиванию и отрыву от масс части работников партийно-государственного аппарата, которые, устав от напряженного ритма и строгой дисциплины труда, связывали с “новым стилем” Хрущева надежды на спокойную, облегченную жизнь. И, конечно же, Хрущевская “оттепель” пришлось по душе широ-

ким кругам творческой интеллигенции, которая в силу своей общественной специфики испытывает тягу к индивидуализму, анархической распушенности, тяготеет к руководящей роли партии, маскируя свою истинную позицию “прогрессивной” фразеологией о “свободе”, “гуманизме” и “демократии”.

Многие интеллигенты не могут простить социализму, что при капитализме им удалось бы устроиться поудобней. Они как бы не замечают, что отсталая в экономическом и культурном отношении страна, на которую обрушились невиданные в истории испытания, просто не могла наладить за короткий срок современный сервис и быт, вынуждена была уделять первостепенное внимание основным нуждам народа. Они не верят в величие и масштабность наших задач, дача и машина для этих людей куда важнее, чем высокие идеалы социализма, которые выстрадало не одно поколение борцов за народное счастье. Не умея работать засучив рукава, драться за свои идеи, они теряются и опускают руки перед любым проявлением несправедливости и безобразий, начинают расхваливать “абсолютную”, внеклассовую свободу, доказывать необходимость более “гуманной” и “демократической” си-

стемы, за которой легко угадываются контуры “либерализованного” капитализма. Их не волнует, чем такой капитализм обернется для простых людей, основной массы трудящихся, они готовы смириться и с духовным гнетом денежного мешка — лишь бы платили побольше. Именно такие люди охотней всего запугивают себя и других ужасами так называемого “сталинизма”, под которым, естественно, понимаются краеугольные основы социалистического строя и прежде всего руководящая роль Коммунистической партии...

Просвещенное мещанство всегда было опорой беспринципных политиков. И в прошлом, и в настоящем, и на Западе, и, как это ни печально, в социалистическом обществе.

— Откровенно говоря, ваша “раскладка” кажется мне слишком схематичной, хотя и не лишенной известной последовательности и логики. Я не раз встречал, и в разных слоях населения, немало честных, преданных социализму людей, которые тем не менее считают Сталина преступником... И потом, если я Вас правильно понял, Хрущева поддержала наиболее склонная к обнюорачиванию часть партийно-государственного аппарата. Но разве не Ста-

▲ Польшая делегация у Сталина 1941 г.

лин поставил аппарат над масса-ми, дал бюрократам невиданную власть?

Любая попытка объяснить глубинные причины неизбежно грешит схематизмом, моя, естественно, не исключение. Но я, по крайней мере, пытаюсь объяснить, а не уйти от такого объяснения, прикрываясь сентиментально-обывательскими восторгами по поводу "смелости" и "благородства" Хрущева.

Да, немало честных и думающих людей у нас уже введено в заблуждение, сбито с толку тенденциозно подобранными, а иногда и фальсифицированными материалами. Тем более что полемизировать с официальной версией у нас не принято, да и умение думать, дискутировать на весьма низком уровне. Но это временное явление. Подлинная правда истории рано или поздно все равно всплывет, как бы ни топили ее в своекорыстных целях нечистоплотные политики и Васиссуалии Лоханкины из интеллигентских кругов.

Профессора, литератора ввести в заблуждение куда легче, чем простого рабочего, оценивающего политику по самому верному критерию — что она дает для повседневной, практической жизни рядового человека. Несмотря на официальные осуждения и разоблачения у Сталина до сих пор немало сторонников в разных кругах и особенно в среде простых рабочих, колхозников, военнослужащих — людей старшего поколения, знавших обстановку того времени на собственном примере, а не по газетным передовицам. Ни у Хрущева, ни у нынешних руководителей такой глубокой и благодарной памяти в народе не останется, да и не может остаться, хотя они вовсю и афишировали свою "народность".

Насчет бюрократов, невиданные привилегии которым дал Сталин, тут Вы совершенно не правы. Сталин, по сути, ничего не знал, кроме работы, и трудился с полной самоотдачей, не делая себе ни малейших поблажек и послаблений, по 14, 15,

16 часов в день. Подчиняясь заданному им ритму, в таком же напряжении трудились члены Политбюро, наркомы, ответственные работники центральных, да и местных органов.

14-16-часовой день был для нас не исключением, а скорее правилом. В отпуск уходили раз в 5-6 лет, да и то далеко не все. Выходных практически не бывало.

Железная дисциплина, постоянный контроль, работа при максимальном напряжении сил и, главное, требование конкретных результатов, реального улучшения дел, отсутствие чего было равносильно смещению с поста, невзирая ни на какие заслуги в прошлом, — все это приводило к такой производительности и эффективности управленческого труда, о которой в наши дни можно было бы только мечтать. Не помню, например, ни одного постановления или решения ЦК, Политбюро или Совмина, которое осталось бы невыполненным. Сейчас, говорят, напротив, среди их растущей лавины не найти такого, которое было бы

▲ И. В. Сталин и У. Черчилль в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца. Октябрь 1944 г.

выполнено хотя бы наполовину... Кстати, ссылки на трудности и "объективные обстоятельства" в наше время всерьез не принимались. "Вы для того и поставлены на руководящий пост, чтобы их преодолевать", — говорил обычно в подобных случаях Сталин.

Я нашел и перечитал книжку Лиона Фейхтвангера о посещении в 1937 г. Советского Союза, о которой Вы говорили. Он пишет, в частности, что лица, занимавшие сколько-нибудь ответственное положение, "почти не уделяют времени для еды, они почти не спят и не видят ничего особенного в том, чтобы вызвать по телефону из театра, во время представления, человека только для того, чтобы задать ему какой-нибудь срочный вопрос, или позвонить ему в три или четыре часа утра по телефону. Я нигде не встречал такого количества неутомимо работающих людей, как в Москве... Если в Нью-Йорке или Чикаго я не обнаружил американских темпов работы, то я обнаружил их в Москве". Верное наблюдение, так и было!

Между прочим, о спецпайках, дачах, буфетах и тому подобных привилегиях мы, наркомы, и не думали — не до того было. Тем более что малейшее злоупотребление в этом плане каралось беспощадно — Госконтроль и парторги ЦК работали эффективно, да и с критикой "снизу", со стороны трудящихся, считались куда больше, чем в сегодняшнее время.

В народе хорошо знали, что льготы руководителям дают для продления рабочего дня еще на 8 часов в сутки, потому и не осуждали и не возмущались, как сейчас, когда министру действительно предоставлены многие привилегии, а результатов его руководства годами, десятилетиями не видно. Если иметь в виду, конечно, положительные результаты...

Иными словами, Сталин, образ жизни и быта которого отличал большевистский аскетизм и пуританизм, держал аппарат в ежовых рукавицах, полагая, и как показало время, не без основания, что многочисленные со-

▲ Лампочка Ильича

блазны жизни могут снизить производительность труда руководителей, подорвать доверие к ним, а значит, и к партии простых людей, от чего в нашей стране зависит много. Хотя, с другой стороны, Сталин иногда закрывал глаза на мелкие личные слабости наркомов, особенно молодых, если они, конечно, не отражались на работе...

Конечно, такая сверхэксплуатация, драконовский режим не всем нам были по вкусу — люди есть люди, хотелось расслабиться, уделить хоть немного времени семье, личным интересам, а кое-кому и вкусить благ от почета, привилегий, высокого положения...

— *Вы хотите сказать, что Хрущев сыграл на этом?*

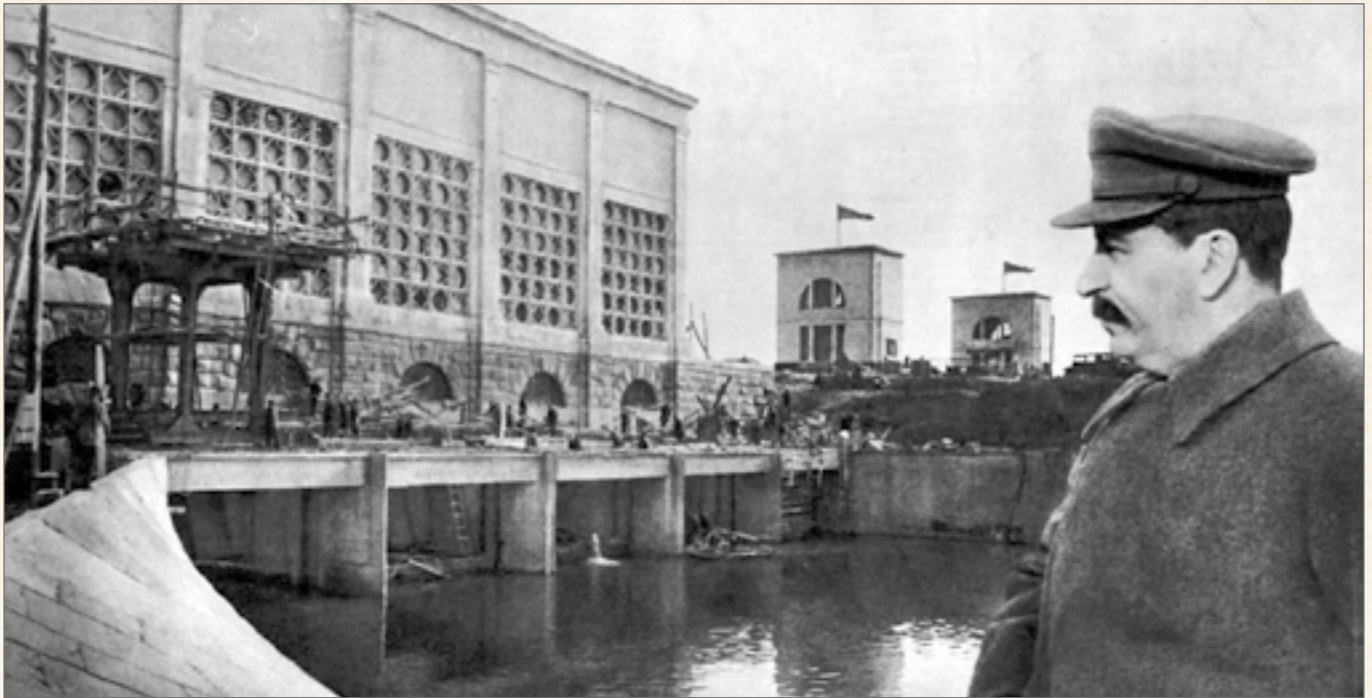
Да, этот "человеческий" фактор во многом расширил и укрепил поддержку Хрущева руководителями в центре и особенно на местах — Никита Сергеевич выступал за более "мягкую" дисциплину и режим труда, слыл человеком, способным "понять" и "войти в положение", хотя в целом был довольно требовательным. Не случайно одной из первых "ласточек" нового стиля стал запрет Хрущева оставать-

ся на работе после 8 часов вечера. При Сталине же многие наркоматы работали и по ночам, что, конечно же, изматывало людей.

С другой стороны, Молотов и Маленков считались яркими приверженцами "жесткого", сталинского стиля, решительно осуждали как "перерождение" и "разложение морального облика" коммуниста даже малейшие отступления от партийных требований, что, разумеется, популярности им в аппарате не прибавляло...

Не скрою, я отнюдь не был "сталинистом", мне больше импонировал Хрущев. К тому же я полагал, что при нем получу большую свободу рук, сумею быстрее реализовать ту программу, которую наметил. Ожидания эти, однако, не оправдались. Свобода действий министров при Хрущеве заметно сузилась, снизилась и на всех уровнях требовательность и ответственность. О работе стали думать меньше, о разных жизненных благах — больше. Думаю, именно тогда и образовалась трещина, которая впоследствии, при преемниках Хрущева, привела к отрыву аппарата от масс и, как обратная реакция, к появлению враждебности аппарату в широких слоях населения, трудящихся, чего в 30-е, 40-е да и 50-е гг. не было.

▲ Сталин на Яхромской насосной станции 1937 г.

Но главное даже не в этом. Я много размышлял над тем, почему провалился “большой скачок” Хрущева в коммунизм в начале 50-х гг., почему мы топчемся на месте с середины 70-х — благо времени и возможностей на посольской работе и пенсии немало, — и вот к какому выводу пришел. С середины 50-х гг., когда требовательность к кадрам стала снижаться, жизнь, напротив, поставила задачу эту требовательность повысить, иначе решить новые, более сложные и масштабные задачи было бы невозможно. Хрущев, прошедший сталинскую школу и не забывший кое-каких ее уроков, еще как-то пытался остановить этот процесс. Его преемники, увы, поддались течению, рецидивам, говоря ленинскими словами, “сил и традиций старого общества”. На многих партийных и государственных постах оказались некомпетентные, недостойные своих высоких постов люди, неспособные обеспечить правильное руководство делами. Да и продвижение по служебной лестнице стало оторванным от действительных заслуг. Министрами, секретарями ЦК и даже членами Политбюро становится не тот,

кто сумел, к примеру, решить производственную проблему в своей области или вывести свои предприятия на мировой уровень, а тот, кому повезло вследствие стечения удачных обстоятельств.

Естественно, не умея по-настоящему работать, все эти люди увлекаются бумагами и реорганизациями, штампуют одно руководящее постановление за другим, произносят бесчисленные речи с призывами “работать по-новому”.

— *Вернемся к более конкретным вещам. Не могли бы вы подробнее рассказать о различиях в подходе Сталина и Хрущева к проблемам сельского хозяйства?*

Вполне отчетливо эти различия проявились уже после смерти Сталина, когда Никита Сергеевич решил ошеломить мир “новаторством” своего подхода. Конечно, и до 1953 г. у Хрущева были свои излюбленные идеи, свои проекты решения тех или иных проблем. Однако в отличие от других членов Политбюро он не умел, да и не хотел отстаивать свои взгляды, тем более что принятые им как-то в этом плане робкие попытки подверглись самой

жесточкой критике со стороны Сталина, который органически не выносил, как он раздраженно отзывался, “маниловского прожекторства”. Сказывалась, видимо, и гипертрофированная боязнь Сталина, что снискало Никите Сергеевичу репутацию безропотного, послушного и недалекого исполнителя, напрочь лишённого политического честолюбия, стремления играть первую роль... Впоследствии Хрущев весьма ловко использовал в борьбе за власть это ложное впечатление, сложившееся, однако, у многих.

Но вернусь к различиям. Прежде всего они касались частного, приусадебного хозяйства колхозников и рабочих совхозов, а также кустарно-промышленной и кооперативной деятельности. Даже после завершения коллективизации деревни индивидуальный сектор играл большую роль. В довоенные годы от 60 до 90 процентов овощей, мяса, молока, яиц, других видов сельскохозяйственной продукции, за исключением, разумеется, зерна и технических культур, давали именно личные подсобные хозяйства. Они же производили большую часть фруктов, ягод. Кстати, большую часть доходов как

в предвоенные, так и в первые послевоенные годы колхозники получали не от общественного, а от своего личного хозяйства. Сталин считал такое положение объективно неизбежным на длительный период и беспощадно пресекал все попытки форсировать дальнейшую "коллективизацию" и обобществление, чему я был свидетелем неоднократно.

Хрущев же, напротив, расценивал частное приусадебное хозяйство, а также деятельность на селе всевозможных кооперативов как "пережитки прошлого и устаревшего", которые якобы "отвлекали" крестьян от коллективного труда и мешали-де выявлению огромных потенциальных "преимуществ социализма" в деревне.

Существенный пункт различий представляли и вопросы заработной платы. При Сталине она довольно активно использовалась как средство поощрения высокопроизводительного и квалифицированного труда, как важный рычаг ускорения научно-технического прогресса. В сельском хозяйстве, например, зарплата агрономов, механизаторов, шоферов, работников МТС, людей других профессий, определявших темпы перевода отрасли на современные рельсы, была значительно, а подчас и в несколько раз выше, чем у рядовых колхозников и рабочих совхозов. Довольно неплохо было налажено и стимулирование высокопроизводительного труда — передовики производства зарабатывали намного больше "средних" рабочих, а для некоторых категорий стахановцев и вообще снимался потолок заработной платы.

Подобная же картина наблюдалась и в промышленности, где инженеры и особенно конструкторы новой техники получали намного больше, чем рабочие, а также служащие непромышленных отраслей. В начале 50-х гг., помнится, профессор университета получал до 1000 рублей, в то время как уборщица — 30 (по нынешнему курсу рубля), и все это считалось в порядке вещей.

Материальные льготы в сочетании с идейно-духовным стимулиро-

ванием способствовали тому, что в ряды агрономов, механизаторов, инженеров, конструкторов и других профессий, играющих ключевую роль в научно-техническом прогрессе, вливались наиболее способные и одаренные люди, а среди населения, особенно молодежи, развивалась тяга к получению знаний, овладению современной техникой.

Хрущеву, который всегда перебарщивал по части популистских настроений, такой подход показался "социально несправедливым" и "не-социалистическим". Под его давлением начался пересмотр тарифных ставок в направлении ликвидации "неоправданных различий" в оплате труда. Этот процесс, к сожалению, продолжался и после 1964 г. Результаты же волонтаристского наруше-

▲ Иосиф Сталин и Георгий Димитров в Кремле

ния важнейших объективных законов социализма известны: уравниловка воцарилась сейчас практически во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства, начался отток способных людей из отраслей, определяющих темпы научно-технического прогресса, в заgone — другого слова нет — оказался инженерно-конструкторский корпус, который по оплате труда уступает сейчас чуть ли не уборщицам. А когда материальное стимулирование поставлено с ног на голову, то и в экономике, естественно, начнутся всякие несуразности, отнюдь не способствующие ее нормальному росту.

Впрочем, я сужу с позиций сегодняшнего дня. Тогда, в середине 50-х гг., все представлялось иначе, и мне, откровенно говоря, даже импонировало стремление Хрущева устранить несправедливости в оплате труда различных категорий трудящихся.

Вообще Никита Сергеевич был непревзойденным мастером краткосрочного эффекта, ярких вспышек, которые, надо отдать ему должное, ослепляли на время не только его единомышленников, но даже и про-

тивников. Правда, эффект этот достигался за счет умаления долгосрочных, стратегических интересов, что в конечном счете оборачивалось колоссальными потерями. Но люди живут сегодняшним днем, и эту слабость Никита Сергеевич эксплуатировал весьма умело...

— *В мемуарной литературе упоминалось о разногласиях между Сталиным и Хрущевым по поводу его несуразного проекта агро-городов...*

Я бы не назвал этот проект несуразным. В основе его лежала в общем-то рациональная идея об интеграции сельскохозяйственного и промышленного производства, выравнивании различий между городом и деревней по уровню социально-бытовой и культурной сферы. Надо сказать, что когда Хрущев выступил с этими идеями, они мне понравились. Однако затем, под влиянием весьма серьезной и хорошо аргументированной критики со стороны крупных специалистов и ученых-аграрников, я стал относиться

к теории "агрогородов" более сдержанно. Мне показали, и довольно убедительно, что достигнутый уровень развития деревни не позволит еще в течение длительного времени ставить вопрос о прямой интеграции сельскохозяйственного и промышленного производства, по крайней мере в масштабах всей страны, как это предлагал Хрущев. Явным забеганием вперед, игнорированием объективной специфики села был и тезис о необходимости сосредоточения и концентрации сельскохозяйственного населения, ликвидации "неперспективных" деревень. Впоследствии попытки искусственно форсировать процесс индустриализации деревни, как известно, нанесли сельскому хозяйству большой урон.

Хрущев же тем временем выступил в "Правде" со статьей, где изложил, и, надо сказать, довольно неплохо, концепцию "агрогородов". Сталин, обычно поощрявший партийных руководителей к теоретическим изысканиям, постановке проблемных вопросов, отнесся к статье резко отрицательно, я бы даже ска-

зал, враждебно. Вскоре в “Правде” появилась статья, где теория “агрородов” была подвергнута уничтожающей критике. В узком кругу Сталин отзывался о хрущевских изысканиях еще более резко, называя их “чистой водой прожектерством”, “леваческим забеганием вперед”, “мелкобуржуазной горячкой”. Хорошо помню эти слова, поскольку Сталин при мне повторял их неоднократно, видимо, опасаясь, как бы я не попал под влияние хрущевской “теории”.

Вообще же, высоко оценивая организаторские качества Хрущева, считая его блистательным исполнителем, Сталин был весьма низкого мнения о его политических и идейно-теоретических способностях. Более того, в отношении Сталина к Хрущеву проскальзывало даже нарочитое пренебрежение, чего он не позволял себе никогда в обращении с партийными и государственными руководителями за исключением, пожалуй, Берии. Лично у меня сложилось впечатление, что, выделяя эту “двойку” из своего окружения, Сталин как бы отмежевывался от ее “небольшевизма”, словно извинялся, что в государственных делах приходится прибегать к услугам людей способных, но сомнительных по своей идейной закваске, своего рода “политических попутчиков”.

Хрущев внешне довольно спокойно и ровно относился к сталинским нахлобучкам. Однако спокойствие это, конечно, было обманчивым — Никита Сергеевич был человеком крайне самолюбивым и амбициозным, хотя до поры до времени умел скрывать это.

Помню, после одного из совещаний, где Сталин, не стесняясь в выражениях, резко отчитал Хрущева за какую-то оплошность, мы вдвоем спускались к поджидавшим внизу машинам.

— Много он знает, — вдруг резко и зло сказал Хрущев. — Руководить вообще легко, а ты попробуй конкретно...

— Кто это он? — чисто механически спросил я, занятый своими мыслями — мне тоже на совещании крепко досталось, и я уже стал обду-

мывать, как лучше реализовать сталинские замечания.

— Да это я так, про себя, — сказал Никита Сергеевич. — Здорово нам шею намылили, надо делать выводы. — Он уже овладел собой и пытался дружелюбно улыбнуться.

Только в машине сообразил, что Хрущевские слова относились к Сталину. Как говорится, в тихом омуте...

Но я отвлекся от сути нашего вопроса. История с агрогородами лишний раз подчеркивает разницу в подходах Сталина и Хрущева к проблемам сельского хозяйства.

Сталин, реалист до мозга костей, в гораздо большей степени считался с его спецификой, действовал продуманно, основательно, не спеша, с учетом долгосрочных последствий тех или иных акций. Хрущев же, напротив, стремился к быстрым и эффективным результатам, торопился, спешил, теряя реальное представление о достигнутом уровне развития, впадая в совершенно непростительный, преступный утопизм.

— Из ваших слов складывается впечатление, что главную ответственность за нынешнее, весьма плачевное состояние сельского хозяйства несут Хрущев и те, кто отошел от сталинской линии. Но разве сама эта линия была безупречной? Разве не было перегибов и эксцессов коллективизации, страшного голода 1933 г., “перекачки” средств из деревни в город, наконец, полуфеодального закрепощения колхозников, не имевших даже паспортов! Да и отставание от Запада в области сельского хозяйства за сталинский период вы не преодолели. В официальных документах, трудах видных историков ответственность за это во многом возлагается на Сталина и его окружение. Или вы с этим не согласны?

Судя по вопросу, вы не сумели правильно разобраться в соотношении объективных и субъективных факторов, свалили все в кучу. Поставляю, насколько смогу, прояснить истинную картину.

Возлагать всю вину за отставание сельского хозяйства на Хрущева или Сталина в корне неправильно. Главные, все-таки здесь — объективные факторы, специфика исторического развития страны. О чем говорить: в начале 20-х гг. в нашей деревне преобладала соха да лучина, в то время как США, Великобритания, другие европейские государства практически полностью завершили электрификацию сельского хозяйства. Из этой отсталой, средневековой деревни приходилось черпать силы и средства для индустриализации страны, формирования современной армии, восстановления разрушенной войной экономики — другого пути просто не было. Этот океан отсталых частных хозяйств надо было переводить на рельсы социалистической коллективизации со всеми ее неизбежными издержками и “минусами”. И все это под прессом враждебного капиталистического окружения, форсированными темпами, в исторически кратчайшие сроки — других не существовало. Убежден: затяны мы с коллективизацией или индустриализацией лет на пять-шесть — не сумела бы экономика обеспечить все необходимое для победы над фашизмом, а деревня — накормить армию и население, не говоря уже о возникновении в тылу “пятой колонны” из ненавидевших Советскую власть мелких хозяйчиков-кулаков. В том-то и дело, что “нормальной” возможности история нам не дала, приходилось и действовать “ненормальными”, то есть форсированными, темпами.

Конечно, партия, правительство, лично Сталин делали многое для подъема сельского хозяйства, улучшения жизни крестьянства — подтверждаю это как человек, возглавлявший отрасль в течение почти двух десятилетий. И деревня сделала мощный рывок вперед, к современной организации производства и труда, цивилизованной культуре и быту. Но ожидать чудотворных результатов, ликвидации отставания от Запада за эти кратчайшие сроки просто нереально. Только в начале 50-х гг. у государства впервые

появилась возможность направить на развитие сельского хозяйства крупные силы и средства. До этого город во многом жил за счет деревни, и другого выхода не было, разве лишь в кабинетных иллюзиях “видных историков”.

Не спору, жизнь крестьянина в то время не была сладкой — напряженный труд, высокие налоги, “жесткая” привязанность к месту проживания. Как, впрочем, и в городе. Не забывайте, что по жизненному уровню населения царская Россия отставала от передовых капиталистических стран лет на сто, а может быть и еще больше.

Но и сгущать красок не следует. По сравнению с дооктябрьским периодом производственные, культурно-бытовые условия подавляющего большинства сельского населения резко изменились в лучшую сторону. В своей основной массе и колхозники, и рабочие совхозов были довольны жизнью и смотрели на будущее куда более оптимистически, чем сейчас, в условиях невыносимого для той поры материального достатка. Говорю это потому, что не раз доводилось слышать стенания о бедственном положении деревни в 30-е и 40-е гг. Послушать иного литератора, так политика партии в тот период представляла собой чуть ли не сплошной террор, репрессии и насилие

по отношению к крестьянству. Чепуха! На голом насилии — а жители деревни в 30-х гг. составляли большинство населения — ни один политический строй долго бы не продержался! Да и не было бы разгрома самой мощной в мире фашистской военной машины, массового героизма на фронте и в тылу, наконец, выхода нашей страны в число двух сверхдержав, если бы все держалось, как кое-кто всерьез пытается уверить, на страхе перед НКВД!

— Вы коснулись объективных факторов, не сказав ни слова о субъективных...

Что же, перехожу к ним. Вы, конечно же, ожидаете от меня сравнительной оценки действий Сталина и Хрущева, точнее, допущенных ими ошибок, замедливших развитие сельского хозяйства.

Да, просчетов, неизбежных, впрочем, в любом новом деле, и Сталин, и Хрущев совершили немало. Но ошибки ошибкам рознь. Сталин допускал просчеты в мелких, второстепенных вопросах, не делая их в крупных, стратегических. Хрущев, наоборот, лучше разбирался в деталях и частностях, крупномасштабные, общегосударственные решения продумывал плохо, наспех, что имело в ряде случаев просто катастро-

фические результаты. Вот вы сослались на голод 1933 г. Он был вызван прежде всего страшной засухой, последствия которой усугубили издержки и осложнения завершившейся к тому времени коллективизации деревни, неизбежные в любых крупных социальных преобразованиях. Оба этих фактора носили объективный характер, и свести их на нет, пускай даже сверхсильной волей вождя, было невозможно. Ошибка Сталина состояла в том, если, конечно, она имела место, что он слишком передоверился тогдашнему наркому земледелия Яковлеву (Эпштейну), который не принял необходимых мер для борьбы со стихийным бедствием и фактически покрывал вредительские действия троцкистов и других “леваков”, окопавшихся в центральных, и местных органах власти. Работая в то время в Московском тресте овощеводческих совхозов, я получал из центра, мягко говоря, странные распоряжения, выполнение которых могло привести к дезорганизации производства. Яковлева, кстати, за преступный саботаж вместе с его сообщниками расстреляли. Но в любом случае действия его группы решающего значения не имели, хотя и обостряли ситуацию, которая, повторяю, была вызвана в основном объективными факторами.

▲ Кончина Сталина 1953 г.

А вот Хрущев, став у государственного руля, допустил уже стратегические по своему характеру и последствиям просчеты. В середине 50-х гг., когда у нас, по сути, впервые появилась возможность направить в сельское хозяйство крупные силы и средства, он сделал ставку на массивное освоение целинных земель, что, конечно, давало очевидный и быстрый эффект, но в долгосрочном плане оказалось явно ошибочным решением. И дело не только в том, что освоение целины шло за счет регионов, которым надо было, напротив, уделить повышенное внимание, — Украины и Нечерноземной зоны России. Куда более пагубным оказался “стратегический разворот” сельского хозяйства в сторону экстенсивных факторов роста, в то время как в повестке дня стоял переход к интенсификации сельского хозяйства. Кстати, во всех странах такой переход сопровождался сокращением посевных площадей. Иными словами, надо было идти “вглубь”, а мы, погнавшись за сиюминутными успехами, пошли “вширь”, по заведомо ложному пути, потеряв на этом, без преувеличения, несколько сельскохозяйственных пятилеток.

Крайне негативные последствия имело и фронтальное наступление Хрущева на личные приусадебные хозяйства и особенно сокращение скота, находившегося в личной собственности колхозников и рабочих совхозов. А ведь гибкое сочетание личного с общественным в сталинский период позволяло решать многие проблемы. Поговорите с людьми старшего поколения, и они скажут вам, что по разнообразию и ассортименту продовольственной продукции наши магазины в начале 50-х гг. были на два порядка выше, чем сейчас, в начале 80-х. И конечно же, повсеместное распространение уравниловки, гигантомания, обернувшаяся ликвидацией “неперспективных” деревень, наносили дополнительные, весьма чувствительные удары по сельскому хозяйству.

Сменившие Хрущева лидеры его ошибок не только не исправили, а, напротив, усугубили. Если Никита Серге-

евич, будучи сильным организатором, энергичным и предприимчивым человеком, как-то “встряхивал” и настраивал на деловой лад руководящие кадры, его преемники предпочли бесконечные увещевания. Все это в конечном счете и привело к тому, что, несмотря на огромные затраты, сельское хозяйство и пришло к нынешнему, как вы справедливо заметили, “весьма плачевному состоянию”.

— Не впали ли Вы, Иван Александрович, в противоречие? Вы утверждали, что Сталин хорошо разбирался в людях, знал им истинную цену... Как же хорошо, если ошибся в Хрущеве, Берии, Вышинском, в других входивших в его окружение людях?

Не думаю, что это было ошибкой. Сталин, как и Ленин, умел использовать людей, политический облик которых считал сомнительным, меньшевистским. Не одни ведь 100-процентные марксисты-ленинцы обладают монополией на умение работать, высокие деловые качества... И Вышинский, и Мехлис, и Берия имели меньшевистское прошлое, “темные пятна” в своей биографии. Но их профессиональные “плюсы” явно перевешивали, тем более что к формированию политической стратегии этих деятелей не допускали. Позволил же Ленин занять высокие посты Троцкому, Зиновьеву, Каменеву, Бухарину, которых не считал настоящими большевиками и подлинно марксистскими теоретиками.

У нас всегда крайности. Если хвалим, до небес, если ругаем, обязательно надо в порошок стереть... Либо дьявол, либо ангел, а что посередине, то этого как бы не бывает, хотя в жизни, напротив, бывает, и очень часто.

Возьмите, например, Берию. Его преподносят как скопище всех мыслимых и немыслимых пороков. Да, пороки у него имелись, человек был не порядочный, нечистоплотный — как и другим наркомам, мне от него немало натерпеться пришлось. Но при всех своих бесспорных изъ-

янах Берия обладал сильной волей, качествами организатора, умением быстро схватывать суть вопроса и быстро ориентироваться в сложной обстановке, определяя ее главные и второстепенные моменты.

Ведь это факт, что под руководством Берии было осуществлено, и в кратчайшие сроки, создание атомного оружия, а в годы войны с рекордной быстротой сооружались объекты оборонного значения.

Но Берия умел небольшой ошибке придать видимость сознательного умысла, даже “политических” намерений. Думаю, Берия, как и Мехлис, Сталин использовал как своего рода “дубинку страха”, с чьей помощью из руководителей всех рангов выбивалось разгильдяйство, ротозейство, беспечность и другие наши болячки, которые Ленин весьма точно окрестил “русской обломовщиной”. И, надо сказать, подобный, не очень привлекательный метод срабатывал эффективно.

Конечно, были случаи, когда бериевская дубинка опускалась и на головы честных людей.

Как бы там ни было, Берия, снятый Сталиным с поста министра госбезопасности в 1952 г., после его смерти снова резко пошел вверх: он стал первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, возглавил Министерство внутренней безопасности, куда вошло и Министерство внутренних дел. Иными словами, добился такой власти, о которой при Сталине и мечтать не смел. Что касается Хрущева, то Сталин, несомненно, лучше других видел его “небольшевизм”, ограниченность умственного и культурного кругозора, карьеристские амбиции. Но, считая прекрасным исполнителем, предпочитал использовать на высоких партийных постах. И правильно делал: работая под строгим руководством, Хрущев приносил немалую пользу. Другое дело, что на решающий в нашей стране пост он ни по каким параметрам не тянул, хотя и очень хотел быть Первым. В этом-то и вся трагедия...

— Можно согласиться, что Хрущев уступал Сталину во мно-

гом. Но он ведь не сажал честных людей в тюрьмы, не проливал их крови. Народ никогда не простит...

Вы уверены в том, что обоснованно сделали себя глашатаем народа? Народ-то у нас разный. Для профессора и литератора Сталин, конечно, "деспот" и "диктатор", для передовых рабочих, многих простых людей, живших в то время, — великий и мудрый человек, заботившийся о благе народа и заставлявший делать то же самое "начальство", которое сейчас "заелось", обюрократилось и оторвалось от широких масс. Наивно? Может быть... Но когда я сопоставляю эти полярные оценки, то вспоминаю глубокие слова К. Маркса о том, что интеллигенту следует куда больше учиться у рабочего, чем рабочему у интеллигента...

— Простите, но какое это имеет отношение к заданному мной вопросу?

Самое прямое. Поговорите с простыми, честными работягами из народа, и они вам скажут: "Пора наводить порядок, ужесточать до предела расхлябанную партийную и государственную дисциплину, не останавливаясь перед самыми крутыми мерами". Глас народа, как говорится, глас божий. По своему опыту могу твердо сказать: без постоянной чистки партийного, государственного аппарата от всего недостойного, примазавшегося, без решительного пресечения в самом зародыше антисоциалистических тенденций и проявлений в высших эшелонах быстрое и уверенное движение вперед страны невозможно. Хотя бы потому, что такая "ассенизационная работа" оздоравливает обстановку в стране, обеспечивает приток в партию, сферу управления честной, думающей, талантливой молодежи, раскрывает огромный демократический потенциал народа. Да, именно так: он раскроется лишь в условиях железной дисциплины и порядка, решительного пресечения всех антисоциалистических явлений, иначе вся активность уйдет в гибельное русло болтливой дема-

гогии, анархической распущенности, своекорыстной борьбы за групповые и личные интересы. Работая в Югославии, я вдоволь посмотрелся на то, другое и третье... И эта железная дисциплина и высочайшая требовательность во всем, большом и малом, должны начинаться именно с руководителей высшего звена, в противном случае социализм ожидают крайне опасные последствия...

Сталин, как я уже говорил, быстрее и глубже других раскусил мелкобуржуазную суть хрущевских лозунгов и программ. Однако должных

мер, которые бы обезопасили страну, мировой социализм от прихода к власти "небольшевистских" лидеров типа Хрущева и ему подобных, предпринять так и не сумел... В результате пришлось тяжелейшей ценой расплачиваться за их левацкое, мелкобуржуазное прожектерство.

Или возьмите еще один пример — я имею в виду Георгия Константиновича Жукова, талантливейшего военачальника, бесспорно, лучшего полководца второй мировой войны. При всех своих незаурядных личных качествах он обладал и очевидными

▲ Похороны Сталина

недостатками, о которых откровенно и правдиво написал К. Рокоссовский в своем "Солдатском долге".

Если жуковские высокомерие, грубость, бесцеремонность и тому подобные солдафонские замашки еще как-то можно было терпеть, то непомерное самомнение и честолюбивые, "наполеоновские" амбиции представляли собой и политическую опасность. Когда Сталин, благоволивший Жукову, понял это, он сразу же принял необходимые меры. Специальный "офицерский суд чести" из прославленных маршалов и адмиралов подверг поведение Жукова резкой критике, Георгию Константиновичу в лицо наговорили немало резких, но справедливых слов. Учитывая, однако, большие личные заслуги и субъективную честность Жукова, суд в то же время выступил против принятия суровых мер, на которые явно рассчитывали Маленков, Берия и поддержавший их Сталин. В конечном счете Сталин не только уступил мнению военных, ограничившись понижением Жукова в должности, но незадолго до своей смерти вновь стал продвигать его к решающим постам. Это была явная ошибка. Впоследствии Жуков подтвердил обоснованность сталинских опасений, проявив совершенно недопустимое даже для такого крупного военачальника вмешательство в партийные, политические дела. Как известно, в июне 1957 г. он чуть ли не в открытую угрожал так называемой "антипартийной группе", то есть большинству членов Политбюро, применением военной силы. Поддержкой Хрущева, которого Жуков впоследствии предполагал легко прибрать к рукам, маршал явно рассчитывал укрепить свое положение, и, как это часто бывает, попал в яму, вырытую им для других, — Хрущев куда меньше церемонился с потенциально опасными конкурентами, чем Маленков или Молотов.

Результаты монопольного господства Хрущева, которому по собственной недальновидности и непомерным честолюбивым амбициям помог Жуков, очевидны. Страна сошла с ленинских рельсов развития, потеряла

темпы, пострадали интересы десятков, а может быть, если взять и международные аспекты, сотен миллионов людей...

А ведь всего этого можно было бы избежать, если бы Сталин проявил свойственную ему твердость и последовательность в пресечении потенциально опасных для социализма явлений. Иными словами, лишил и Хрущева, и Жукова возможности выйти на первые роли. Конечно, я не имею в виду суд и тюремное заключение — не те времена. Достаточно было отправить этих, бесспорно, выдающихся людей, на пенсию... Скажете, несправедливо, жестоко и репрессивно. Может быть, если смотреть на дело с их "личной колокольни", с позиций друзей, родных и, конечно же, некоторых наших "высоконравственных" литераторов. А вот для защиты интересов десятков миллионов, подавляющего большинства советских людей эти "репрессии" были бы и необходимыми, и справедливыми. Настоящая, ленинская политика, кстати, и начинается с защиты таких интересов, с умения ставить общее и целое выше частного и группового.

Помните историю с "рабочей оппозицией" в 1921 г.? В ее рядах было немало честнейших и преданнейших идеалам революции людей, занявших, однако, потенциально опасные для социализма позиции. В. И. Ленин самым решительным образом настаивал на исключении их из партии. А когда это не удалось — не хватило всего нескольких голосов — добился отстранения членов оппозиции от решающих постов, посылки их в провинцию или на дипломатическую работу, как Александру Михайловну Коллонтай...

Пожалуй, главным просчетом Сталина и было то, что он не сумел, а может быть, не успел подготовить себе достойную смену. Не успел потому, что меры определенные в этом отношении предпринимал: на XIX партийном съезде был сильно расширен Президиум Центрального Комитета, на пост Предсовмина выдвинул П. К. Пономаренко, проводился своего рода "эксперимент" с "моло-

дыми дублерами" министров... Но, увы, в конечном счете, все пошло по-другому.

— *И в заключение, что бы вы хотели пожелать вступающим в жизнь молодым людям?*

Кажется, Толстой сказал замечательные слова: "Правильный путь такой: усвой, что сделали до тебя другие, и иди дальше". Мое поколение усвоило уроки ленинизма и сумело решить все ставшие перед ним проблемы: построить социализм, отстоять его от фашистской агрессии, превратить страну в современную и великую державу. Нынешнее поколение также справится со своими сложнейшими задачами, если возьмет все ценное из опыта прошлого, если освоит испытанные временем большевистские методы управления страной и пойдет дальше — к наивысшей в мире производительности и эффективности труда, к самой разумной и гуманной на нашей планете организации культуры, досуга, быта.

Патриотизм, любовь к Родине — не только психологическая, но и мощная экономическая сила. В США, Японии эти чувства культивируют с юных лет, прививая молодежи гордость за свою страну, свой народ, свою культуру. А у нас подобную гордость иные литераторы и газетно-литературные издания подчас крестят шовинизмом.

Мы, первопроходцы социализма, интернационалисты по убеждениям, гордиться нашей страной, героическими традициями народа имеем куда больше оснований. В конце концов, социализму при всех его проблемах и трудностях принадлежит будущее, капитализм же, при всех его ярких успехах и достижениях, неизбежно сойдет с исторической сцены.

Пусть наша молодежь не теряется перед многочисленными трудностями, не поддается дешевым скептикам, маловеерам и нытикам, а, засучив рукава, борется за идеалы социализма с такой же энергией, страстью и самоотверженностью, какие были свойственны поколению 30-х гг.! ■

АЛЕКСАНДР САМСОНОВ

БИТВА ЗА ИСТОРИЮ

▲ За Русь Святую

История является одной из важнейших наук, так как формирует у человека реальную картину мира. Именно поэтому на Западе, да и на Востоке уделяют такое большое внимание истории и её переписыванию в свою пользу, формированию исторических мифов. Так, буквально на наших глазах произошло переписывание истории **Второй Мировой войны**, где главными действующими лицами стали англо-американские солдаты, полководцы и политики, а Сталина и Гитлера, СССР и Третий рейх поставили на одну доску, назвав главными источниками войны. В результате, истинные зачинщики и разжигате-

ли мировой бойни — «финансовый интернационал», США и Англия, — не только остались в тени, но выступили в роли «добра» и победителей.

История — один из самых главных инструментов **управления обществом**. Она позволяет белое делать чёрным и наоборот. Одновременно исторические мифы позволяют разделить общество, чтобы оно утратило единство и силу.

Так, с помощью отрицательных мифов было разделено русское общество.

Одни являются сторонниками «**Новой России**»: мол, до этого были только «совки» и угнетённые царизмом крестьяне, а «свободу»

человек получил только с 1991 года. Другие считают, что идеальным государством был СССР. Причём они делятся на «сталинистов» и сторонников позднего СССР — «эпохи застоя». Третьи идеализируют Российскую империю и династию Романовых, поют сказки про «Россию, которую мы потеряли». Четвёртые вспоминают про «золотой век» времён языческой Руси. В результате, **общество расколото** на враждующие группы, у каждой есть свои герои и антигерои, аргументы и контраргументы. Так, для одних Сталин — герой, а для других — «кровавый мясник». Для одних император Николай II — никчёмный правитель, для других —

святой и великий государственный деятель.

Единого позитивного мифа, канона, который бы сплотил общество, сделал его единым, не существует. **Нет цельной картины**, объединяющей историю Руси от времён Скифской империи до наших дней, которая позволяет формировать патриота, любящего и знающего как славянскую мифологию и былины, так и героев Великой Отечественной войны, войны в Афганистане и Чечне. **Цельного человека**, который бы не делил историю Отечества на враждебные друг другу периоды, история Отечества не формирует.

Более того, различные правящие элитарные группировки постоянно создают «свою» историю. После крещения Руси был фактически уничтожен целый пласт истории Языческой Руси. Ещё один перелом произошёл во время смены династии, когда власть получили Романовы. Особенно это заметно стало при Петре I и последующих правителях, когда Ломоносову практически в одиночку пришлось отстаивать историю русского народа. Концепция непрерывного и многотысячелетнего существования суперэтнуса русов на территории Северной Евразии и преемственности основных духовных, ментальных, культурных, военных традиций от времён скифов и сарматов до русов Святослава и Александра Невского, ушла в подполье. Официальное информационное поле «оккупировала» западная концепция, согласно которой дикие славяне были цивилизованы шведами-варягами и немцами. В целом эта концепция господствует и до настоящих дней. Русь-Россия представляется не самобытной, отдельной цивилизацией, наследницей древней северной империи-цивилизации, а «изнасилованной» Востоком окраиной Западной (европейской) цивилизации.

После революции 1917 года троцкисты-интернационалисты пошли ещё дальше и вообще хотели уничтожить историю и культуру «проклятого царизма», вместе с Пушкиным, Лермонтовым Толстым, Суворовым,

▲ Святослав Игоревич

Ушаковым и Кутузовым. Слава Богу, Сталин «зачистил» этих бесноватых, вместе с ними была разрушена и их концепция культуры и истории России. При Сталине стали формировать позитивный исторический **миф**. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить исторические киношедевры того периода. Однако в позднем СССР эта тенденция, вместе с другими «сталинскими перегибами», была в основном уничтожена. Хотя отдельные шедевры, воспитывающие «русскость» появлялись и тогда («Финист — Ясный Сокол» 1975 года, «Русь изначальная» 1985 года). Но это уже был не системный подход, а подвижничество отдельных личностей.

В Российской Федерации идейные наследники троцкистов взяли реванш и приступили к «реформе» истории. В современной системе школьного исторического образования либералы, а под их маской скрываются те же **«троцкисты»**, продолжают развивать концепцию о неполноценности русской цивилизации, исходя из неё, формируется вся история Отечества. Из этой концепции вытекает целый букет русофобских по своей сути

мифов. Так, по их мнению, Россия — это периферия мировой цивилизации, куда доходили только отголоски эпохальных событий и открытий. Периферийность обуславливает «догоняющий характер» экономики, отсталость науки, техники, культуры и образования. **Россия**, исходя из этих взглядов, ущербный придаток мировой цивилизации.

Естественно, что при таком взгляде **нет места позитивным мифам**, которые должны объяснять подрастающему поколению, что такое хорошо и плохо, кто враг, показывать героев, на которых необходимо ориентироваться. История превращается в бессмысленный набор фактов, не имеющих позитивной или отрицательной оценки. Это даже хуже «романтического» взгляда на историю, где всё решают великие исторические личности, герои, или марксистского подхода, с его общественно-экономическими формациями, технологическим развитием.

Даже про позднесталинский период (1945-1953 г.), сказано, что «Советский Союз находился в целом в русле общемировых процессов, но (в силу консерватизма политических институтов) не смог найти на них

▲ Адмирал Ф. Ф. Ушаков

▲ Александр Васильевич Суворов

адекватного ответа». Это же **откровенная глупость и обман**. Сталинский СССР сам задавал всему человечеству вектор развития и к нему присоединилась значительная часть человечества, другая часть присматривалась к советскому опыту с вниманием и сочувствием. **СССР тогда был флагманом человечества**, а не воспроизводил опыт Запада. «Не нашёл ответа». А молниеносное восстановление экономики, сохранение быстрых темпов развития народного хозяйства, атомный проект! При Сталине создали даже финансовую альтернативу долларовой системе. Авторы не понимают, что СССР был целой вселенной, которая совершила невиданный в истории рывок и показала всему человечеству жизненность, конкурентоспособность и преимущество (одна победа над Третьим рейхом всей Европой — это доказывает) принципиально новой — советской модели общественного строя, общества созидания и служения Родине.

Совершенно верно отметил доктор философских наук Виталий Аверьянов: «В концепции, подго-

▲ Синопское сражение

товленной под руководством наших академиков, ни взаимосвязи, ни непрерывности, ни логического стержня преподавания истории в школе, — ничего этого мы не увидим...» Вместо уважения к прошлому — излишняя осторожность и вырезание целых страниц истории, когда выпадают важнейшие события и победы России вроде Синопского сражения.

Есть и подмены, вроде отсутствия Великой Октябрьской Социалистической революции, которую объединили с Февральским переворотом. В результате отдельная Октябрьская революция одним росчерком пера превращена из «Великой» и «Социалистической» в продолжение «Великой русской революции», начатой в феврале 1917 года. Октябрьская революция стала этапом «Великой русской революции». Однако это не только ошибка, но и подлог (обман). Февральский переворот, когда западническая «элита» свергла самодержавие и создала марионеточное Временное правительство, объединили с революцией, которая привела к господству социалистической модели в России.

Великая Октябрьская Социалистическая революция была именно «Великой», так как в итоге породила новое общество и новую цивилизацию — советскую цивилизацию. Это был невиданный в истории факт. Кроме того, удивляет соединение в «один флакон» «Великой российской революции» сразу трёх отдельных событий и периодов истории: февральского переворота и Октябрьской революции, Гражданской войны. Февраль и Октябрь — это события совершенно антагонистические по своей природе. Февраль — это классический буржуазный переворот, работа групп элитарных заговорщиков, мечтавших перестроить Россию по образцу Франции или Англии. Гражданская война же — это целый период истории, наполненный массой масштабных событий.

При этом надо отметить, что сама идея создания единого стандарта, канона в истории — крайне важный и серьёзный шаг. История, как уже

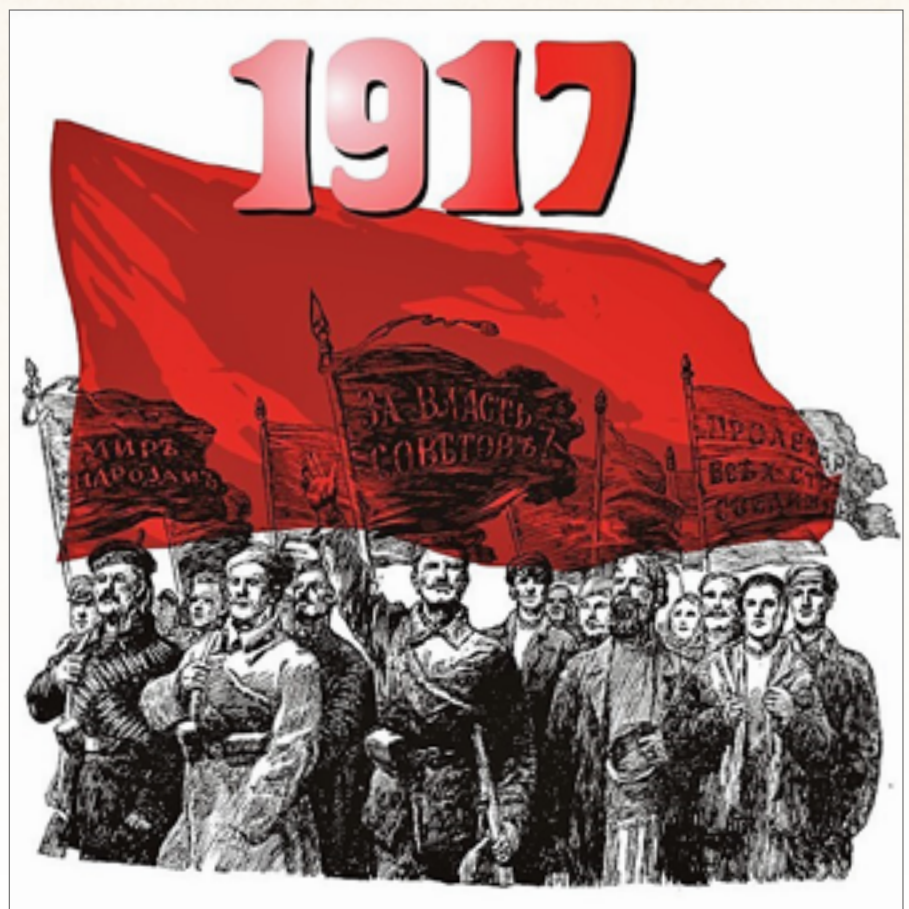
отмечалось выше, важнейшая часть информационного, идеологического противостояния. Это **ключевое информационное оружие**, которое позволяет воспитывать поколение за поколением, формировать будущее. Создание единой позитивной мифологии, патриотического канона, позволит сформировать единое информационное поле, транслирующее образы прошлого на людей.

Отрицательный эффект, когда люди уже не первое десятилетие живут в хаосе толерантных и плюралистических мнений и оценок, уже очевиден. Достаточно вспомнить гадящих на Вечный огонь уродов или устраивающих около него танцы. **Потеряны целые поколения**, которые воспитывались на примерах человек-пауков, бэтменов, дегенеративной поп-культуре. Очевидно, что внутри этого дегенеративного хаоса тон задают заказчики и хозяева значительной части СМИ и массовой

культуры, структуры и люди далёкие от патриотизма и часто играющие на стороне врагов России. Борьба с «космополитами» при Сталине велась не на пустом месте, это было очень серьёзное дело.

Достаточно вспомнить, кто выступает против самой идеи **единого учебника истории**. Это Комитет гражданских инициатив, который возглавляет Кудрин, человек, по линии которого продолжает развиваться (точнее, разваливаться) народное хозяйство страны. В этот же Комитет входят такие небезызвестные лица Гозман, Гонтмахер, Сванидзе и Юргенс. Они заявили, что единый учебник не отвечает современности, и в XXI столетии уже нет и не может быть носителей «истины в последней инстанции», поэтому такой учебник вызовет раскол в обществе.

С учётом господства в российских политических, экономических и образовательных кругах носителей

▲ Великая Октябрьская Социалистическая революция

▲ Сталин и Ленин

не было бы. Наши деды и прадеды чётко знали, где проходит грань между добром и злом, поэтому и создали **уникальную русскую имперскую систему.**

Вдумчиво читая набор бесовственных баек под названием «История России», в одних случаях хочется крикнуть «Автора!», а в других — просто посмотреть на него. К счастью, достоверные сведения о сказочниках сохранились. Сейчас мы последовательно перечислим **всех академиков-историков** Российской Академии наук, как иностранцев, так и отечественных, начиная от её основания в 1724 году, вплоть до 1918 года. Для каждого академика указан год избрания.

западного менталитета, с единым стандартом получилось, как в известном выражении «хотели как лучше, а получилось как всегда». Для авторов концепции нет альтернатив, есть только европейские стандарты, Россия с задержками воспроизводила все основные тенденции Запада. Сплошное заимствование и повторение. В концепции единого учебника отечественной истории не отражён **«русский проект»** (русская альтернатива Западу), с его довольно гармоничной интеграцией земель, народностей и культур, без геноцида и паразитического колониализма других мировых империй. Не отражена ведущая роль **суперэтноса русов** в создании и сохранении русской цивилизации и русской государственности.

Западническая партия в России, наследники февралистов, троцкистов, космополитов, шестидесятников, диссидентов, перестройщиков, десталинизаторов и правозащитников, в очередной раз протаскивает **либеральную схему истории**. Упомянув о патриотизме, тут же говорят о толерантности. В концепции прямо сказано о толерантности в отношениях между народами и государствами. Думается, если бы наших пращуров воспитывали в духе толерантности, нас сейчас просто

▲ Михаил Васильевич Ломоносов

- 1) Коль Пётр или Иоганн Петер (Kohl Johann Peter), 1725,
 - 2) Миллер или Мюллер Фёдор Иванович или Герард Фридрих (Muller Gerard Friedrich), 1725,
 - 3) Байер Готлиб или Теофил Зигфрид (Bayer Gottlieb или Theophil Siegfried), 1725,
 - 4) Фишер Иоганн Эбергард (Fischer Johann Eberhard), 1732,
 - 5) Крамер Адольф Бернгард (Cramer Adolf Bernhard), 1732,
 - 6) Лоттер Иоганн Георг (Lotter Johann Georg), 1733,
 - 7) Леруа Людовик или Пьер-Луи (Le Roy Pierre-Louis), 1735,
 - 8) Мерлинг Георг (Moerling или Moerling Georg), 1736,
 - 9) Брем или Брэме Иоганн Фридрих (Brehm или Brehme Johann Friedrich), 1737,
 - 10) Тауберт Иван Иванович или Иоганн Каспар (Taubert Johann Caspar), 1738,
 - 11) Крузиус Христиан Готфрид (Crusius Christian Gottfried), 1740,
 - *12) Ломоносов Михаил Васильевич, 1742,
 - 13) Модерах Карл Фридрих (Moderach Karl Friedrich), 1749,
 - 14) Шлецер Август Людвиг (Schlozer Auguste Ludwig), 1762,
 - 15) Стриттер или Штриттер Иван Михайлович или Иоганн Готгильф (Stritter Johann Gotthilf), 1779,
 - 16) Гакман Иоганн Фридрих (Hackmann Johann Friedrich), 1782,
 - 17) Буссе Фомич или Иоганн Генрих (Busse Johann Heinrich), 1795,
 - 18) Вовилье Жан-Франсуа (Vauvilliers Jean-Francois), 1798,
 - 19) Клапрот Генрих Юлий или Юлиус (Klaproth Heinrich Julius), 1804,
 - 20) Герман Карл Федорович или Карл Готлоб Мельхиор или Карл Теодор (Hermann Karl Gottlob Melchior или Karl Theodore), 1805,
 - 21) Круг Филипп Иванович или Иоганн Филипп (Krug Johann Philipp), 1805,
 - 22) Лерберг Август или Аарон Христиан (Lehrberg August Christian), 1807,
 - 23) Келер Егор Егорович или Генрих Карл Эрнст (Keller Heinrich Karl Ernst), 1817,
 - 24) Френ Христиан Данилович или Христиан Мартин (Fren Christian Martin), 1817,
 - *25) Ярцов Януарий Осипович, 1818,
 - 26) Грефе Федор Богданович или Христиан Фридрих (Grafe Christian Friedrich), 1820,
 - 27) Шмидт Яков Иванович или Исаак Яков (Schmidt Isaac Jacob), 1829,
 - 28) Шенгрэн Андрей Михайлович или Иоганн Андреас (Shengren Johann Andreas), 1829,
 - 29) Шармуа Франц Францевич или Франсуа-Бернар (Charmoy Francois-Bernard), 1832,
 - 30) Флейшер Генрих Леберехт (Fleischer Heinrich Lebrecht), 1835,
 - 31) Ленц Роберт Христианович (Lenz Robert Christian), 1835,
 - 32) Броссе Марий Иванович или Мари-Фелисите (Brosset Marie-Felicite'), 1836,
 - *33) Устрялов Николай Герасимович, 1837,
 - 34) Дорн Борис Андреевич или Иоганн Альбрехт Бернгард (Dorn Johann Albrecht Bernhard), 1839.
- Далее происходят переломные выборы 1841 года, начиная с которых наконец-то стали появляться в заметном количестве отечественные академики-историки (но было уже слишком поздно):
- *35) Арсеньев Константин Иванович, 1841,
 - *36) Бередников Яков Иванович, 1841,
 - *37) Борисов Иван Алексеевич (архиепископ Иннокентий), 1841,
 - *38) Бутков Петр Григорьевич, 1841,
 - *39) Каченовский Михаил Трофимович, 1841,
 - *40) Погодин Михаил Петрович, 1841,
 - *41) Строев Павел Михайлович, 1841,
 - 42) Бетлинг Оттон или Отто Николаевич фон (Boehlingk Otto von), 1842,
 - 43) Куник Арист Аристович или Эрнст Эдуард (Kunik Ernst Eduard), 1844,

- *44) Коркунов Михаил Андреевич, 1847,
- *45) Ковалевский Иосиф или Осип Михайлович, 1847,
- 46) Стефани Лудольф Эдуардович (Stephani Ludolph Eduard), 1850,
- 47) Шифнер Антон Антонович или Франц Антон (Schiefner Franz Anton), 1852,
- 48) Крель Лудольф Адольф Христоф Эренфельд (Krehl Ludolf Adolf Christoph Erenfeld), 1855,
- *49) Вельяминов-Зернов Владимир Владимирович, 1858,
- 50) Наук Август Карлович или Иоганн Август (Nauk Johann August), 1858,
- *51) Пекарский Петр Петрович, 1863,
- *52) Бычков Афанасий Федорович, 1866,
- *53) Соловьев Сергей Михайлович, 1872,
- *54) Сухомлинов Михаил Иванович, 1872,
- 55) Розен Виктор Романович, 1879,
- *56) Качалов Николай Васильевич, 1883,
- *57) Васильев Василий Павлович, 1886,
- 58) Залеман Карл Германович или Карл Густав Герман (Salemann Carl Gustav Hermann), 1886,
- *59) Дубровин Николай Федорович, 1887,
- *60) Никитин Петр Васильевич, 1888,
- *61) Майков Леонид Николаевич, 1889,
- *62) Василевский Василий Григорьевич, 1890,
- *63) Бестужев-Рюмин Константин Николаевич, 1890,
- *64) Тихонравов Николай Саввич, 1890,
- 65) Ернштедт Виктор Карлович, 1893,
- *66) Латышев Василий Васильевич, 1893,
- *67) Шахматов Алексей Александрович, 1894,
- *68) Янжул Иван Иванович, 1895,
- *60) Кондаков Никодим Павлович, 1898,
- *61) Жданов Иван Николаевич, 1899,
- *62) Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич, 1899,
- 63) Ламанский Владимир Иванович, 1900,
- *64) Ключевский Василий Осипович, 1900,
- *65) Успенский Федор Иванович, 1900,
- *66) Голубинский Евгений Евстигнеевич, 1903,
- *67) Дьяконов Михаил Александрович, 1905,
- *68) Дашкевич Николай Павлович, 1907,
- *69) Истрин Василий Михайлович, 1907,
- *70) Котляревский Нестор Александрович, 1909,
- *71) Виноградов Павел Гаврилович, 1914,
- *72) Иконников Владимир Степанович, 1914,
- *73) Перец Владимир Николаевич, 1914,
- *74) Ковалевский Максим Максимович, 1914,
- *75) Никольский Николай Константинович, 1916,
- *76) Пальмов Иван Саввич, 1916,
- *77) Ростовцев Михаил Иванович, 1917.

Далее следуют послереволюционные выборы 1918 года, на которых мы прерываем этот список академиков-историков.

Выводы.

На протяжении более чем ста лет количество историков **иностранцев** почти не отклоняется от 100-процентного значения. На протяжении 117 лет (более чем столетие!) в Российской Академии наук, начиная от её основания в 1724 году, до 1841 года, из тридцати четырех академиков-историков было всего лишь **три** русских академика. Это — М. В. Ломоносов, Я. О. Ярцов и Н. Г. Устрялов. Все остальные тридцать один академик были иностранцами. Таким образом, вплоть до середины XIX века доля **иностранцев-историков** превышала в Российской Академии **90%**!

Получается, что на протяжении более чем ста лет **иностранцы полностью контролировали** весь процесс написания русской истории. Именно иностранцы бесконтрольно решали — какие старые русские документы следует уничтожить, какие переписать, какие сохранить, какие фальсифицировать. Как мы видим, отечественные историки были грубо выставлены за дверь, полностью отстранены от отечественных архивов и первоисточников.

Вы верите, что у нас есть правдивая история? ■

▲ Памятник 1000-летию России

С.А. ЗЕЛЕНЦОВ

Генерал-лейтенант в отставке, кандидат технических наук,
член-корреспондент АВН, почетный член РАЕН,
ветеран подразделений особого риска.

ТОЦКОЕ ВОЙСКОВОЕ УЧЕНИЕ

Проведенное в 1954 году Тоцкое войсковое учение с исследованиями боевых свойств ядерного оружия в реальных среднеевропейских условиях позволило получить экспериментальные данные для корректировки и уточнения ранее разработанных руководящих документов по действиям войск и населения страны в условиях войны с применением ядерного оружия. Эти исследования также явились начальной основой для совершенствования ядерного боевого оснащения

видов вооруженных сил и родов войск, повышения эффективности их действий в вооруженной борьбе с любым вероятным противником.

* * *

Сообщение ТАСС:

«В соответствии с планом научно-исследовательских и экспериментальных работ в последние дни в Советском Союзе было проведено испытание одного из видов атомного оружия, целью испытания было изучение действия атомного взрыва.

При испытании получены ценные результаты, которые помогут советским ученым и инженерам успешно решить задачи по защите от атомного нападения».

Газета «Правда», 17 сентября 1954 года.

Краткая характеристика

Инициатором подготовки предложений о проведении учения с применением ядерного оружия выступило Министерство обороны СССР (в то время Министерство Воору-

женных Сил) по согласованию с министерствами атомной энергии (в то время Первым главным управлением при Совете Министров СССР), здравоохранения, химической и радиотехнической промышленности СССР.

Непосредственным разработчиком первых предложений был специальный отдел Генерального штаба Вооруженных Сил СССР (В. А. Болятко, А. А. Осин, Е. Ф. Лозовой). Руководил разработкой предложений заместитель министра обороны по вооружению маршал артиллерии Н. Д. Яковлев.

Практическая проверка новых взглядов на ведение войны началась с войсковых Тоцких учений с применением реальной атомной бомбы, созданной учеными и конструкторами КБ-11 (Арзамас-16).

В этих условиях было крайне необходимо в интересах совершенствования противоатомной защиты войск, проверки расчетных нормативов по поражению атомным оружием техники и вооружения провести учение с максимальным приближением к боевой обстановке.

В общей сложности на учение привлекалось около 45 тыс. человек личного состава, 600 танков и самоходно-артиллерийских установок, 500 орудий и минометов, 600 бронетранспортеров, 320 самолетов, 6 тыс. тягачей и автомобилей.

В учении приняли участие руководство всех родов войск и сил флота, командование всех групп войск, военных округов, округов противовоздушной обороны, флотов и флотилий. Были приглашены все министры обороны стран, дружественных Советскому Союзу в то время.

Местом проведения учения был выбран полигон, расположенный в глубине страны в Оренбургской области севернее поселка Тоцкое в малонаселенной местности, характерной по рельефу и растительности не только для Южного Урала, а и для ряда районов Европейской части СССР и других стран Европы.

Войсковое учение на тему «Прорыв подготовленной тактической обороны противника с применением атомного оружия» было назна-

чено на осень 1954 года. На учениях применялась атомная бомба мощностью 40 килотонн, испытанная на Семипалатинском испытательном полигоне в 1951 году. Руководство учением было возложено на Маршала Советского Союза Г. К. Жукова (в то время заместителя Министра обороны). В подготовке и в ходе учения приняли активное участие руководство Министерства среднего машиностроения СССР во главе с В. А. Малышевым, а также ведущие ученые — создатели ядерного оружия И. В. Курчатов, К. И. Щелкин, Ю. Б. Харитон.

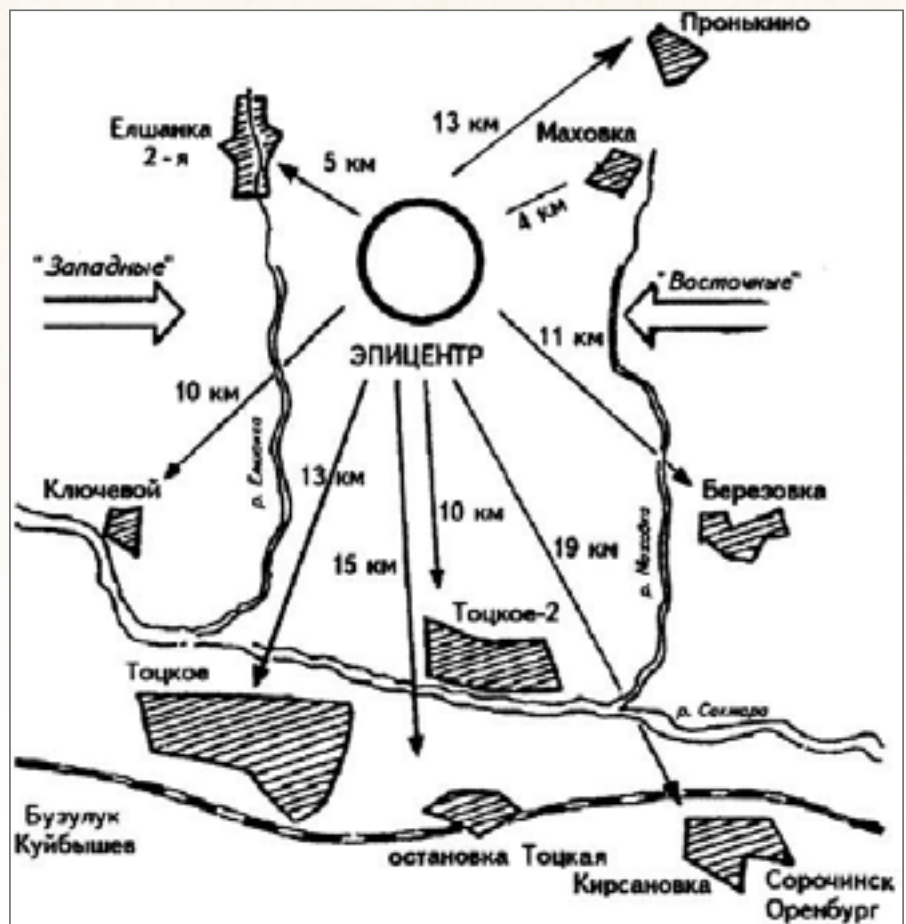
Для наступающей стороны была поставлена тема: «Прорыв стрелковым корпусом подготовленной тактической обороны противника с применением атомного оружия», для обороняющейся стороны — «Организация и ведение обороны в условиях применения атомного оружия».

Общие цели учения были следующие:

Исследовать воздействие взрыва атомной бомбы среднего калибра по участку заранее подготовленной обороны, а также на вооружение, военную технику, животных. Установить степень защитных свойств различных инженерных сооружений, рельефа местности и растительного покрова от воздействия атомного взрыва.

Изучить и практически проверить в условиях применения атомной бомбы:

- особенности организации наступательных и оборонительных действий частей и соединений;
- действия наступающих войск при прорыве оборонительных полос вслед за атомными ударами;
- действия обороняющихся войск в условиях применения атомного оружия наступающей стороной, проведение контратаки вслед за атомным ударом по наступающим войскам противника;

▲ **Руководитель учения Г.К. Жуков**

- организацию противоатомной защиты войск в обороне и наступлении;
- методы управления войсками в наступлении и обороне;
- материально-техническое обеспечение войск в условиях ведения боя.

Изучить и показать один из возможных вариантов подготовки и ведения наступления из положения непосредственного соприкосновения с противником, без отвода своих войск с первой позиции на время атомного удара.

Надо было научить личный состав армии — рядовых и командиров, — как практически действовать в наступлении и обороне во фронтовой полосе при применении атомного оружия своими войсками или противником. Дать войскам почувствовать «дыхание и всю картину атомного взрыва».

Учение планировалось провести в два этапа:

первый этап — прорыв полосы обороны дивизии (главной полосы обороны);

второй этап — овладение с хода полосой корпусных резервов (второй полосы обороны) и отражение контратаки механизированной дивизии.

В связи с тем, что на учении проводилась реальная атомная, артиллерийская и авиационная подготовка прорыва отдельных участков полосы обороны, войска обороняющихся, занимавшие эту полосу, заблаговременно выводились на безопасное удаление. В дальнейшем эти войска использовались для удержания тыловой позиции и участков полосы корпусных резервов.

Сопrotивление частей обороняющихся при прорыве наступающими первых двух позиций полосы обороны дивизии разыгрывалось специально назначенными для этой

цели в воинских частях представителями штаба руководства.

О том, как готовились войска к предстоящему учению, можно судить по материалам отчетных документов. Только в исходных районах размещения войск было отрыто более 380 километров траншей, построено более 500 блиндажей и других укрытий.

Надо было извлечь наибольшую пользу для вооруженных сил. И прежде всего в вопросах боевого применения родов войск, обеспечения противоатомной защиты личного состава, дополнительной оценки и демонстрации личному составу воздействия поражающих факторов атомного взрыва на технику, вооружение и инженерные сооружения. С этой целью в районе взрыва были выставлены образцы военной техники и вооружения, построены фортификационные сооружения.

В научных целях для изучения действия ударной волны, светового излучения, проникающей радиации и радиоактивного заражения на живые организмы и оценки защитных свойств инженерных сооружений (траншей с перекрытием, усиленных блиндажей, защищенных огневых точек, укрытий для танков и артиллерийских орудий и др.) использовались различные животные.

Для проведения исследований была создана специальная группа в составе 6 генералов, 207 офицеров, 28 служащих, 23 солдат и сержантов. В ней были представители 6 Управления Министерства обороны, Семипалатинского полигона, 12 Центрального научно-исследовательского института, а также представители Центральных управлений Министерства обороны, 71 полигона ВВС, Министерства среднего машиностроения, Министерства культуры СССР.

Обеспечение безопасности войск

Самое серьезное внимание уделялось отработке действий личного состава, как в момент взрыва, так и при преодолении условно зараженных радиоактивными веществами участков местности. Во всех районах, где предполагалось воздействие

поражающих факторов атомного взрыва, предусматривалась подача специальных сигналов оповещения, по которым личный состав войск осуществлял защитные действия непосредственно перед взрывом и в течение всего времени возможной опасности. Основные мероприятия по обеспечению безопасности разрабатывались, исходя из ожидаемых последствий воздушного взрыва атомной бомбы.

Все мероприятия были рассмотрены и одобрены специальной комиссией, возглавлявшейся академиком И. В. Курчатовым. В состав комиссии входили академик Н. Н. Семенов, член-корреспондент Академии наук СССР М. А. Садовский, генералы В. А. Болятко и Б. М. Малутов. От Министерства среднего машиностроения в комиссии были В. И. Алферов и Ю. В. Гаврилов. Мероприятия представлены заместителем Министра обороны Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым и Министром среднего машиностроения В. А. Малышевым в ЦК КПСС и утверждены решением № П80/1 от 26.08.1954 года.

Группировка войск

Наступающая сторона («восточные») на учении была представлена

128-м стрелковым корпусом в составе 12-й гвардейской механизированной дивизии, 50-й гвардейской механизированной дивизии (неполного состава) и корпусных частей.

Наступление корпуса обеспечивалось 140-й бомбардировочной, 10-й гвардейской штурмовой и 119-й истребительной авиационными дивизиями и 511-м отдельным разведывательным авиационным полком.

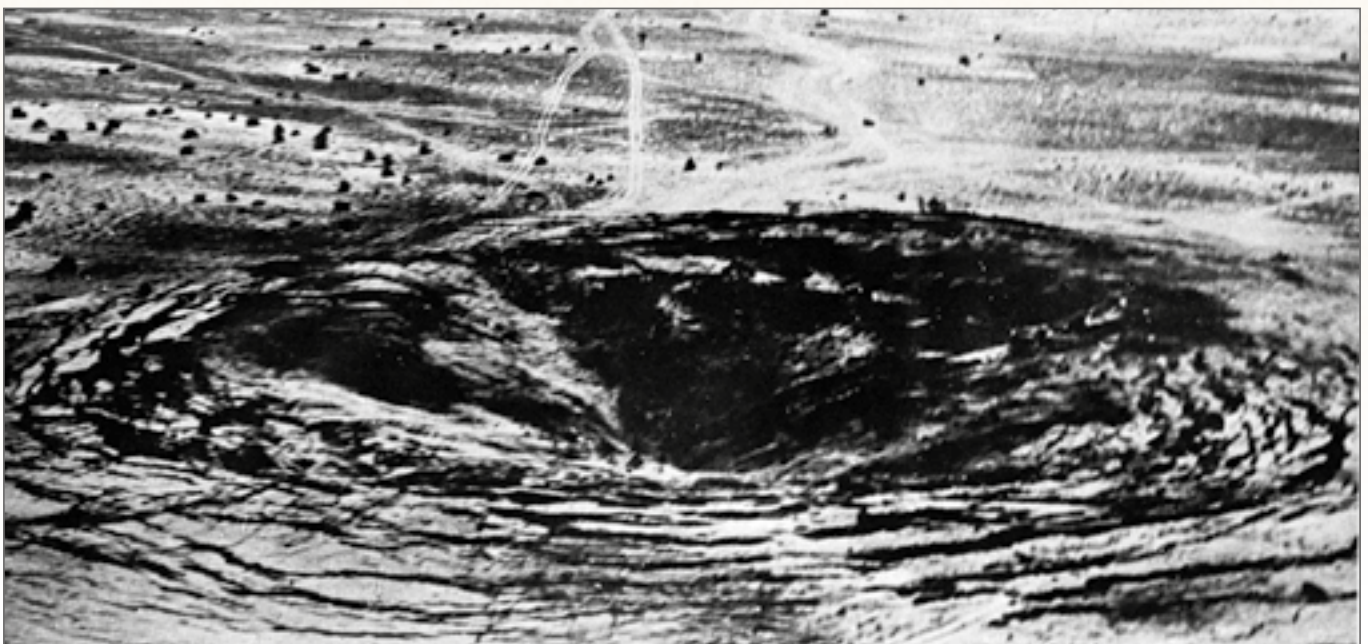
Подготовка и проведение учения

На учении был организован и фактически осуществлен новый вид боевого обеспечения — противоатомная защита войск. Основное внимание уделялось инженерному оборудованию местности, рассредоточению и маскировке войск, наблюдению и оповещению и радиационной разведке. В результате рассредоточенного расположения войск и искусной маскировки район учения после занятия войсками исходного положения выглядел пустынным. Свыше 45 тыс. личного состава, сотни орудий, танков, тысячи автомобилей были укрыты в инженерных сооружениях и замаскированы.

Основу инженерного оборудования исходного района для наступления и района обороны со-

ставляла система траншей, ходов сообщения и укрытий различных типов, оборудованных в противоатомном отношении и расположенных в различных условиях: на открытой местности, на обратных скатах высот, в лощинах, оврагах и в лесу. Траншеи отрывались на глубину 150-180 см, отдельные участки траншей были перекрыты. В качестве одежды крутости траншей в слабых и средних грунтах использовались доски, жерди и хворост. Для защиты от возгорания одежда крутостей траншей обмазывалась раствором глины. В одежде крутостей созданы противопожарные разрывы. Создавались подбрустверные блиндажи различных конструкций с защитной грунтовой толщиной 50-60 сантиметров и убежища легкого типа на 8-10 человек, возведенные из различных материалов.

Убежища оборудовались герметическими щелевидными дверями и фильтровентиляционными установками. Для бронетранспортеров и автомобилей создавались укрытия котлованного типа. Для наблюдения командирам подразделений оборудовались сооружения различных конструкций и убежища легкого типа. Танки и самоходно-артиллерийские установки находились на откры-

▲ Воронка ядерного взрыва

оактивного облака, а другой — для фотографирования выхода атомной бомбы из бомбоотсека самолета.

Самолет-носитель в полете охранялся двумя истребителями МиГ-17. Для прицельного визуального бомбометания центр цели обозначался квадратом, ограниченным белой каймой, со сторонами длиной 150 метров. В середине квадрата был нанесен белый крест, а по боевому курсу полета углы из белых полос. Внутри квадрата устанавливались три угловых отражателя для обеспечения радиолокационного прицеливания. За несколько дней до учения в авиагруппу прибыл И. В. Курчатов для ознакомления с ходом подготовки к учениям.

Обеспечение безопасности

Разработка мероприятий по обеспечению всех видов безопасности началась задолго до учения.

По всем этим вопросам руководством учения и штабом была разработана система документов, включающая планы, инструкции, памятки, которая неукоснительно выполнялась на учениях. ■

той местности, в укрытиях и в лесу. Артиллерия различных калибров устанавливалась на площадках и в укрытиях. Бронетранспортеры и автомобили располагались в укрытиях и вне их на открытой местности, на скатах высот и в лесу. Самолеты различных типов размещались группами на расстояниях от 500 до 5000 метров от цели. Кроме того, были размещены подопытные животные: на открытой местности, на скатах высот, в лесу и в оборонительных сооружениях.

Ход учения

Учение проводилось по строго намеченному плану

В 9 часов 34 минуты самолет-носитель с высоты 8000 метров сбросил атомную бомбу, взрыв которой последовал через 48 секунд на высоте 350 метров от поверхности земли с отклонением от цели на 280 метров в северо-западном направлении. Через 5 минут началась артиллерийская подготовка, а затем удары бомбардировочной авиации.

Около 12 часов передовой отряд механизированной дивизии, двигаясь впереди боевых порядков первого эшелона дивизии и преодолевая очаги пожаров и завалов, вышел в район атомного взрыва. Через 10-15 минут за передовым отрядом в тот же район севернее эпицентра

взрыва выдвинулись подразделения стрелкового полка, а южнее — подразделения механизированного полка. Войска двигались колоннами по дорогам.

По плану учений самолет-носитель Ту-4 в полете должны были сопровождать два самолета-фотографа Ил-28, один из них для фотографирования процесса развития ради-

А.П. ШЕВЯКИН

ОПЕРАЦИЯ «СУФЛЕР»

ЧТО БЫВАЕТ, КОГДА ХВОСТ МАШЕТ СОБАКОЙ

▲ Лубянка

Доказательства существования чекистского заговора, направленного на развал и ликвидацию Советского Союза, — именно Комитет государственной безопасности был главным кукловодом проклятой «перестройки», сыграв в этой трагедии решающую роль; именно с Лубянки

дирижировали массовыми беспорядками и управляли кремлевскими марионетками, «проср...шими» (говоря словами Сталина) великую державу!

Почему спецслужбы, созданные для защиты советской власти, стали ее палачами и могильщиками? Как и когда произошло перерождение

«рыцарей революции» в отпетых иуд с грязными руками, холодным сердцем и головой, занятой лишь мыслями о продаже Родины? Каким образом органы государственной безопасности превратились в рассадник государственной измены? Кто руководил величайшим предательством в истории России?

▲ Награда за труд

Историки свои книги о «перестройке» пишут относительно просто: ищут что-то о центральной и чуть ли не исключительной роли связки Горбачев — Ельцин как главных исполнителей разгрома Союза ССР. Такие авторы не очень-то дальновидны. Ибо практика исполнения ликвидации нашей прошлой страны была столь эффективной, столь грамотной, отличалась такой высокой скоротечностью, что ее разработка была под силу только лучшим умам всего мира. Но как можно требовать решения сложнейших задач, рассчитываемых на компьютерах, от этих двух далеко не блещущих интеллектом партократов? Один из них, напомним, закончил юридический факультет МГУ, потом в провинции получил диплом экономиста-сельхозника (именно получил, будучи секретарем горкома); второй — строитель. То есть налицо полное несоответствие.

Важным моментом является то, что далеко не весь Комитет участвовал в этом деле. Хотя и предполагалось, что антагонизмы у наших спецслужб могут быть только внешние: одно время — с гестапо, а затем — с ЦРУ, но смею вас заверить, что и внутри самого КГБ СССР существо-

вали непримиримые противоречия. На одном полюсе были либо герои, либо те, кто готов был пожертвовать собой за нашу Советскую Родину, а на другом полюсе были предатели. Только до конца понимая сущность и роль некоторых комитетчиков, можно разгадать смысл слов одного из героев книги «КГБ» мистера Дж. Баррона: «Ты должен научиться остерегаться чекистов. Они занимают самые высокие посты, но это самые низкие люди в нашем обществе. Всю свою жизнь они предают и продают людей. Они продают нас в МИДе, они продают членов партии, они продают один другого. Потом эти сукины дети убегают в Америку и продают весь советский народ» (б. С. 55). Ясно? Надеюсь, «да», как и то, почему такие книги скрывали от нас в спецхране.

Отметим, что мощь организации в силу специфики ее деятельности давала столь же сильные внутренние противоречия. Причем та половина, что и есть собственно КГБ СССР, находилась в довольно проигрышном состоянии: в своей деятельности она строго следовала писаным и неписанным правилам поведения и от этого была предсказуемой в своих шагах. А вторая — строго наоборот: вступа-

ла в несанкционированные контакты, как с внутренним, так и с внешним врагом, предавала и страну, и своих коллег. И не КГБ СССР, а именно подпольной КГБ и становился претендующим на лидерство, атакующим крылом и добивающимся «виктории».

Лубянской была проведена грандиозная, тонкая операция. За наиболее видными политиками погромной для Советского Союза эпохи была установлена чекистская опека. Каждого члена Политбюро охраняли люди из КГБ. Но что такое охрана?

Она знает только то, что охраняемый делал на виду и с кем встречался в формальной обстановке. А вот о чем говорят, что думают, над чем работают реально, какие бумаги читают и подписывают — это уже совсем другой уровень. Полный контроль политика можно осуществлять только через его окружение: секретарей в первую голову, даже заместители играют тут не ту роль. И тогда помимо других контактов были образованы тандемы, иногда неразлучные, иногда чекисты подменяли друг друга.

На этот путь нас наставил В. Путин. 19 лет назад, тогда еще премьер в свой первый заход, он, на встрече с ветеранами разведки в Ясенево, возьми да и подскажи нам: «Должен доложить, что группа сотрудников, направленная под прикрытием на работу в правительство, со своими задачами справляется». В зале понимающе хмыкнули. Там сидели профессионалы, которые сделали в своей жизни и не такое, чтобы кого-то из «своих» инфильтровать в родное правительство. А нам — малосведующим — он этим самым подбросил «информацию к размышлению», вроде что-то и прояснил, но не дал еще всей полноты. Давайте же теперь постараемся разобраться с этим делом, задавшись чисто хронологическим вопросом: а когда, собственно, начался процесс внедрения?

Отсчет надо вести с мая 1982 г. По смерти М. Суслова (январь) Председатель КГБ Ю. В. Андропов из КГБ СССР переместился в ЦК КПСС, с площади Дзержинского в Кремль и на Старую площадь. У Ю. В. Ан-

▲ Назначение

дропова за 15 лет управления КГБ сложилась большая личная команда, представленная руководителями Секретариата и его консультантами. Это товарищи В. Н. Губернаторов, Б. С. Иванов, Е. И. Калгин, Е. Д. Карпещенко, Г. К. Ковтун, С. А. Кондрашов, В. А. Крючков, П. П. Лаптев, В. Г. Митяев, Ю. С. Плеханов, И. С. Розанов, Н. А. Рымарев, И. Е. Синицын, Ю. И. Спорыхин, В. С. Ушаков, В. В. Шарапов. Из них он выбрал троих, и с ними он, попрощавшись на Коллегии, ушел с Лубянки. Эти трое: Лаптев, Калгин и Шарапов.

Генерал-майор В. В. Шарапов. До КГБ он работал в «Правде», выпустил несколько книг по Вьетнаму. Ю. В. Андропов обратил внимание на его публикации и пригласил к себе в мае 1971 г. Он служил у Председателя консультантом по разведке. Параллельно он был спичрайтером: писал редкие выступления и доклады, редактировал аналитические материалы. После смерти Ю. В. Андропова он оставался помощником по социалистическим странам и у К. У. Черненко, и у М. С. Горбачева.

Е. И. Калгин — это всего-то бывший личный шофер Андропова.

Потом стал референтом в Секретариате. А в 1982 г. получил звание полковника и стал начальником охраны. Что не совсем удивительно: Н. Власик у И. В. Сталина и А. Рябенко у Л. И. Брежнева тоже начинали с персонального водителя, а Р. Гуль у В. Ленина, по сути, совмещал эти обязанности. То есть помогли совершить головокружительную, как обычно пишут в таком случае, карьеру: бывший личный водитель с места в «Чайке» приземлился в руководящее кресло на генеральскую должность. Ну, тут за такое не то что будешь отрабатывать все, что прикажут, но еще и вперед забежишь и в глаза будешь хозяину заглядывать: чего угодно? Только дело-то в том, что необязательно хозяин тот, кому ты служишь... В разведке очень часто используют втемную...

П. П. Лаптев, который тоже работал у Ю. В. Андропова в отделе ЦК КПСС, был рекрутирован в Комитет в апреле 1968 г. Сразу получил звание полковника. У кадровых сотрудников КГБ путь к полковничьим погонам занимал лет двадцать. Стал начальником Секретариата 9 августа 1971 г. Эту службу он будет нести

до февраля 1979 г. Там он получит генеральское звание. Когда Ю. В. Андропов стал генсеком, то его имя появлялось в официальной хронике, где указывалось, что Пал Палыч — не какой-нибудь, а старший из его помощников. После смерти Ю. В. Андропова опять вернулся на работу в КГБ, но ненадолго. Уже в июне 1985 г. П. Лаптев назначен первым замзавом Общим отделом ЦК, а с мая до августа 1991 г. он — заведующий. В 1986 г. избран членом ЦРК КПСС.

Уцелевший помощник по международным делам А. Александров-Агентов, видя кругом под костюмами новичков одни погоны да лампы, как-то спросил самого Андропова: как он сам относится к такой чекизации?.. Юрий Владимирович недовольно сдвинул брови и переспросил: а кто это говорит? Ответ был дан: народ. Ох уж этот народ при Советах, вот сошлешься на него, и можно говорить все что хочешь, даже правду царю!

Но в рамках операции потребовалось не только «секретарствовать», но еще и поруководить.

Бывший секретарь ЦК ВЛКСМ (потом, кстати, продвинувший на та-

▲ Генсеки

кой же пост и своего сына!), бывший генерал и зампред КГБ Белоруссии, затем министр внутренних дел той же республики А. Н. Аксенов в 1983 андроповском году был назначен Послом СССР в Польше. Ну, это естественно, там в то время были самые крутые перемены, и надо было хоть как-то сглаживать информацию, чтобы в Москве недопонимали степень Угрозы всему «братскому сообществу социализма»: «в Багдаде- Де все спокойно...». То есть в Варшаве...

С этой задачей человек справился, и его двинули дальше по лестнице. С 16 декабря 1985-го и по 16 мая 1989-го он — Председатель Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию СССР. Затем — персональный пенсионер союзного значения. Это именно при нем появились передачи, многократно перемывавшие косточки Советской власти: «Прожектор перестройки», «Шестой этаж», «Взгляд» и все-все. Против населения повели такую психвойну, которой еще не знала мировая история. Когда на прежние, бредово-мифологизированные воззрения еще наложили шизофренические воздействия, то у народа окончательно снесло крышу.

Но ведь кто-то должен фиксировать уровень идиотизации населения и своевременно поднимать тревогу?.. Для этого был другой человек. Это некто В. Иванов, выпускник Военно-политической академии им. В.И. Ленина, с 1974 г. возглавлявший в академическом Институте социологии секретное отделение, занимавшееся специальными исследованиями для КГБ. В 1977 г. он назначается замом директора, а в 1983 г., неожиданно для науки, но не для сведущих кругов, когда уже тяжелобольной Ю.В. Андропов был хоть как-то при власти и менявший первых секретарей на вторых, министров на их замов, а заведомо ЦК на совершенно новых людей, становится директором.

Когда Ю.В. Андропов говорил, что «...мы в должной мере не изучили и не знаем общества, в котором живем...», то он лукавил. Знал он и то общество, которым давно уже тайно правили, и то, что другие знатоки делают с этим обществом. А через кого это знание шло? Да вот через таких Ивановых.

А однажды этот тандем сыграл свою исключительную роль. Когда на Политбюро повели речь о том, что-де пресса совершенно распоя-

салась и вышла из-под партийного контроля и уже превзошла радио «Свободу» в охаивании Советской власти, то на заседании В.М. Чебриков сделал сообщение о том, что в КГБ был проведен анализ, из которого следовало, что критика в печати не носит деструктивный характер. Все Политбюро молчит: оно-то точно не знает ни общества, ни социологии, ни будущего... Вот оно, эффективное попарное взаимодействие: телевизионное, руководимое чекистом, доводит дело до того, что страна сходит с ума и пилит сук, на котором сидит, а социолог в погонах готовит заключение, что такая деятельность не имеет угрозы. И можете не волноваться: это была бумага на самом высоком манипулятивном уровне. Но в том же году Иванов уходит со своего поста: мавр свое дело сделал...

Как ни трактуй, как ни излагай, как ни крути, а у драмы по имени «перестройка» есть свой топ-менеджер и главный герой: это — Горбачев. Свою роль он играл рьяно, самозабвенно, на сцене и за кулисами, но под четким незримым руководством суфлеров. Ему оставили двоих старых смотрящих — В. Шарапова и Е. Калгина. И добавили новых.

Когда в марте 1990 г. М.С. Горбачев стал Президентом, то к партийной канцелярии — Общему Отделу ЦК КПСС — ему понадобилась еще и президентская — аппарат Президента СССР. Управляющим делами аппарата Президента СССР стал полковник Е.Н. Быстров. До ноября 1988 г. он был на должности начальника 12-го отдела, некое время проболтался без дела (а может быть, и наоборот, был, в таком деле, что нам лучше и не задаваться вопросами), и с весны 1990-го приступил к новым обязанностям. В этой должности он проработал до самого конца: до декабря 1991-го.

Также в 1990-м в сотрудники аппарата был принят с должности начальника 2-го отдела 5-го управления полковник Ю. Кобяков. То есть — это во всем человек Ф.Д. Бобкова. Служил еще и малоизвестный помощник Б. Извозчиков. Полковник Ю.Г. Кобаладзе работал по Англии, затем с 1984 по 1990 г. — центральный аппарат ПГУ, а параллельно числился обозревателем Гостелерадио СССР из пула генсека-президента.

А.И. Лукьянов в бытность Заведующим Общим Отделом имел у себя первым заместителем П. Лаптева. Он же перешел по наследству и к следующему заведомому — В. Болдину (10.1). Когда А.И. Лукьянов был повышен до уровня Секретаря ЦК и Заведующего Отдела административных органов ЦК КПСС (то есть создалась ситуация, когда этот секретарь-куратор сам стал себя курировать: обычно эти должности разделены), ему помогало уже много, очень много людей в погоне. От ПГУ называют полковников В. Косова и А.А. Корендясева.

Теперь — А.Н. Яковлев. Этот «архитектор перестройки», будучи членом Политбюро и Секретарем ЦК КПСС, стал Председателем Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х гг. При Комиссии была рабочая группа, где самую видную роль играли работники КГБ: заместитель председателя генерал-полковник

В.П. Пирожков (1923-2009), начальник 10-го учетно-архивного отдела А.И. Фокин, товарищи С.Д. Машлат, В.И. Андреев, В.П. Наумов. Это наследие не было создано специально под него, оно ему досталось от прежнего Председателя Комиссии Михаила Сергеевича... А вот и не угадали. От Соломенцева.

Повторяю, что самое заманчивое место для этих людей была канцелярия. Тут они дневали и ночевали. П. Лаптев был не единственный, кто «курировал» Заведующего Общим Отделом ЦК КПСС по партийной линии и Заведующего аппаратом Президента по государственной В.И. Болдина. Был там и сын полковника Виктора Морозова Олег. Ныне он — 1-й зампред Госдумы...

Кроме той скрытой системы, что нам проявляется, была и другая, гласная, пусть специфическая, но явная, полагающаяся.

24 января 1986 г. с поста министра МВД снят генерал армии В.В. Федорчук. Первым поставили А. Власова, вторым — В.В. Бакатина. Первые лица ушли, но чекистская сотня осталась. Хотя и не в полном составе: часть уже вернулась в родные пенаты, часть ушла на пенсию,

кое-кто начал открыто уходить в бизнес, который они сами же себе разрешили — люди из Первого Главка прежде всего в совместные предприятия, словом, частично подсистема утрачивала завоеванные позиции и тогда туда отправлялись одни за другими под разными предлогами. Полковник В.А. Рубанов, например, попал так: написал статью в журнал «Коммунист», в которой раскритиковал меры по маниакальной сверхсекретности в учреждениях системы безопасности и на заводах ВПК, что, по его мнению, позволяло скрывать недостатки. И, рассорившись, таким образом, со своим начальством, был уволен из своего НИИ проблем информации и пристроен в приемную министра. Пришел «подкрышник» из «Правды» А.Г. Черненко. Спецкор, а затем и зам. редактора. С 1989 по 1991 г. являлся также главным редактором журнала «Советская милиция», а с 1991 по 1992 г. — начальником ЦОС МВД России.

Никто не забыт и в Министерстве обороны СССР. От командира войсковой части и выше — все под контролем. До самого верха. Выше всех — Член Политбюро ЦК КПСС министр обороны СССР Д.Т. Язов.

▲ Ю.В. Андропов, Цинев Г.К.

▲ Шеварднадзе Э.А.

Он пришел на этот пост с должности начальника Главного управления кадров. Подразумевается, что все свои действия человек на этой должности согласовывает с контрразведкой, видимо Д. Т. Язов был весьма послушен, за что и получил продвижение дальше.

За министром наблюдает начальник ТГУ. За годы перестройки их было трое: Н. А. Душин, В. С. Сергеев, А. В. Жардецкий. Четвертый, Ю. Булыгин, был назначен уже после «путча». Кстати, с начальником военной контрразведки генерал-полковником Н. А. Душиным, бессменным в течении 13 лет, вышел казус. 14 июля 1987 г. в связи с выявленными в ходе проверки Инспекторским управлением недостатками в деятельности военной контрразведки он был освобожден от своих обязанностей. Принято считать, что аппарату Горбачева (мы уже описали, что это были за люди) нужно было освободить место для своего человека. Новый начальник — генерал-лейтенант В. Сергеев пришел в центральный аппарат из Ставрополя. А 9 ноября 1990 года он уже умер.

Главнокомандующий Сухопутными войсками — заместитель министра обороны СССР генерал армии В. И. Варенников был практически неразлучен со своим куратором:

заместителем начальника военной контрразведки генерал-майором Ю. А. Калгановым. И в Афгане, и в Баку они прекрасно сработались.

Министерство иностранных дел СССР. Тут просто наплыв сыновей генералов КГБ. У Ю. В. Андропова — сын Игорь, Посол по особым поручениям, имел ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. У генерала армии В. А. Крючкова — сын Владимир, у генерал-полковника В. Ф. Грушко — Александр, у генерал-лейтенанта В. Кирпиченко — Сергей. Когда на заре перестройки в министерстве прошла волна увольнений, никто из них не пострадал, а, наоборот, убрали тех, кто им мешал: предложением для изгнания служило якобы кумовство, а их папы работали по другой линии.

Э. А. Шеварднадзе. За ним кочует полковник К. Надирашвили. Они прошли совместный длинный путь. Будущий полковник начинал сотрудником 1-го отдела КГБ Грузии. Затем был личным адъютантом в бытность Э. Шеварднадзе министром внутренних дел Грузинской ССР. А в Москве он работал в «святой святых»: Секретариате МИДа.

Добавьте к этому начальника 7-го Отдела (по должности). А также члена государственной комиссии по рассекречиванию и публикации

дипломатических документов СССР, что работала в 1988-1990-е гг., генерал-лейтенанта С. А. Кондрашова.

Член Политбюро ЦК, секретарь ЦК Е. С. Строев. Его зять — майор из Орловского училища связи КГБ А. Рогачев. Позднее генерал-майор А. Рогачев будет советником Председателя Совета Федерации и Губернатора Орловской области. Убьют его 25 февраля 2009 г., как только Е. Строев уйдет на пенсию. Два события связаны. Интересно только, как. Газеты пока только гадают.

Председатели Госплана Н. В. Талызин и Ю. Д. Маслюков. Они оперативно обслуживаются начальником Службы безопасности в Госплане СССР — советником Председателя в ранге заместителя министра генерал-лейтенантом И. Л. Устиновым и генералом О. Д. Гоциридзе. Кроме них в Госплане несли службу генерал-майор П. А. Ворошилов замсоветника — замначальника 5-го отдела, полковники В. Стучилов и Э. Сидоров. А полковник и кандидат математических наук В. Бирюков занимался вопросами режима безопасности и контролем за обработкой информации Главного вычислительного Центра.

Там же начальником отдела служил и генерал-майор Б. Соломатин — талантливейший разведчик, наш резидент в США. Вот кто должен был возглавить нашу разведку после Сахаровского. Вроде бы и Ю. В. Андропов был не против. Но тут Б. Соломатин возьми и напиши докладную записку: так, мол, и так, вся возня вокруг «разрядки» есть только часть стратегической операции против нас со стороны западных МИДов и разведок, и мы проигрываем ее так же, как и во времена более «холодного» противостояния. Отправил ее в ЦК, а туда на следующий день вызвали Ю. В. Андропова, и Л. И. Брежнев спросил своим густым басом: «Слушай, а кто это у тебя там осмелеет оспаривать генеральную линию партии?»

Генеральные прокуроры СССР А. Я. Сухарев и Н. С. Трубин. Генпрокуратуру Союза «укрепили» в мае 1989 г., когда с должности начальника

5-го управления (напомним: борьба с идеологической диверсией) пришел генерал-майор И. П. Абрамов. Человек Ф. Д. Бобкова.

Генеральные директора ТАСС Л. Спиридонов и Л. Кравченко под «колпаком» своих заместителей генерал-майора В. Кеворкова (настоящая фамилия — Геворкян) и А. А. Красикова.

Общественные организации вроде бы и далеко от Кремля, но тоже представляют интерес. В окружении Председателя фонда Мира А. Е. Карпова мы находим товарищей Калашникова, охранника В. Пищенко, а что касается сменявшихся переводчиков, то их, ясное дело, бесчисленно.

Председатель Советского комитета защиты мира Г. А. Боровик имеет своим заместителем полковника Р. Г. Богданова.

Святейшие Патриархи Русской Православной Церкви Пимен и Алексей II. Под неусыпным оком Господа... И заместителя председателя Совета по делам церкви полковника Е. Милованова. И не знаю, как там насчет первого, но второго можно было ощущать во всей его плоти. Этот полковник работает в паре с другим, по фамилии В. И. Тимошевский, начальником 4-го отдела 5-го управления.

Собственно само начало «перестройки» историки трактуют и так, и эдак. Не все из них однозначно твердят о марте 1985 года: смерть генсека Константина Черненко / избрание Михаила Горбачева на его пост. Есть разные оценки. Не в этом дело. Есть среди оценщиков и такие, кто одну из реперных точек находит в литературе, и указывают на выход в журнале «Дружба народов» романа «Дети Арбата». Ее написал А. Н. Рыбаков. В книге немало нюансов, касающихся тонкостей жизни и работы «органов» в 30-е. Автора консультировал В. Н. Ильин — комиссар 3-го ранга в отставке, а в то время — оргсекретарь Московского отделения СП РСФСР. Перед войной занимался политическим сыском. На связи с ним работал будущий геройский террорист и разведчик Николай Кузнецов, который «освещал»

те круги, что по роду деятельности много контактировали с иностранцами: богемный мир театра, официанток, горничных в гостиницах, проституток, спекулянтов и прочий проблемный контингент. А генерал в войну «погорел». Как-то поведал одному генералу-летчику, что его разрабатывают «органы». Получил 10 лет при И. В. Сталине и реабилитацию при Н. С. Хрущеве. В 1990-м он погибнет в автомобильной аварии. Мы никак не беремся комментировать событие.

Кто не помнит героев того времени Т. Х. Гдяна и Н. Иванова? Руководителя следственной группы Прокуратуры СССР и его заместителя? Эти два старших следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР раскручивали «узбекское» и прочие «хлопковые» дела,

потом вышли на «кремлевское». Они пересажали всех, кого можно в Ташкенте, и приближались к Москве. Тут им дали посадить двоих из ЦК, в том числе секретаря парторганизации ЦК. Им помогали старший следователь по особо важным делам Следственного управления КГБ СССР полковник А. С. Духанин, офицеры А. Жучков, И. Кудряков, В. Карабанов, С. Бушуев и другие неназываемые.

В «мозговых центрах» СССР есть свое частное, но и тут общая картина такова же. Советская политическая аналитика имела своеобразие. Ей было трудней западной, да и любой другой. Попробуй более-менее связно показать реалии мира, не противореча идеологическим мифам! Все системное, концептуальное с прогностическим уклоном развивалось там, за бугром. Хочешь

▲ Соломатин Б. А.

▲ Ельцин Борис

писать информацию нормально, аналитически, системно? Пожалуй-ста, это можно, но дружи с разведкой. А она имеет, понятно, доступ если не ко всем документам, то уж к методической составляющей американских РЭНДов точно. И тут, соответственно, представлено большое пространство для давления со стороны разведки. Вот пример. Методика ситуационного анализа, выполненная одной американской фирмой, была попросту позаимствована. В 1980 г. за эту американскую разработку Е. М. Примаков и членкор АН О. Быков закрытым указом были

удостоены звания «Лауреат Государственной премии СССР».

Директор Института США и Канады, академик Академии Наук СССР, доктор наук Г. А. Арбатов и проч. и проч. (как-то насчитали 34 титула, звания и чина у этого маститого), чуть ли не вертит генсеками. Но за его спиной маячит его заместитель полковник Р. Богданов, назначенный с должности начальника Отдела военно-политических исследований ИМЭМО.

Директора ИМЭМО АН СССР А. Н. Яковлев и Е. М. Примаков были на постоянном контакте с офице-

ром по безопасности с 1983 г. полковником К. Смирновым. Второй известный человек из нашей обоймы — это ученый секретарь ИМЭМО по международным связям Ю. Костко (10.2). Когда Евгений Примаков перешел в Совет Безопасности СССР, то ему был навязан советник Ю. Зубаков с должности секретаря объединенного парткома КГБ.

Генеральный директор Экспериментального Творческого Центра Сергей Кургинян не был забыт (10.3). В марте 1991 г. премьером Павловым было подписано секретное распоряжение № 200 р, пункт 4 которого разрешал создавать временные рабочие группы с привлечением в их состав лиц офицерского и начальствующего состава, а также предусматривает по согласованию с Минобороны СССР, МВД СССР и КГБ СССР прикомандирование для работы в корпорации лиц офицерского и начальствующего состава с оставлением их на действительной военной службе.

У главы Российско-Американского университета, в дальнейшем преобразованного в «РАУ-Корпорацию», доктора наук А. И. Подберезкина в замах ходил полковник А. П. Большов.

В конце 1987 г. Б. Н. Ельцина «ушли» с поста первого секретаря МГК на должность Заместителя Председателя Госкомитета СССР по строительству. Госкомстрой находится в Фуркасовском переулке, сразу за Большим Домом на площади Дзержинского: из каждого окна можно наблюдать, чем там люди занимаются. Кроме визуального контроля, там за ним присматривал эксперт при Председателе и начальник отдела по совместительству В. П. Юрченко. Эксперт этот занимается, например, самыми прозаическими вопросами: надо, чтобы жилой дом был спроектирован и построен так, чтобы балконная дверь открывалась вовнутрь, и тогда штурмующему спецназу легче ее вышибить и оказаться в нужной квартире. А сам Председатель Госкомстроя СССР Валерий Серов приходился зятем В. М. Чебрикову. Роль В. Коржакова хорошо расписана. Его возвращение к Б. Н. Ельцину

связано с тем, что официальная охрана Белого дома состояла из милиционеров. Нужны были строго «свои». В приемной «оттуда» сидел также один из его личных секретарей И. Мамукин.

А. В. Руцкой был благодарен КГБ. Именно эти люди дважды вытаскивали его из плена душманов. Они же способствовали присвоению ему звания Героя.

Когда Александр Владимирович стал вице-президентом РСФСР, то начальником охраны к нему был приставлен полковник милиции В. Н. Тараненко. Это следовало компенсировать. И вокруг него, не переставая, крутились чекисты. Помощник вице-президента РСФСР А. Н. Стерлигов, сотрудник аппарата вице-президента, а до этого преподаватель Высшей школы подполковник КГБ Г. Янкович. В августе 1991 г. он — начальник разведки «Белого дома», в его отделе основном были ребята из госбезопасности.

Экспертом по какому-то вопросу у А. В. Руцкого приглашался П. Александровский, следователь КГБ, ведший дело диссидента В. Красина.

У подзабытого ныне Р. И. Хасбулатова, тогда первого заместителя Председателя Верховного Совета РСФСР, помощником служил подполковник А. А. Дроздов. Он якобы с 1974 г. работал журналистом «Комсомольской правды», а на самом деле был в разведке. Много народу в эту сеть было пускать нельзя. Поэтому приходилось совмещать, поэтому Александр был с сентября 1990 г. одновременно исполнительный директор газеты «Россия», а с февраля 1991 г. уже главным редактором. Но это по службе, а для души был еще и личный друг — директор ВА-ААП генерал-лейтенант Н. Н. Четвериков. Служил он резидентом в Париже, пока не выслали.

В окружении Председателя Совета Министров РСФСР И. С. Силаева их было множество: Председатель Центробанка РСФСР доктор наук подполковник Г. Матюхин, Управляющий Делами Совета Министров РСФСР полковник А. Н. Стерлигов, министр торговли РСФСР с должно-

сти заместителя начальника отдела «П» управления нелегальной разведки «С» А. А. Хлыстов, сотрудник пресс-службы А. Евстафьев.

В «сладкую парочку» с вице-премьером О. И. Лобовым входил работник Министерства внешнеэкономических связей СССР полковник А. Муравьев. «Известия» потом много писали про то, что это они вдвоем учинили содружество с более чем сомнительным «АУМ-сенрикё» (10.4,

10.5). Да и откуда бы этой жалкой секте взять отравляющий газ, кроме как по уже отлаженным каналам поставок оружия террористическим организациям?

А вот и начальник войск связи — заместитель начальника Генерального штаба СССР генерал-полковник К. И. Кобец. По роду службы взаимодействовал с руководством 8-го Главного управления (правительственная шифросвязь) и 16-го управления

▲ Примаков Е.М.

▲ КГБ коллегия

(радиоперехват и дешифровка). Ему помогли стать народным депутатом. В 1991 г. он — Председатель Государственного комитета по обороне и безопасности при Правительстве РСФСР. А там комитетчиков было немерено.

Ну и чтобы покончить с Россией (в хорошем смысле этого слова), упомянем и пару, где в лидерах Первый секретарь ЦК новоиспеченной Компартии РСФСР И.К. Полозков. Ему почему-то обязательно понадобился советник по правовым вопросам. Где его можно найти, кроме как среди преподавателей Высшей Школы КГБ СССР?! Вот им и стал доктор наук Б. Курашвили.

Перейдем к Украине. Премьер-министр В. Фокин. Его родственница — жена зам. начальника Особого отдела по Ленинградской Военно-морской базе капитана 1-го ранга Ю.В. Ткача.

А. Акаева, Президента Киргизии, оперативно обслуживает полковник А.К. Орозов (10.6). У казахского лидера Н.А. Назарбаева есть офицер по связи КГБ с аппаратом Президента полковник Курмангалиев.

Теперь о столицах. Перво-наперво о Первопрестольной. И тут все

схвачено! То есть все под колпаком.

Если в президиуме сидит Председатель Моссовета Г.Х. Попов, то в зале есть наши люди депутаты. Два следователя: подполковник 5-го управления Е. Саушкин и А. Цопов. Г. Попов становится мэром, следом за ним с консультанта сектора кадров управления делами Моссовета в советники мэра и правительства г. Москвы переводится генерал-майор А.С. Перелыгин. Занимался вопросами научно-технического обеспечения служб НН. Он не один: после августа добавился памятный нам полковник Н. Быстров на пост Управляющего делами мэрии. Там он будет так давить на ее аппарат, что сотрудники даже всуе не будут минать его имя. И как опишет в статье «Страх» Ю.П. Щекочихин (10.7), власть его будет столь колоссальной, что он присвоит себе право подписывать документы вместо мэра.

Премьер правительства Ю.М. Лужков тоже не забыт. У него после августа 1991 года появляется советник. С должности заместителя начальника УКГБ по Москве и Московской области Е.П. Карабаинов переходит на «теплое местечко».

Теперь разберемся, кто «делал Собчака». Юрист-профессор и яркий демократ становится Председателем Ленинградского горсовета народных депутатов, а там и мэром Санкт-Петербурга. Кто ему «подвел» кагэбэшника В.В. Путина, неизвестно. Рекомендовали, и все, мол. Так, по крайней мере, об этом наговаривал Путин в книге «Разговор от первого лица». Упоминается там же, что, узнав о том, откуда пришел Путин, А. Собчак «тормознулся», о чем-то подумал и... заматерился. Совсем порусски. Понять это можно: рушилась система демоценностей. И вот Путин стал помощником и советником А. Собчака, его левой рукой. Справа-то выстроились замы. 12 июня 1991 г. В. Путин был назначен председателем комитета по внешним связям мэрии. А там и другие подтянулись: начальник секретариата мэрии В. Голубев, главный специалист Комитета по внешним связям мэрии О. Сафонов, референт в отделе породненных городов Ленсовета капитан И. Сечин.

У Вице-президента СССР Г.И. Янаева был советник. Это сын генерала Филиппа Бобкова Сергей. Кстати — это наш писучий собрат:

поэт, автор книги стихов, член Союза писателей.

Первый секретарь Красноярского краевого комитета КПСС в 1987-1990 годы О. С. Шенин действует в паре со своим начальником УКГБ: бывая в Москве, он выдает стандартный набор фраз: «Генерал уже перерос свой нынешний пост и достоин повышения». И В. П. Воротникова ставят на должность первого заместителя начальника Управления «З» (борьба с идеологической диверсией) КГБ СССР. Теперь уже «Валера» всем рассказывает о положительных сторонах О. Шенина. И того на съезде избирают членом Политбюро и секретарем ЦК — куратором силовиков. Тот опять способствует генералу, и В. Воротников становится уже последним в истории начальником приснопамятного Управления.

Добавьте сюда еще и внутреннюю агентуру, или, как тогда говорили, ДОСААФ, что расшифровывали как Добровольное общество содействия Андропову, Алиеву и Федорчуку. Словом, под колпаком у Мюллера оказались все. А своя это разведка или чужая, это роль играет мало.

За всей этой сеткой живых людей не видно. А ведь надо показать и какого-то хоть одного, чья работа была бы наиболее ярким примером.

Вот есть такой, уже нами упомянутый А. Н. Стерлигов. Когда после снятия Н. Щелокова грянула атака КГБ на МВД СССР, то с должности начальника отдела Второй службы УКГБ по Москве и Московской области он стал начальником УБХСС ГУВД все по той же столице. К сегодняшнему дню уже неоднократно писалось и показывалось по телевидению, как арестовывали директора магазина «Елисейский» Соколова и начальника торгового Трехубова. Аресты, допросы и процессы шли с прицелом на первого секретаря МКГ В. В. Гришина, но тот был чист как стеклышко. И потому главная цель: найти компроматериалы — не была достигнута.

В 1986-1990 гг. полковник А. Н. Стерлигов последовательно занимает следующие должности: зам. начальника 6-го сектора Экономического Отдела Совета Министров СССР,

начальник ХОЗУ Совета Министров СССР. То есть «пасет» союзного премьера Н. Рыжкова. Назначен на эту должность он с подачи некоего подполковника КГБ, работника управления «В» ТГУ Гутина — зятя самого Н. Рыжкова (10.8). После скандала с чекистским кооперативом АНТ, доведшим премьера до инфаркта и отставки, пробыв еще 3 месяца в аппарате Кабинета Министров СССР, полковник ушел в российский Совмин. Потом — к А. В. Руцкому помощником.

В августе 1991-го получил звание «генерал-майор». И вправду: Давно уж пора. Далее Стерлигов стал начальником аппарата вице-президента РСФСР. Ельцин в «Записках президента» (26) удивлялся тому, как была неразлучна эта пара.

Однако к теме. Любому значимому событию всегда есть одно и то же банальное объяснение: «О чем бы с вами ни говорили, с вами всегда говорят о деньгах». А иначе для чего все делалось в 1985-1991 гг.?

▲ Федорчук В. В.

▲ Бобков Филипп Денисович

Будущего предсовмина Н. Рыжкова по сути протестировали, пока он был на посту секретаря ЦК по экономике. Он — блестящий инженер, лауреат двух Госпремий СССР, но в экономике — полный профан. Ему бы вернуться на завод, еще куда-то, по крайней мере, для первого лица он никак не годится. А он все лез и лез вверх...

А положение в народном хозяйстве страны все хуже и хуже. Дела приобретали угрожающий характер. Именно со стороны КГБ, который, естественно, не отвечает за ситуацию в экономике и не боится начальства, на стол премьера приходили докладные записки. От 6-го управления КГБ, написанные на имя руководства Комитета, из которых следует, что советская экономика близка к краху. От Управления «Т», где сообщается об успехах Запада в электронике и вычислительной технике, в области создания новых технологий. Не всегда лучшими выглядели и тактико-технические характеристики советской и западной военной техники в сравнительных справках военной разведки. Кроме того, группа экономистов, сформированная при Меж-

ведомственным Совете по изучению опыта социалистических стран, подготовила анализ реформ экономики в Китае, в Югославии, в Венгрии и на основе этого предлагала свои соображения по либерализации экономики в СССР. Когда Ю. В. Андропов умер, эту группу разогнали. То есть проблем в стране было хоть отбавляй.

Кто ему клал на стол эти справки? Тут столько всяких лиц, что даже не знаешь, с кого начать. Начнем с ближайшего, а дальше по порядку. В наследство от Андропова остался Г. А. Алиев. Этот на виду. Начальник информационно-аналитического отдела аппарата Совета Министров СССР полковник В. Волков.

А кто не достиг «степеней известных» и посему был незаметен, но чья роль, тем не менее, исключительна? Это товарищи из 6-го сектора. Начальник полковник В. В. Бабаев. После окончания в 1968 г. МГУ — в органах, на руководящих должностях с 1970 г. Один из основных разработчиков информационно-аналитических систем. С 1976 по 1985 г. возглавлял Информационно-аналитическую службу УКГБ по Москве и Московской области, защитил первую в КГБ СССР кандидатскую диссертацию по анализу информации. С 1986 по 1990 г. — заведующий 6-м сектором в ранге помощника Председателя. 6-й сектор был создан в интересах разработки экономических и социальных проблем широкого спектра с опорой на использование спецслужб страны, имея практически не ограниченные информационные возможности, прямое подчинение Председателю Совмина СССР и Председателю КГБ СССР, Генеральному секретарю ЦК КПСС. Он разрабатывал широкий спектр острых, в том числе закрытых проблем, и подготовил значительное число Постановлений правительства СССР по указанным вопросам, включая, в частности, проблемы алмазной области (торговля с «Де-Бирс»), золотодобычи, нефти и газодобычи, продажи/покупки зерна, а также вопросы экономической безопасности, коррупции в органах власти, разви-

тия перспективных направлений отечественной науки и техники. Являлся основным разработчиком практически всех направлений развития отечественного бизнеса — Законов о молодежном научно-техническом комплексе, о кооперации.

И тут грянул скандал с кооперативом АНТ. Это довольно известный случай, когда в Новороссийском порту была остановлена партия танков «Т-72». Сейчас такая история показала бы наиболее банальной: еще и не то пережили, но в то время это обернулось цепочкой событий. Началось с доклада на Съезде народных депутатов, а завершилось тем, что у Н. И. Рыжкова — инфаркт, вынужденная отставка. Больше всего похоже на то, что здесь переругались две команды, предположительно одна — из ПГУ, а вторая — из Шестого. В. В. Бабаев предпочел уйти. Он к тому времени создал свой «запасной аэродром»: Институт социально-экономического развития (ИСЭР). Сначала это была консультационная компания, созданная при Совете Министров СССР, «разрабатывающая широкий спектр вопросов». А в 1991 г. она обрела сугубо частный характер.

Это премьер. Но и остальные «ответственные товарищи» окружены таким же вниманием. Председатель Государственного Комитета экономических связей (1986-1988 гг.), министр внешнеэкономических связей СССР (1988-1991 гг.) К. Ф. Катушев и его заместитель О. Давыдов; а также 1-й заместитель начальника Главного Управления координации и регулирования внешнеэкономических операций, член Консультативного совета министерства М. Фрадков. Нынешний глава Ясенева в представлении не нуждается, но напомнить не помешает. Министр финансов СССР и будущий премьер В. С. Павлов и его помощник А. Н. Козлов (в 1975-1990 гг. он работал по линии «экономическая контрразведка и промышленная безопасность», в том числе и в 6-м управлении КГБ). Затем он будет руководителем Гохрана.

Управляющий Делами ЦК КПСС Н. Е. Кручина. Хранитель пресло-

вутаго «золота партии». Поставлен Ю. В. Андроповым в 1983 г. В ноябре 1990 г. к нему был прикомандирован полковник Л. Веселовский на должность зам. заведующего сектором по координации экономической деятельности хозяйственных служб Управления Делами ЦК КПСС, был там и полковник А. Давиденко, оба с выходом на Ф. Д. Бобкова.

Газ — статья особая. Но не забытая. У Председателя правления концерна «Газпром» В. С. Черномырдина в 1989-1992 гг. начальником административного отдела концерна служил Г. Петелин. Потом вместе перекочевали в правительство. Зам Коржакова по СБП полковник милиции В. Стрелецкий, поставленный на добычу компромата на конкурентов, в своей книге «Мракобесие» чуть ли не первым среди выявленных коррупционеров называет именно Г. Петелина.

Рейдерская атака на золотой запас была разыграна как изнутри, так и извне. А потому обанкротить предприятие под названием «СССР»

удалось просто. Даже сильно просто. В бюджет СССР было две статьи самых больших поступлений, и все от жидкостей. Первое: внутреннее, от водки. Социальная ситуация с алкоголизмом была действительно запущенной, но не такой уж тупиковой. Требовалось только ее разрешение не кавалеристской атакой в лоб, а исподволь. Понимая, что окончательного решения не может быть в принципе и подходы должны быть не морализаторские, главное в таком деле было не усугубить. Однако в Политбюро тогда сидели люди, не привыкшие мыслить глобально, а действовать локально. Итог известен и печален. Ущерб от антиалкогольной кампании называют двоякий: качественный и количественный. Бюджет недосчитался круглой суммы. Второе поступление: внешнее, от нефти. Но там во второй половине 80-х рухнули цены, а там и СССР.. Откуда получить прибыль для бюджета? Народ давно уже забил на это дело: «Начальство делает вид, что

оно нам платит, мы делаем вид, что работаем!» Успех в прорывных технологиях при уравниловке просто невозможен. Значит, как и всегда, должна была выручить прибыль от золота. Началась стремительная («Куй золото, пока Горбачев!») распродажа золотого запаса. Причем темпами не хуже чем в супермаркете при сбыте залежалого товара. По обобщенным данным, за годы правления Горбачева-Рыжкова золотой запас уменьшился с 2500 тонн до 220! На эти деньги можно было закупить невесть что. Но все было просто украдено. Кто конкретно эти люди — знают только посвященные.

Само по себе такое — в единичных случаях — не страшно. Если привести историческую справку, то еще один из первых видных чекистов И. К. Ксенофонтов (1884-1926), первый секретарь и член Коллегии ВЧК, с марта 1919 г. по апрель 1920 г. — заместитель Ф. Э. Дзержинского, в 1922-1925 гг. работал управ делами ЦК РКП(б). И ничего.

▲ В Верховном Совете

▲ Рулевые страны

Из нашей справки особенно видно, что именно Лубянка контролировала всех первых лиц, а заодно и весь процесс перестройки. А кто же еще? Руководство они опутали по всем правилам — учить этому не надо было! И оставаясь на службе, и уходя в ДР, увольняясь в запас КГБ по ст. 59 п. «в» КЗОТ — в связи с переходом на работу в гражданские министерства и ведомства, они работали на какую-то цель...

В связи с этим неизбежно возникает вопрос: кто у нас остался без внимания и были ли опекуны у Е. К. Лигачева? Он категорически отверг наличие «связей, порочащих его» (10.10), вот и объяснение того, почему его убрали с поста второго человека в партии.

Таковы были оперативные агентурные позиции КГБ. Схожая картина была в столицах союзных республик, в областных, краевых, республиканских центрах. Все это очень похоже на шпионскую сеть.

Иногда их работа приобретала ключевое значение: «В часы засе-

дания Политбюро, на котором решалась проблема будущего руководителя партии и страны, Крючков пригласил меня в здание разведки. Он сослался на то, что в приемной Политбюро у него «свой» человек, и мы, таким образом, будем в курсе происходящего. Мое любопытство и острота момента победили остро-

Пристраиваясь к обстановке, он навязчиво твердил мне, что генсеком должен стать Горбачев. (...)

Кстати, «свой» человек в приемной Горбачева вскоре стал руководителем того подразделения в контрразведке, которое занималось подслушиванием телефонных разговоров высшего эшелона власти, в том числе и членов Политбюро (напоминаю — Е. И. Калгин. — ЛЖ).

Итак, мы потягивали виски, пили кофе, и время от времени получали информацию из приемной Политбюро. Первая весточка была ободряющей: все идет нормально. А это означало, что предложена кандидатура Горбачева. Не скрою, я, зная

состав Политбюро, опасался, что начнется дискуссия. Но этого не случилось. И когда пришло сообщение от агента Крюčkова, что Горбачева единогласно возвели на высокий партийный трон, Крючков воодушевился, поскольку именно с этим событием он связывал свою будущую карьеру.

Облегченно вздохнули, поздравили друг друга, выпили за здоровье нового генсека. Крючков снова затеял разговор по внутренним проблемам КГБ. Он «плел лапти» в том стиле, что Горбачеву нужна твердая опора, которую он может найти, прежде всего, в КГБ. Но при условии, что будут произведены серьезные кадровые изменения». Извиняюсь за тон, которым А. Яковлев говорит о В. А. Крюčkове: делали-делали одно общее дело, а «валят» всю вину за происшедшее на одного «архитектора перестройки»...

Если давать информацию в более развернутом виде, то их попарное взаимодействие могло приобретать

разные формы. В. Ф. Грушко, который также был задействован в такой операции, позже вспоминал: «Еще в январе 1991 года В. А. Крючков пригласил меня к себе для того, чтобы познакомиться, по его словам, с «весьма интересным собеседником». Им оказался Юрий Владимирович Скоков, являвшийся в то время первым заместителем Председателя Совета Министров России. Крючков представил нас друг другу и порекомендовал договориться о регулярных контактах. Из беседы я понял, что у Скокова были соответствующие полномочия от Председателя Верховного Совета Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина. Когда Скоков ушел, я поинтересовался у Крюčkова, какими будут мои задачи. «Оставляю их на ваше со Скоковым усмотрение, — ответил Председатель КГБ. — Цель состоит в обмене мнениями для лучшего взаимопонимания. Контакт рассматривайте как рабочий, а меня информируйте лишь тогда, когда сочтете необходимым».

Мы встречались со Скоковым два-три раза в месяц, обычно вечером. Скоков произвел на меня впечатление достойного и озабоченного судьбами государства человека, хорошо разбиравшегося в вопросах внутренней и внешней политики, не говоря уже об экономике. Вскоре у нас сложились хорошие отношения, позволявшие отлично понимать друг друга. Это не только помогло нам обоим лучше представлять развитие обстановки в стране, но и имело практическое значение. Когда Российская Федерация начала проводить более самостоятельную, чем ранее, линию в области внешней торговли, я предложил Скокову снабжать российское руководство информацией о возможностях и надежности западных партнеров. Соответствующие поручения были даны Первому главному (разведывательному) и Шестому (экономическому) управлениям КГБ СССР. Полагаю, что это было важным шагом, поскольку своего, республиканского Комитета у России, в отличие от других союзных республик, не было.

Наше взаимодействие продолжало укрепляться. Так, Скоков информировал меня о предстоящих поездках Ельцина и других российских руководителей в Кузбасс, Коми АССР и другие регионы. В соответствующие органы на местах сразу были отданы распоряжения о заблаговременной подготовке для приезжающих информационных материалов о насущных социально-экономических и политических проблемах соответствующих автономных республик, краев и областей России, а также обеспечении безопасности и надежной связи в ходе поездок».

Внимательные исследователи, дотошно изучавшие одного из деятелей «перестройки», добивались четких результатов, показывая всю непростую историю взаимоотношений ведущего и ведомого, которые со временем могли и поменяться местами. Так и случилось с Б. Е. Немцовым: «На рубеже 80-90-х годов в штат Горьковского УКГБ был зачислен некий полковник Евгений Павлович Мартынов. Он курировал работу по линии 5-го управления КГБ СССР, которое, как известно, отвечало за борьбу с диссидентским движени-

ем. (...) В это время и познакомился Борис Ефимович и Евгений Павлович. Познакомились (не скажу — подружился) в такой степени, что Мартынов стал частенько навещать к Немцову в гости. Говорили о важном или просто чаи гоняли — Бог весть. Но когда об этом узнали сослуживцы полковника, были они немало поражены: они-то лучше других знали, что Мартынов не получал санкцию начальства, которую необходимо иметь для личных встреч с теми, на кого заведено оперативное дело. (...)»

Заинтересованные оперативники принялись дотошно изучать послужной список присланного полковника. Выяснилось, что черновой оперативной работой Мартынов, по сути, никогда всерьез не занимался. Его служебные функции, как правило, ограничивались «общим руководством»: здесь политзанятия организовать, там взбучку устроить нерадивому. А офицер, тем не менее, рос и рос по служебной лестнице. Вот он уже начальник УКГБ в небольшом приволжском городке, затем еще выше — начальник госбезопасности в большом среднеазиатском городе,

▲ Крючков В.А.

▲ Питовранов Евгений Петрович

и, наконец, теплое полковничье место в Горьком. В чем секрет его карьеры?

И вскоре разобрались. Мартынов выполнял деликатные и ответственные поручения самого генерала Филиппа Денисовича Бобкова. (...)

Примерно в середине 1990 года оперативное дело на Немцова закрыли, что по тем временам, как уверяли нас выдавшие виды оперативники, было фактом исключительным. Произойти это могло только по распоряжению с самого верха.

Не беремся утверждать, что Немцов был секретным сотрудником Бобкова, — нет документов. И как знать, кто кого мог использовать: 5-е Управление — Немцова или будущий губернатор — госбезопасность?

Немцов, став губернатором, прибрилил к себе полковника, пригласив в свою администрацию. Мартынов верой и правдой служил ему какое-

то время, а потом был вышвырнут без объяснений. Говорят, он опрометчиво пытался «влиять» на губернатора, намекая на то, что Ведомство «своих» людей так просто не отпускает, и... скоропостижно скончался.

Вполне очевидно, что в функции надзирающих в обязательном порядке входило: подкладывать «нужные» документы, блокировать и не пропускать «ненужные» — то есть управлять информационными потоками, это делалось ими, хотя ныне они пытаются свалить с больной головы на здоровую;

- подталкивать к тем или иным решениям;
- отслеживать устойчивые связи и разовые контакты, разговоры и настроения объекта ведения;
- мониторинг слов и действий дает возможность заполучить

информацию о стиле и способе мышления, с тем, чтобы помочь психологам дать рекомендации по корректировке поведения подопечного в нужном направлении;

- поддерживать навязываемые со стороны правила игры;
- добывать компрометирующие материалы, чтобы удерживать на крючке, для этого следить за счетами в западных банках (например, у той же Р.М. Горбачевой);
- учитывая чрезвычайно скоротечный характер происходящего, иногда требовалось, чтоб надзорный находился в пределах досягаемости для связи. (Такова общая картина для всех, но были еще и дополнительные задачи: так, заданием для людей вокруг Б.Н. Ельцина было следить, чтобы подопечный был в кондиционном состоянии, а не «расслаблялся» накануне, или же, наоборот, могло требоваться его неявление на людях, и тогда его «отключали».)

Делалось это во многом в условиях очевидности и не сильно то скрывалось от постороннего глаза.

Второе. Этой системой пользовались, и взаимно. Вот один пример, рисующий эти два положения. В начале марта 1991 г. начальник УКГБ по Приморскому краю генерал-лейтенант К. А. Григорьев был в Москве, и, как он вспоминает, «...я в очередной раз напросился на прием к шефу. Он принял меня, но оговорился, что располагает очень ограниченным временем — в пределах 5-7 минут. В этот момент раз дался телефонный звонок. Из приветствия Крючкова: «Здравствуйте, Михаил Сергеевич!» — я понял, кто был на втором аппарате, и сразу же вскочил, намереваясь уйти. Владимир Александрович жестом усадил меня на место. Разговор был кратким: «особого нового ничего нет, ах, вы по нему... Принял укол, выпил стакан коньяку и готовится сейчас к выступлению. Хорошо... До встречи».

Иногда это носило характер разового мероприятия: «...под эгидой парламента шла работа над проектом нового союзного договора. Авторитетная рабочая группа заседала поочередно в кинозале и столовой подмосковного совминовского пансионата «Морозовка», недалеко от Зеленограда, среди «обитателей» которого бушевали политические страсти. Директор пансионата — бывший сотрудник КГБ (...) Василий Макарович Скидан обеспечивал работу этой группы начиная с организации охраны вплоть до отменного питания и отдыха».

Не только СССР был на особом счету. Как пишут люди, бывшие на месте некоторых любопытных событий, В. А. Крючков летал в Афганистан 13 раз! И в такие наезды он руководил сотнями офицеров, прикомандированных к афганским ведомствам. Сколько же они вообще держали под колпаком, не передается никакому исчислению!

Эта система, видимо, сложилась очень давно. Например, только сейчас стало известно, что будущий дипломат А. Огородник во время срочной службы был завербован военной контрразведкой КГБ, куда он отчеты писал под псевдонимом «Стахановец». Во время заграничных командировок он был завербован ЦРУ (агент «Трианон» — иногда пишут «Тригон»). Он был подведен не то к дочери секретаря ЦК К. Русакова, не то к племяннице В. В. Гришина. А вот была ли это его личная инициатива или одной (а может быть, сразу двух) спецслужб, не совсем ясно.

Who is mister Великий Комбинатор?

Теперь возникает естественный вопрос: здесь видна рука хорошего профессионала, который сплел сеть агентуры вокруг Нужных лиц и стал ими манипулировать в процессе, который «Пошел» и привел к тому, что Советскую систему «разнесло». Но, вот кто этот человек? Кто есть объект нашей главной заинтересованности?

Ключевой информацией мы не располагаем. Объект нашего внимания ничем явным себя не проявил, и провести его установку нам не удастся. Для того чтобы подойти

к ответу, мы должны провести перечисление. Это должен быть человек, который не входит в число вышечисленных лиц: все они были только пешками в большой оперативной игре. Этот человек не должен стоять на самом виду: там и без того хлопот хватает. Это мог быть человек от Ю. В. Андропова, который выявил и вылепил большинство своего окружения по образу и подобию своему. Этот человек и сам должен быть достаточно самостоятельной фигурой, чтобы вступать в контакты и с Западом, и с «нашей» элитой.

В любом случае — это один из тех великих (только с большим, самым большим знаком «минус»!) разведчиков, по выражению Директора Института Русской истории РГГУ А. И. Фурсова, «о которых мы не узнаем именно потому, что их деятельность увенчалась полным успехом».

Если бы я сочинял беллетристику, то я бы сказал даже так: Ю. В. Андропов велел организовать себе лжепохороны, а сам закулисно руководил всем процессом... В наше время, когда взбалмошной публике подбрасывают, что Генрих Миллер и Юрий Андропов — одно и то же лицо, и это ретранслируется, этому бы поверили. Но и без него хватало всяких...

Такого рода координатором мог быть Г. А. Алиев. Он всегда был достаточно наверху, но в то же время рядом. Член Политбюро и заместитель Председателя Совета Министров СССР — посты высокие, но не такие уж и публичные. Он ушел на пенсию и в то же время остался в Москве — на ключевом месте, в 1987-1988 гг. он — Государственный советник при Совете Министров СССР. Да и зять Махмуд, полковник КГБ, всегда под рукой для мелких поручений. К нему вполне могли заходить все, кто был нужен. Алиев, сидя в Москве, выжидал, пока обломают рога конкуренты, проигрывая войну в Карабахе. Потом он переместился в Нахичевань, а оттуда — в Баку. Не позже, но и не раньше... Его не обманули — ему досталась целая нефтеносная республика. Но в 1990 г. он переезжает из Москвы, и кому-то же надо «оставаться на хозяйстве»? Здесь

возможна и передача функций для последующих дел кому-то еще.

Е. П. Питовранов? Да, вполне мог быть...

Может быть, и Ф. Д. Бобков, но вот то, что А. В. Коржаков позволяет себе уже положить бойцов из его секьюрити мордой в снег, то есть в любом случае «наезжать» (простите за специфический сленг последних лет), явно говорит о равном статусе, а такого рода фигура была бы неприкосновенной.

Если он из разведки, то он мог носить весьма высокий ранг. Но он в таком случае — есть продукт розыгрыша внешних сил. И на сегодня хорошо известно, как это делается. По крайней мере, хорошо прописан один пример, когда при помощи извне делается лифт для успешной карьеры: «Возвышение (...) произошло не без скрытой помощи англичан, которые не давали виз нашим сотрудникам, выезжавшим в Лондон. Руководство отдела вполне резонно стало посылать в Лондон свои собственные кадры, а не опираться на чужие отделы, где работали «чужаки». Гордиевский только начал изучать английский, Англию он совершенно не знал, но все же его решили «попробовать на визу», не особенно рассчитывая на успех. Гордиевский сам мне говорил, что не питает никаких надежд на успех (это лишний

▲ Меднис Владимир Августович

▲ Дружеское рукопожатие

раз доказывает его хитрость и умение вести двойную жизнь), однако, к превеликому удивлению всех, эту визу он получил.

Я лично и другие сотрудники объясняли это тем, что, не зная английского, с американцами и англичанами в Дании он не встречался и потому не «засветился», кроме того как вербовщик и оперативный работник Гордиевский у нас не котирировался, его «коньком» было умение «писать информацию», особенно с использованием газет. В отделе объясняли получение визы таким образом: англичане не могут всем отказывать в визе бесконечно, видимо, они решили, что, слабо зная английский язык, страну, Гордиевский принесет меньше вреда, чем эксперт по Англии. Кроме того, мы блокировали визу английскому дипломату, собиравшемуся в Москву, и дали понять, что отказ Гордиевскому автоматически повлечет за собой ответный удар.

(...) Отметим, что английская разведка, дабы обеспечить доступ Гордиевскому к более широкому спектру

секретной информации, начала аккуратно прокладывать ему путь наверх, постепенно выгоняя из страны всех его руководителей, и, в конце концов, Москва оказалась перед дилеммой: либо снова пуститься в бесконечную визовую войну с англичанами, пробивая на место резидента новые кадры, либо утвердить в этой должности Гордиевского. Последнее одержало верх» (10.14. С. 9). Сколько раз и кому именно вражеские разведки аккуратно прокладывали путь наверх, точно не известно. Но можно предполагать, что нашему герою помогли примерно так же.

Наверное, именно о нем рассказывают в недавно изданной книге. Полковник В. Меднис получил информацию от одного из своих надежных источников о том, что в окружении Председателя КГВ действует особо ценный агент западной спецслужбы. Более того, агент является не только источником информации, но еще и имеет возможность производить кадровые назначения. Он завербован одной из разведок стран НАТО. ЦРУ, естественно, заинтересо-

вано в том, чтобы проводить свою агентуру на высокие посты в разведке. Но в ведение Америки его не передают. А используют сами — давая, довольно дозированно, получаемые сведения. По получении такой «горячей» информации, резидент немедленно убил в Москву. Встреча с Председателем не могла состояться официальным путем: «крот» явно узнал бы о такой аудиенции. Пришлось действовать в обход — через знакомого члена Политбюро ЦК КПСС А.Я. Пельше. И вот в 19.00 22 ноября 1973 г. разведчик встретился со своим высшим начальником. Он изложил сведения и выдвинул предположение, что под эту категорию подходят лишь два человека, и их фамилии он указал на листочке бумаги. Реакция же была очевидной: Ю.В. Андропов помолчал, глядя перед собой в одну точку. Потом положил бумажку в карман, так и не взглянув в нее. Задал кое-какие вопросы о ситуации в главке и лишь на прощание сказал: «Да, нелегко вам придется...» Сообщают также, что уже через три дня источник был

уничтожен, а резидент переведен зам. начальника научно-исследовательского отдела в КИ. Раз источник был уничтожен — значит, Ю. В. Андропов приказал его убрать? Еще вопрос: сделал он это через свои возможности или же оперативно связался с западными коллегами?

Таковы, собственно, наши попытки разгадать: а кто же мог им быть? Великий Комбинатор не поддается четкой идентификации. Его никто не ищет. Нет его портретов на стендах «Их разыскивает милиция» и т. д. Где он? — Уехал с «холода» или так и не был отозван и остался в Москве? Что именно и сколько он получил за свою работу? Был изначально свободен в своем выборе или был все же элемент давления? Может быть, он был ликвидирован или умер своей смертью?

Роль же Председателя КГБ была в таком случае чисто декоративной — его власть не выходила за пределы здания на Лубянке или еще меньше того: за пределы собственного кабинета. А если использовали максимум английской разведки: «Это дело настолько важное, что его нужно поручить рядовому сотруднику», то дело его вычисления вообще безнадежное: может оказаться, что его фамилия никогда не появлялась в открытых источниках... И сколько бы мы сегодня ни бились над вопросом: «Who is мистер координатор?», мы не сможем ответить на него из-за нехватки информации. Пока он останется в нашей памяти как неизвестный по фамилии-имени-отчеству: Икс-Игрек-Зетович.

Контроль: так и быть, вы командуйте, но делать мы будем по-своему...

Где же были партийные органы, царствующие, но давно уже реально не правящие? Где же был их хваленый контроль? Может быть, его не было вообще, по той хотя бы причине, что люди из спецслужб проходили его дважды: при вступлении в партию и в эти самые «органы»? И раз он был жесток при входе, то внутри его не отслеживали?

Контроль партии за «органами» осуществлялся в разных формах, в том числе и через совместную ра-

боту. Но и тут не удаюсь соблести равенство. Так, например, 17 марта 1921 г. был издан секретный циркуляр ВЦИК и ЦК РКП(б) о создании системы государственной информации «в целях своевременного и полного осведомления и принятия соответствующих мер». Государственные информационные тройки на местах создавались «из представителей губкома, губисполкома и ГубЧК. Инструкцией от 19 апреля 1921 г. устанавливалось, что тройка пользуется аппаратом ЧК и «фактическое руководство всеми работами принадлежит исключительно губчека» (10.15. С. 32-33). (Со ссылкой на (10.16. С. 83-87; 10.17. С. 71). Формально все было в норме — кому положено было подчиняться, тот и подчинялся: Надежным методом влияния партийных инстанций на кадровую политику в отношении структур правопорядка служило утверждение номенклатуры должностей работников административных органов. С октября 1924 года назначения на должности начальника губотдела ГПУ согласовывались с ЦК РКП(б) и утверждались губкомами; работники губернских (...) отделов ОГПУ утверждались губкомами партии» (10.15. С. 36).

Те люди, что создали за О. Пеньковского книжку «Письма Пеньковского», отмечали, что Председатель КГБ генерал армии И. Серов стоит перед заведующим Отделом административных органов генерал-майором Н. Р. Мироновым навтыжку. Было это или нет — свидетелей уже не осталось. Но можно с уверенностью сказать, что уже другая пара: член Политбюро ЦК КПСС, Председатель КГБ Ю. В. Андропов и член ЦК КПСС, заведующий Отделом административных органов Н. И. Савинкин не были в таких отношениях. Даже весь Отдел был не в состоянии проконтролировать всех комитетчиков: на чуть ли не пятисоттысячный коллектив КГБ приходилось 5 (пять!) работников сектора ГБ Отдела аппарата ЦК. Они только и успевали, что проверить анкеты отъезжающих за границу, и их поток был столь велик, что о будущих подонках-перебежчиках и будущих героях писалось

только одним стилем — канцеляристом, и в выражениях «Беспредельно предан делу КПСС». Формальный контроль имел и Московский горком партии, но не напрямую, над всем КГБ СССР, а только через его партком — точно так же, как и над всеми министерствами и ведомствами. Некоторое значение, конечно же, имело то, что здание КГБ охраняли прапорщики из дивизии им. Дзержинского МВД — чем это обернулось для МВД, мы уже говорили. Ю. В. Андропов был доволен завотделом Н. Савинкиным — по крайней мере, он не стал его смещать в 1983 г., когда было основательно почищено руководство аппарата ЦК КПСС.

На более низком уровне существовали обкомовские и крайкомовские отделы адморганов. Но что они могли? Даже первые секретари, как потом оказалось, не вмешивались в дела местных «органов». Первый секретарь двух обкомов В. В. Бакатин сказал так: «Приходил на партийные собрания... и от имени партии произносил речь, посвященную бдительности. Вот и весь контроль». Тогда же прозвучала и оценка первого секретаря Краснодарского крайкома И. К. Полозкова: «Что же касается права партийного контроля над деятельностью администрации (...), то он не распространялся над деятельностью советских, военных учреждений и КГБ» (Цит. по: (61. С. 294, 225)).

Если б партократы знали не только В. И. Ленина, а всего лишь общую историю, то у них, возможно, все же как-то бы да отложился мировой опыт в этой сфере. Контроль за полицией у Наполеона, например, предельно — для той поры — четко разработан: «Особенное внимание было посвящено Бонапартом организации столичной префектуры полиции. Префект парижской полиции, хотя и подчиненный министру полиции, был поставлен совсем особым от других сановников, имел свой личный доклад у первого консула, и вообще уже с самого начала было ясно, что первый консул в лице парижского префекта полиции хочет иметь как бы контрольный осведомительный орган, который помогал бы

следить за действиями слишком уж могущественного министра полиции.

Бонапарт с умыслом несколько дробил свою политическую полицию и стремился иметь не одну, а две или даже три полиции, которые наблюдали бы не только за гражданами, но и друг за другом. Он поставил во главе министерства полиции Фуше. Очень ловкого шпиона, хитрого провокатора, проницательного интригана, словом, сыщика-специалиста. Но Бонапарт знал вместе с тем, что Фуше не то что его, а отца родного продаст при случае за сходную цену. Чтобы обезопасить себя со стороны, первый консул и завел доверенных шпионов с очерченной задачей: шпионить за самим Фуше. А чтобы точно уловить момент.

Когда Фуше это заметит и постарается их подкупить, Бонапарт держал еще и третью серию шпионов, функция которых была следить за шпионами, наблюдающими за Фуше» (10.18. С.70).

У И. В. Сталина более-менее получался контроль за своими спецслужбами, но и он иногда мог пойти не традиционно-формальным пу-

тем контроля — через ЦК, а совсем неожиданным. Так, не увидев ясности ни в правленной им же статье в «Правде» «Подлые шпионы и убийцы под маской профессор-врачей» от первых строк: «Сегодня публикуется хроника ТАСС об аресте группы врачей-вредителей. Эта террористическая группа, раскрытая некоторое время тому назад органами ГБ, ставила своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза» — и до последних «...чтобы ликвидировать вредительство, нужно покончить с ротозейством в наших рядах» (10.19. С. 1), ни в представленных документах, он поручил его дополнительную проработку не человеку из ЦК, а попросил сделать ему выборку по людям, которые пусть и не знали оперативную практику, но были честными и не связанными с Москвой. На эту роль отобрали троих: секретаря ЦК ВЛКСМ В. Н. Зайчикова, первого секретаря Челябинского обкома ВЛКСМ П. Колобанова и аспиранта АОН Н. Н. Месяцева. Двое первых не работали в «органах», а последний в 1943-1945 гг.

был начальником следственной части ОКР «Смерш» 5-й гвардейской армии. В. Н. Зайчикову поручили дело бывшего министра Абакумова, П. Колобанову — «дело врачей», а Н. Н. Месяцев с его подготовкой должен был курировать оба дела. Именно им было поручено дополнительно и всесторонне изучить это дело и доложить свои выводы. Увы, не успели!.. (10.20. С. 4).

Тем не менее, при первой же возможности Отдел административных органов ЦК КПСС был переориентирован и превращен в Отдел по законодательной инициативе и правовым вопросам. Из всех контролирующих КГБ СССР органов осталась только одна Генпрокуратура СССР и лично начальник управления по надзору за исполнением законов КГБ СССР — член Коллегии Прокуратуры СССР госссоветник юстиции 2-го класса В. И. Илюхин. Но других механизмов уже нет, и что он может один? Только возбудить уголовное дело против Горбачева по ст. 64 (измена Родине), а после увольнения, которое последовало тут же, председательствовать в Общественной комиссии по Рас-

▲ Андропов Ю.В. Алиев Г.А.

▲ Кутергин Л. слева

следованию антиконституционной деятельности президента СССР.

Кутергин Леонид Алексеевич

Леонид Алексеевич родился в 1941 году, в Кировской области, в семье бывшего полковника КГБ СССР. В 1964 году Леонид Алексеевич окончил Московский институт иностранных языков, в итоге он хорошо владел двумя европейскими языками.

Потому что у него была родственная протекция, Леонид Алексеевич начал работать в первом Главном управлении КГБ, в разведке. Оканчивает обучение в спецшколе, и за короткое время делает себе карьеру. И уже в 1983 году Кутергин в Центральном аппарате разведки стал заместителем начальника отдела.

В середине 1984 года, когда Леонид Алексеевич находился в Швейцарии на краткосрочной командировке, бежал оттуда и в скором времени он уже находился в Западной части Германии. Находясь там, он рассказал противникам ценные сведения относительно деятельности органов безопасности на его родине. Когда состоялось следствие, поступили данные, которые указывали на его достаточно длительное сотрудничество со спецслужбами, которые были противниками СССР. Основой

вербовки Кутергина послужили его гомосексуальные наклонности. Находясь за границей, К. работал консультантом в западногерманской разведке. Обдумывал план вывоза в ФРГ жены и сына, однако реализовать это намерение не сумел.

Его дальнейшая судьба неясна.

В ноябре 1973 года резидент легальной резидентуры в Канаде полковник Владимир Меднис доложил председателю КГБ Юрию Андропову, что в окружении последнего действует агент одной из западных разведок, который располагает возможностью производить перестановки в КГБ на высоком уровне. ЦРУ крайне заинтересовано в том, чтобы использовать «крота» для продвижения своей агентуры в подразделениях КГБ на руководящие должности. Агент был завербован одной из разведок НАТО. Владимир Меднис вручил председателю КГБ листок с двумя фамилиями тех, кто, на его взгляд, мог оказаться «кротом». Реакция Юрия Андропова была странной. Он молча и очень внимательно выслушал сообщение, убрал листок в карман, а пожимая при прощании руку, загадочно произнес: «Да, нелегко вам придется...»

Действительно, после этой встречи у Владимира Медниса начались

проблемы. Его спешно отозвали из-за рубежа и назначили заместителем начальника научно-исследовательского отдела Краснознаменного института КГБ. Человек, сообщивший резиденту о «кроте», через три дня погиб при загадочных обстоятельствах — умер после ужина в ресторане. А «крот» остался на своем посту и так и не был разоблачен.

Существует несколько версий причин, заставивших Юрия Андропова проигнорировать сообщения своего подчиненного. Согласно одной из них — настоящего «крота» не существовало, а сам Владимир Меднис пал жертвой мастерски проведенной операции западной спецслужбы. По другой версии — «крот» был, но Юрий Андропов решил использовать предателя для дезинформации противника.

Можно вспомнить дело заместителя начальника спецопераций (финансовая разведка, отдел «Ф») Управления «С» (нелегальная разведка) Первого Главного управления КГБ СССР Леонида Кутергина. Отдел «Ф» был создан в 1973 году и специализировался на установлении неофициальных контактов с западными бизнесменами и политиками.

В отдел «Ф» Леонид Кутергин был назначен по указанию начальника Первого Главного управления Владимира Крючкова. Последнему очень хотелось иметь свои «глаза и уши» в этой полуавтономной структуре. Новичок оказался любопытен просто не в меру. Однажды его застали, когда тот внимательно изучал секретные документы коллег по отделу. Разразился громкий скандал, который поспешили замять.

В июле 1984 года Леонид Кутергин выехал в командировку на Запад и исчез. На берегу какого-то озера обнаружили его одежду. Через какое-то время Москва признала его утонувшим. А между тем «утопленник» не только был жив, но и активно общался с сотрудниками западногерманской разведки. Ведь он был завербован еще в 1974 году во время командировки в Австрию. Агент «Виктор» умер в 2001 году в Германии. ■

АНАТОЛИЙ КОШКИН

УДАР НА СЕВЕР ИЛИ ЮГ

СТРАТЕГИЯ КОВАРСТВА

16 апреля 1941 г. японский посол в Берлине Х. Осима направил в Токио шифровку, в которой сообщалось: «В этом году Германия начнет войну против СССР»¹. Аналогичная информация поступала и от японских послов и военных атташе в других европейских странах. 28 апреля, подтвердив неизбежность скорого германского нападения на СССР, Осима рекомендовал центру: «После начала германо-советской войны, двигаясь на юг, оказывать тем самым косвенную помощь Германии. Затем,

воспользовавшись внутренними беспорядками в Советском Союзе, применить вооруженные силы и в согласовании с Германией завершить решение вопроса о СССР».

После этого в течение мая в японском генеральном штабе армии проходили интенсивные совещания руководящего состава, на которых выработывалась стратегия Японии на случай советско-германской войны. Однако прийти к общему мнению не удалось. Определились три основные точки зрения.

Первая заключалась в том, чтобы, осуществив план экспансии на юг, обеспечить экономическую незави-

симость империи, после чего, не взирая на пакт о нейтралитете, обрушиться на Советский Союз. При этом считалось, что США, напуганные японо-германским сближением, не будут оказывать Японии серьезного сопротивления в ее продвижении в южном направлении.

Вторая точка зрения сводилась к тому, что Япония, воспользовавшись советско-германской войной, должна незамедлительно приступить к осуществлению планов оккупации советских восточных территорий. Сторонники этого курса опасались, что, «если Япония не захватит в качестве буферной зоны восточную

часть Советского Союза, эта территория не будет гарантирована от германской агрессии».

Наконец, было немало сторонников того, чтобы готовиться к войне, как на севере, так и на юге, и выжидать, приняв окончательное решение с учетом складывающейся обстановки, в первую очередь в Европе.

28 мая в ответ на запрос Мацуоки Риббентроп через посла Осима со всей определенностью сообщил: «Сейчас война между Германией и СССР неизбежна. Я верю, что если она начнется, то может закончиться в течение двух-трех месяцев. Армия уже закончила развертывание».

Об этом же Осима информировал Токио в телеграмме от 6 июня, в которой выражалась уверенность, что «Россия через несколько месяцев перестанет существовать как великая держава».

В связи с этим интерес представляют опубликованные в последние годы оригиналы разведдонесений Р. Зорге в Москву в мае — июне 1941 г.

2 мая Зорге доносил: «Я беседовал с германским послом Оттом и морским атташе о взаимоотношениях между Германией и СССР. Отт заявил мне, что Гитлер исполнен решимости разгромить СССР и получить европейскую часть Советского

Союза в свои руки в качестве зерновой и сырьевой базы для контроля со стороны Германии над всей Европой... Возможность возникновения войны в любой момент весьма велика, потому что Гитлер и его генералы уверены, что война с СССР не помешает ведению войны против Англии.

Немецкие генералы оценивают боеспособность Красной Армии настолько низко, что они полагают, что Красная Армия будет разгромлена в течение нескольких недель. Они полагают, что система обороны на германо-советской границе чрезвычайно слаба».

Эти данные соответствовали содержанию передаваемых из Берлина Осимой телеграмм, что свидетельствует о высокой степени достоверности разведдонесений Зорге. И это объяснимо — ведь информацию Зорге черпал из высших эшелонов японского правительства. 10 мая он сообщил в Москву: «...Отто узнал, что в случае германо-советской войны Япония будет сохранять нейтралитет по меньшей мере в течение первых недель. Но в случае поражения СССР Япония начнет военные действия против Владивостока. Япония и германский ВАТ (аппарат германского военного атташе в Токио. — А. К.) следят за перебросками советских войск с востока на запад».

30 мая Зорге сообщает: «Берлин информировал Отта, что немецкое выступление против СССР начнется во второй половине июня. Отт на 95% уверен, что война начнется...» Наконец, за два дня до германского нападения, 20 июня советское руководство было проинформировано из Токио: «Германский посол в Токио Отт сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна... Инвест (Ходзуми Одзаки. — А. К.) сказал мне, что японский генеральный штаб уже обсуждает вопрос о позиции, которая будет занята в случае войны... Все ожидают решения вопроса об отношениях СССР и Германии».

Правящая верхушка Японии в ожидании развязки лихорадочно готовилась к новой ситуации в мире. Военный атташе посольства Франции

▲ Хироси Осима, японский посол

▲ Мацуока у Гитлера

в Токио 18 июня доносил в центр (Виши): «Атмосфера кажущегося спокойствия, которая царит в настоящее время в Японии, несколько необычна в сравнении с активностью высших органов правительства — таких, как Императорский генеральный штаб, Совет дзусинов (высшие советники императора из числа бывших премьер-министров Японии. — **А. К.**), Совет министров, которые собираются почти ежедневно».

22 июня 1941 г., получив сообщение о начале германского вторжения в СССР, министр иностранных дел Японии Мацуока спешно прибыл в императорский дворец, где весьма энергично стал убеждать японского монарха как можно скорее нанести удар по Советскому Союзу с Востока. В ответ на вопрос императора, означает ли это отказ от выступления на юге, Мацуока ответил, что «сначала надо напасть на Россию». При этом министр добавил: «Нужно начать с севера, а потом пойти на юг. Не войдя в пещеру тигра, не вытащишь тигренка. Нужно решиться».

Эту позицию Мацуока отстаивал и на заседаниях координационного совета правительства и императорской ставки. Им приводились следующие доводы:

а) необходимо успеть вступить в войну до победы Германии, из опасения оказаться обделенными;

б) поскольку на принятие решения в пользу войны с СССР немаловажное влияние оказывала боязнь возможной перспективы одновременной войны против Советского Союза и США, Мацуока убеждал высшее японское руководство и командование в том, что этого удастся избежать дипломатическими средствами;

в) министр иностранных дел высказывал уверенность, что нападение на Советский Союз окажет решающее влияние на окончание войны в Китае, ибо в этом случае правительство Чан Кайши окажется в изоляции.

Хотя предложение о первоначальном ударе в тыл Советскому Союзу базировалось на уверенности в краткосрочном характере германской агрессии, учитывалась и возможность затяжной войны и даже поражения Германии. Считалось, что при всех обстоятельствах Японии лучше вступить в войну на севере, чем идти на риск вооруженного столкновения с США и Великобританией. Сторонники этой концепции полагали, что в случае, если Великобритания, поддержанная США, в конце концов, одержит победу над

Германией, Японию не будут строго судить «за нападение лишь на коммунизм».

Участники заседаний не высказывали возражений против доводов Мацуоки. Они соглашались с тем, что германское нападение на СССР с запада представляет весьма выгодную возможность реализовать вынашиваемые годами планы отторжения в пользу Японии его восточных районов. Однако далеко не все разделяли поспешные выводы сторонников немедленного нападения на СССР.

Из стенограммы 32-го заседания координационного совета правительства и императорской ставки от 25 июня 1941 г.:

«Министр иностранных дел Мацуока: Подписание пакта о нейтралитете (с СССР. — **А. К.**) не окажет воздействия или влияния на Тройственный пакт. Об этом я говорил после моего возвращения в Японию (из Германии и СССР. — **А. К.**). К тому же со стороны Советского Союза пока нет никакой реакции. Вообще-то я пошел на заключение пакта о нейтралитете, считая, что Германия и Советская Россия все же не начнут войну. Если бы я знал, что они вступят в войну, я бы, вероятно, занял в отношении Германии более дружественную позицию и не стал бы заключать пакт о нейтралитете. Я заявил Отту (посол Германии в Японии. — **А. К.**), что мы останемся верны нашему союзу, невзирая на положения (советско-японского) пакта, и если решим что-то предпринять, он будет проинформирован мною в случае необходимости. В том же духе мы говорили с советским послом.

Некто (фамилия в стенограмме не указана. — **А. К.**): Какое впечатление произвели Ваши слова на советского посла?

Мацуока: «Япония сохраняет спокойствие, но ясности — никакой», — сказал он и, как мне кажется, говорил искренне.

Некто: Меня интересует, не сделал ли он вывод, что Япония по-прежнему привержена Тройственному пакту и нелояльна пакту о нейтралитете?

Мацуока: Не думаю, чтобы у него сложилось такое впечатление. Разумеется, с моей стороны ничего не говорилось о разрыве пакта о нейтралитете.

Я не сделал никаких официальных заявлений Отту. Мне хотелось бы, чтобы как можно скорее были приняты решения по вопросам нашей национальной политики. Отт снова говорил о переброске советских войск с Дальнего Востока.

Военный министр Тодзио: Переброска войск с Дальнего Востока на Запад, безусловно, имеет большое значение для Германии, но Японии, разумеется, не стоит слишком переживать по этому поводу. Нам не следует всецело полагаться на Германию.

Военно-морской министр Оикава: От имени флота могу высказать ряд соображений о нашей будущей дипломатии. Я не хочу касаться прошлого. В нынешней щекотливой международной обста-

новке без консультаций с верховным командованием едва ли уместно рассуждать (и) об отдаленном будущем. Флот уверен в своих силах в случае войны с Соединенными Штатами в союзе с Великобританией, но выражает опасение по поводу войны с США, Британией и СССР одновременно. Представьте, что Советы и американцы действуют вместе и США разворачивают военно-морские и авиационные базы, радиолокационные станции и тому подобное на советской территории. Представьте, что базирующиеся во Владивостоке подводные лодки передислоцируются в США. Это серьезно затруднит проведение морских операций. Во избежание такой ситуации следовало бы не планировать удар по Советской России, а готовиться к продвижению на юг. Флоту не хотелось бы провоцировать Советский Союз.

Мацуока: Вы сказали, что не боитесь войны с США и Великобрита-

нией. Почему же Вы против вовлечения в войну Советов?

Оикава: Если выступят Советы, это будет означать ведение войны еще с одним государством, не так ли? В любом случае не стоит предвосхищать будущее.

Мацуока: ...Я считаю, что мы должны спешить и принять решение, исходя из принципов нашей национальной политики.

Если Германия возьмет верх и завладеет Советским Союзом, мы не сможем воспользоваться плодами победы, ничего не сделав для нее. Нам придется либо пролить кровь, либо прибегнуть к дипломатии. Лучше пролить кровь. Вопрос в том, чего пожелает Япония, когда с Советским Союзом будет покончено. Германию, по всей вероятности, интересует, что собирается делать Япония. Неужели мы не вступим в войну, когда войска противника из Сибири будут переброшены на Запад? Разве не должны мы при-

▲ Тройственный пакт

▲ Тодзио, военный министр

бегнуть, по крайней мере, к демонстративным действиям?

Военный и военно-морской министры: Существует множество вариантов демонстративных действий. Тот факт, что наша Империя занимает твердые позиции, сам по себе является демонстративным действием, не так ли? Разве мы не намерены реагировать подобным образом?

Мацуока: В любом случае, пожалуйста, поторопитесь и решите, что нам следует предпринять.

Некто: Что бы вы ни предприняли, не допускайте поспешности в действиях».

Советская разведка внимательно следила за ходом обсуждения в японском правительстве вопроса о выступлении Японии против СССР и своевременно информировала центр о возникших в руководст-

ве страны противоречиях. 25 июня военный атташе посольства СССР в Японии доносил начальнику разведуправления генштаба Красной Армии:

«...5. Генералы Араки и Сидо с прогнозами современной войны по-детски заявляют, что Германия разобьет СССР в два-три месяца. Соотношение сил строится арифметически, без политического анализа, без анализа запасов стратегического сырья и промышленных мощностей, следовательно, прогнозы звучат неубедительно и наивно, но народ, читая их, верит, что немцы сильнее.

6. Правительство уже три дня совещается и не может принять решение по вопросу своего отношения к войне, есть слухи, что они хотят протянуть недели три и приглядеть-

ся к войне, какое она примет направление. В Правительстве сейчас идет очень сложная борьба — проангличане и проамериканцы были яркими противниками СССР, но под влиянием речи Черчилля как будто меняют свои взгляды. Определить позицию правительства сейчас очень трудно...

7. Военщина не высказывает своего мнения по этому вопросу.

8. Американцы и англичане рады сложившейся обстановке и заявляют, что «теперь мы с Вами будем сотрудничать по всем вопросам».

9. Немцы нервничают, недовольны неопределенностью позиции правительства. Всеми силами стремятся втянуть Японию в войну. В ход пущены все средства фашистской клеветы и демагогии.

Вывод: ...Правительству доверять нельзя, оно может пойти на самые неожиданные шаги, даже вопреки здравому учету внутренней обстановки».

Еще до нападения Германии на СССР, 10 июня, руководство военного министерства Японии разработало документ «Курс мероприятий по разрешению нынешних проблем». В нем предусматривалось: воспользовавшись удобным моментом, применить вооруженные силы как на Юге, так и на Севере; сохраняя приверженность Тройственному пакту, в любом случае вопрос об использовании вооруженных сил решать самостоятельно, продолжать боевые действия на континентальном фронте в Китае.

Эти положения легли в основу проекта документа «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки», который должен был быть представлен императорскому совещанию. Документ являлся результатом компромисса между сторонниками вышеуказанных трех точек зрения на дальнейшую политику Японии. Хотя в нем провозглашалось, что «независимо от изменений в международном положении Империя будет твердо придерживаться политики построения сферы совместного процветания Великой

Восточной Азии», окончательный выбор первоначального направления вооруженной экспансии сделан не был. Обсуждению этого документа были посвящены предшествовавшие императорскому совещанию заседания координационного совета.

Из стенограммы 33-го заседания координационного совета правительства и императорской ставки от 26 июня 1941 г.:

«Повестка заседания. Проект документа «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки».

Мацуока: Мне не понятна фраза «предпринять шаги для продвижения на Юг» и слово «также» в фразе «также разрешить северную проблему»...

Начальник генерального штаба армии Сугияма: Что Вы хотите понять? Вы хотите понять, что важнее — Юг или Север?

Мацуока: Совершенно верно.

Сугияма: Нет никакого различия в степени важности. Мы собираемся следить за тем, как будет развиваться ситуация.

Мацуока: Означает ли фраза «предпринять шаги для продвижения на Юг», что мы не предпримем действий на Юге в ближайшее время?...

Заместитель начальника генерального штаба армии Цукада: Хорошо, выскажусь определенно. Между Севером и Югом нет различий в степени важности. Очередность и способ (действий) будут зависеть от обстановки. Мы не можем действовать в двух направлениях одновременно. На сегодняшний день мы не можем судить, что будет первым — Север или Юг...

Мацуока: Что случится, если обстановка не претерпит кардинальных изменений в благоприятном для нас смысле?

Цукада: Мы выступим, если почувствуем, что условия особенно благоприятны, и не сделаем этого, если они будут неблагоприятными. Поэтому мы включаем (в проект документа. — А. К.) слова «особенно благоприятные». Кроме того, существует различие в точках зрения. Даже если Германии ситуация будет казаться исключительно благоприят-

ной, но она не будет благоприятной для нас, мы не выступим. И наоборот, даже если Германия будет считать условия неблагоприятными, но они будут благоприятны для нас, мы выступим.

Министр внутренних дел Хиранума: Можно вступить в войну, но не привлекая армии. Вступление в войну есть вступление в войну, даже если не использовать вооруженные силы. Хотя министр иностранных дел сказал, что состояние войны, то есть вступление в войну, неотделимо от использования вооруженных сил, нельзя ли все-таки вступить в войну, не привлекая вооруженных сил?

Мацуока: Согласен. Между вступлением в войну и использованием вооруженных сил может существовать временной промежуток...»

Как уже отмечалось, японское руководство серьезно опасалось «опоздать на автобус», то есть к разделу территории поверженного Советского Союза. Об этом предупреждал посол в Германии Осима, активно толкавший японское правительство к немедленному нападению на СССР.

Из стенограммы 34-го заседания координационного совета правительства и императорской ставки от 27 июня 1941 г.:

«**Мацуока:** Я получил несколько сообщений от Осима. Их суть состоит

▲ Сугияма начальник генерального штаба

в том, что политика нашей Империи столкнется с трудностями в том случае, если германо-советская война завершится в ближайшем будущем, а британо-германская — осенью или до конца года. Мы не можем слишком долго ждать выявления тенденций развития обстановки...

Ранее я составил план (координации) дипломатии и военных операций и с тех пор много о них размышлял. Хотя я оценивал вероятность начала германо-советской войны в 50%, эта война уже разразилась. Я согласен с вчерашним проектом генеральных штабов армии и флота, но у меня есть некоторые соображения с точки зрения дипломатии...

Между Германией и Советским Союзом началась война. Хотя какое-то время Империя может выжидать и следить за развитием обстановки, рано или поздно нам придется принять ответственное решение и как-то выйти из создавшегося положения. Если мы придем к заключению, что германо-советская война вскоре закончится, встанет вопрос о первоначальном направлении удара на Север или на Юг. Если мы решим, что война закончится быстро, надо нанести сначала удар на Севере.

Если же мы начнем обсуждать советскую проблему после того, как немцы расправятся с Советами, дипломатическим путем мы ничего не добьемся. Если мы быстро нападём на Советы, Соединенные Штаты не выступят. США не могут помочь Советской России по одной той причине, что они ненавидят СССР. В общем Соединенные Штаты не вступят в войну. Хотя я могу в чем-то и ошибаться, тем не менее надо нанести удар сначала на Севере, а затем уже идти на Юг. Если мы пойдем вначале на Юг, нам придется воевать и с Великобританией, и с Соединенными Штатами...

Мною движет не безрассудство. Если мы выступим против СССР, я уверен, что смогу удерживать Соединенные Штаты в течение трех-четырёх месяцев дипломатическими средствами. Если мы будем ждать и наблюдать за развитием событий, как это предлагается в проекте верховного командования, мы будем окружены Великобританией, США и Россией... Мы должны сначала ударить на Севере, а затем нанести удар на Юге. Ничего не предпринимая, ничего не получишь. Мы должны предпринять решительные действия.

Тодзио: Как соотносится (эта проблема) с китайским инцидентом?

Мацуока: До конца прошлого года я придерживался мнения о том, чтобы сначала выступить на Юге, а затем на Севере. Я считал, что если мы нанесем удар на Юге, китайская проблема будет разрешена. Однако этого не произошло. Мы должны двинуться на Север и дойти до Иркутска. Я думаю, что, если мы пройдем даже половину этого пути, наши действия смогут повлиять на Чан Кайши, подтолкнув его к заключению мира с Японией.

Тодзио: Считаете ли вы, что мы должны ударить на Севере, даже если для этого нам придется отказаться от разрешения китайского инцидента?

Мацуока: Нам следует ударить на Севере, даже если мы в некоторой степени отступим в Китае.

Тодзио: Урегулирование китайского инцидента должно быть завершено.

Оикава: Мировая война продлится лет десять. За это время китайский инцидент уйдет в небытие. В течение этого периода мы сможем без труда нанести удар на Севере.

Мацуока: Я сторонник нравственных начал в дипломатии. Мы не мо-

жем отказаться от Тройственного пакта. Мы смогли бы с самого начала уклониться от заключения пакта о нейтралитете. Если мы намерены говорить об отказе от Тройственного пакта, тогда надо быть готовыми к неопределенному будущему. Мы должны нанести удар, пока ситуация в советско-германской войне еще не определилась.

Хиранума: Господин Мацуока, подумайте должным образом о проблеме, с которой мы имеем дело. Вы предлагаете незамедлительно вступить в войну против Советов, рассматривая это с точки зрения национальной политики?

Мацуока: Да.

Хиранума: Хотя в наши дни приходится вершить дела в спешке, мы должны быть хорошо подготовлены. Вы говорите об использовании военной силы, но это требует подготовки... Короче говоря, разве нам не требуется время для достижения полной готовности?

Мацуока: Я бы хотел располагать решением о нанесении первоначального удара на Севере и я бы хотел сообщить об этом намерении Германии.

Сугияма: Нравственная и благородная дипломатия — это прекрасно, но в настоящее время наши крупные силы находятся в Китае. Хорошо говорить о честности, однако на практике мы не можем себе этого позволить. Верховное командование должно обеспечить готовность. А мы не можем сейчас решить, будем наносить удар (на Севере) или нет. Для приведения в готовность армии нам потребуется от сорока до пятидесяти дней. Необходимо дополнительное время и для организации наших наличных сил и подготовки их к наступательным операциям. К этому времени ситуация на германо-советском фронте должна проясниться. Если условия будут благоприятными, мы будем сражаться.

Мацуока: Я хотел бы принятия решения напасть на Советский Союз.

Сугияма: Нет».

Несмотря на то, что премьер-министр Коноэ и военно-морской министр Оикава, а также другие

японские руководители не разделяли мнения Мацуоки и его сторонников о незамедлительном выступлении против СССР, японский министр иностранных дел был уверен, что ему удастся преодолеть их сопротивление. При этом он опирался на влиятельных японских политиков — министра внутренних дел Хиранума, председателя Тайного совета Хара и других. 26 июня Зорге сообщил в Москву: «...Мацуока сказал германскому послу Отту, что нет сомнения, что после некоторого времени Япония выступит против СССР».

Главным доводом противников Мацуоки и его единомышленников была оценка экономического потенциала Японии, уязвимость империи в снабжении стратегическим сырьем, которое предлагалось до войны с СССР получить на Юге. С этой целью предлагалось, повременив с вступлением в войну против СССР, быстро оккупировать по крайней мере Южный Индокитай. Мацуока же считал, что это чревато столкновением с США и Великобританией.

Из стенограммы 36-го заседания координационного совета правительства и императорской ставки от 30 июня 1941 г.:

«**Мацуока:** До сих пор я не ошибался в предсказаниях того, что произойдет в следующие несколько лет. Я предсказываю, что, если мы будем вовлечены в действия на Юге, нам придется столкнуться с серьезной проблемой. Может ли начальник генерального штаба армии гарантировать, что этого не произойдет? К тому же, если мы оккупируем Южный Индокитай, возникнут трудности с поставками в Японию нефти, каучука, олова, риса и т.д. Великие люди должны уметь менять свое мнение. Раньше я выступал за движение на Юг, а теперь склоняюсь в пользу северного направления.

Начальник управления военных дел военного министерства Японии Муро: Оккупировав Южный Индокитай, мы сможем там получить каучук и олово.

Хиранума: Я полагаю, мы должны идти на Север. Вопрос состоит в том, можем ли мы это сделать. Здесь мы

должны положиться на мнение военных.

Начальник главного морского штаба Нагано: Что касается флота, то, если мы выступим на Севере, нам придется переключить всю нынешнюю подготовку с южного направления на северное. Это потребует пятидесяти дней...

Принц Хигасикуни: Что вы можете сказать о планах разрешения северной проблемы?

Премьер-министр Коноэ и начальник генерального штаба армии Сугияма: В нынешних условиях следует принять решение после дальнейшего изучения стратегической обстановки как с политической, так и с военной точек зрения. Мы уже обсудили эту проблему с точки зрения военной стратегии. Но решение о наших планах на Севере необходимо принять только после должного учета требований политической стратегии, определения уровня нашей готовности и ситуации в мире.

Принц Асака: Это похоже на то, как если бы мы сидели на заборе и решали, куда спрыгнуть — на Север или на Юг. Я считаю, было бы лучше сначала двинуться на Север.

Тодзио: Легко принимать решения в абстрактной форме. Трудность принятия решения состоит в том, что мы все еще вовлечены в китайский инцидент. Если бы не было китайского инцидента, было бы легко решать.

Хигасикуни: Каковы будут результаты движения на Юг? Что мы будем делать, если Британия, Соединенные Штаты и Советский Союз выступят против нас?

Сугияма: Существует несколько возможных вариантов движения на Юг с точки зрения выбора времени и методов, но с точки зрения обеспечения нашего выживания и самообороны мы думаем дойти до Голландской Ост-Индии. Территории не являются нашей целью. Мы намерены продвигаться таким образом, чтобы избежать худшей из возможностей, то есть одновременного выступления против нас Британии, Соединенных Штатов и Советского Союза. При этом мы не остановимся перед конфронтацией только с Бри-

▲ Рихард Зорге

танией и Соединенными Штатами.

Коноэ: Исходя из того, что говорит мне флот, следует, что нам не удастся достичь всех целей одним ударом. На данном этапе мы продвигемся до Французского Индокитая. Затем мы будем идти шаг за шагом.

Асака: Не слишком ли мы осторожны по сравнению с тем, как решает вопросы Германия?

Коноэ: Да, это так, но это вопросы огромной важности для судьбы нашей нации. В отличие от гипотетических ситуаций к ним нельзя относиться с легкостью».

Из стенограммы 37-го заседания координационного совета правительства и императорской ставки от 1 июля 1941 г.:

«Министр финансов Кавада: Осуществляет ли армия подготовку к войне?

Сугияма: Да, мы проводим подготовку. В первую очередь мы при-

▲ Коноэ, премьер-министр

водим войска в боевую готовность. Затем мы осуществим подготовку к наступательным операциям. В это время мы должны проявлять большую осторожность, чтобы войска не вышли из подчинения.

Цукада: Мы проводим подготовку, и это правильно, но мы намерены иметь минимальное количество войск, подготовленных к боевым действиям. Мы не собираемся готовить большое количество войск.

Кавада: А что думает флот?

Заместитель начальника главного морского штаба Кондо: Мы должны быть готовы к потере 100 подводных лодок.

Тодзио: Необходимо привести наши соединения и части в Маньчжурии в боевую готовность. Мы должны серьезно позаботиться о том, чтобы это осуществлялось втайне.

Министр торговли и промышленности Кобаяси: Скажу несколько

слов о наших ресурсах. Я не считаю, что мы обладаем достаточными возможностями для обеспечения военных действий. Армия и флот могут прибегнуть к использованию вооруженной силы, но мы не имеем сырья и военных материалов для обеспечения войны на суше и на море. Армия, видимо, может провести подготовку. Но поскольку для этого будут реквизированы суда, мы не сможем обеспечивать транспортировку сырья и военных материалов. Все это серьезным образом скажется на расширении наших производственных возможностей и пополнении вооружениями. Я считаю, мы должны предусмотреть такие действия, которые вселяли бы уверенность в отсутствии опасности поражения от Британии, Соединенных Штатов и Советской России. Пойдем ли мы на Юг или на Север? Я бы хотел, чтобы этот вопрос был

тщательно изучен. У Империи нет сырья и материалов. Сейчас мы должны подумать, как обрести уверенность в том, что мы не потерпим поражение, а также как разрешить китайский инцидент».

Императорское совещание, на котором в присутствии монарха (он же главнокомандующий армии и флота) должна была определиться политика Японии в условиях начала советско-германской войны, было назначено на 2 июля 1941 г. Накануне, 1 июля, японское правительство составило послание в адрес правительства СССР, в котором лицемерно заявляло об «искреннем желании поддерживать дружественные отношения с Советским Союзом», о «надежде на скорое окончание советско-германской войны, заинтересованности в том, чтобы война не охватила дальневосточные районы». Верховное командование Японии охарактеризовало это послание «дипломатической прелюдией начала войны». При этом считалось, что меры по дезинформации советского правительства относительно подлинных планов Японии должны особо активно проводиться накануне предполагавшегося удара по СССР.

Принятая 2 июля на императорском совещании «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки» предусматривала продолжение войны в Китае и одновременное завершение подготовки к войне как против США и Великобритании, так и против Советского Союза.

Из стенограммы императорского совещания (Годзэн кайги) 2 июля 1941 г.:

«Повестка обсуждения. «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки».

Содержание документа:

Политика

1) Независимо от изменений в международном положении Империя будет твердо придерживаться политики построения сферы совместного процветания Великой

Восточной Азии, что явится вкладом в достижение мира во всем мире.

2) Наша Империя будет продолжать свои усилия, направленные на разрешение китайского инцидента, и будет стремиться обеспечить прочную основу безопасности и сохранения нации. Это предусматривает шаги для продвижения на Юг и в зависимости от изменений в обстановке включает также разрешение северной проблемы.

3) Наша Империя исполнена решимости устранить все препятствия на пути достижения вышеуказанных целей.

Резюме

1) Давление, осуществляемое из южных районов, будет усилено с целью принудить режим Чан Кайши к капитуляции. В соответствующий момент, в зависимости от будущего развития обстановки, наше право воюющей державы будет распространено на чунцинский режим, и враждебный иностранный сепаратизм перейдет под наш контроль.

2) С целью гарантировать безопасность и сохранение нации наша Империя будет продолжать все необходимые дипломатические переговоры по поводу южных районов,

а также предпринимать другие меры, которые могут потребоваться.

Для достижения вышеуказанных целей будет проводиться подготовка к войне против Великобритании и Соединенных Штатов. Прежде всего на основе документов «Программа политики в отношении Французского Индокитая и Таиланда» и «О форсировании политики в отношении Юга» будут предприняты различные меры применительно к Французскому Индокитаю и Таиланду с тем, чтобы форсировать наше продвижение в южные районы. При осуществлении указанных планов наша Империя не остановится перед возможностью оказаться вовлеченной в войну с Великобританией и Соединенными Штатами.

3) Наше отношение к германо-советской войне будет определяться в соответствии с духом Тройственного пакта. Однако пока мы не будем вмешиваться в этот конфликт. Мы будем скрытно усиливать нашу военную подготовку против Советского Союза, придерживаясь независимой позиции. В это время мы будем вести дипломатические переговоры

с большими предосторожностями. Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для нашей империи, мы, прибегнув к вооруженной силе, решим северную проблему и обеспечим безопасность северных границ.

4) При проведении различных указанных выше политических мероприятий (раздел 3) и особенно при принятии решений об использовании вооруженной силы мы должны быть уверены в отсутствии серьезных препятствий для сохранения нашей основной позиции в отношении войны с Великобританией и Соединенными Штатами.

5) В соответствии с принятым политическим курсом мы будем дипломатическими и другими методами прилагать усилия к тому, чтобы предотвратить вступление Соединенных Штатов в европейскую войну. Но если Соединенные Штаты вступят в войну, наша Империя будет действовать в соответствии с Тройственным пактом. Однако мы примем самостоятельное решение о времени и способах использования вооруженной силы.

6) Мы незамедлительно сосредоточим наше внимание на приведении страны в готовность к войне. Особенно будет усилена оборона метрополии.

7) Конкретные планы осуществления этой программы будут выработаны отдельно.

Выступление премьер-министра Коноэ:

Я хочу разъяснить основные положения сегодняшней повестки обсуждения.

Я считаю, что наиболее насущным для нашей Империи является незамедлительное принятие решения о том, какую политику мы должны проводить в связи с нынешней обстановкой в мире, а именно в связи с началом войны между Германией и Советским Союзом и ее последующим развитием, тенденциями в политике Соединенных Штатов, развитием военной обстановки в Европе и урегулированием китайского инцидента. Правительство и секции армии и флота императорской ставки соответственно провели продолжительное обсуждение этих вопросов. В результате был

выработан документ «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменением обстановки», который вынесен сегодня на обсуждение.

Сначала я остановлюсь на политическом разделе. Как неоднократно указывалось в Императорских рескриптах, основой нашей национальной политики является установление сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, что должно внести вклад в обеспечение всеобщего мира. Я считаю, что эта национальная политика не должна ни в коей мере пересматриваться в зависимости от изменений и развития ситуации в мире.

Не приходится и говорить, что для создания сферы совместного процветания Великой Восточной Азии будет необходимо ускорить разрешение китайского инцидента, вопрос о котором все еще остается открытым. Далее, я также считаю, что для закладки фундамента безопасности и сохранения нашей нации мы должны, с одной стороны, продвинуться на Юг, а с другой — избавиться от наших трудностей на Севере. Для этого мы должны в соответствующий момент разрешить северную проблему, воспользовавшись преимуществами

ситуации в мире, особенно в связи с развитием германо-советской войны. Эта северная проблема является самой важной не только с точки зрения обороны нашей Империи, но также и для обеспечения стабильности во всей Азии.

Следует ожидать, что стремление достичь этих целей вызовет вмешательство и сопротивление различных государств. Но так как Империя должна, безусловно, достичь этих целей, мы со всей определенностью заявляем о нашей твердой решимости устранить все препятствия...

Выступление начальника генерального штаба армии Сугияма:

...По поводу решения северной проблемы. Нет необходимости говорить, что мы должны в связи с германо-советской войной действовать в соответствии с духом Тройственного пакта. При этом наиболее подходящим для нас будет некоторое время не участвовать в этой войне, так как мы в настоящее время предпринимаем меры для урегулирования китайского инцидента, а наши отношения с Великобританией и США находятся в деликатном состоянии. Но если события германо-советской войны будут благоприятны для нашей Империи, я полагаю, мы используем силу

для разрешения проблемы на Севере и обеспечения безопасности наших северных границ. Поэтому чрезвычайно важно для нас сохранять втайне необходимую подготовку к военным операциям и обеспечить независимую позицию.

При этом считаю, что, осуществляя различные мероприятия для разрешения северной проблемы, особенно касающиеся использования вооруженных сил, мы должны придавать большое значение сохранению, несмотря на препятствия, нашей национальной позиции обеспечения постоянной готовности к войне с Великобританией и Соединенными Штатами, так как отношение этих стран к Японии не вызывает оптимизма.

Выступление начальника главного морского штаба Нагано:

По поводу разрешения южной проблемы. Я считаю, что в нынешних условиях для того, чтобы поддерживать нашу оборону на Юге и добиться самообеспечения в рамках сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, наша Империя должна предпринять незамедлительные шаги по неуклонному продвижению в южном направлении,

используя в сочетании политические и военные меры в отношении ключевых районов на Юге и согласуясь с развитием обстановки.

Однако Великобритания, Соединенные Штаты и Голландия последовательно усиливают свое давление на Японию. Если они будут упорно продолжать создавать для нас препятствия и если наша Империя сочтет невозможным мириться с этим, мы, вероятно, и это следует предвидеть, в конце концов будем вынуждены пойти на войну с Великобританией и Соединенными Штатами. Поэтому мы должны быть готовы к этому, быть исполнены решимости не останавливаться перед такой возможностью.

...Нельзя предсказать, когда и при каких условиях Соединенные Штаты могут вступить в войну в Европе. Поэтому я считаю необходимым для нас принять независимое решение: когда и каким образом мы должны

использовать вооруженные силы против Великобритании и Соединенных Штатов, учитывая при этом существующее на сегодняшний день положение.

Выступление министра иностранных дел Мацуока:

Позвольте изложить вопросы, касающиеся дипломатии. Было определено и остается неизменным, что наша основная национальная политика состоит в создании сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, что необходимо для достижения долговременного мира во всем мире. Мы проводили наш внешнеполитический курс, придерживаясь этой национальной политики и учитывая наличие таких проблем, как китайская, отношения с Соединенными Штатами, развитие европейской ситуации и южная проблема. Однако с началом вой-

ны между Германией и Советским Союзом возникла новая ситуация. В связи с этим в дипломатическом плане я считаю жизненно важным вновь подтвердить нашу позицию по поводу нынешней национальной политики.

Как сейчас заявили начальники генеральных штабов армии и флота, для проведения нашей дипломатии необходимо заблаговременно решить, какие обязательства потребуют от нас использования силы. Однако не вызывает сомнения, что, даже если мы в конце концов будем вынуждены прибегнуть к силе, необходимо делать все от нас зависящее, чтобы попытаться достичь наших целей дипломатическими средствами. Например, в разрешении китайского инцидента мы будем, с одной стороны, прилагать усилия для укрепления национального правительства в Нанкине, а с другой, — оказывая

воздействие на внутреннюю и внешнюю политику чунцинского режима, различными дипломатическими методами принуждать его к капитуляции. Имеется в виду реорганизация этого режима с целью или формирования коалиции с национальным правительством, или склонения его к мирным переговорам.

...Я считаю, что для нас важно быть готовыми к проведению нашей внешней политики в отношении Советского Союза таким образом, чтобы это отвечало реальностям, на которые указывает верховное командование. В наших отношениях с Соединенными Штатами мы должны проявлять величайшую осторожность в дипломатии, чтобы не допустить вступления Америки в европейскую войну и предотвратить ее столкновение с нашей страной...

Председатель Тайного совета Хара:

Я полагаю, все из вас согласятся, что война между Германией и Советским Союзом действительно является историческим шансом Японии. Поскольку Советский Союз поощряет распространение коммунизма во всем мире, мы будем вынуждены рано или поздно напасть на него. Но так как Империя все еще занята китайским инцидентом, мы не свободны в принятии решения о нападении на Советский Союз, как этого хотелось бы. Тем не менее я полагаю, что мы должны напасть на Советский Союз в удобный момент... Наша Империя хотела бы избежать войны с Великобританией и Соединенными Штатами, пока мы будем заняты войной с Советским Союзом. Наш народ желает сразиться с ним... Я прошу вас, действуя в соответствии с духом Тройственного пакта, оказать всяческое содействие Германии. Направляла ли Германия какие-либо послания с просьбой к нам напасть на Советский Союз?

Мацуока: ...Что касается сотрудничества с Германией в германо-советской войне, Риббентроп запрашивал нас об этом 26 июня, а затем вновь телеграфировал по этому поводу 28 июня. В это время мы

обсуждали содержание документа «О форсировании политики в отношении Юга». Мы ожидали войны между Германией и Советским Союзом. Поэтому не следует создавать у Германии впечатление, будто мы уклоняемся от наших обязательств.

Хара: Высказывались какие-либо пожелания со стороны Советского Союза?

Мацуока: Четыре дня спустя после начала войны между Германией и Советским Союзом мы ответили, что война не имеет отношения к Тройственному пакту. И с тех пор Советский Союз не заявлял никаких протестов. Советский Союз запрашивал нас, каково будет отношение Японии к нынешней войне. Мы ответили, что у нас пока не принято решение по этому вопросу.

Несколько дипломатических замечаний по этому вопросу. Даже если наша Империя не примет участия в войне между Германией и Советским Союзом, это не будет актом предательства по отношению к букве Тройственного пакта. Что касается духа союза, то я думаю, что для нас было бы правильным принять участие в этой войне.

Хара: Кто-то может сказать, что в связи с пактом о нейтралитете для

Японии было бы неэтично нападать на Советский Союз. Но Советский Союз и сам привык к несоблюдению соглашений. Если же мы нападём на Советский Союз, никто не сочтет это предательством. Я с нетерпением жду возможности для нанесения удара по Советскому Союзу. Я прошу армию и правительство сделать это как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен.

Я хотел бы избежать войны с Соединенными Штатами. Я не думаю, что Соединенные Штаты предпримут какие-либо действия, если мы нападём на Советский Союз.

У меня есть еще один вопрос. Было сказано, что, проводя нашу политику в отношении Французского Индокитая, мы готовы, если потребуется, к ведению войны против Великобритании и Соединенных Штатов. Предстоящее овладение базами в Индокитае рассматривается как подготовка к войне с Великобританией и Соединенными Штатами. Готовы ли мы уже к войне с ними? Я думаю, такая война может начаться, если мы предпримем действия против Индокитая. Каково ваше мнение по этому поводу?

Мацуока: На ваш вопрос ответить трудно. Нас беспокоит то, что офице-

▲ Хара, председатель тайного совета

▲ Отт, германский посол

ры на участках передовой линии настроены воинственно, они убеждены, что мы используем силу. Война против Великобритании и Соединенных Штатов едва ли начнется, если мы будем продвигаться с большими предосторожностями. Конечно же, я упомянул воинственное поведение офицеров, полагаясь на мудрость верховного командования.

Из-за войны между Германией и Советским Союзом германское вторжение в Великобританию будет отложено. Поэтому Великобритания и Соединенные Штаты могут полагать, что Германия не предпримет попытки вторжения на Британские острова. Но я считаю, что Германия, возможно, сделает это, еще будучи занятой в войне с Советским Союзом. Даже Риббентроп не знал, что война между Германией и Советским Союзом столь близка. Гитлер будет решать один, осуществлять вторжение на Британские острова в ходе германо-советской войны или нет.

Если Германия вторгнется в Великобританию, Соединенные Штаты должны будут всерьез задуматься, принимать ли им активное участие в войне. Или, с другой стороны, они могут предпринять активные действия против Японии с севера. С точки зрения американского национального характера я склоняюсь к вероятности второго варианта. Поэтому сейчас очень трудно выносить какое-то суждение.

Хара: Я хотел бы прояснить для себя, вступят ли Соединенные Штаты в войну, если Япония предпримет действия против Индокитая?

Мацуока: Я не могу исключить такую возможность.

Сугияма: ...Будущее развитие германо-советской войны окажет значительное воздействие на Соединенные Штаты. Если Советский Союз потерпит скорое поражение, сталинский режим, вероятно, развалится, а Соединенные Штаты, видимо, не вступят в войну. Если расчеты

Германии не будут оправдываться и война затянется, возможность вступления Америки в войну возрастет. Пока ситуация в войне будет в пользу Германии, я не думаю, что Соединенные Штаты вступят в войну, если Япония и двинется во Французский Индокитай. Разумеется, мы предпочли бы осуществить это мирными средствами. Мы также хотели бы предпринять действия в Таиланде, но это может вызвать серьезные последствия, так как Таиланд расположен рядом с Малайей. В настоящее время мы продвинемся только до Индокитая. Мы проявим осторожность в направлении наших войск в Индокитай, так как это окажет огромное влияние на нашу будущую политику в отношении Юга.

Хара: Понимаю. Я полностью согласен с вами. Думаю, правительство и верховное командование единодушны в этом вопросе, т.е. в том, что мы сделаем все от нас зависящее, чтобы избежать столкновения с Ве-

ликобританией и Соединенными Штатами. Я считаю, что Япония должна избежать военных действий против Соединенных Штатов, по крайней мере в нынешней ситуации. При этом я также прошу правительство и верховное командование нанести удар по Советскому Союзу как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен, поэтому я надеюсь, что вы проведете подготовку с целью приблизить начало боевых действий. Мне остается лишь надеяться, что эта политика будет осуществлена, как только будет принято решение. Из приведенных мною доводов следует, что я полностью согласен с вынесенными на сегодняшнее обсуждение предложениями.

Тодзио: Я разделяю мнение господина Хара, председателя Тайного совета. Однако наша Империя сейчас связана китайским инцидентом, и надеюсь, председатель Тайного совета понимает это.

Сугиома: ...Хочу воспользоваться возможностью изложить ситуацию, в которой находится Квантунская армия. Из тридцати дивизий Советского Союза четыре уже отправлены на Запад. Однако Советский Союз все еще обладает (на Дальнем Востоке. — А. К.) явно подавляющей силой, готовой к стратегическому развертыванию. С другой стороны, Квантунская армия находится в положении, о котором я ранее докладывал. Я хочу усилить Квантунскую армию настолько, чтобы она могла защитить себя, способствовать проведению дипломатических переговоров, быть в готовности к наступлению или предпринять наступление, когда появятся благоприятные условия. Я считаю, что результаты войны между Германией и Советским Союзом проявятся через пятьдесят-шестьдесят дней. За это время мы должны определиться в вопросах разрешения китайского инцидента и переговоров с Великобританией и Соединенными Штатами. Вот почему в наши предложения внесена фраза «пока мы не будем вмешиваться в этот конфликт».

Решением императорского совещания вооруженное нападение

на СССР было утверждено в качестве одной из основных военных и политических целей империи. Приняв это решение, японское правительство, по сути дела, разорвало подписанный лишь два с половиной месяца назад советско-японский пакт о нейтралитете. В принятом документе пакт о нейтралитете даже не упоминался.

Пытаясь дезинформировать советскую сторону, в тот же день Мацуока на встрече с советским послом в Токио К. А. Сметаниным заявил, что Япония «намерена строго соблюдать пакт о нейтралитете». Сразу после этого он встречался с германским послом Оттом для объяснения смысла этого заявления. «Мацуока сказал, — сообщал Отт в Берлин, — что причиной такой формулировки японского заявления советскому послу являлась необходимость ввести русских в заблуждение или, по крайней мере, держать их в состоянии неопределенности, ввиду того, что военная подготовка еще не закончилась».

Заверения японского правительства не могли скрыть конкретных действий, предпринимаемых в Японии по подготовке к вероломному удару. Вскоре Зорге узнал о решениях императорского совещания. 3 июля он информировал Москву:

«...Германский военный атташе сказал мне, что японский генеральный штаб наполнен деятельностью с учетом наступления немцев на большого противника и неизбежности поражения Красной Армии.

Он думает, что Япония вступит в войну не позднее чем через 6 недель. Наступление японцев начнется на Владивосток, Хабаровск и Сахалин с высадкой десанта со стороны Сахалина на советское побережье Приморья...

Источник Инвест думает, что Япония вступит в войну через 6 недель. Он также сообщил, что японское правительство решило остаться верным пакту трех держав, но будет придерживаться и пакта о нейтралитете с СССР».

По поводу императорского совещания 2 июля Зорге сообщил 10 июля следующее: «Источник Инвест сказал, что на совещании у императора решено не изменять плана действий против Сайгона (Индокитай), но одновременно решено и подготавливаться к действиям против СССР на случай поражения Красной Армии. Германский посол Отт сказал то же самое — что Япония начнет воевать, если немцы достигнут Свердловска. Германский военный атташе телегра-

фирова в Берлин, что он убежден в том, что Япония вступит в войну. Но не ранее конца июля или начала августа, и она вступит в войну сразу же, как только закончит подготовку...»

Одновременно Зорге сообщал в Москву, что «германский посол Отт получил приказ толкать Японию в войну как можно скорее».

Сопrotивление Красной Армии заставило германское руководство пересмотреть свои взгляды на участие Японии в войне против СССР. Оно стало требовать немедленного вступления Японии в войну. В инструкциях германского министра иностранных дел Риббентропа, на которые ссылался Зорге, послу Отту предписывалось: «Продолжать прилагать усилия к тому, чтобы добиться скорейшего участия Японии в войне против России... Используйте все имеющиеся в вашем распоряжении средства, потому что, чем раньше осуществится это участие в войне, тем лучше. Как и прежде, цель, естественно, должна заключаться в том, чтобы Германия и Япония встретились на Транссибирской железной дороге до наступления зимы».

Посол Отт телеграфировал 14 июля Риббентропу: «...Я пытаюсь всеми средствами добиться вступле-

ния Японии в войну против России в самое ближайшее время... Считаю, что, судя по военным приготовлениям, вступление Японии в войну в самое ближайшее время обеспечено...»

Однако в Токио ждали сообщения о «решающей победе» Германии. Это побудило германское правительство перейти на язык угроз. Берлин довел до сведения японского правительства, что, если до 25 июля оно не примет решения, предусматривающего «уважение условий Тройственного пакта и антикоминтерновского соглашения, и не денонсирует русско-японский пакт к этой дате, Германия будет считать себя свободной в своих действиях и после победы над СССР будет искать наилучшие средства, чтобы использовать свое влияние и силы в своих собственных интересах». Тем самым Германия давала понять, что без участия в войне Япония не может рассчитывать на овладение советскими территориями на Дальнем Востоке и в Сибири.

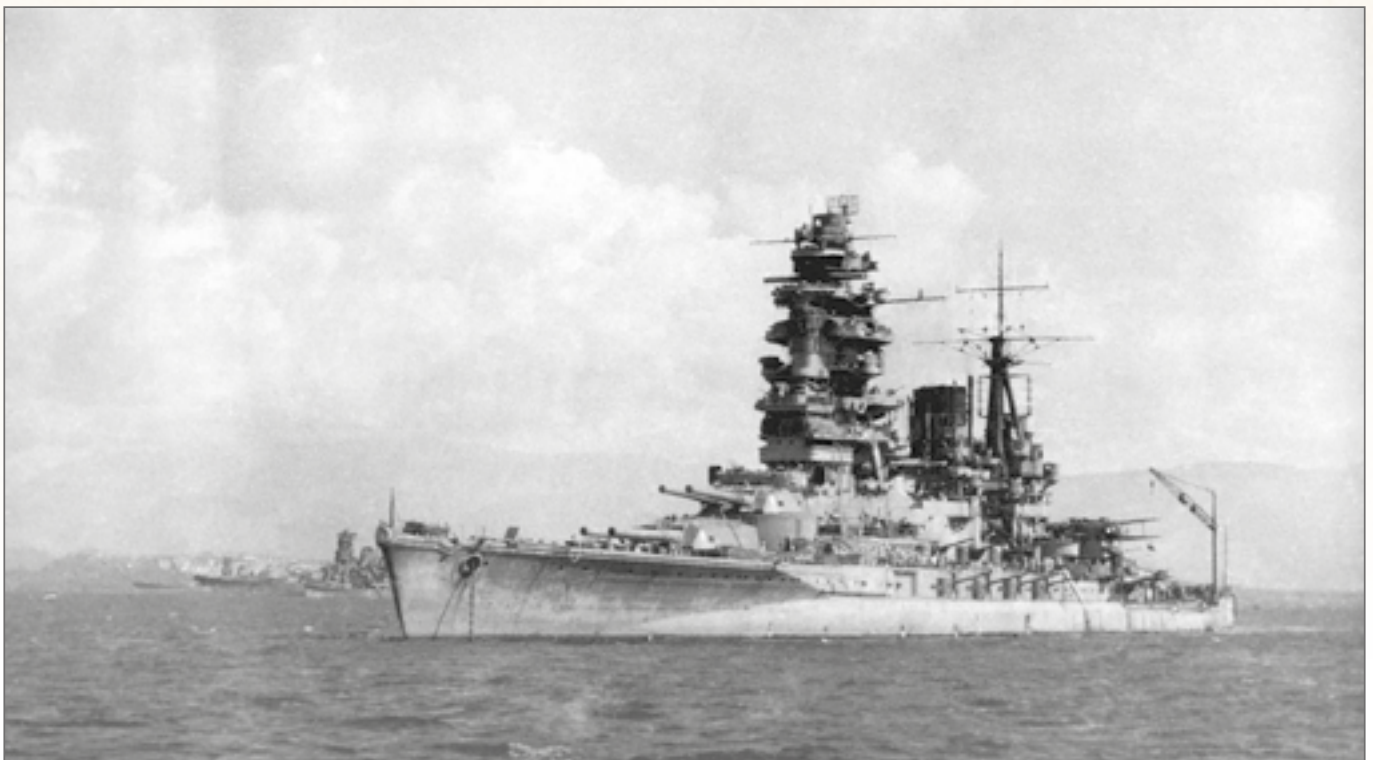
Хотя это вызывало беспокойство в Токио, японское руководство продолжало ожидать «наиболее благоприятного момента» для напа-

дения, заявляя при этом германскому правительству, что Япония останется верной своим обязательствам по Тройственному пакту.

В действительности же Япония готовилась обрушиться на СССР при условии явного поражения советских войск в войне с Германией. Военный министр Тодзио подчеркивал, что нападение должно произойти тогда, когда Советский Союз «уподобится спелой хурме, готовой упасть на землю».

Период подготовки вооруженных сил империи к вторжению в СССР японское правительство стремилось использовать чтобы оказать давление на Советский Союз и вынудить его пойти на серьезные уступки Японии. Если советское правительство не поддастся шантажу, такой курс давал Японии повод для агрессии. Германский посол в Японии сообщал в Берлин, что японское правительство намерено выдвинуть «решительные требования, которые советское правительство не сможет принять».

В июле японский МИД и руководство сухопутной армии согласовали требования, которые предусматривалось предъявить Советскому Союзу, воспользовавшись его тяжелым по-

ложением на советско-германском фронте. Эти требования были сформулированы в принятом 4 августа 1941 г. на заседании правительства и императорской ставки документе «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом». В этом документе предписывалось заставить советскую сторону прекратить советскую помощь Китаю, передать или продать Японии Северный Сахалин, Камчатку, советские территории к востоку от Амура, добиться вывода советских войск со всей территории Дальнего Востока. 5 августа новый японский министр иностранных дел Т. Тоёда при встрече с советским послом Сметаниным попытался выдвинуть эти требования Советскому Союзу.

По существу, правящие круги Японии требовали капитуляции Советского Союза еще до японского нападения. Перспектива захвата обширных советских территорий под угрозой нападения устраивала японских генералов, которые, помня уроки Халхин-Гола, опасались вооруженной борьбы с Красной Армией. В июле начальник и заместитель начальника японского генерального штаба разъяснили начальникам отделов генштаба: «Применение оружия имеет своей целью разрешение северных проблем. Однако если они могут быть разрешены путем дипломатических переговоров, за которыми будут стоять наши вооруженные силы, то такое решение вопроса будет более желательным».

Выработанная японским военно-политическим руководством «концепция дипломатии перед началом войны» с СССР предусматривала, что, «если в ходе непродолжительных переговоров будут достигнуты политические и стратегические цели, военные действия не будут начаты». В то же время предписывалось «в случае провала переговоров осуществить вооруженное выступление».

В ответ на попытки японского правительства применить методы шантажа и запугивания советское правительство твердо заявило, что в соответствии с договоренностью Япония должна ликвидировать свои

▲ На Халхин-Голе

концессии на Северном Сахалине, что пакт о нейтралитете не имеет никакого отношения к вопросу о помощи Китаю. Поскольку такой ответ противоречил планам японских правящих кругов, они продолжали подготовку к нанесению удара по СССР.

«КАНТОКУЭН»

В соответствии с решением императорского совещания от 2 июля 1941 г. генеральный штаб армии и военное министерство Японии разработали комплекс широких мероприятий, направленных на форсирование подготовки к проведению наступательных операций против советских вооруженных сил на Дальнем Востоке и в Сибири. В японских секретных документах он получил шифрованное наименование «Кантогун токусю энсю» («Особые маневры Квантунской армии») — сокращенно «Кантокуэн». 11 июля 1941 г. императорская ставка направила в Квантунскую армию и японские армии в Северном Китае специальную директиву № 506, в которой подтверждалось, что целью «маневров» является усиление готовности к выступлению против Советского Союза. «Кантокуэн» основывался на оперативно-стратегическом плане войны

против СССР, разработанном генеральным штабом на 1940 г.

Опыт поражения на Халхин-Голе заставлял японское командование использовать против СССР крупную группировку войск. Для действий на восточном (приморском) направлении формировался 1-й фронт в составе 19 дивизий, на северном (амурском) направлении должна была действовать 4-я армия в составе 3 дивизий, а на западном (район Большого Хингана) — 6-я армия (4 дивизии).

Резерв командующего Квантунской армии, на которого возлагалось непосредственное руководство действиями войск, составлял 4 дивизии.

Согласно стратегическому замыслу, предполагалось рядом последовательных ударов на избранных направлениях разгромить группировки советских войск в Приморье, Приамурье и Забайкалье, захватить основные коммуникации, военно-промышленные и продовольственные базы и, сломив сопротивление советских войск, принудить их к капитуляции.

Военные действия разбивались на два этапа. На первом планировалось, наступая на уссурийском направлении, нанести поражение советским войскам в Приморье.

▲ Квантунская армия

На втором — захватить опорную базу советского Тихоокеанского флота — Владивосток, оккупировать Хабаровск, затем разгромить советские войска на северном и западном направлениях. Параллельно силами размещенной на острове Хоккайдо 7-й дивизии и смешанной бригады на Южном Сахалине захватить Северный Сахалин и Петропавловск-на-Камчатке. Предусматривалось также в зависимости от обстановки осуществить операции на противоположном Сахалину побережье СССР.

Особое внимание в плане уделялось широкому использованию в военных действиях японских ВВС, которые должны были «уничтожить авиацию противника до начала операции». Ставилась задача за шесть месяцев выйти к Байкалу и завершить войну.

В ходе операций предполагалось захватить Ворошилов (Уссурийск), Владивосток, Благовещенск, Иман, Куйбышевку, Хабаровск, Биробид-

жан, Бирокан, район Рухлово, Северный Сахалин, Николаевск-на-Амуре, Комсомольск, Советскую Гавань и Петропавловск-на-Камчатке.

Важным свидетельством того, что мероприятия плана «Кантокуэн» были не чем иным, как подготовкой к нападению на СССР, является разработанный к 25 июня японским генеральным штабом и утвержденный ставкой график завершения подготовки и ведения войны:

Принятие решения по мобилизации — 28 июня.

Издание директивы о мобилизации — 5 июля.

Начало переброски и концентрации войск — 20 июля.

Принятие решения о начале войны — 10 августа.

Начало военных действий — 29 августа.

Переброска четырех дивизий из Японии — 5 сентября.

Завершение операций — середина октября.

В соответствии с этим графиком 5 июля была издана директива верховного командования о проведении первой очереди мобилизации, по которой осуществлялось увеличение Квантунской армии на две дивизии (51-я и 57-я). 7 июля император санкционировал секретную мобилизацию 500 тыс. человек, а также судов общим водоизмещением 800 тыс. тонн для перевозки военных грузов в Маньчжурию.

Поскольку в решении императорского совещания особо подчеркивалось требование «скрытно» завершить военную подготовку к нападению на СССР, были приняты меры по обеспечению секретности проводимой мобилизации. Она осуществлялась под видом учебных сборов для приписного состава и именовалась «внеочередным призывом». Термин «мобилизация» во всех документах и инструкциях был заменен на «внеочередные формирования». Были запрещены всякие проводы.

22 июля с нарушением графика лишь на двое суток началась концентрация войск у советской границы. Однако скрыть масштабы секретной мобилизации было невозможно. Ведь во время переброски и сосредоточения войск по плану «Кантокуэн» только через пункты на территории Кореи в сутки пропускалось до 10 тысяч солдат и офицеров, 3,5 тыс. лошадей. Внимательно следившие за ходом мобилизации германский посол Отт и военный атташе Кречмер 25 июля 1941 г. сообщили в Берлин, что уже призвано 900 тыс. резервистов в возрасте от 24 до 45 лет. Отмечалось, что в японскую армию призываются лица, владеющие русским языком.

Об этом же сообщал в Москву Зорге. 30 июля он телеграфировал в центр: «Источники Инвест и Интерн (Ётоку Мияги. — А. К.) сказали, что в порядке новой мобилизации в Японии будет призвано более чем 200 000 человек. Таким образом, к середине августа месяца в Японии будет под ружьем около 2 миллионов человек. Начиная со второй половины августа Япония может начать войну, но только в том случае, если Красная Армия фактически потерпит поражение от немцев, в результате чего оборонительная способность на Дальнем Востоке будет ослаблена. Такова точка зрения группировки Коноэ, но как долго намерен выжидать японский генштаб, это трудно сейчас сказать.

Источник Инвест убежден, что, если Красная Армия остановит немцев перед Москвой, в этом случае японцы не выступят».

В Маньчжурию прибывали многочисленные приданные части и подразделения. По плану первой и второй очереди в сформированные три фронта (восточный, северный и западный) направлялись 629 приданных частей и подразделений, общее число которых соответствовало численности 20 дивизий. Кроме того, военное министерство планировало дальнейшее усиление войск в Маньчжурии еще пятью дивизиями. Значительная часть войск перебрасывалась с китайско-

японского фронта. В результате Квантунская армия была удвоена и насчитывала 700 тысяч человек. После проведения второй очереди мобилизации по приказу №102 от 16 июля 1941 г. на территории Маньчжурии и Кореи было сосредоточено 850 тыс. солдат и офицеров японской армии.

Для участия в войне против СССР директивой ставки №519 от 24 июля была сформирована так называемая Квантунская армия обороны, выполнявшая роль резерва. В боевую готовность были приведены части 7-й дивизии на Хоккайдо, смешанной бригады на Южном Сахалине, а также воинские формирования на Курильских островах. Как было установлено на Токийском процессе, летом 1941 г. для нападения на СССР Верховное командование создало группировку войск, общая численность которой составила около 1 млн военнослужащих.

В Квантунской армии и в Корею были созданы запасы боеприпасов, горючего и продовольствия, необходимые для ведения военных действий в течение 2–3 месяцев.

По плану «Кантокуэн» в войне против СССР должны были участвовать войска марионеточных армий Маньчжоу-Го и Внутренней Монголии. Армия Маньчжоу-Го была создана после оккупации Маньчжурии. Все руководство этой армией осуществлялось штабом Квантунской армии. Непосредственное управление было возложено на многочисленных японских военных советников. С целью использования людских ресурсов Маньчжурии в подготовке к войне против СССР японцы накапливали здесь военно-обученные резервы. В 1940 г. в Маньчжоу-Го был введен закон о воинской повинности.

Армия оккупированной японцами Внутренней Монголии предназначалась для вторжения в составе японских войск в Монгольскую Народную Республику. По плану «Кантокуэн» предусматривалось «создание обстановки, при которой произошло бы добровольное объединение Внешней Монголии с Внутренней Монголией».

Не были забыты и бежавшие из Советской России белоэмигранты. С 1938 г. в Маньчжурии существовали сформированные по приказу командования Квантунской армии части белогвардейцев, предназначенные для участия в составе японских войск в войне против СССР. В их задачу входило разрушение железных дорог и других коммуникаций, нанесение ударов по базам снабжения в тылу советских войск, ведение разведки, диверсий, антисоветской пропаганды. После принятия плана «Кантокуэн» приказом командующего Квантунской армией из белоэмигрантов были сформированы специальные части для совершения диверсионных актов на советской территории.

Действия сухопутных сил планировалось поддержать военно-морским флотом. В его задачу входило обеспечение высадки десантов на Камчатке и Северном Сахалине, захват Владивостока, уничтожение военных кораблей Тихоокеанского флота. 25 июля, получив санкцию императора, военно-морское командование отдало приказ о формировании специально для войны против СССР 5-го флота.

Главные силы японской авиации предполагалось использовать на восточном направлении с тем, чтобы подавить советские войска в Приморье и способствовать наступлению наземных войск.

Для ведения военных действий против вооруженных сил Советского Союза на Дальнем Востоке и в Сибири первоначально планировалось создать группировку в 34 дивизии. Поскольку к началу германо-советской войны в Маньчжурии и Корею насчитывалось лишь 14 кадровых дивизий, предусматривалось перебросить в Квантунскую армию 6 дивизий из метрополии и 14 — с китайского фронта. Однако против этого выступило командование японской экспедиционной армии в Китае, которое заявило, что переброска с китайского фронта на север столь большого числа дивизий «означала бы забвение китайского инцидента». В конце концов центр согласился с этим доводом.

▲ Халхин-Гол 1939 г.

В конце июня 1941 г. военным министерством и генеральным штабом было принято решение сократить количество выделяемых для войны против СССР дивизий до 25. Затем в июле основным удар было решено наносить силами 20 дивизий. Наконец, 31 июля на встрече начальника оперативного управления генштаба Танака с военным министром Тодзио было окончательно решено о выделении для войны против СССР 24 дивизий. Это объяснялось тем, что японское командование намеревалось добиться целей войны против СССР «малой кровью».

В действительности же в результате проведения мобилизации, как отмечалось выше, в Маньчжурии и Корее была создана группировка японских войск в 850 тыс. человек, что по численности соответствовало 58–59 японским пехотным дивизиям. Ведь японский генштаб и командование сухопутных сил при разработке плана войны против СССР исходили из того, что на Дальнем Востоке и в Сибири было дислоцировано около 30 советских дивизий. Поэтому они и стремились к созданию необходимого для проведения на-

ступательных операций двойного превосходства.

К началу августа выделенная для вторжения в Советский Союз группировка была в основном подготовлена. Приближался установленный графиком срок принятия решения о начале войны — 10 августа. Однако правящие круги Японии проявляли нерешительность, ожидая поражения Советского Союза на Западе.

ПОЧЕМУ ЯПОНИЯ НЕ НАПАЛА НА СССР

Уже во второй половине июля, когда подготовка Японии к нападению на СССР осуществлялась полным ходом, среди японского генералитета появились первые сомнения в успехе германского блицкрига. 16 июля в «Секретном дневнике войны» императорской ставки, в котором оценивались события и обстановка на фронтах Второй мировой войны, была сделана запись: «На германо-советском фронте не отмечается активных действий. Тихо». Затем 21 июля: «В развитии

обстановки на советско-германском фронте нет определенности. Похоже на не прекращающийся несколько дней токийский дождь».

Японские стратеги стали серьезнее анализировать перспективы Германии в войне против СССР. «Театр военных действий в России — огромен и его нельзя сравнивать с Фландрией. Равнинный характер театра войны в России хотя и дает возможность быстрого продвижения для Германии, но, с другой стороны, он способствует правильному отступлению, на что и рассчитывает СССР. Ликвидировать советские войска в этом случае будет не так-то легко. Партизанская война также значительно усиливает обороноспособность СССР».

Поскольку приближалась запланированная дата принятия окончательного решения о начале военных операций против СССР, японское руководство пыталось выяснить у германского правительства сроки завершения войны. Посол Японии в Берлине Х. Осима свидетельствовал после войны: «В июле — начале августа стало известно, что темпы наступления германской армии замедлились. Москва и Ленинград не были захвачены в намеченные сроки. В связи с этим я встретился с Риббентропом, чтобы получить разъяснения. Он пригласил на встречу генерал-фельдмаршала Кейтеля, который заявил, что замедление темпов наступления германской армии объясняется большой протяженностью коммуникаций, в результате чего отстают тыловые части. Поэтому наступление задерживается на три недели».

Подобное разъяснение лишь усилило сомнения японского руководства в способности Германии завершить войну в короткий срок. О трудностях свидетельствовали и участвовавшие требования германских руководителей как можно скорее открыть второй фронт на Востоке. Они все более откровенно давали понять Токио, что Японии не удастся воспользоваться плодами победы, если для этого ничего не будет сделано.

Однако японское правительство продолжало заявлять о «необходимости длительной подготовки». В действительности же в Токио боялись преждевременного выступления против СССР. 29 июля в «Секретном дневнике войны» было записано: «На советско-германском фронте по-прежнему без изменений. Наступит ли в этом году момент вооруженного разрешения северной проблемы? Не совершил ли Гитлер серьезную ошибку? Последующие 10 дней войны должны определить историю». Имелось в виду время, оставшееся до принятия Японией решения о нападении на Советский Союз.

Ввиду того, что «молниеносная война» не состоялась, японское правительство стало с большим вниманием относиться к оценке внутривойсковой обстановки СССР. Еще до начала войны некоторые японские специалисты по Советскому Союзу высказывали сомнения по поводу быстрой капитуляции СССР. Так, например, один из сотрудников японского посольства в Москве, Ёситани,

в сентябре 1940 г. предупреждал: «Полным абсурдом является мнение, будто Россия развалится изнутри, когда начнется война». 22 июля 1941 г. японские генералы вынуждены были признать в «Секретном дневнике войны»: «С начала войны германской армии продолжают, сталинский режим вопреки ожиданиям оказался прочным».

К началу августа 5-м отделом разведуправления генштаба (разведка против СССР — А.К.) был подготовлен и представлен руководству военного министерства документ под названием «Оценка нынешней обстановки в Советском Союзе». Хотя составители документа продолжали верить в конечную победу Германии, они не могли не считаться с реальной действительностью. В главном выводе доклада указывалось: «Даже если Красная Армия в этом году оставит Москву, она не капитулирует. Намерение Германии быстро завершить решающее сражение не осуществится. Дальнейшее развитие войны не будет выгодным для

германской стороны». Комментируя этот вывод, японские исследователи указывают: «В начале августа 5-й отдел разведуправления пришел к выводу, что в течение 1941 г. германская армия не сможет покорить Советский Союз, да и на будущий год перспективы для Германии не самые лучшие. Все говорило о том, что война затягивается». Хотя этот доклад не был определяющим в решении вопроса о начале войны, тем не менее он заставил японское руководство более трезво оценивать перспективы германо-советской войны и участия в ней Японии. «Мы должны осознать сложность оценки обстановки», — гласила одна из записей «Секретного дневника войны».

Армия в это время продолжала активную подготовку к осуществлению плана «Кантокуэн». Генеральный штаб и военное министерство выступили против включенного в документ японского МИДа от 4 августа 1941 г. положения о том, что германо-советская война затягивается. Начальник генерального штаба Сугияма и военный министр Тодзио заявили:

«Существует большая вероятность того, что война закончится быстрой победой Германии. Советам будет чрезвычайно трудно продолжать войну. Утверждение о том, что германо-советская война затягивается, является поспешным заключением». Японские военные не желали упускать «золотую возможность» обрушиться совместно с Германией на Советский Союз и сокрушить его. Особое нетерпение проявляло командование Квантунской армии. Ее командующий Ё. Умэдзу передавал в центр: «Благоприятный момент обязательно наступит... Именно сейчас представился редчайший случай, который бывает раз в тысячу лет, для осуществления политики государства в отношении Советского Союза. Необходимо хватиться за это... Если будет приказ начать боевые действия, хотелось бы, чтобы руководство операциями было предоставлено Квантунской армии... Еще раз повторяю, что главным является не упустить момент для осуществления политики

государства». Командование Квантунской армии, не желая считаться с реальным положением, требовало от центра немедленного выступления. Начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Т. Ёсимото убеждал начальника оперативного управления генштаба С. Танаку: «Начало германо-советской войны является ниспосланной нам свыше возможностью разрешить северную проблему. Нужно отбросить теорию «спелой хурмы» и самим создать благоприятный момент... Даже если подготовка недостаточна, выступив этой осенью, можно рассчитывать на успех».

Японское командование считало важным условием вступления в войну против СССР значительное ослабление советских войск на Дальнем Востоке, когда можно будет воевать, не встречая большого сопротивления со стороны Красной Армии. В этом состояла суть теории «спелой хурмы», а именно ожидания «наиболее благоприятного момента».

По замыслу японского генерального штаба, военные действия против СССР должны были начаться при условии сокращения советских дивизий на Дальнем Востоке и в Сибири с 30 до 15, а авиации, бронетанковых, артиллерийских и других частей — на две трети. Однако масштабы переброски советских войск в европейскую часть СССР летом 1941 г. далеко не соответствовали ожиданиям японского командования. По данным разведуправления японского генштаба от 12 июля, за три недели после начала германо-советской войны с Дальнего Востока на запад было переброслено лишь 17 процентов советских дивизий, а механизированных частей — около одной трети. При этом японская военная разведка сообщала, что взамен убывающих войск Красная Армия восполняется за счет призыва среди местного населения. Обращалось особое внимание на то, что перебрасываются на запад в основном войска Забайкальского военного округа,

а на восточном и северном направлениях группировка советских войск практически остается прежней.

Сдерживающее воздействие на решение о начале войны против СССР оказывало сохранение на Дальнем Востоке большого количества советской авиации. К середине июля японский генштаб имел сведения о том, что на запад переброшено лишь 30 советских авиационных эскадрилий. Особое беспокойство вызывало наличие в восточных районах СССР значительного числа самолетов бомбардировочной авиации. Считалось, что в случае нападения Японии на Советский Союз создавалась реальная опасность массированных авиационных бомбовых ударов непосредственно по японской территории. Японский генштаб располагал разведанными о наличии в 1941 г. на советском Дальнем Востоке 60 тяжелых бомбардировщиков, 450 истребителей, 60 штурмовиков, 80 бомбардировщиков дальнего действия, 330 легких бомбардировщиков и 200 самолетов морской авиации. В одном из документов ставки от 26 июля 1941 г. указывалось: «В случае войны с СССР в результате нескольких бомбовых ударов в ночное время десятью, а в дневное — двадцатью-тридцатью самолетами Токио может быть превращен в пепелище».

Советские войска на Дальнем Востоке и в Сибири оставались грозной силой, способной дать решительный отпор японским войскам. Японское командование помнило сокрушительное поражение на Халхин-Голе, когда императорская армия на собственном опыте испытала военную мощь Советского Союза. Германский посол в Токио Отт доносил Риббентропу, что на решение Японии о вступлении в войну против СССР оказывают влияние «воспоминания о номонханских (халхингольских) событиях, которые до сих пор живы в памяти Квантунской армии».

В Токио понимали, что одно дело нанести удар в спину терпящему поражению противнику и сов-

сем другое — вступить в сражение с подготовленной к современной войне регулярной армией такого мощного государства, как Советский Союз. Оценивая группировку советских войск на Дальнем Востоке, газета «Хоти» подчеркивала в номере от 29 сентября 1941 г.: «Эти войска остаются совершенно безупречными как в смысле обеспечения их новейшим вооружением, так и в смысле великолепной подготовки». 4 сентября 1941 г. другая газета, «Мияко», писала: «Дело еще не дошло до фатального удара по армии Советского Союза. Поэтому нельзя считать бесосновательным вывод о том, что Советский Союз — силен».

Обещание Гитлера захватить Москву с задержкой лишь на три недели осталось невыполненным, что не позволяло японскому руководству начать в запланированные сроки военные действия против Советского Союза. Накануне намеченной даты начала войны, 28 августа, в «Секретный дневник войны» была внесена полная пессимизма запись: «Даже Гитлер ошибается в оценке Советского Союза. Поэтому что уж говорить о нашем разведуправлении. Война Германии продолжится до конца года... Каково же будущее империи? Перспективы мрачные. Поистине будущее не угадаешь...» 3 сентября на заседании координационного совета правительства и императорской ставки участники совещания пришли к выводу, что «поскольку Япония не сможет развернуть крупномасштабные операции на севере до февраля, необходимо за это время быстро осуществить операции на юге».

Имея опыт интервенции на территории Дальнего Востока и в Сибири в 1918–1922 гг., когда неподготовленные к ведению войны в сложных условиях сибирской зимы японские войска несли большие потери и не могли проводить крупные наступательные операции, командование японской армии во всех планах и вооруженных провокациях исходило из необходимости избегать военных действий против СССР зимой. Посол Японии в Берлине Осима

разъяснял гитлеровскому руководству, которое все более настойчиво требовало начать войну Японии против СССР: «В это время года (имелись в виду осень и зима. — А. К.) военные действия против Советского Союза можно предпринять лишь в небольших масштабах. Вероятно, будет не слишком трудно занять северную (русскую) часть острова Сахалин. Ввиду того, что советские войска понесли большие потери в боях с немецкими войсками, их, вероятно, также можно оттеснить от границы. Однако нападение на Владивосток, а также любое продвижение в направлении озера Байкал в это время года невозможно, и придется из-за сложившихся обстоятельств отложить это до весны».

В документе «Программа осуществления государственной политики империи», принятом 6 сентября на совещании в присутствии императора, было решено продолжить захваты колониальных владений западных держав на юге, не останавливаясь перед войной с США, Великобританией и Голландией, для чего к концу октября закончить все военные приготовления. Участники совещания высказали единодушное мнение о том, что для выступления против американцев и англичан «лучший момент никогда не наступит».

14 сентября Зорге сообщил в Москву: «По данным источника Инвеста, японское правительство решило в текущем году не выступать против СССР, однако вооруженные силы будут оставлены в МЧГ (Маньжоу-Го. — А. К.) на случай выступления весной будущего года в случае поражения СССР к тому времени». И это была точная информация.

Итак, подготовленное японское нападение на СССР не состоялось не в результате соблюдения Японией пакта о нейтралитете, а вследствие провала германского плана «молниеносной войны» и сохранения надежной обороноспособности СССР в восточных районах страны. ■

В.П. ВЕТРОВ, генерал-майор ветеринарной службы запаса,
кандидат биологических наук, заслуженный ветеринарный врач Российской Федерации

РОЛЬ ВОЕННОЙ ВЕТЕРИНАРИИ В УСЛОВИЯХ БИОЛОГИЧЕСКИХ УГРОЗ

Эпизоотическое благополучие и ветеринарно — санитарное состояние, являются единым и неотъемлемым, составляющим элементом национальной безопасности любого государства, в том числе Российской Федерации.

Ветеринарно-санитарное обеспечение одно из видов материально-технического обеспечения (МТО) Вооруженных Сил Рос-

сийской Федерации, которое представляет собой комплекс мероприятий, проводимых ветеринарно-санитарной службой в целях защиты здоровья личного состава от заразных болезней, общих для человека и животных, пищевых отравлений (поражений) и поддержания эпизоотического благополучия войск (сил флота). Именно эта служба является един-

ственной структурной единицей в системе МТО Вооруженных Сил, обладающая правами и обязанностями государственного контроля (надзора) и аккредитационных функций в области ветеринарии. Ветеринарно-санитарной службе ВС РФ предоставлена юридическая возможность отстаивать интересы Министерства обороны во всех судебных и арбитражных инстанциях.

О работе, проводимой ВСС МО РФ, могут быть показательными некоторые цифры.

В общей сложности, ветеринарно-санитарной службой и ее организациями, **ежегодно** подвергается ветеринарно-санитарной экспертизе более 50 тыс. тонн продовольствия, с этой целью выполняется более 40 тыс. лабораторных исследований. В ходе которых не допускается к заготовке и на обеспечение войск, (сил флота) из каждой тонны продукции в среднем где-то граммов 600. Конечно, это немного, но для того, чтобы отравиться, много и не надо.

Выявляется 150-200 случаев заражения продуктов животного происхождения возбудителями инфекционных и инвазионных болезней, представляющих опасность для человека.

ВСС ВС РФ единственная структура в силовом блоке России, на которую организационно возложено проведение специфической индикации биологических средств, применения противником или же террористическими орга-

низациями биологических средств поражения. Эти средства применяются, и возможны к применению посредством заражения домашних и диких животных, птицы, клещей, насекомых и других видов биологических составляющих, всей биосферы земли.

Наиболее приемлем в вопросах обеспечения эпизоотического благополучия действия и дислокации войск (сил) является территориальный принцип ветеринарного обеспечения, так — как, любое инфекционное начало не имеет границ и не признает ведомственную принадлежность. А военные ветеринары, как специалисты, несут ответственность за всю территорию, критерий которой один, благополучна она, или неблагополучна!

Недаром Ветеринарно-санитарная служба Вооруженных Сил Российской Федерации является одной из старейших служб МТО Вооруженных Сил, которая была утвержде-

на Указом Петра I «Об учреждении в Российской армии ветеринарных специалистов (коновальных мастеров)» еще в 1707 году.

Нельзя не сказать о громадном опыте военно-ветеринарной службы в период Великой Отечественной войны. Он достаточно обобщен в различных изданиях, уставах и наставлениях, которые и по сей день служат наглядным пособием по организации и осуществлению ветеринарного обеспечения войск и сил флота для специалистов этой службы в современной Российской армии.

В послевоенный период существования Советского Союза на военно-ветеринарную службу были возложены отдельные задачи по защите личного состава войск от ОМП и специфической индикации бактериальных средств. Она принимала участие в выполнении некоторых направлений по созданию средств защиты войсковых и продовольственных животных. Надо отметить, что в СССР была создана глобальная система защиты войск, населения от антропозоонозов, сельскохозяй-

ственных животных от зоонозов, фитосанитарной защиты растений.

В целях реализации противоэпизоотических мероприятий в стране существовала целая сеть ветеринарно-транспортных участков и дезопромывочных станций на ЖД, в количестве более 60 единиц. В оперативно-стратегических объединениях Вооруженных сил, на каждом ветеринарном складе содержался запас дезинфекционных, технических средств и биологических препаратов, в том числе сибиреязвенной сыворотки до 500 кг. В систему военной ветеринарии были вовлечены все передовые технологии, и её функционирование занимало не последнее место.

В новой Российской истории, с окончанием периода военного противостояния с США и НАТО (с 1993 г.) Ветеринарно-санитарная служба Вооруженных Сил Российской Федерации полностью обеспечивала эпизоотическое и ветеринарно-санитарное благополучие размещения и действий войск и сил флота. Участвовала в ряде НИР и НИ-ОКР по созданию средств защиты

войсковых и продовольственных животных; обеспечивала пищевую безопасность продуктов питания, поступающих в войска; активно участвовала в реализации Продовольственной программы в стране, развитии военных совхозов и подсобных хозяйств. А также принимала участие во всех значимых мероприятиях, осуществляемых по планам Тыла Вооруженных Сил Российской Федерации и других заинтересованных министерств и ведомств. В 2004 г. Ветеринарно-санитарной службе были переданы функции государственного ветеринарного надзора и контроля.

В задачи Ветеринарно-санитарной службы Вооруженных сил Российской Федерации входят:

- выполнение комплекса ветеринарно-санитарных, фитосанитарных, противоэпизоотических, лечебно-профилактических, надзорных и других специальных мероприятий;
- проведение контроля в области обеспечения качества и безопасности в ветеринарном отношении

пищевых продуктов и продовольственного сырья, заготавливаемого и производимого для нужд Вооруженных Сил Российской Федерации, в том числе поступающего из государственных резервов для обеспечения войск (сил), а также закупаемого сторонними гражданскими организациями, оказывающими услуги по питанию военнослужащих по системе аутсорсинга;

- обеспечение эпизоотического благополучия соединений, воинских частей, организаций и предприятий Минобороны России;
- приведение организационно-штатной структуры организаций Службы в соответствии с новым обликом Вооруженных Сил, выполнение организационно-штатных мероприятий в установленные сроки;
- недопущение срывов в ветеринарно-санитарном обеспечении боевой подготовки и жизнедеятельности войск, в том числе в период проведения организационно-штатных мероприятий.

Сегодня в каждом округе существуют по одному Центру ветеринарно-санитарной экспертизы, лабораторной диагностики и их филиалы. Они находятся в местах дислокации штабов округов. При штабах армий, функционируют их филиалы. Помимо этого, в военных округах ведут работу подвижные лаборатории.

Необходимо сказать, что в связи с ликвидацией в Вооруженных Силах Российской Федерации подсобных хозяйств, а также переходом питания личного состава на систему аутсорсинга, в Ветеринарно-санитарной службе Вооруженных Сил Российской Федерации произошли существенные преобразования, поменялась ее структура, численность и частично характер выполняемых задач. И сегодня для реализации всех полномочий названной службы назрела необходимость подготовки специалистов этой области для Вооруженных Сил, восстановления перечня военнo-учетных специальностей и создания по этому направлению мобилизационного резерва Армии.

СПРАВОЧНО: мобилизационная потребность военно-ветеринарной службы Советской Армии, по состоянию на 1991 года составляла 9860 военнослужащих, из них более 3500 человек офицерского состава. На сегодняшнем этапе в структуре военной организации специалистами военно-ветеринарной службы являются гражданские люди (государственные служащие и гражданский персонал ВС РФ)

Учитывая нынешнюю обстановку в мировом сообществе, экономическое состояние Российской Федерации, применяемые к нашей стране санкции и зависимость от импорта, включая и *продовольственную* (сегодня она составляет порядка 23%), а также предусмотренные по восстановлению отечественного агропромышленного комплекса меры, есть повод задуматься о воссоздании утерянного в армии и на флоте резерва продовольствия, который ранее назывался *сельскохозяйст-*

венным сектором. Это нужно принять во внимание и учитывать с особенностями развития регионов и присутствия на территории субъектов РФ дислоцированных войск, что естественно потребует существенного пересмотра и ветеринарной доктрины.

В основе же существования военной ветеринарии (Службы) министерств и ведомств силового блока и их важнейшей задачей является: — исключение причин и факторов, а также рисков, входящих в компетенцию Службы, способных оказать негативное влияние на обеспечение боеготовности и боеспособности личного состава войск и сил флота.

Явные риски, по состоянию на сегодняшний день.

Напряженная эпизоотическая ситуация в субъектах Российской Федерации, по ряду инфекционных заболеваний животных и появления новых (экзотических) инфекций, ра-

▲ Генерал-майор В.П. Ветров

нее не зарегистрированных в регионах. Функционирование биологических центров Армии США на границах России.

На данном этапе широкое распространение получила огласка и практика целевого использования органов ветеринарного надзора и контроля, а также Роспотребнадзора, как неких инструментов в решении экономических и политических вопросов и задач.

Пример запретов импортируемых продуктов:

Грузия — вино; Белоруссия — молокопродукты; США — продукция птицеводства; Нидерланды — цветы; Польша — свинина, яблоки; а также контроль со стороны Россельхознадзора за предприятиями, поставляющими мясо из стран Латинской Америки, США, Новой Зеландии, Юго-Восточной Азии.

В условиях введенных и вводимых санкций со стороны стран недружественно относящихся к России, эти действия себя оправдывают и по боль-

шому счету требуют дальнейшего их ужесточения к нашим оппонентам.

Могу назвать случаи, когда мне, как должностному лицу приходилось непосредственно участвовать в ликвидации и профилактики *эпизоотий и энзоотий*:

Эпизоотия (греч. *ἐπι* — на, *σρέδι*; *ζῶον* — животное) — *широкое распространение инфекционной болезни среди одного или многих видов животных на значительной территории (следует отличать от энзоотии)...*

Энзоотия (греч. *ἐν* — в, на; *ζῶον* — животное) — *вспышка инфекционной или инвазионной болезни животных, привязанная к определенной местности, приурочены трансмиссивные болезни, связанные с природными условиями, а также болезни:*

- по ящуру типа АИ в 1965–66 гг. на границе в Казахстане и Узбекистане;
- по Чуме КРС в Джамбульской области на Алтае и Монголии в 1968 год. (В СССР она была ликвидирована еще в 1927 году);

- по профилактике Африканской чумы свиней в республике Куба 1974 — 1976 гг. (в 1970 и 1972 году в провинции Гавана, Матансас и Пинар-дель-Рио было уничтожено 0,5 млн. свиней);
- по клещевому энцефаломиэлиту свиней в Приморье в 1973 году. При этом надо сказать, что сами свиньи не болеют, но передают заболевание человеку;
- по инфекционной анемии лошадей 1977 г. в Сихотэ-Алине;
- по классической чуме свиней 1989 г. в г. Панфилово и пос. Хоргос в Казахстане.
- по вспышке чумы в Одесской и Николаевской областях в 1989–1990 гг.;
- по африканской чуме свиней в Конаково (Тверская область), Москве и области в 2007–2008 гг.;
- по Абхазии в 2008 году, где появление африканской чумы свиней на территории России прямо или косвенно было связано с организацией и работой Центральной лаборатории в п. Алексеевка, Грузия.

Надо сказать, что период 1980–1998 гг. характеризовался организацией и активным проведением охранно-ограничительных мероприятий, по сибирской язве, туляремии, бруцеллезу, туберкулезу и др. особо опасных инфекций и инвазий на территории дислокации войск и сил флота СССР и Российской Федерации.

Однако, подвижной группой Центра Ветеринарно-санитарной экспертизы и лабораторной диагностики ВВО, в 2014 году при ведении ветеринарно-эпизоотической разведки местности, и в ходе опроса жителей, определялось некое непонятное заболевание у местного населения. Сейчас появляется желание уточнить у руководства Минздрава и главного санитарного врача, что за природная очаговость или заболевание жителей в юго —

западных районах Приморского края?!

Примечание: в период проведения стратегических учений Восток 2014, военные ветеринары подвижной группы Центра ВСЭ и ЛД ВВО докладывали инспектору генералу В.П. Ветрову, о некой загадочной болезни среди населения на территории Сергеевского полигона общевойсковой армии, вдоль Государственной границы РФ с Китаем. Поскольку, на тот период медицинских учреждений, типа СЭО и прочих, поблизости не существовало, (их просто сократили) времени уточнить, что-либо по болезни, было не у кого. Тем более, это чисто медицинская проблема, то есть это хлеб эпидемиологов.

Однако, сейчас появляется желание уточнить у руководства Минздрава и главного санитарного врача, что за природная очаговость или заболевание жителей в юго — западных районах Приморского края?!

Не погрешу истиной, если скажу, что реальной угрозой применения, прямо или косвенно биологических агентов, направленных на территорию Российской Федерации и населения страны является биологический терроризм и его возможные последствия.

Перед ветеринарно-санитарной службой Вооруженных Сил возникло новое направление ее деятельности, как одной из специальных служб силовой структуры. Вероятность применения биологических агентов (возбудителей особо опасных инфекций) обязательно будет проходить по известной эпизоотической цепи, где основным объектом заражения будет живой организм, т.е. животное, а затем уже человек.

Здесь уместно напомнить исторический факт, когда летом 1945 года, в Европе закончилась мировая война, американцы и англичане совместно сконструировали первые экземпляры авиационных бомб с начинкой из бактерий сибирской

язвы. Бомбозаряды сибирской язвы припрятали впрок в паре военных арсеналов бактериологического оружия — на британской базе Портон-Даун в графстве Уилшир и американском Форт Детрик в штате Мэриленд. Затем оба арсенала превратились в мощные лабораторно-конструкторские фабрики секретного производства биооружия.

И лишь 30 лет спустя после войны, пресса США поведала о том, что двое военнослужащих в Форт Детрике скончались от сибирской язвы. Между тем английская администрация биоарсенала в Портон-Дауне признала в 1988 году, что продолжает усовершенствовать боеприпасы сибирской язвы.

Антимилитаристы снабдили засекреченным меморандумом замдиректора ЦРУ о "складе микроорганизмов биологической войны". Этот документ датирован 16 февраля 1970 года. Тайный склад был создан в городе Балтимор в штате Мэриленд. Меморандум ЦРУ перечислял

спрятанные «боезапасы», в которых фигурировали следующие микроорганизмы и токсины: сибирская язва, туляремия, венесуэльский энцефаломиелит, кокцидиозная гранулема, бруцеллез, туберкулез, сальмонелла тифимуриум (пищевой яд), клостридиум ботулинус типа А (смертельный пищевой яд), паралитический устричный яд, крейт (смертельный змеиный яд), кишечный грипп, токсиферин (парализующее средство).

Дабы не возбуждать протесты американской общественности, вашингтонские власти переместили укромно новые разработки биооружия за пределы Соединенных Штатов в покорные им бедные страны, где многие готовы были идти на любой риск за долларовый бакшиш.

Так, в Пакистанском Лахоре американцы создали биологическую лабораторию «Пакистанский медицинско-исследовательский центр» (ПМИЦ) по разведению насекомых, способных заражать людей так называемой восточной язвой (лейшманиозом), желтой лихорадкой, белой горячкой, вирусным гепатитом. Кроме того, нанятые ЦРУ американские биологи под видом борьбы с малярией разводили особо ядовитых moskitov

Аидес Эджипти, которые поражали свои жертвы инфекционными вирусами. Американцы предположили использовать сезонную миграцию из Пакистана в Афганистан приграничных скотоводов, чтобы заразить пастухов и их стада с целью инспирировать в этой стране вспышку эпидемии энцефалита.

Уместно сказать, что против контингента советских войск (40 ОА), выполнявших задачи в ДРА США реально применяли moskitov, зараженных вирусом гепатита «С». Для захвата ПМИЦ в Лахоре, в Белорусском военном округе специально готовился отряд (группы) отдельной бригады спецназначения. В то время мне как начальнику ветеринарной службы Белорусского военного округа лично приходилось проводить занятия и принимать участие в специальной подготовке бойцов этих групп.

Биооружейники ПМИЦ в Лахоре вели работу с токсичным Западнонильским вирусом, желтой лихорадкой, Японским энцефалитным вирусом, Конго-крымской геморридалной лихорадкой, Восточной язвой. В арсенале разносчиков биозаразы среди людей были, кроме

moskitov, опробованы слепни, птицы и домашние животные.

Упомянутые moskitov Аидес Эджипти нередко фигурировали в прессе разных стран. Первой из них оказалась Куба. Куба подверглась внезапному нашествию несметных стай Аидес Эджипти весной 1981 года. Ужаленные moskitov кубинцы заболевали лихорадкой Денге-2. Ее вирусы вызвали кровотокающую сыпь на коже, высокую температуру, удушье, кровавые поносы и рвоту, шок, внутреннее кровоизлияние в животе. 350 тысяч кубинцев заболели лихорадкой Денге-2. Она свела в могилу 158 человек. Убитых ею было бы гораздо больше, если бы кубинские лекари не врачевали всех зараженных спасительным противоядием — лекарством «интерферон». Медики Гаванского Института тропических болезней публично заявили: — «Американские спецслужбы распылили над нашим островом moskitov с вирусом Денге-2».

В те же самые времена афганской войны ЦРУ и пакистанская разведслужба очень опекали и вооружали чем угодно боевиков террористической организации Аль-Каида под

предводительством саудовского араба Усамы бен Ладена. Ведь он тогда провозгласил себя непримиримым врагом советской России. И ему не было ни в чем отказа со стороны американских и пакистанских спецслужб. Обосновался он у пакистанцев в Пешаваре, откуда до Лахора всего-навсего один час авиаперелета. ЦРУ всполошилось только тогда, когда бен Ладен объявил “джихад” Соединенным Штатам.

28 сентября газета “Вашингтон пост” оповестила: “По сведениям сотрудников разведки США, руководимая Усамой бен Ладеном глобальная агентурная сеть Аль-Каида старается с некоторых пор приобрести компоненты химического и биологического оружия... И уже возможно обладает, способностью произвести нападение с применением химических и биологических веществ”.

Угрозой международного значения стала Лихорадка Эбола. Такое

заявление сделала Всемирная организация здравоохранения. Тайнственная болезнь, от которой умирают 90 процентов заболевших, привлекает внимание не только врачей, но и военных. Как выясняется, разработку вакцины от этой лихорадки финансировал Пентагон, и все права на лекарство принадлежат правительству США. Зачем это было сделано? В теории на этот вопрос есть два ответа.

Первый: по сути, вирус Эбола представляет собой идеальное биологическое оружие. Заражение передается настолько быстро, что с его помощью можно уничтожить любую изолированную группу людей, вплоть до населения целой страны, если ее соседи перекроют границы.

Второй: достаточно с помощью СМИ устроить панику, а потом втридорога продавать разрекламированное лекарство по всему миру. Такое уже было со штаммами птичьего и свиного гриппа, напугавшего

всю планету буквально на ровном месте. Это, конечно, всего лишь предположения, однако других объяснений пока нет: ведь способ лечения, к примеру, диабета и других смертельных недугов никто до сих пор не патентовал.

Смерть из Западной Африки выходит из джунглей. Лихорадка Эбола официально признана международной угрозой. Она сеет панику и распространяется по планете с невиданной скоростью. Число погибших уже приблизилось к тысяче. В два раза больше число инфицированных, а значит, фактически обреченных. И это только официальная статистика. В Либерии и Сьерра-Леоне введено чрезвычайное положение. В Гвинее и Нигерии медики заявляют о неспособности контролировать распространение болезни. Лихорадка добралась и до Канады, где так же был зафиксирован случай инфицирования. На экстренном заседании Всемирная организация здравоохранения

ранения объявила вирус чрезвычайным событием, которое несет угрозу человечеству. Российские ученые, связанные с этой проблемой утверждают, что апробированной вакцины против вируса в настоящее время не существует. И лихорадка Эбола неизлечима.

Почему именно Эбола настораживает ветеринаров? Да потому, что переносчиками и вирусоносителями являются кровососущие млекопитающие и насекомые, а это биологические объекты сопровождения многих инфекционистов, в том числе и ветеринарных специалистов. Их работа составляет более 60 процентов от всех профилактических и лечебных затрат.

Вирус Эбола является одним из самых страшных субклеточных убийц, с летальностью 90 процентов. Он менее требователен, чем ВИЧ, и не имеет "бессимптомной фазы". Убийца из джунглей действует в те-

чение нескольких недель. Выжившие — это скорее везение и даже чудо. Особенно там, где лихорадка свирепствует уже давно. Резервуаром вируса в природе считаются грызуны и обезьяны, обитающие около жилья человека. Но главные переносчики — летучие мыши. Именно отсутствие традиционных переносчиков инфекции делает нашу страну более благоприятной из безопасных стран на планете.

Доцент военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, к.м.н., заместитель руководителя института иммунопатологии РАЕН имени Д. И. Ивановского, Александр Борисович Бутенко, еще в далеком 1982 году в составе совместной советско-гвинейской экспедиции почти год провел во влажных лесах Гвинеи. Вместе с коллегами профессор Бутенко обнаружили неизвестный тогда вирус, который выкашивал целые африканские деревни. В тропиче-

ской лаборатории Александр Бутенко попытался наладить диагностику инфекции и уже тогда установил, что, скорее всего, это страшный вирус Эбола. Точно посчитать число заболевших в условиях джунглевой цивилизации было сложно. В некоторых деревнях, например, из 60 человек населения заболело 30.

Профессор А. Б. Бутенко уверен, что нынешняя инфекция является продолжением опасной вспышки далекого 1982 года. Это значит у российских ученых самая большая база исследований для создания нужной вакцины. Материалы, собранные этим врачом четверть века назад, наверняка помогут российским ученым в разработке вакцины против лихорадки. Сейчас в нашей стране предпринимаются все необходимые санитарные меры безопасности, чтобы остановить этого «африканского убийцу».

Однако сегодня у общественности появляется всё больше вопро-

сов к сети биологических лабораторий США, возникших в постсоветский период и функционирующих на территориях республик бывшего Советского Союза. Ведь, современные биологические лаборатории могут служить не только делу охраны здоровья.

Сегодня в России изучают обнародованные бывшим министром госбезопасности Грузии Игорем Гиоргадзе документы по военно-биологической программе США, к которой причастен центр Лугара в Тбилиси. По оценкам экспертов, сами документы и приведённые в них факты имеют признаки серьёзных нарушений американской стороной Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении.

СПРАВОЧНО: После ратификации Россией (СССР) Конвенции о запрещении биологического оружия (1975 год) и Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (1997 год) оговорки к Женевскому

протоколу полностью, по мнению России утратили свое политическое и юридическое значение. Публичное заявление об отказе о части оговорок, которые касались возможности ответного использования биологического оружия, было сделано Президентом России еще в 1992 г. (Дипломатический вестник, 1992, №13-14). Официально Россия сняла оговорки к Женевскому Протоколу Федеральным законом №143-ФЗ от 6 декабря 2000 г.

11 сентября 2018 года на пресс-конференции в Москве Игорь Гиоргадзе заявил, что документы, которые ему предоставили друзья из Грузии, показывают, что в центре Лугара биологами военно-медицинской группы США и частными подрядчиками могли проводиться секретные эксперименты над жителями республики. Причём целый ряд таких экспериментов окончился летальным исходом для соотечественников.

История центра Лугара началась в 2002 году, когда ещё при президенте Эдуарде Шеварднадзе Грузия подписала с министерством оборо-

ны США соглашение «О сотрудничестве в сфере технологий и патогенов, связанных с развитием биологического оружия и нераспространения информации в этой сфере». В сентябре 2004-го в Тбилиси приехал американский сенатор Ричард Лугар, итогом этого визита стала договорённость о создании центра общественного здравоохранения (биологической лаборатории) под Тбилиси в посёлке Алексеевка неподалёку от международного аэропорта, отсюда и его название — Исследовательский центр общественного здравоохранения имени Р. Лугара строился на деньги Пентагона. На объект было потрачено 350 млн. долларов. В 2006 году, когда биологическая лаборатория, по официальным данным, ещё находилась в процессе создания, там уже активно велись исследования, а после очередного визита сенатора парламент Грузии засекретил деятельность центра Лугара. На этапе создания и до 2013 года этот объект не был подконтролен правительству Грузии и работал на задачи института Уолтера Рида сухопутных войск США, который значился как «действующее

за рубежом исследовательское подразделение».

После смены власти в Грузии, так называемый Исследовательский центр общественного здравоохранения имени Р. Лугара формально был закрыт, а его имущество (это была сеть из 22 лабораторий) передано структуре, подконтрольной грузинскому министерству здравоохранения, труда и социальных вопросов. Но до 2015 года Пентагон фактически оставался хозяином грузинской биологической сети. Он и сегодня является спонсором мониторинга и биологических исследований.

Экспериментами в лаборатории, как свидетельствуют ставшие достоянием общественности сведения, занимаются биологи из грузинского подразделения медицинских исследований Пентагона (USAMRU-G) вместе с гражданскими учёными, работающими по контракту. В третий уровень лаборатории допускаются только граждане США, кото-

рые получили разрешение на работу с секретной информацией. Все они наделены дипломатическим статусом по межправительственному соглашению о сотрудничестве в оборонной сфере 2002 года. Центр Лугара не раз обвиняли в работах по разработке биологического оружия. Так, в 2011 году бывший главный санитарный врач России Геннадий Онищенко заявил о его причастности к распространению вируса африканской чумы свиней. А в 2014 году американский журналист Джеффри Сильверман написал: «В лаборатории Лугара, расположенной в окрестностях Тбилиси, производят опасные для здоровья вещества и испытывают их на местном населении. Уверен, что в Грузии над животными и людьми проводятся опасные эксперименты». По данным Джеффри Сильвермана, в 2013 году был случай инфицирования персонала лаборатории, тогда людей лечили тайно, чтобы информация об инциденте не просочилась в СМИ.

В 2016 году вокруг биологической лаборатории разгорелся очередной скандал. Армянские СМИ обвинили Исследовательский центр общественного здравоохранения имени Р. Лугара в смерти 10 своих граждан. Их причиной стал свиной грипп, вирус которого пришёл, как заявляли в Армении, из Грузии. В Исследовательском центре общественного здравоохранения имени Р. Лугара, судя по всему, велись работы далеко не гуманного характера. В частности, в одном из обнародованных документов говорится о приборе для распыления заражённых комаров, к которому есть пояснение о возможном использовании насекомых в военное время для распространения малярии, что позволяет выводить из строя до 100 процентов живой силы противника.

Американцы экспериментировали не только в Грузии. На их деньги построены и строятся подобные биологические лаборатории в Казахстане, Узбекистане, Киргизии, Таджи-

кистане, Азербайджане, на Украине.

Появление американских биологических лабораторий на Украине совпало со вспышками серьезных инфекционных заболеваний в этой постсоветской республике. Например, одна из лабораторий Пентагона находится в Харькове, где в январе 2016 года, по меньшей мере, 20 украинских военнослужащих умерли в течение двух дней от вируса, похожего на грипп. Ещё более 200 человек были госпитализированы. К марту 2016 года по всей Украине зафиксировали 364 умерших. Причиной 81 процента смертей стал свиной грипп того же штамма, из-за которого случилась мировая пандемия в 2009 году.

На юго-востоке Украины, где расположено несколько биологических лабораторий Пентагона, распространялась другая подозрительная инфекция — гепатит «А».

В январе этого года 37 жителей Николаева госпитализировали с «желтухой». Местная полиция начала расследование по подозрению «инфицирования вирусом человеческого иммунодефицита и другими неизлечимыми болезнями».

Летом 2017 года 60 человек с гепатитом «А» госпитализировали уже в Запорожье. Причина неизвестна до сих пор.

В Одесской области 19 детей из интерната забрали в больницу с таким же диагнозом.

В ноябре 2017 года 27 случаев инфекции зафиксировали уже в Харькове.

Вирус обнаружили в питьевой воде.

Расширяя сеть своих биологических лабораторий, Пентагон прилагает немалые усилия по сокрытию истинного содержания и направленности реализуемых проектов. Тем более что независимость этих центров от страны пребывания позволяет ему практически бесконтрольно заниматься экспериментами с опасными вирусами и бактериями, проводить «биологические атаки», то есть на практике проверять влияние своих «продуктов» на здоровье населения.

Хронология биологической интервенции США на постсоветском пространстве

Только за один 2013 год на Украине при поддержке США были открыты биологические лаборатории в Виннице, Тернополе, Ужгороде, Киеве, Днепропетровске, Симферополе, Херсоне, Львове (в этом городе — сразу три лаборатории!), Луганске...

Несмотря на существующие международные соглашения, которые регламентируют деятельность в области биологических исследований, США придерживаются здесь, как и в вопросе о химическом оружии, двойных стандартов. Достоверно не известно, где и какие исследования, особенно связанные со смертоносными вирусами, проводятся американскими военными.

После терактов в Нью-Йорке в сентябре 2001 г. биологическая угроза была использована как пугало для Америки. Инцидент с рассылкой писем, в которые был вложен порошок со спорами сибирской язвы, был раздут до масштабов общественной истерии. Это произошло примерно через неделю после атаки на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке, что позволило создать иллюзию взаимосвязи двух событий, объединенных темой угрозы «исламского фундаментализма».

Десять лет спустя, в 2011 году, рассекреченные документы ФБР показали, что споры сибирской язвы были созданы в Институте медицинских исследований инфекционных заболеваний армии США.

За десять лет количество американских лабораторий, которые по официальной версии занимаются разработкой способов защиты от биотерроризма, возросло с 20 до 400. Закрытые биологические центры появились в Африке, Латинской Америке. Биологические лаборатории неизвестного назначения открыты на Украине и в Грузии. На 2015 год запланировано открытие биологического центра в Казахстане. Большинство этих работ курирует Пентагон.

Соглашение США — Грузия «О сотрудничестве в области технологий и патогенов, связанных с созданием биологического оружия и нераспространения информации в данной сфере» стороны подписали в 2002 г. В 2004 году было принято решение построить «Реферальную лабораторию общественного здравоохранения» в поселке Алексеевка близ Тбилиси. В официальной церемонии открытия, состоявшейся 18 марта 2011 г., принял участие заместитель министра обороны США по вопросам ядерной, химической и биологической обороны Эндрю Вебер.

Особый интерес для американских военных с точки зрения развёртывания биологических исследований представляет Украина. Сразу после победы первой цветной революции между Министерством здравоохранения Украины и Министерством обороны США было подписано пакетное соглашение о переснащении биологических объектов на Украине. В 2008 г. появился план предоставления американской помощи Минздраву Украины, а в октябре 2009 г. была представлена Концепция развития «Проекта сокращения биологической угрозы».

Первый биологический центр на Украине при поддержке США открылся 15 июня 2010 года на базе Научно-исследовательского противочумного института им. И.И. Мечникова в г. Одессе в присутствии американского посла Джона Теффта. Одесскому центру присвоен уровень, допускающий работы со штаммами, которые используются при создании биологического оружия. Американский сенатор Ричард Лугар назвал открытую в 2010 году на базе Украинского научно-исследовательского противочумного института им. Мечникова лабораторию «главным учреждением по исследованию опасных патогенных веществ, используемых террористами». Лаборатория работала в рамках программы «Совместное сокращение угрозы», финансируемой в размере более \$170 млн. Министерством Обороны США через компанию «Blac & Vtatch

Special Projects Corp.», которые активно интересуются работой ветеринарных лабораторий Украины.

В марте 2011 года «Медицинский Научно-исследовательский институт инфекционных болезней армии США» (USAMRIID) совместно с вирусологами и биологами Грузии открыл Центральную реферальную лабораторию общественного здравоохранения (проект стоимостью \$100 млн.) В этом же году в Грузии был выявлен новый вирус гриппа H3N2, а врачи инфекционной больницы заявили, что в Грузии произошел существенный рост случаев заболевания сибирской язвой. В том же году Глава Роспотребнадзора, главный санитарный врач РФ Геннадий Онищенко однозначно заявил, что «чума свиной пришла к нам из Грузии», а работники лаборатории «специалисты военно-морского ведомства США», то есть работу ветеринарных учреждений они изучают не зря.

(Первый смертельный договор между Грузией и США был заключен в 2002 году, когда 2 оборонных ведомства подписали соглашение «О сотрудничестве в сфере технологий и патогенов, связанных с развитием биологического оружия и нераспространения информации в этой сфере». А уже спустя 2 года был дан старт созданию «Центральной референс-лаборатории» в поселке Алексеевка недалеко от Тбилиси. Как оказалось, главным пунктом договоренности между Грузией и США стал пункт о нераспространении информации. А когда в проект, изначально оценивавшийся в \$15 млн., американцы вложили \$95 млн., уже в открытую разговор пошел об особой программе Пентагона — тайной биологической Министерством обороны США. Что характерно, удар по производству свинины в России, был очень ощутимым: порядка \$240 млн., что вполне на руку заокеанским конкурентам на поставку мяса).

В Казахстане правительство США построили крупную референс-ла-

бораторию для изучения инфекционных заболеваний, включающую музей коллекции возбудителей опасных инфекций стоимостью \$60 млн. Завершено строительство такого учреждения в Азербайджане, в Кыргызстане такая лаборатория будет строиться по программе МИД Канады. За последнее два три года в Казахстане, регистрировались многочисленные случаи инфекционных заболеваний животных, в том числе и особо опасных, таких, как антракс, бешенство, бруцеллез, туберкулез и др. И что интересно, заболевания моделируются по лабораторным сценариям.

На сегодняшний день биологические лаборатории Пентагона окружают Россию полукольцом. В 2012 году при поддержке США была завершена модернизация биологической лаборатории в Азербайджане. В планах США по созданию аналогичных центров фигурируют Узбекистан и Кыргызстан. Имеются данные, что биологический центр в Казахстане может возглавить Канатжан Алибеков - бывший советский военный микробиолог, ныне гражданин США, эмигрировавший в Америку в начале 1990-х гг. и передавший американцам секретные сведения о военно-биологической программе СССР. Вернувшись в 2010 г. в Казахстан, Алибеков возглавил кафедру в «Назарбаев-Университете»; одновременно он является председателем правления АО «Национальный медицинский холдинг».

О направленности действий США по созданию в соседних с Россией государствах биологических центров говорит следующий факт. В 2010 г. под руководством Финско-Российской биотехнологической лаборатории (JBL) в Турку был подготовлен проект TECDOVA — Трансэвропейского центра определения агентов биологической опасности (Trans-European Centre for the Detection of Biothreat Agents). В отличие от Грузии и Украины работа Центра планировалась с участием России, проект был одобрен в правительстве Финляндии. Однако вскоре без объяснения причин проект закрыли. Из частных источников стало известно, что

это произошло по прямому указанию из Вашингтона в том момент, когда США готовились к открытию биологической лаборатории в Грузии.

В скрытой биологической войне, которая пока не вышла за рамки лабораторий, участвуют не только Пентагон и специальные ведомства, но и корпорации, объединенные в Альянс за биобезопасность. В эту группу компаний входят Bavarian Nordic, Cangene Corporation, DOR BioPharma, Inc., DynPort Vaccine Company LLC, Elusys Therapeutics, Inc., Emergent BioSolutions, Hematech, Inc., Human Genome Sciences, Inc., NanoViricides, Inc., Pfizer Inc., PharmAthene, Siga Technologies, Inc., Unither Virology LLC. Все они являются частью так называемой «Большой Аптеки» (Big Pharma). Этим термином обозначают разветвленную структуру, в которой переплелись интересы американских конгрессменов с интересами фармацевтической и военной промышленности США.

Сейчас реально произошло тихое и незаметное окружение России «референс-лабораториями» Пентагона. Или, говоря проще, к созданию биологических центров Армии США на границах России. Деятельность различных биологических институтов США по отношению к странам бывшего СССР можно разделить на два этапа:

1. Изъятие оставшихся от СССР национальных коллекций патогенных микроорганизмов и штаммов вирусов с их передачей в лаборатории USAMRIID.

2. Организацию на базе различных национальных медучреждений, либо строительство с нуля, т.н. «центральных референс-лабораторий», или биологических центров USAMRIID, выступающих по разным вывескам, но всегда финансирующийся одним учреждением. Пентагоном.

В рамках первого этапа по различным программам с красивыми названиями («Программа Правительства США по уменьшению биологических угроз», «Проект по борьбе с биотерроризмом», «Глобальное партнерство по укреп-

плению биологической безопасности”, “Биологическая программа совместного участия”, и т.п.), Азербайджан, Грузия, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Узбекистан и Украина передавали представителям USAMRIID национальные коллекции патогенов, которые самолетами ВВС США вывозились в Институт патологии ВС США (Вашингтон). Один только Азербайджан предоставил США 124 образца 62 уникальных видов возбудителей чумы, сибирской язвы, холеры и других опасных болезней. По остальным странам детальная информация вообще не раскрывается, поскольку передача национальных коллекций проводилась в обстановке полной секретности. С особой тщательностью и настойчивостью велся поиск советских разработок по защите

от биологического оружия (вакцин, возбудителей болезней, от которых разрабатывались вакцины, и т.д.).

На каких именно условиях (а говоря точнее — за какие деньги) правительства стран бывшего СССР отдавали свои коллекции — неизвестно. Избежала этой участи лишь РФ, и то, по всей видимости, лишь по причине неожиданной для американцев смены руководства времен Б.Ельцина на новое, занявшее жесткую позицию.

Термин ветеринарно-эпизоотическая разведка и ветеринарно-санитарное состояние, кроме специальных задач включает в себя еще десяток важных направлений разведывательно — диверсионного характера. Этот фактор широко используется армией США

в 85 странах мира, где специалисты военнотружущие используют якобы мирное направление своей деятельности выполняют разведывательные функции.

У нас в стране всегда было и есть крепкое традиционное оленеводство. Вспомните вспышку сибирской язвы в позапрошлом году. До 2016 года на Ямале не было подобных случаев более 70 лет. В ликвидации очага сибирской язвы принимали участие и представители военной ветеринарии ЦВО. По неписаным законам эпизоотологии, если не вакцинировать восприимчивые организмы более 15 лет, жди вспышки инфекции. Но есть и другой путь, и он естественно обозначился со стороны подобных организаций.

По личному убеждению автора,

вспышка сибирской язвы на Ямале в 2016 году, была не что иное, как биологическая атака на Российскую Федерацию со стороны специальных служб нашего вероятного противника. В условиях вечной мерзлоты заразились люди, погибло более 2,5 тысяч оленей и заражено более 250 кв. км. тундры. Беспрецедентный случай, несмотря на объективные ветеринарно-эпизоотические, административные, климатические и географические условия того периода и выводов официальной комиссии. Данная биологическая атака преследовала следующие цели; Смоделировать вспышку сибирской язвы, изучить пути ее распространения и время, по различным регионам Российской Федерации и стран содружества независимых государств.

Поскольку Ямал, богатейший запасами углеводородов регион, представляющий огромный интерес мирового капитала, в плане его освоения и захвата; Заранее просчитывались все факторы, влияющие на данный процесс, в том числе вахтовый метод работы и перемещения

нефтяников и газовиков из различных стран, определялась скорость поражения, то есть распространения инфекции по регионам. Не секрет, каждый человек, убывающий из районов крайнего Севера, везет с собой сувенир. Будь то рога, то копыта. Шкуры, поделки из оленей и другие предметы обихода, не говоря о местных продуктах питания. Которые естественно заражены (обсеменены) возбудителем антракса; Уничтожение оленеводства, как отрасли на полуострове Ямал, являющейся основной пищевой базой коренных народов крайнего Севера, то нанесения максимального экономического ущерба стране. И естественно вызвать чувство страха, как у официальных лиц, так и простых обывателей.

Пример того, насколько печальными могут быть последствия даже мелкой халатности в ветеринарном обеспечении для человеческого организма. По молодости лет, а именно осенью 1967 года, я работал ветеринарным врачом на целине, в совхозе "Кузбасс" Ленинградского района Кокчетавской области. В один из буд-

них дней управляющий отделением обязал дать заключение по факту падежа нескольких коров. Шесть животных погибли в двух километрах от молочно-товарной фермы, и по анамнезу четко прослеживалась цепочка отравления ядохимикатами, случайно попавшими в небольшой водоем.

Однако при вскрытии одного из трупов была обнаружена явная патологоанатомическая картина сибирской язвы, что подтвердилось лабораторным путем в районной ветеринарной лаборатории на станции Даут. При вскрытии присутствовал и местный забойщик скота Сандер, немец по национальности, снимавший шкуры (в тот период предписывалась сдача шкур рогатого скота со свежих трупов) и ко всему тому поранивший себе ножом руку. Последствия для него были печальными. На шестые сутки после госпитализации в инфекционное отделение областной больницы он скончался. Я же переболел кожной формой, или, как ее называют, сибиреязвенным карбункулом. Течение

болезни было тяжелым и продолжительным. Но, к счастью, я тогда выжил...

Таким образом, Россия практически окружена — по своему периметру кольцом “референс-лабораторий”:

- действующих в обстановке повышенной секретности;
- укомплектованных офицерами и специалистами Медицинского научно-исследовательского института инфекционных болезней Армии США (US Army Medical Research Institute of Infectious Diseases — USAMRIID);
- финансируемых непосредственно министерством обороны США;
- не подчиняющимися в своих действиях не подписанному США Протоколу КБТО;
- не подотчетными национальным правительствам стран пребывания.

Если использовать характерное выражение наших «американских друзей», все это — “clear and present danger” (прямая и явная угроза). Именно так — и никак иначе. Поскольку, напрочь засекреченная деятельность американских офицеров USAMRIID представляет собой прямой и явный вызов.

Вызов не только интересам национальной безопасности РФ, но и интересам национальной безопасности всех государств, на территории которых действуют ЦРЛ. Поскольку никто не в состоянии дать гарантий, что на населении этих государств не проводятся исследования биохимических или иных рецептур.

Администрация США отказалась от присоединения к Протоколу КБТО и раскрытия программ и результатов деятельности американских ЦРЛ вокруг России.

Делать вид, что ничего не происходит, уже нельзя. А для изменения сложившейся ситуации требуются

решительные, жесткие и четкие шаги дипломатического ведомства и Российского военно-политического руководства, в частности.

Кто будет заниматься конкретно данным вопросом?

Специальные формирования, подчиненные Управлению РХБЗ МО РФ, военная медицина будет решать задачи противоэпидемического обеспечения, методического руководства и лечения военнослужащих. Остальная нагрузка, по нынешней организации и историческому опыту ложится на плечи органов МТО Вооруженных Сил Российской Федерации, поскольку, сил и средств, лабораторного парка, оборудования и специалистов в структурах МЧС, и других ведомств силового блока просто нет, кроме отдельных структур по обслуживанию служебных животных.

Работа специалистов ветеринарно-санитарной службы в противодействии биологическому терроризму будет неопределима. Имея достаточный парк лабораторно-диагностических приборов и оборудования, наличие высококвалифици-

цированных специалистов, владея эпизоотической обстановкой во всех субъектах Федерации и сопредельных странах. Располагая данными аналитических управлений разведывательных структур силовых ведомств и Международного Эпизоотического Бюро, Ветеринарно-санитарная служба Вооруженных Сил ведет постоянный мониторинг по особо опасным инфекциям животных на территории России и сопредельных стран. Эта информация подкрепляется своевременными докладами специалистов службы из всех регионов России.

При угрозе применения биологического оружия или факту его появления в любом регионе проводится экстренная индикация биологических средств. При этом используются штатные технические средства стационарных ветеринарных организаций мирного времени. Вопрос о применении ветеринарно-санитарной службы в области противодействия биологическому терроризму, как никогда своевременный и актуальный — это направление диктует сама жизнь! ■

И.Р. ГРИГУЛЕВИЧ

БОЛИВИЙСКИЙ ДНЕВНИК

▲ Боливийцы

Таинственное исчезновение

Первое и основное условие партизанского движения — абсолютная тайна.

Эрнесто Че Гевара

14 марта 1965 года Эрнесто Че Гевара возвращается в Гавану после длительного пребывания за границей. Его не было на Кубе свыше трех месяцев. 9 декабря 1964 года Че вылетел

из Гаваны в Нью-Йорк, где находился восемь дней, участвуя в очередной Генеральной ассамблее ООН. 17 декабря он покидает США и через Канаду и Ирландию летит в Алжир. Затем направляется в Мали, оттуда — в Конго (Браззавиль), Гвинею, Гану, Дагомею. Затем снова в Алжир и через Париж — в Танзанию. Из Танзании — в Каир, из Каира опять в Алжир и вновь в Каир. Из Каира возвращается в Гавану, где в аэропорту «Ранчо Боерос» его встречают Фидель Кастро, Освальдо Дортикос

и другие партийные и государственные деятели, а также жена Алеида Марч.

Зарубежное путешествие Че, которого сопровождал Османи Сьенфуэгос, заведовавший тогда международными связями ЦК КПК, широко освещалось в кубинской печати. Че держал речь перед Ассамблеей ООН, в США он выступил по телевидению, дал интервью американским журналистам. В Алжире принял участие во II экономическом семинаре Организации афро-азиатской солидарности,

Григулевич Иосиф Ромуальдович — настоящая фамилия Григулявичус (1913–1988) — советский разведчик-нелегал, оперативные псевдонимы: Артур, Макс, Мигель, Юзик, Падре, Фелипе, Теодоро Б. Кастро. Ученый-латиноамериканист, специалист по этнографии и истории стран Латинской Америки, истории католической церкви в Латинской Америке и института папства и иквизиции. Исследователь нетрадиционных религий и культов. Доктор исторических наук (1965), член-корреспондент АН СССР (1979). Член Союза писателей СССР, литературный псевдоним И. Лаврецкий.

Родился в Вильне (Вильнюс) 5 мая 1913 года в семье литовских караимов. Кроме родного, владел литовским, русским, польским, французским, испанским, португальским и итальянским языками. С 1922 года учился в гимназии в Паневежисе, продолжил учебу в гимназии им. Витовта, где сошелся с активистами КП Западной Белоруссии. Член компартии Польши с 1930 года. В феврале 1932 года арестован польской полицией, в августе 1933 года выслан из Польши. С мая 1933 года находился во Франции, учеба в университете Сорбонны. По предложению представителя Коминтерна во Франции Эдварда Герекка был направлен на работу в Аргентину в Международной организации помощи борцам революции (организация побега арестованных руководителей восстания в Бразилии Л. К. Престеса и Р. Гиольди). По доносу провокатора Григулевич был схвачен полицией.

В 1934 году был привлечен к работе в ИНО НКВД. В 1936 году направлен в Испанию. Участник гражданской войны. Участвовал в специальных операциях: подавление мятежа «пятой колонны» в Барселоне, разгром троцкистской «Рабочей партии марксистского единства» (ПОУМ), ликвидация её лидера А. Нина. и др. В конце 1937 года отозван в Советский Союз, а в апреле 1938 переброшен в Мексику в качестве руководителя диверсионной группы — подготовка операции по ликвидации Троцкого. В 1940 году принимал участие в ликвидации агентов охраны в Литве, обеспечивая выход боевиков на объекты операций.

В конце 1940 года направлен в Аргентину руководителем нелегальной разведывательно-диверсионной группы. Во время Великой Отечественной войны Григулевич руководил практически всей нелегальной разведывательной и диверсионной работой в странах Латинской Америки и США (диверсионные операции в портах и на судах, уходивших со стратегическими грузами для стран фашистского блока). Боевая деятельность велась до середины 1944 года, когда из Центра поступило распоряжение свернуть диверсии.

После войны находился в Мексике. Сблизился с представителями костариканского революционного движения Хосе Фигереса Феррера, готовивших переворот в своей стране. После захвата власти Григулевичу предложили занять «любой пост в правительстве». Он отказался, но создал для себя уникальное прикрытие: в 1951 году становится временным поверенным в делах Коста-Рики в Италии и официальным советником делегации республики на 6-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В мае 1952 он чрезвычайный посланник и полномочный министр Республики Коста-Рики в Италии. Одновременно является посланником при папском престоле в Ватикане и по совместительству — посланником в Югославии.

В 1954 году (после смерти Сталина) был отозван в Москву, уволен от службы, после чего занялся научной деятельностью. Работал во Всесоюзном обществе по культурным связям с зарубежными странами. С 1960 года работа в Институте этнографии АН СССР, участие в создании Института Латинской Америки. Автор более 30 книг и более 400 научных и научно-популярных работ. Им были написаны биографии С. Боливара, Ф. де Миранды, Б. Хуареса, П. Вильи, Х. Марти, Э. че Гевары, А. Сесара Сандино, К. Фонсеки Амадора, С. Альенде, Д. А. Сикейроса, У. Фостера и др.

Жена Лаура Агиляр Араухо (1916–1997) — мексиканка. Скрыться от мексиканской полиции Григулевичу и его будущей жене после неудавшегося покушения на Троцкого помог Пабло Неруда тогдашний генеральный консул Чили в Мехико. В дальнейшем она сопровождала мужа в служебных (специальных) поездках по странам Латинской Америки, Италии и в Москву.

Умер 2 июня 1988 года в Москве, прах покоится на Донском кладбище.

▲ Че в Африке

в других африканских странах встречался с официальными и общественными деятелями, журналистами.

Разумеется, столь длительное пребывание Че в африканских странах преследовало определенную политическую цель. Какую? Че стремился установить прямой контакт с деятелями африканского национально-освободительного движения с целью сплочения и объединения с подобными же движениями Азии и Латинской Америки в борьбе против империализма, колониализма и неоколониализма. Эти контакты пригодились впоследствии для созыва Трехконтинентальной конференции в Гаване (3–6 января 1966 года) и учреждения Организации солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки с местопребыванием в кубинской столице.

Новое и продолжительное знакомство с африканскими странами не могло не укрепить в нем убеждения в действенности партизанских методов в борьбе против империализма. В первую очередь, разумеется, Алжир представлял в этом

отношении яркий пример: методы партизанской войны, применявшиеся алжирскими борцами за независимость, в конце концов вынудили Францию покинуть эту страну, как такие же методы вьетнамских патриотов вынудили ранее ту же Францию убраться из Индокитая.

Обнадеживающе выглядела ситуация и в бывшем Бельгийском Конго, где с момента убийства Патриса Лумумбы не прекращались партизанские действия его сторонников.

Разгоралась партизанская борьба и в португальских колониях Африки. Всюду появлялись новые лидеры, объявлявшие войну колониализму. Они создавали партии, движения, партизанские отряды и целые армии. Некоторым удалось свергнуть колониальных марионеток и взять власть, другие терпели поражения. Среди противников колониализма господствовало убеждение, что при наличии денег, оружия и немногих смельчаков можно завоевать победу, добиться независимости, нанести поражение империализму. Им казалось, что достаточно начать дей-

ствовать, стрелять по противнику, как движение станет нарастать подобно лавине, пока не погребет под собой колонизаторов. Искреннее желание сражаться, фанатичная вера в грядущий триумф священного дела, которому они служили, готовность отдать за него жизнь — как все это напоминало то, что происходило в Латинской Америке и было так хорошо знакомо и близко этому министру промышленности революционной Кубы, искавшему и, казалось, обретшему в дебрях Африки подтверждение своего тезиса о магической власти партизанских методов борьбы.

Между тем в Латинской Америке пламя партизанской борьбы не затухало, но и не разгоралось, как того ожидали ее сторонники. Партизанские отряды действовали в Гватемале, Колумбии, Венесуэле, Перу. Однако нельзя было утверждать, что они могут похвастаться каким-либо крупным успехом. Более того, их деятельность не объединяла, а скорее разъединяла антиимпериалистические силы. Следовало ли из этого, что партизанский опыт кубинской

революции неприменим в других латиноамериканских странах?

На этот вопрос отвечали по-разному. Сторонники партизанских действий «во что бы то ни стало» считали, что партизанские отряды неправильно применяют этот опыт, поэтому терпят поражения и разваливаются. Их противники указывали на то, что партизанская борьба не встретила поддержки в массах — ни в крестьянских, ни в пролетарских, что объективные условия еще не созрели во многих странах для успешной вооруженной борьбы. Полемика обострялась, как всегда бывает в подобных случаях, взаимными упреками, подозрениями и обвинениями в предвзятости, лицемерии и даже вероломстве.

Что же думал по этому поводу Че? Он более чем когда-либо в прошлом был убежден в действенности партизанского метода. Че считал, что одним из факторов успеха является личность, авторитет лидера, возглавляющего партизанское движение. В статье «Партизанская война как метод» Че писал: «Как правило, партизанскую войну в интересах своего народа возглавляет авторитетный вождь...» На Кубе таким лидером был Фидель Кастро, одаренный политический и военный вождь, авторитет которого признавался не только всеми прогрессивными силами, но и их противниками. Другого подобного Фиделю Кастро лидера партизанское движение в Латинской Америке не выдвинуло. Некоторые, имевшие данные для этого, пали в борьбе, не успев полностью проявить себя.

Но если такого лидера не было, то разве им не мог стать сам Че? Аргентинец, женатый первым браком на перуанке, с дочерью-мексиканкой, адаптированный кубинец — разве он не был подлинным гражданином Латинской Америки в духе лучших традиций Сан-Мартина, Боливара, Марти и других героев освободительных войн этого континента?

Разумеется, возникал вопрос: не будет ли его прямое участие в революционных действиях на территории чужой страны актом вмешательства во внутренние дела этой страны?

С формальной, с юридической точки зрения это было бы так. Но сами реакционные режимы и в первую очередь правительство Соединенных Штатов повсеместно и на протяжении десятков лет осуществляли вмешательство в целях подавления революционного антиимпериалистического движения. США предпринимали вооруженные интервенции против непокорных латиноамериканских республик, пускали в ход против них экономические санкции, устраивали заговоры и перевороты, не останавливаясь перед убийством неугодных им деятелей. Дело дошло до того, что планы убийства Фиделя Кастро обсуждались на самом высоком уровне в Белом доме. Разве не Вашингтон организовал нашествие наемников на Кубу в 1961 году? Разве не Вашингтон засылал на Кубу

бесчисленные банды диверсантов, шпионов, провокаторов? И разве не помогали ему в этом покорные американскому империализму реакционные режимы к югу от Рио-Гранде? Наемники проходили подготовку на базах Никарагуа, Доминиканской Республики, Коста-Рики, почти все латиноамериканские правительства по приказу Вашингтона порвали с революционной Кубой дипломатические и экономические отношения, участвовали в блокаде острова Свободы. Разве все эти действия не являлись вмешательством в дела Кубы и не давали моральное право кубинцам, в свою очередь, принять меры для защиты их революции и оказания поддержки народам в их справедливой борьбе против империалистического и всякого другого гнета? Можно было спорить о це-

▲ Эрнесто Гевара

лесообразности и своевременности такого рода действий, об их форме, о необходимости их согласования и координации с местными революционными движениями, но не о самом праве на эти действия.

Об этом неоднократно и открыто говорили Фидель Кастро и другие кубинские руководители, об этом говорилось в I и II Гаванских декларациях, об этом говорил и Че.

В последний раз в декабре 1964 года на ассамблее ООН в Нью-Йорке, полемизируя с врагами кубинской революции, Че заявил: «Я кубинец, и я также аргентинец, и, если не оскорбятся почтеннейшие сеньоры из Латинской Америки, я чувствую себя не менее патриотом Латинской Америки, чем кто-либо, и в любое время, как только понадобится, я готов отдать свою жизнь за освобождение любой из латиноамериканских стран, не прося ни у кого ничего взамен, не требуя ничего, не эксплуатируя никого».

Это не были красивые слова, сказанные, чтобы лишний раз «уколоть» противников кубинской революции. Человек, который их произносил, уже знал, что в недалеком буду-

щем ему предстоит подтвердить их на деле. И он страстно, всей душой этого желал, ибо революция и только революция была его стихией...

* * *

Че после возвращения на Кубу 14 марта 1965 года публично нигде не появлялся. Это было замечено как кубинцами, так и иностранными журналистами и наблюдателями. По мере того как проходили дни, «отсутствие» Че, его «исчезновение» все больше и больше обращало на себя внимание, порождая самые разнообразные слухи и комментарии. В особенности изощрялась в догадках реакционная печать США: «Че арестован», «Че бежал с Кубы», «Че убит», «Че смертельно болен». Факт, однако, оставался фактом: Че исчез, во всяком случае, на Кубе после своего возвращения он открыто не появлялся. В середине апреля его мать Селия, находившаяся в то время в больнице в Буэнос-Айресе, получила от Че странное письмо, в котором он сообщал о своем намерении уйти от активной государственной деятельности, провести месяц на рубке тростника, а затем

поселиться вместе с Альберто Гранадосом и пять лет работать рядовым рабочим на фабрике. Не исключено, что текст этого письма стал известен широкому кругу лиц, в том числе и противникам кубинской революции. Разумеется, содержание этого письма можно было интерпретировать как очередной розыгрыш Че, склонного с друзьями и родными и различного рода мистификациям. Однако его «исчезновение» придавало этому письму весьма драматический смысл.

20 апреля 1965 года Фидель Кастро, находясь на рубке тростника в провинции Камагуэй, отвечая на вопросы иностранных журналистов, интересовавшихся местопребыванием Че, впервые публично высказался об этом: «Единственно, что могу вам сказать о майоре Геваре, это то, что он всегда будет находиться там, где больше всего полезно революции, и что отношения между мной и им — великолепные. Они такие же, как в первое время нашего знакомства, можно сказать, что они даже лучше».

Заявление Фиделя Кастро косвенным образом подтверждало отсут-

ствии Гевары на Кубе. В начале мая Селия, мать Че, из больницы в Буэнос-Айресе связалась по телефону с Гаваной и вызвала сына. Ей ответили, что Че здоров, но отсутствует, и если сможет, то свяжется с нею. Селия умерла 10 мая 1965 года, так и не дождавшись его звонка. Значит, Че тогда уже не было на острове. Но в таком случае где он был? Буржуазные газеты продолжали выдвигать самые фантастичные версии о местопребывании Че. Газеты писали, что Че находится во Вьетнаме, Гватемале, Венесуэле, Колумбии, Перу, Боливии, Бразилии, Эквадоре. В связи с событиями в Доминиканской Республике, где 24 апреля 1965 года началось восстание патриотически настроенных военных, газеты писали, что Че принимает активное участие в борьбе конституционалистов и даже что он там убит. «Серьезный» американский журнал «Ньюсуик» сообщал 9 июля, что Че запродавал за 10 миллионов долларов «кубинские секреты», после чего отбыл в неизвестном направлении. Уругвайский еженедельник «Марча» утверждал, что Че «отдыхает, пишет и работает» в провинции Ориенте, а лондонская газета «Ивнинг пост» заверяла, что он пребывает в Китае.

Из всех этих нелепых и противоречивых измышлений и клеветнических домыслов буржуазной печати можно было заключить только одно: ей неизвестно, где действительно находится Че и какова его подлинная судьба. Об этом знали только кубинское руководство, сам Че и люди, находившиеся с ним в непосредственном контакте, но они хорошо хранили свой секрет и пока что не раскрывали своих карт, несмотря на свистопляску противника, лезшего из кожи вон, чтобы напасть на след исчезнувшего из их поля зрения революционера...

17 июня Фидель Кастро вновь публично высказался по поводу Че, но столь же загадочно, как и в первый раз: «Мы не обязаны отчитываться перед кем-либо о местопребывании Че». Однако Фидель Кастро заверил, что Че здоров. На вопрос: «Когда люди услышат о майоре Геваре?» — Фидель ответил: «Когда

▲ Семья Че

майор Гевара того пожелает. Что мы знаем об этом? Ничего. Что мы думаем об этом? Мы думаем, что майор Гевара всегда совершал и будет совершать революционные действия».

Только 3 октября 1965 года Фидель Кастро несколько приоткрыл плотную завесу, скрывавшую до сих пор Че. Выступая на учредительном заседании Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы, Фидель Кастро сказал:

— В нашем Центральном Комитете отсутствует человек, который в максимальной степени имеет все заслуги и обладает всеми качествами, необходимыми для того, чтобы входить в этот орган. Этого человека, однако, нет среди членов нашего Центрального Комитета.

Вокруг этого факта враги сумели раскинуть целую паутину клеветы. Наши враги пытаются сбить людей с толку, посеять беспокойство и сомнения. Что же касается нас, то мы выжидали, ибо было необходимо выждать...

Всяческие предсказатели, переводчики, «специалисты по Кубе» и электронные машины работают без сна и отдыха, чтобы разгадать эту загадку. Чего только не говорят: Эрнесто Гевара стал жертвой «чистки», Эрнесто Гевара болен, у Эрнесто Гевары расхождения с руководством и т. д. и т. п.

Народ, разумеется, верит и доверяет нам. Но наши враги пускают в ход подобные вещи, главным образом за границей, чтобы обливать нас ушатами клеветы: вот он, страшный, злоедающий коммунистический режим, люди исчезают бесследно, исчезают необъяснимо. Что касается нас, то мы в свое время заявили народу, когда он стал замечать отсутствие этого человека, что в нужный момент мы скажем ему все, а пока что у нас есть причины выждать...

Чтобы пояснить это, мы зачитаем здесь письмо — вот здесь собственноручно написанное письмо, а здесь — перепечатанное на машинке — письмо товарища Эрнесто Гевары, которое говорит само за себя. Я раздумывал, еледует ли рассказывать здесь об истории нашей дружбы, нашего товарищества, о том, как эта дружба завязалась и при каких обстоятельствах и как она развивалась. Но это не нужно. Я ограничусь тем, что прочту письмо. Здесь не поставлена дата, потому что это письмо должно быть прочитано в тот момент, когда мы сочтем это наиболее своевременным. Но если придерживаться строгой действительности, это письмо было передано 1 апреля этого года, то есть ровно 6 месяцев и 2 дня назад. В нем говорится:

«Гавана

(Год сельского хозяйства)

Фидель!

В этот час я вспоминаю о многом, о том, как я познакомился с тобой в доме Марии-Антонии, как ты мне предложил поехать, о всей напряженной подготовке.

Однажды нас спрашивали, кому нужно сообщить в случае нашей смерти, и тогда нас поразила действительно реальная возможность такого исхода. Потом мы узнали, что это на самом деле так, что в революции (если она настоящая революция) или побеждают, или погибают. Многие остались там, на этом пути к победе.

Сейчас все это имеет менее драматическую окраску, потому что мы более зрелы, но все же это повторяется. Я чувствую, что я частично выполнил долг, который связывал меня с кубинской революцией на ее территории, и я прощаюсь с тобой, с товарищами, с твоим народом, который уже стал моим.

Я официально отказываюсь от своего поста в руководстве партии, от своего поста министра, от звания майора, от моего кубинского гражданства. Официально меня ничто больше не связывает с Кубой, кроме лишь связей другого рода, от которых нельзя отказаться так, как я отказываюсь от своих постов.

Обозревая свою прошлую жизнь, я считаю, что я работал достаточно честно и преданно, стараясь укрепить победу революции. Моя единственная серьезная ошибка — это то, что я не верил в тебя еще больше с самого первого момента в Сьерра-Маэстре, что я недостаточно быстро оценил твои качества вождя и революционера. Я прожил замечательные дни, и, будучи рядом с тобой, я ощущал гордость оттого, что я принадлежал к нашему народу в самые яркие и трудные дни Карибского кризиса.

Редко когда твой талант государственного деятеля блистал так ярко, как в эти дни, и я горжусь также тем, что я последовал за тобой без колебаний, что я мыслил так же, как ты, так же видел и так же оценивал опасности и принципы.

Сейчас требуется моя скромная помощь в других странах земного шара. Я могу сделать то, в чем тебе отказано, потому что ты несешь ответственность перед Кубой, и поэтому настал час расставанья.

Знай, что при этом я испытываю одновременно радость и горе, я оставляю здесь самые светлые свои надежды создателя и самых дорогих мне людей... Я оставляю здесь народ, который принял меня, как сына, и это причиняет боль моей душе. Я унесу с собой на новые поля сражений веру, которую ты в меня вдохнул, революционный дух моего народа, сознание, что я выполняю самый священный свой долг — бороться против империализма везде, где он существует; это укрепляет мою решимость и сторицей излечивает всякую боль.

Я еще раз говорю, что снимаю с Кубы всякую ответственность, за исключением ответственности, связанной с ее примером. И если мой последний час застанет меня под другим небом, моя последняя мысль будет об этом народе и в особенности о тебе. Я благодарю тебя за твои уроки и твой пример, и я постараюсь остаться верным им до конца. Я всегда отождествлял себя с внешней политикой нашей революции и отождествляю до сих пор. Где бы я ни находился, я буду чувствовать свою ответственность как кубинский революционер и буду действовать как таковой. Я не оставляю своим детям и своей ясене никакого имущества, и это не печалит меня. Я рад, что это так. Я ничего не прошу для них, потому что государство даст им достаточно для того, чтобы они могли жить и получить образование.

Я мог бы сказать еще многое тебе и нашему народу, но я чувствую, что это не нужно; словами не выразить всего того, что я хотел бы, и не стоит зря переводить бумагу.

Пусть всегда будет победа! Родина или смерть!

Тебя обнимает со всем революционным пылом

Че».

Закончив чтение письма Че, Фидель Кастро продолжил:

«Для тех, кто говорит о революционерах, для тех, кто считает ре-

волюционеров людьми холодными, нечувствительными, людьми без сердца, — пусть для них это письмо послужит примером тех чувств, того бла-

городства и чистоты, которые могут скрываться в душе революционера...

Это не было единственное письмо. Вместе с ним для этого же мо-

мента, когда это письмо будет оглашено, нам были оставлены другие прощальные письма для разных товарищей и, кроме того, как говорится здесь, „моим детям“ и „моим родителям“: это письма, написанные специально для его детей и его родителей. Эти письма мы передадим этим товарищам и родственникам и попросим их, чтобы они принесли их в дар революции, потому что мы считаем, что эти документы дос-

тойны того, чтобы сохранить их для истории.

Мы полагаем, что этим объяснено все — все то, что мы должны были объяснить. Об остальном же пусть заботятся наши враги. У нас здесь достаточно задач, достаточно вопросов, которые нужно решить как в нашей стране, так и в отношении всего мира; достаточно обязанностей, которые мы должны выполнить и которые мы выполним».

Письма, о которых упоминал Фидель в своем выступлении, по крайней мере два из них — к родителям и к детям, были опубликованы — первое в аргентинском журнале «Съетэ диас иллюстрадос» 23 мая 1967 года, второе — посмертно. Так как они были написаны одновременно с письмом к Фиделю, то мы их приведем ниже.

Письмо к родителям.

«Дорогие старики!

Я вновь чувствую своими пятками ребра Росинанта, снова, облачившись в доспехи, я пускаюсь в путь. Около десяти лет тому назад я написал Вам другое прощальное письмо.

Насколько помню, тогда я сожалел, что не являюсь более хорошим солдатом и хорошим врачом; второе уже меня не интересует, солдат же из меня получился не столь уж плохой.

В основном ничего не изменилось с тех пор, если не считать, что я стал значительно более сознательным, мой марксизм укоренился во мне и очистился. Считаю, что вооруженная борьба — единственный выход для народов, борющихся за свое освобождение, и я последователен в своих взглядах. Многие назовут меня искателем приключений, и это так. Но только я искатель приключений особого рода, из той породы, что рискуют своей шкурой, дабы доказать свою правоту.

Может быть, я пытаюсь сделать это в последний раз. Я не ищу такого конца, но он возможен, если логически исходить из расчета возможностей. И если так случится, примите мое последнее объятие.

Я любил Вас крепко, только не умел выразить свою любовь. Я слишком прямолинеен в своих действиях и думаю, что иногда меня не понимали. К тому же было нелегко меня понять, но на этот раз — верьте мне. Итак, решимость, которую я совершенствовал с увлечением артиста, заставит действовать хилые ноги и уставшие легкие. Я добьюсь своего.

Вспоминайте иногда этого скромного кондотьера XX века.

Поцелуйте Селию, Роберто, Хуана-Мартина и Пототина, Беатрис, всех.

Крепко обнимает Вас Ваш блудный и неисправимый сын Эрнесто».

Моим детям

«Дорогие Ильдита, Алеидита, Камило, Селия и Эрнесто! Если когда-нибудь вы прочтете это письмо, значит меня не будет среди вас.

Вы мало что вспомните обо мне, а малыши не вспомнят ничего.

Ваш отец был человеком, который действовал согласно своим взглядам и, несомненно, жил согласно своим убеждениям.

Растите хорошими революционерами. Учитесь много, чтобы овладеть техникой, которая позволяет властвовать над природой. Помните, что самое главное — это революция и что каждый из нас в отдельности ничего не значит.

И главное, будьте всегда способными самым глубоким образом почувствовать любую несправедливость, совершаемую где бы то ни было в мире. Это самая прекрасная черта революционера.

До свидания, детки, я надеюсь еще вас увидеть.

Папа шлет вам большущий поцелуй и крепко обнимает вас».

После гибели Че было опубликовано еще одно прощальное письмо — дочери Ильде, помеченное 15 февраля 1966 года. Было ли оно написано на Кубе или за ее пределами, нам пока неизвестно. Вот оно:

«Дорогая Ильдита!

Пишу тебе сегодня, но это письмо ты получишь значительно позже. Знай, что я помню о тебе и надеюсь, что ты проводишь радостно день твоего рождения. Ты почти женщина, поэтому не могу писать тебе как детям, рассказывая глупости и враки.

Тебе следует знать, что я нахожусь далеко и буду долго отдален от тебя, делая все, что в моих силах, для борьбы против наших врагов. Немного, но кое-что я делаю и думаю, что ты сможешь всегда гордиться твоим отцом, как я горжусь тобой.

Помни, что впереди многие годы борьбы, и даже когда ты станешь взрослой, тебе придется внести свой вклад в эту борьбу. Между тем следует готовиться к ней, быть хорошей революционеркой, а в твои годы это значит много учиться, изо всех сил, и быть всегда готовой поддержать справедливое дело. Кроме того, слушайся маму и не слишком воображай о себе. Это придет со временем.

Борись, чтобы стать одной из лучших в школе. Лучшей во всех отношениях, ты знаешь, что я понимаю под этим: учебу и революционное поведение, иначе говоря, серьезное отношение к труду, любовь к родине, революции, товариществу и т. д. Я не был таким в твои годы, но рос я в другом обществе, где человек был врагом человека. Тебе выпало счастье жить в другое время, и ты должна быть достойной его.

Не забывай время от времени следить за поведением малышей и советовать им учиться и вести себя прилежно. Главным образом смотри за Алеидитой, которая с большим уважением относится к тебе как к своей старшей сестре.

Хорошо, старуха, еще раз желаю тебе провести счастливо твой день рождения. Обними за меня маму и Джину и прими мое большущее и крепчайшее объятие на все время нашей разлуки.

Твой папа».

О чем свидетельствовали эти насыщенные драматизмом документы, в первую очередь прощальное письмо Фиделю? Во-первых, о том, что Че покидал окончательно и бесповоротно революционную Кубу, давшую ему мировую известность. Но этот акт не являлся следствием вынужденного или добровольного изгнания, тем более он не означал отхода Че от революционной деятельности. Его нельзя было объяснить ни разочарованием в революции, ни отчаянием, ни безрассудством, ни склонностью к авантюрам, в которой со свойственной ему самоуничижительной откровенностью признается Че. Не было это и актом самоубийцы, человека, зашедшего в политический тупик и ищущего в качестве выхода героической смерти на поле брани.

Че покинул Кубу не потому, что он потерял веру в революцию, а потому, что он в нее безгранично верил. Он покинул Кубу, чтобы вновь сразиться с оружием в руках против империалистов, не только потому, что считал это своей священной обязанностью, но и потому, что страстно этого сам желал.

Огромное расстояние отделяет Че 1956 года, когда он, безвестный аргентинский врач, заброшенный судьбой в Мексику, волею случая присоединяется к группе кубинских революционеров, возглавляемых Фиделем Кастро, и Че 1965 года, одного из вождей победившей революции, всемирно известного государственного и революционного деятеля, внезапно покидающего Кубу в поисках новых революционных свершений.

В середине 50-х годов социальная революция, социализм в Латинской Америке еще казались недостижимой мечтой, делом далекого будущего. Тогда, вступая в отряд Фиделя Кастро, Че полагал, что он присоединяется к весьма рискованному, даже безрассудному предприятию, правда, преследующему благородную и возвышенную цель, но имеющему минимальные шансы на успех.

Совершается «чудо», и это предприятие одерживает победу. Кубинская революция развивается в революцию социалистическую, меняя

▲ Че с Раулем

▲ Че с Фиделем

коренным образом политическую панораму в странах Латинской Америки. С ее победой антиимпериалистическая революция становится в этих странах не отвлеченным лозунгом, а делом сегодняшнего дня.

Теперь, отправляясь в путь, отправляясь «делать революцию» в Латинскую Америку, Че не одинокая фигура революционного Дон-Кихота, намеревающегося на свой страх и риск сражаться с отнюдь не ветряными мельницами империализма. За его спиной богатейший опыт кубинской революции.

Нет, не в поисках смерти он покидает Кубу, а в поисках победы над империализмом, в которую именно он, во его глубочайшему убеждению, может и должен внести свою лепту, свой вклад. Почему же тогда его послания Фиделю, родным окрашены в столь трагические, даже мрачные тона, почему они носят характер прощания? Что это — предчувствие неотвратимой гибели или характерные для Че проявления «черного юмора»?

В Че наряду с революционным романтизмом — абсолютным бескорыстием, отсутствием эгоизма,

аскетизмом, готовностью к самопожертвованию — уживался «антиромантизм» — презрение к высокопарным фразам, ко всякого рода проявлениям дешевого сентиментализма, мелкобуржуазной, интеллигентской «чувствительности». Этот враг всяческого догматизма был догматиком на свой лад. И одной из его «догм» было презрение к смерти, которая его подстерегала с детства, а в особенности в годы партизанской войны на Кубе. Революция — это тоже война, а там, где сражаются, там и умирают. На войне никто не застрахован от смерти — ни самый умный, ни самый мужественный. Будучи солдатом, Че прекрасно знал это. Отсюда «тональность» его посланий.

Если посмотреть шире и глубже на решение Че покинуть Кубу в поисках новых «революционных горизонтов», то оно вовсе не являлось таким уж необычным и экстравагантным, как может показаться на первый взгляд. Какой настоящий революционер, настоящий коммунист — рядовой или генерал от революции, не мечтал и не мечтает пойти сражаться добровольцем за свободу других угнетенных народов?

Разве не сражались в рядах русских борцов за правое дело Октября поляк Дзержинский, югослав Олеко Дундич, чех Ярослав Гашек, американец Джон Рид?

Вспомним революционную Испанию. Как стремились советские люди прийти на помощь испанскому народу, сражаться в рядах республиканской армии против фашизма! Мы знаем, что в Испании боролись с оружием в руках против фашизма советские бойцы-летчики, танкисты и советские военачальники. А разве не сражался маршал Блюхер за свободу китайского народа? Таких примеров можно было бы привести бесчисленное множество. И те, кто уходил на войну, у себя ли или в далекие страны, тоже писали прощальные письма партийным руководителям, родным и близким.

И кубинские революционеры, оставившие вместе с Че Кубу, его братья по идеям и оружию, тоже оставили прощальные письма партийным руководителям, родным, друзьям. Но, прощаясь, они, как и Че, верили в победу, в триумф дела, за которое они отправлялись

сражаться, покидая свою землю, своих родных и товарищей...

Не все эти письма нам пока известны. Выдержки из одного такого письма были опубликованы в 1969 году, а другое письмо увидело свет годом позже. Автором первого письма был капитан Елисео Рейес Родригес (в Боливии кличка «Роландо»), член ЦК КПК, видный участник партизанской войны на Кубе, сражавшийся под командованием Че в рядах восьмой колонны. Он оставил на Кубе жену и трех малолетних детей. 16 ноября 1966 года перед отъездом в Боливию он писал жене Нелие Баррерас:

▲ Че с женой и детьми

«Нелегко расставаться, но я знаю, что ты так же хорошо понимаешь, как и я, что честный человек всегда жертвует собой, чтобы выполнить самый святой долг: бороться с империализмом.

Будь мужественной. Надеюсь, что наши дети, если я погибну в борьбе, смогут заменить меня, как только их возраст позволит, и будут испытывать такое же, как и мы, чувство возмущения перед страданиями и нищетой других братских народов.

Возможно, что некоторое время ты не получишь вестей от меня. Не забывай, однако, что, несмотря на расстояние и время, которые нас будут разделять, мысленно я всегда буду с вами.

С одной стороны, я испытываю боль, покидая моих самых близких людей — покидая тебя, моих детей, моих родителей, с другой стороны — я чувствую облегчение, зная, что делаю это для борьбы с врагом, который лишает миллионы людей самых близких им существ.

Смотри за собой и береги детей, люби крепко мою мать. Вы все вместе с моей революционной родиной мое самое ценное сокровище.

Я буду думать о вас в смертный час, если мне будет суждено погибнуть в борьбе».

Ниже воспроизводится другое письмо. Как и предыдущее, оно проливает свет на те мотивы морального и политического свойства, которые побуждали кубинских революционеров принять участие в партизанской борьбе в Боливии. Автор письма, капитан Хесус Суарес Гайоль (Рубио — в Боливии), родился в крестьянской семье и со школьной скамьи участвовал в подпольном движении против Батисты, неоднократно арестовывался, находился в эмиграции в США и Мексике, откуда вернулся в апреле 1958 года, чтобы сражаться против тирана. Во время нападения на одну из радиостанций взрыв бомбы обжег ему ноги. Несмотря на это, он вступает в восьмую колонну Че и воюет в ее рядах вплоть до победы

революции. После свержения Батисты Хесус занимал ряд ответственных постов — руководил осуществлением аграрной реформы в провинции Лас-Вильяс, возглавлял Мучной трест, Институт минеральных ресур-

сов, с 1964 года работал заместителем министра сахарной промышленности. Направляясь в Боливию, Суарес Гайоль оставляет в декабре 1966 года письмо своему малолетнему сыну Хесусу-Феликсу:

«2 декабря 1966 года.

Тов. Хесусу-Феликсу Суаресу.

Гавана, Куба.

Дорогой сын!

Многие причины побуждают меня написать тебе это письмо. Пишу я его в условиях весьма необычных, прочтешь же ты его со временем, когда вырастешь и будешь в состоянии полностью понять принятое мною решение...

Сегодня тебе исполняется четыре года. Ты для меня надежда на будущее. Великую радость ты доставлял мне в те немногие ми-

нуты, когда я мог находиться рядом с тобой. Ты мой единственный сын, и думаю, что было бы непростительно, отправляясь исполнить свой революционный долг, а в борьбе я могу погибнуть, не написать тебе хоть немного из того, что я сказал бы тебе, если бы ты рос рядом со мною.

Мне выпало необыкновенное счастье жить в решающий период нашей истории. Куба, наша родина, наш народ осуществляет одну из великих эпопей в истории человечества. Она делает революцию в самых неблагоприятных условиях и одерживает победу над каждой угрозой и каждой агрессией, что направлены против нее...

Кубинская революция является живым примером, указывающим путь к освобождению другим народам, которых империализм эксплуатирует и соками которых питается. Эти народы не могут, подобно нашему, строить сами свое будущее. Там труд миллионов мужчин и женщин обогащает кучку эксплуататоров. Там тысячи и тысячи детей твоего возраста, или еще меньших, умирают от отсутствия врачебной помощи, а многие лишены школ и учителей, их удел — нищета и невежество, сопутствующие всегда эксплуатации.

Вот почему на этом этапе долг кубинского революционера выходит за рамки нашего государства и ведет его туда, где все еще существует эксплуатация и где империализм питается кровью народов.

Такое понимание революционного долга обязывает меня оставить родину и направиться сражаться с империализмом в другие страны. Я знаю, чем это угрожает мне, я оставляю здесь самые крепкие мои привязанности, самых близких и родных мне людей, но в то же время я безмерно рад и горд тем, что займу пост на переднем крае беспощадной борьбы народов против эксплуататоров.

Среди этих близких мне людей первое место занимаешь ты, мой сын. Я очень хотел бы находиться рядом с тобой, следить за твоим ростом, видеть, как ты становишься мужчиной и революционером. Но так как это трудно достижимо, учитывая мое решение, я надеюсь, что мой пример и духовное наследство, которое я тебе оставляю и которое заключается в моей жизни, целиком отданной революции, а также образование, которое ты получишь, воспитываясь в революционной стране, с излишком восполнят мое отсутствие.

Я хотел бы, чтобы ты понял мое решение и никогда меня за него не упрекал бы. Я надеюсь, и это законная надежда отца, что ты будешь гордиться мною. Пусть мое решение служит тебе источником счастья, раз уж я буду лишен возможности по примеру других отцов доставлять тебе лично маленькие радости.

Я хотел бы, чтобы ты прилежно учился и подготовил бы себя самым лучшим образом к выполнению революционных задач. Думаю, по крайней мере надеюсь, что тебе не придется пускать в ход оружие, чтобы сражаться за благополучие человечества. Ты будешь действовать на поприще науки, техники, любого творческого труда. В этих областях также можно сражаться за справедливое дело, в них также можно проявить свой героизм и добиться славы, если революционер отдается им со страстью и усердием.

Будь всегда бдительным и защищай свою революцию энергично и решительно. Она стоила много крови и представляет большую ценность для народов мира.

Я хотел бы, чтобы ты всегда был искренним, цельным, добрым. Предпочитай всегда правду, какой бы горькой она ни была. Прислушивайся к критике, но одновременно защищай свое мнение не колеблясь, если убежден в своей правоте.

Отвергай лесть и подхалимаж и никогда не практикуй их. Будь всегда сам своим собственным суровым критиком.

Когда ты прочтешь это письмо, наверное, ты уже будешь знать чудесные страницы, написанные Хосе Марта. Есть стихи апостола „Наковальня и звезды“. Прочти их и поразмысли над ними. Помни, я хотел бы, чтобы, выбирая различные пути в жизни, ты всегда предпочитал бы „звезду, которая озаряет и убивает“.

Будь сыном, достойным своей родины!

Будь революционером.

Коммунистом!

Тебя обнимает твой отец

Хесус Суарес Гайоль».

▲ Герб Боливии

В боливийской эпопее участвовало 17 кубинских революционеров, из них 14 сложили там свои головы. Никто из них не достиг и 35 лет. У всех у них были семьи, дети.

Итак, Че покинул или решил покинуть Кубу приблизительно в апреле 1965 года. Во всяком случае, после апреля 1965 года, по крайней мере официально, его на Кубе уже не было. Его след теряется и вновь обнаруживается только в ноябре 1966 года в Боливии. Где находился Че в этот промежуток времени, то есть в течение 19 месяцев, нам с точностью неизвестно. Печать утверждала уже после его гибели, что он находился в Черной Африке, принимал участие в гражданской войне в Конго. Намеки на это имеются в его «Боливийском дневнике». Возможно, Че действительно находился в Африке, к судьбам которой он проявлял живейший интерес; возможно, находился в другом месте, откуда возвращался на Кубу; возможно, он оставался на Кубе и после апреля 1965 года. Мы не знаем. Кубинские источники, единственно могущие

пролить свет на этот вопрос, пока что молчат.

Но это и не столь уж существенно для нашего повествования.

Разумеется, эти полтора года Че не сидел без дела. Вероятно, с ним были связаны в этот период десятки людей, и если до сих пор ничего определенного не известно об этом периоде его деятельности, то это свидетельствует о большом конспиративном мастерстве Че и преданности ему людей, с которыми он тогда работал.

Готовился ли Че в этот период к боливийской экспедиции? Если судить по истории Тани, молодой немецкой революционерки, погибшей в Боливии, Че стал готовиться к боливийскому походу за год, если не раньше, до своего «исчезновения» с Кубы. Эта история была рассказана в книге «Таня — незабвенная партизанка», изданной в Гаване в 1970 году с предисловием Инти (Гидо Альваро Передо Лейге), боливийского революционера, друга и сподвижника Че в Боливии.

Таня — таков был псевдоним Тамары, дочери немецких коммуни-

стов Эрика и Нади Бунке, учителей, бежавших от нацистского террора в 1935 году с новорожденным первенцем в Аргентину, где у них имелись родственники. Здесь 19 ноября 1937 года у них родилась дочь Тамара, или Ита (уменьшительное от Тамарита), как ее звали в семье. Ита закончила в Аргентине среднюю школу. Она была привлекательной и одаренной девушкой, хорошо разбиралась в литературе и политике, любила музыку. Она играла на пианино, гитаре и аккордеоне, пела, занималась балетом и спортом.

Родители Тамары принимали активное участие в подпольном коммунистическом движении в Аргентине. Их дочь росла в атмосфере конспирации, тайных собраний, политических споров. «Мы, — вспоминает ее мать Надя Бунке, — объясняли нашим детям, говоря простым, понятным детям языком, что боролись в интересах всего человечества, в интересах аргентинского народа, мы объясняли им значение Октябрьской революции. Мы говорили им, что боремся за новое общество, такое же, как в Советском Союзе, но что наша работа трудная и опасная. Мы их предупреждали, что полиция преследует таких людей, как мы, поэтому необходимо вести себя осторожно и не болтать, никому не рассказывать, что в нашем доме проходили собрания коммунистической партии, работавшей в подполье».

После войны, в 1952 году, семья Бунке вернулась в ГДР, где отец стал преподавать физкультуру, мать — русский язык. Здесь Тамара поступила в Берлинский университет имени Гумбольдта на филологический факультет, вступила в Союз социалистической молодежи, а затем и в СЕПГ.

Считая себя одновременно немкой и аргентинкой, Тамара внимательно следила за развитием политических событий в Латинской Америке, мечтала вернуться в Аргентину, участвовать в революционной борьбе.

Естественно, что она с восторгом встретила весть о победе кубинской революции в 1959 году. Ее симпатии к острову Свободы еще больше воз-

▲ Тамара -Таня Бунке

росли, когда в середине 1960 года она встретилась с первой кубинской правительственной делегацией во главе с нынешним послом Республики Куба в Перу капитаном Антонио Нуньесом Хименесом, а в декабре — с торговой делегацией, возглавляемой Че. Тамара работает переводчицей при этих делегациях, в частности личной переводчицей Че, ее соотечественника, аргентинца, как и она. Общение с кубинскими товарищами, их обаяние, простота, искренность, революционный энтузиазм производят на Тамару огромное впечатление. Она стремится поехать на Кубу, участвовать в революционных преобразованиях. 12 мая 1961 года ее мечта осуществляется. Она прибывает в Гавану, работает в министерстве просвещения, учится па факультете журналистики Гаванского университета, вступает в ряды революционной милиции, участвует в добровольном труде и различного рода массовых кампаниях, работает переводчицей с немецкими делегациями, иногда встречается со своим соотечественником Че.

Кубинская революция захватывает и покоряет Тамару. Она стремится стать профессиональным революционером, посвятить себя всецело «борьбе за освобождение человечества». Эти слова Николая Островского она берет в качестве эпиграфа для своего дневника. В Гаване она работает некоторое время с представителями Объединенного фронта Никарагуа, ведущего партизанские действия в этой стране. Она мечтает стать партизанкой, подпольщицей.

И вновь ее желание осуществляется. Революционная Куба осаждена империалистами США. Она вынуждена обороняться. В марте 1963 года

кубинские товарищи делают Тамаре предложение: стать подпольщицей, поехать в Латинскую Америку, выполнять там ответственные поручения в интересах революционного движения. Тамара соглашается. Она счастлива. Дело, которое поручают ей, ответственное, опасное, но это дело, достойное настоящего революционера. Она горда оказанным ей доверием и приложит все свои силы, умение и знания, чтобы оправдать его. Так Тамара превращается в подпольщицу Таню.

Следующие месяцы изнурительной, детальной, всесторонней подготовки. Изучение тайнописи, шрифтов, радиосвязи, правил конспирации. Подготовка была основательной, она длилась год. Далее мы читаем в книге «Таня — незабвенная партизанка»:

«С окончанием ее подготовки в марте 1964 года Таня испытала, по ее словам, „самое большое волнение в своей жизни“. Майор Эрнесто Че Гевара пригласил ее к себе в министерство промышленности, чтобы наконец объяснить задачу, которую ей предстояло выполнить...

До этого дня Таня находилась в неведении относительно конкретного содержания своего задания. Она изучила положение в разных латиноамериканских и некоторых европейских странах, но не знала, в какой из них ей придется работать. Че спросил Таню, овладела ли она знаниями, необходимыми для подпольной революционной работы, и не пугают ли ее лишения и опасности, связанные с этой работой. Решительно, кратко и точно Таня ответила Че, что только ждет приказа и в любой момент готова направиться на его выполнение. В течение нескольких часов она говорила о политико-экономическом положении в Латинской Америке, о передовых революционных движениях, приступивших к вооруженной борьбе в некоторых южноамериканских странах. Че объяснил Тане, что в ее задачу входит поселиться в Боливии, завязать там связи в армейских и правящих кругах, ознакомиться с положением во внутренних районах страны, изучить формы и методы эксплуатации боливийских шахтеров, крестьян и рабочих, приобрести полезные контакты и, наконец, ожидать связного, который укажет ей время начала решительных действий и уточнит ее участие в подготавливаемой борьбе. Че предупредил Таню: ждать связного, который будет ей направлен непосредственно из Гаваны. Каким бы ни было тяжелым ее положение, она не должна сама искать связи, просить помощи и раскрывать себя ни перед каким-либо человеком, организацией или партией, хотя они и известны как революционные в Боливии. Главное — проявлять абсолютное, всеобщее и постоянное недоверие».

▲ Че в Боливии

Приведенный выше отрывок из книги о Тане в высшей степени знаменателен. Он раскрывает, что уже в марте 1964 года планировалась под непосредственным руководством Че боливийская экспедиция. Этот факт еще раз подтверждает, что все спекуляции противников кубинской революции, представляющих отъезд Че как «внезапное» решение, как результат «разочарования», желание принести себя в жертву, — досужий вымысел клеветников на службе империализма.

Что же происходило в Латинской Америке в марте 1964 года? В Бразилии у власти находилось правительство президента Гуларта, выступавшее все решительней против империализма США. В стране быстро росли крестьянские лиги, руководимые Франсиско Жулианом, горячим поклонником кубинской революции. В Венесуэле, Колумбии и Перу активно действовали партизанские отряды. В Аргентине делал первые неуверенные шаги партизанский отряд под руководством Хорхе Рикардо Масетти. Че надеялся, что Масетти сможет укрепиться в стратегическом треугольнике на границе с Чили, Боливией и Парагваем. В самой Боливии у власти находился президент Пас Эстенсо-

ро, с деятельностью которого Че был знаком еще с первого посещения этой страны.

В марте 1964 года Боливия еще поддерживала дипломатические отношения с Кубой, которые были разорваны под давлением США только 20 августа 1964 года. Не исключается, что в то время на территории Боливии можно было организовать партизанскую базу с молчаливого согласия боливийских властей, кото-

рая служила бы опорой, тылом для партизанских групп, действующих в Аргентине и Перу. Во всяком случае, тогдашний вице-президент Боливии, лидер влиятельного Рабочего центра Боливии Хуан Лечин открыто высказывался в поддержку кубинской революции. Кроме того, в Боливии при Пасе Эстенсоро шахтеры были вооружены, на шахтах имелась народная милиция. Правда, руководство этой милиции следовало ориентации правительства, но тем не менее вооруженные шахтеры могли при определенных обстоятельствах стать основой для более активного революционного движения, в том числе и партизанского.

Однако если в марте 1964 года положение в Латинской Америке с точки зрения перспектив революционной борьбы представлялось весьма обнадеживающим, то к концу этого года оно изменилось далеко не в лучшую сторону: отряд в Аргентине распался, так и не начав своих действий, а его командир погиб. В Бразилии Гуларт был свергнут реакционными генералами. Такая же участь постигла в Боливии Паса Эстенсоро, его место занял генерал Рене Баррьентос Ортуньо.

Конечно, эти события можно было расценить иначе: приход

▲ Боливийский документ Че

к власти реакционеров в Боливии и Бразилии ставил на повестку дня организацию партизанских действий против этих режимов, которые при успехе могли бы коренным образом изменить в пользу антиимпериализма соотношение сил в Латинской Америке.

Между тем 9 апреля 1964 года Таня по подложному паспорту направляется из Гаваны в Западную Европу, где в течение нескольких месяцев «тренируется» как подпольщица. В начале октября было принято окончательное решение о ее направлении в Боливию. Теперь она Лаура Гутьеррес Бауэр, урожденная аргентинка, этнограф-любитель, дочь аргентинского помещика-скотовода и немецкой антифашистки. 5 ноября Таня благополучно добирается в столицу Перу — Лиму, в тот же день туда же прибывает из Ла-Паса только что свергнутый генералами президент Виктор Пас Эстенсоро. 18 ноября 1964 года Таня наконец достигает цели своего путешествия — Ла-Паса.

Молодая, обаятельная аргентинка, владеющая несколькими языками и, судя по всему, не особенно нуждающаяся в деньгах, быстро становится вхожей в новые правительственные сферы, пришедшие к власти в результате падения режима Паса Эстенсоро. Она устанавливает дружеские связи с начальником отдела печати и информации президентской службы Гонсало Лопесом Муньосом

и с Инти, будущим участником отряда Че. По рекомендации Гонсало Таня начинает работать в одном из местных еженедельников, одновременно она сотрудничает с департаментом фольклора министерства просвещения, дает уроки немецкого языка детям министров, в том числе министра внутренних дел и юстиции Антонио Аргедаса Мендиеты, с личным секретарем которого Анитой Гейндрих, тоже немкой по происхождению, Таня также устанавливает доверительную связь.

В правящих, в особенности военных, кругах Боливии благоволят к немцам, к людям немецкого происхождения. После первой мировой войны боливийскую армию на протяжении ряда лет обучали офицеры немецкой армии. В 1937–1939 годах президентом страны был подполковник Герман Буш, сын немецкого эмигранта и индианки, пользовавшийся большой популярностью. Этими немецкими симпатиями умело воспользовалась Таня для расширения своих связей.

В министерстве внутренних дел, возглавляемом Аргедасом, пост начальника отдела радио занимал брат Нити — Антонио Передо Лейге. Видимо, не без его участия Таня выступает по радио в одной из популярных радиопередач в роли «Гадалки», отвечающей на женские письма. Чтобы упрочить свое положение, Таня выходит замуж за студента

Марио Мартинеса Альвареса. Это ей дает боливийское гражданство, Альварес же вскоре после женитьбы уезжает продолжать учебу в Европу. О том, насколько глубоко удалось Тане проникнуть в боливийскую «верхушку», свидетельствует тот факт, что она даже общалась с президентом генералом Рене Баррьентосом, с которым познакомилась во время одной фиесты.

Гавана поддерживала с Таней весьма надежную связь через курьеров. Она встречается с ними как в Боливии, так и в других латиноамериканских странах, куда специально выезжает на связь. На этом предварительном этапе боливийское предприятие разворачивается как по нотам. Гавана прекрасно осведомлена о положении правительства Баррьентоса, против которого устраивают заговоры его же собственные сторонники.

Тем не менее, положение Баррьентоса не было столь шатким, как это могло показаться на первый взгляд. Баррьентос заигрывал с крестьянами, выдавая себя за их друга и покровителя, и в этом имел определенный успех. Революционеры же часто грешат излишком оптимизма, переоценивают свои силы. Это естественно, ведь без большой доли оптимизма невозможно бросаться в бой. И все же...

Если Таня проникла в Боливию по подложному паспорту и осела

▲ Че в боливийской семье

▲ Режи Дебрэ

▲ Че в партизанском лагере Боливия

там на постоянное жительство, то другой доверенный человек Гаваны — 23-летний Режи Дебрэ под своим собственным именем объехал эту страну и сопредельные республики еще в конце 1963 — начале 1964 года.

Студент философии Сорбонны Дебрэ в 1959 году находился на стажировке в США, откуда приезжает на Кубу, где его принимают местные руководители, знакомят с опытом революции. После этого Дебрэ полтора года путешествует по странам Латинской Америки. Он снимает фильм в Венесуэле для французского телевидения, затем проводит около трех месяцев в Боливии, собирая материал для диссертации о социальном положении индейцев Андского нагорья. В Боливии Дебрэ выступал с лекциями в Ла-Пасе, Кочабамбе, Оруро, встречался со многими политическими деятелями, находился в контакте с культурным атташе французского посольства в Ла-Пасе.

Интересно отметить, что в Боливии Дебрэ находился вместе с венесуэлкой Элисабетой Бургос, с которой подружился в Каракасе. Она осталась на постоянное жительство в Ла-Пасе, поступив работать в секретариат министерства горнорудной и нефтяной промышленности.

В 1965 году выходят первые работы Дебрэ, в которых он дает свою трактовку значения для Латинской Америки кубинской революции: «Латинская Америка: некоторые проблемы революционной стратегии», опубликованная в январе во французском журнале «Ле тан модерн», и «Кастризм: длинный поход Латинской Америки», увидевшая свет в кубинском журнале «Каса де лас Америкас» во второй половине того же года.

После своего путешествия по странам Латинской Америки Режи Дебрэ вновь появляется на Кубе в конце 1965 года, то есть когда там уже не было Че, и углубляется в историю революционного движения на Кубе. Он беседует с участниками партизанской борьбы, с Фиделем Кастро, изучает документы. «Он имел доступ к многочисленным неопубликованным документам, сохранившимся с того времени: приказы с поля боя, инструкции командирам, военные рапорты, — пишет Роберто Фернандес Ретамар, редактор кубинского журнала „Каса де лас Америкас“, — письма и другие тексты. Это позволило ему хорошо ознакомиться с прошедшими историческими событиями. Никто другой из тех, кто писал о кубинской революции,

не располагал таким богатством материала и фактов для исторического исследования».

Результатом этих штудий явилась книга «Революция в революции?», изданная массовым тиражом в Гаване в начале 1967 года. Теперь эту книгу все забыли, но в свое время она наделала много шума, став библией сторонников партизанских действий «во что бы то ни стало». Дебрэ пытался теоретически обосновать партизанский метод борьбы с империализмом как единственно верный для стран Латинской Америки, при этом он ссылаясь на опыт кубинской революции.

Книга Дебрэ отражала споры и разногласия, которые возникали в национально-освободительном движении Латинской Америки после победы кубинской революции.

Это было, пишет Родней Арисменди, Генеральный секретарь Коммунистической партии Уругвая, «время поисков путей, теоретических дискуссий, а также развития некоторых левацких тенденций и кризиса статичных концепций о процессах и характерных чертах латиноамериканской революции».

Заслуживает внимания то, что написал Дебрэ в своей книге о трудностях, которые могут встретиться на пути развития партизанского движения в Боливии: «*Партизанские очаги в начале своих действий занимают сравнительно слабо заселенные районы, с редкими населенными пунктами. Никто, никакой чужак не остается незамеченным, например, в селении Андского нагорья, вызывая прежде всего недоверие. „Чужаку“, „белому“ крестьяне кечуа или какчинели (майя) имеют много причин не доверять. Они знают, что красивые слова не насытят их и не защитят против бомбардировок. Крестьянин-бедняк в первую очередь уважает того, у кого власть, кто способен действовать. Система угнетения в этих местах утонченная: она господствует здесь с незапамятных времен, она кристаллизовалась, укоренилась, стала компактной. Войска, сельская жандармерия,*

полиция латифундиста, сегодня „рейнджеры“ и зеленые или черные береты, обладают авторитетом, который тем более силен, чем он менее сознательно воспринимается крестьянами. Этот авторитет — изначальная форма угнетения. Он парализует недовольство, затыкает рты, один вид мундира заставляет безропотно сносить оскорбления. Неоколониалистский идеал все еще заключается в том, чтобы „демонстрировать силу, не используя ее“, но сама демонстрация силы уже означает ее использование. Иначе говоря, физическая сила полиции и армии — это табу, его нельзя разрушить речами, а только доказав, что пули входят также в полицейских и солдат».

Был ли Че знаком с сочинением Дебрэ? Да. Дебрэ вручил ему свою книгу в марте 1967 года, когда прибыл в боливийский «очаг». Че не удовлетворила эта книга, он высказал свое несогласие с ее содержанием. Так, по крайней мере, заявил сам Дебрэ журналистам, уже находясь в заключении в боливийской тюрьме.

Но теперь теоретические расхождения об «очаге» утратили свой смысл. Жребий был брошен. Пробил час действий.

Лагерь на реке Ньянкауасу

Для начала достаточно от 30 до 50 человек. С этим числом можно начать вооруженную борьбу в любой из латиноамериканских стран.

Эрнесто Че Гевара

В марте 1966 года в Ла-Пас прибывает кубинец Рикардо (он же Чинчу) — капитан Хосе Мария Мартинес Тамайо, активный участник партизанской борьбы на Сьерра-Маэстре. Рикардо родился в 1936 году, в рабочей семье, был трактористом, после революция научился водить самолет, одно время служил в танковых частях. Рикардо еще в 1962 году, как сообщала газета «Гранма», «выполнял важную миссию помощи революционному движению в Гватемале». В 1963 году он впервые проникает по колумбийскому паспорту с секретной миссией в Боливию. Вскоре он получает боливийские документы на имя Рикардо Моралеса Родригеса, что позволяет ему впредь беспрепятственно выезжать и въезжать в эту страну. В Боливии Рикардо помогает создать тайный лагерь на границе с Аргентиной, который должен был стать опорной

базой для действий группы партизан в аргентинской провинции Сальта.

Еще во время своего первого пребывания в Боливии Рикардо устанавливает связь с Инти и его братом Коко — Роберто Передо Лейге. Оба они со школьной скамьи участвовали в революционном движении. Инти возглавлял пионерскую организацию, был комсомольским вожаком, потом секретарем партийной организации в Ла-Пасе и членом ЦК КПБ. Коко также был активным революционером, комсомольским вожаком. Он работал капитаном речного корабля, охотником на крокодилов, шофером. В 1962 и 1966 годах посетил Кубу, а в 1964 и 1965 годах — Советский Союз, к которому, как и его брат, питал большую любовь. Своего сына он назвал Юрой в честь Юрия Гагарина.

Выполнив свою миссию в 1963 году, Рикардо возвращается на Кубу, чтобы вновь появиться в Боливии два с половиной года спустя. Он связывается с Таней, Инти, Коко и другими известными ему боливийскими единомышленниками, которые изъявляют готовность сотрудничать с ним.

В конце июля в Ла-Пасе появляются еще два кубинца: Помбо и Тума. Первый — капитан Гарри Вильегас

▲ Гаучо

▲ Аргентинская-пампа

Тамайо, второй — лейтенант Карлос Коэльо, он будет фигурировать в дневнике Че также под кличками «Тумаини» и «Рафаэль». Оба проникают в Боливию по колумбийским паспортам.

Одной из главных задач, стоявших перед группой Помбо, было приобретение фермы или поместья в сельском районе, которые могли бы стать базой для тренировок и, возможно, для операций будущего партизанского отряда. Вначале Помбо и его друзья склонялись приобрести земельный участок в районе Альто-Бени, в северной части Боливии. Однако потом они предпочли местность, расположенную на юго-востоке.

Избранный ими район был ближе к Аргентине, родине Че. Он имел свои преимущества и недостатки с точки зрения партизанской борьбы. Преимущества заключались в том, что местность была в значительной части покрыта дикими зарослями, с редким населением, в основном промышлявшим охотой и скотоводством. Представляло интерес и то обстоятельство, что в этом

районе были расположены нефтепромыслы, принадлежавшие американской «Боливиа галф ойл компани». Можно было предположить, что рабочие этих нефтепромыслов окажут поддержку будущим партизанам. Недостатком же являлось то, что здесь было мало воды, если не считать рек; местность кишела всякой ядовитой мошкой и клещами, что делало ее вообще труднообитаемой. Зона находилась весьма далеко от шахтерских центров, где были сосредоточены наиболее боевитые силы боливийского рабочего класса, в то время как местное население, в основном состоящее из индейцев гуарани — мелких арендаторов или фермеров, было политически крайне отсталым и невежественным.

Вот именно в этой зоне в июле 1966 года Коко Передо купил за 30 тысяч боливийских песо (2500 долларов) ранчо, или ферму, которая вошла в историю под именем «Каламина». Ферма была расположена на 1227 гектарах и почти необитаема, если не считать жилого дома, выходявшего на дорогу. Недалеко от фермы протекала река Иьянкауа-

су. «Каламина» находилась в 285 километрах к югу от провинциального центра Санта-Крус. Неподдалеку от нее лежит городок Камирн, центр четвертого военного округа, где были расположены части четвертой дивизии боливийской армии. Такое соседство ничего хорошего не предвещало будущим обитателям «Каламины». Поблизости имелись еще два селения — Лагунильяс и Гутьеррес, где можно было запастись в случае надобности провиантом и различного рода товарами. Минусом «Каламины» являлось и то, что в трех километрах от нее проживал Сиро Альгараньяс, местный кулак, бывший алькальд Камири, где у него имелась мясная лавка. Дорога в «Каламину» шла мимо его усадьбы, что давало, естественно, возможность наблюдать за передвижением соседей. Но с этими подробностями будущие обитатели «Каламины» столкнутся позднее.

Между тем в начале сентября в Ла-Пас из Чили по уругвайскому паспорту прибыл еще один кубинец — Пачо (он же Пачунго), подпольная кличка капитана Альберто Фернандеса Монтеса де Ока. Вскоре

он покинул Боливию, чтобы вернуться туда вместе с Че.

В сентябре в Боливию приехал француз Режи Дебрэ под своей собственной фамилией. С конспиративной точки зрения это было небезопасно, так как к тому времени Дебрэ был широко известен как сторонник кубинской революции и мог обратить на себя внимание не только боливийских тайных служб, но и агентов ЦРУ, активно действовавших в этой стране и сотрудничавших с боливийскими властями.

Появление Дебрэ в Боливии могло навести их на мысль, что именно в этой стране находится или может туда прибыть Че, местопребывание которого все еще продолжало оставаться тайной. Тем более что некоторые газеты указывали на Боливию как на страну, где он скрывается. Мексиканский журналист Арнульфо Усета писал в газете «Эксельсиор» 14 сентября 1966 года, что Че прибыл в Боливию из Бразилии в начале года. Усета почти точно описал новую внешность Че и утверждал, что он пользуется псевдонимом «Рамон». Правда, другие газеты выдвигали иные версии о судьбе Че. И тем не менее пребывание Дебрэ в Боливии под его собственным именем было небезопасным как для него самого, так и для Че.

Известный уже читателю друг Тани — Лопес Муньос, начальник департамента печати и информации при президенте, аккредитовал Дебрэ как журналиста и выдал ему разрешение на свободное передвижение по стране для сбора материалов для книги о «геополитическом» положении Боливии, которую он якобы намеревался написать. Дебрэ стал путешествовать по районам, в которых намечалось развернуть партизанское движение, усердно скупая карты и фотографируя различные объекты. Во время одного из таких путешествий он случайно столкнулся с людьми Рикардо, принял их за боливийцев и пытался сфотографировать. Рикардо с трудом ускользнул от назойливого француза. Несколько недель спустя Дебрэ выехал в Чили, откуда вновь возвратился в Боливию в феврале 1967 года.

Судя по всему, Гевара прибыл в Ла-Пас самолетом из Сан-Паулу (Бразилия) в ноябре 1966 года. Без бороды, с залысинами, седой (результат краски), в толстых роговых очках, при галстуке, он своей внешностью никак не напоминал известного всему миру Че. Он так изменил свой облик, что, когда в Гаване зашел домой, чтобы проститься с женой и дочерью Селией, его не узнала родная дочь, даже после того, как он взял ее на руки и приласкал. Дочь сказала Алеиде:

— Мама, смотри, этот старик влюбился в меня!

Теперь этот «старикашка» свободно ходил по улицам боливийской столицы, в кармане у него лежал уругвайский паспорт на имя коммерсанта Рамона Бенитеса Фернандеса. На всякий случай у него был припрятан и другой паспорт, тоже уругвайский, на имя коммерсанта Адольфо Мена Гонсалеса. Однако уточнить, по какому из этих двух паспортов Че въехал в Боливию, невозможно, так как в обоих отсутствуют въездные штампы этой страны.

Немало воды утекло с тех пор, как 13 лет назад Че впервые ступил на боливийскую землю, привлеченный миражем революции 1952 года.

Хотя многое изменилось в мире, да и сам Че изменился во многом за истекшие годы, в Боливии особых перемен не произошло. Страной продолжали управлять продажные генералы и политики, горняки влачили жалкое существование, а крестьянские массы — в основном индейцы, не говорящие по-испански, жили, как и их предки, в нищете и невежестве. Революционные силы, и в прошлом пользовавшиеся ограниченным влиянием, были ослаблены раскольнической деятельностью троцкистов, маоистов, анархистов... И тем не менее Че чувствовал себя оптимистом. Он верил, что партизанские выстрелы коренным образом изменят политическую обстановку в стране в пользу революционных сил.

К моменту прибытия Че в Боливию там уже находилось большинство из 17 кубинцев — будущих участников его отряда. Как и Дебрэ, Че получил от Лопеса Муньоса на имя Адольфо

Мены Гонсалеса мандат, в котором он характеризовался как «специальный уполномоченный Организации американских государств, изучающий и собирающий информацию об экономических и социальных отношениях в сельских районах Боливии». Этот мандат, помеченный 3 ноября 1966 года, давал ему право на свободное перемещение по стране.

Не задерживаясь в Ла-Пасе, Рамон, как стал называть себя теперь Че, сопровождаемый Пачо, направился через Кочабамбу в «Калами-ну», куда прибыл 7 ноября 1966 года. В тот же вечер Че сделал первую запись в своем дневнике, который он будет вести изо дня в день на протяжении многих месяцев, вплоть до последнего боя в ложбине Юро 8 октября следующего года.

Дневник Че, публикация которого вызвала мировую сенсацию, точно зеркало отражает основные черты его характера и мироощущения. Дневник — предельно искренний и правдивый документ. В то же время он не летопись партизанского отряда Че. Дело в том, что в дневнике Че уделяет главным образом внимание недостаткам, ошибкам, слабостям, просчетам, присущим как отдельным бойцам, так и всему отряду в целом. Че подробно пишет в дневнике о слабых, колеблющихся элементах и скуп о бойцах, поведение которых граничило с героизмом. Героическое поведение Че считал нормальным, любые же отклонения от него заслуживали порицания и осуждения. И еще одно обстоятельство, которое следует иметь в виду, читая дневник: его автор говорит о себе крайне скуп и главным образом в плане своих недостатков или ошибок. Между тем он — главное действующее лицо и творец описываемой им драмы, это его железная воля, его вера в революцию заставляют как его самого, так и его сподвижников совершать героические поступки и сражаться под старым как мир лозунгом «Победа или смерть!», под которым сражались за правое дело храбрецы всех времен и народов, от мужественных защитников Нумансии до героических защитников Сталинграда.

▲ Бракосочетание Че

При всей фантастичности, точнее — грандиозности задуманного им предприятия, которое, по замыслу его создателей, должно было завершиться крушением американского империализма и триумфом социализма в Америке, а значит, и в мировом масштабе, дневник Че не содержит ни строчки, ни слова от Дон-Кихота. Это дневник не фантазера, не романтика, а трезво мыслящего революционера, убежденного в своей правоте. Автор дневника мыслит борьбу с империализмом как длинную цепь побед и поражений. Он будет безмерно счастлив одержать победу, но он не боится и поражения, ибо знает, что те, кто придет ему на смену, все равно водрузят знамя свободы и социальной справедливости, знамя социализма на самых высоких вершинах Андского хребта...

О чем же повествует первая страница дневника Рамона?

«Сегодня начинается новый этап, — записывает Че 7 ноя-

бря 1966 года. — Ночью прибыли на ранчо. Поездка прошла в целом хорошо. Мы с Пачунго соответствующим образом изменили свою внешность, приехали в Кочабамбу и встретились там с нужными людьми. Затем за два дня добрались сюда на двух „джипах“ — каждый порознь.

Не доезжая до ранчо, мы остановили машины. Сюда приехала только одна — чтобы не вызывать подозрений у одного из соседних крестьян, который поговаривает о том, что мы наладили здесь производство кокаина.

В качестве курьеза отмечу, что неутомимого Тумаини он считает химиком нашей шайки. После второго рейса Биготес узнав меня, чуть не свалился с машиной в ущелье. „Джип“ пришлось бросить на самом краю пропасти. Прошли пешком около 20 километров, добираясь до ранчо, где уже находятся три партийных товарища. Прибыли сюда в полночь...»

Прибытие Че, за которым в течение полутора лет охотились ЦРУ и другие связанные с ним разведки, в «Калами-

ну» следует считать выдающимся конспиративным успехом. Не меньшим успехом был и тот факт, что к тому времени находились в Боливии и другие 17 кубинцев, участников его отряда, из них четыре члена ЦК Коммунистической партии Кубы. Все они достигли Боливии различными путями и вскоре после прибытия Че на партизанскую базу в Ньянкауасу сосредоточились там. В «Каламину» были завезены большое количество оружия, боеприпасов, медикаментов, фотоаппаратура, радио и другие средства связи, книги, партизанская униформа. Все это поступило из-за границы или было приобретено в Ла-Пасе и переброшено небольшими партиями в лагерь на реке Ньянкауасу. Таким образом, план создания партизанской базы пока осуществлялся наилучшим образом.

Продолжение в следующем номере альманаха

Ю.Н. ТИХОНОВ
Российский историк, доктор исторических наук

КОМИНТЕРН И «ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ» МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В мире, пожалуй, нет больше региона, за которым бы так прочно закрепилось таинственное и грозное название: страна джихада. Афганистан и полосу «независимых» пуштунских племен Британской Индии (теперь Пакистана) так именуют до сих пор... В течение столетия свободолюбивые народы и племена этого региона яростно сражались против английских колонизаторов, защищая свои земли и права. За это время пуштунская проблема превратилась в имперскую мигрень Англии, от которой эта могущественная империалистическая держава избавилась лишь после распада ее империи.

Кто только не пытался в XX в. разыграть пуштунскую карту. Кайзеровская Германия и ее спецслужбы вместе с турецкими панисламистами пытались спровоцировать антибританский мятеж нескольких миллионов пуштунов в период Первой мировой войны. Затем большевики и индийские националисты: Коминтерн длительное время упорно пытался открыть «восточный фронт» мировой революции Азии.

Рассекреченные документы из центральных российских архивов свидетельствуют: успехи советской дипломатии в Центральной Азии, в частности результативность деятельности Джемаль-паши в Афганистане, были бы гораздо больше, если бы не вмешательство Коминтерна (III Интернационал, КИ) и его структур в Туркестане в дела НКВД. В 1920 г. эта международная организация являлась признанным «штабом мировой революции» и в результате этого обладала сравнительно большой самостоятельностью, а также значительными материальными ресурсами. Разумеется, золото, бриллианты, оружие, имевшиеся в распоряжении КИ, были предоставлены Советским правительством.

В то время произошло своеобразное разделение труда: большевики борются с контрреволюцией всех мастей в России, а мировую революцию официально должен был осуществить III Интернационал. Лихорадочная активность коминтерновцев, опьяненных возможностью пустить на ветер битвы с мировым капиталом огромные, как им, наверное, казалось, безграничные ресурсы России, создавала массу проблем советским дипломатическим представительствам на Востоке. При всей зависимости КИ от Кремля эта организация с готовностью жертвовала национальными российскими интересами во имя «революционной целесообразности». Одним словом, в 1920—1921 гг., как говорится в одной восточной поговорке, хвост играл тигром (во вред своему хозяину).

Начало деятельности Коминтерна в «афганском коридоре» было связано с рядом серьезных трудностей. В первую очередь, ситуация в российском Туркестане была настолько взрывоопасной и сложной, что из Ташкента предпринять что-либо практически значимое для экспорта революции в соседние страны было долгое время крайне сложно. Кроме этого, марксистские схемы в странах Востока не срабатывали из-за отсталости азиатских стран. При всем желании туркестанские коммунисты

▲ Тихонов Юрий Николаевич

не могли найти для революционной работы «афганских большевиков» и индийских коммунистов.

«Интернационального» элемента в приграничных с Афганистаном районах имелось с избытком (индийцы, афганцы, иранцы, уйгуры), но по своему составу это были «социально чуждые» любой революции люди — большей частью торговцы, контрабандисты, сезонные рабочие и т.д. Один из индийцев так и записал в своей анкете для Туркестанского бюро КИ, что его призванием является работа повара, а про готовность внести посильный вклад в освобождение Индии от английского господства он дипломатично умолчал. Его собратьев по несчастью, оказавшихся в Туркестане в период Гражданской войны, также тянуло к работе, связанной с материальными ценностями. Все это было закономерно, но лишь усиливало анекдотичность ситуации вокруг «индийской» работы КИ в Туркестане.

Нестабильное положение «Совета интернациональной пропаганды на Востоке» (Совинтерпроп), преобразованного в 1920 г. в Туркестанское бюро Коминтерна, еще больше увеличивалось из-за действий афганских властей, которые бдительно следили за всеми иностранцами не только на своей территории, но и в Туркестане. Если прибавить к этому плохое знание коминтерновцами восточных реалий, картина получится довольно удручающая. В этой ситуации у КИ была единственная реальная возможность развернуть свою деятельность в азиатских странах: использовать советские дипломатические миссии за рубежом в качестве главных опорных пунктов, а коминтерновские структуры в Туркестане замаскировать под советские учреждения и подразделения Туркфронта.

На сотрудничество Красной Армии с Коминтерном в условиях Гражданской войны, которая, согласно установкам большевиков, должна

▲ Руководители региональной группы Коминтерна

была перерасти в мировую революцию, Генеральный штаб РККА шел с готовностью, подчиняя революционные мечтания коминтерновцев суровым требованиям «битвы пролетариата с буржуазией». Господствующие настроения в командовании РККА наиболее откровенно и по-военному изложены в обращении фракции РКП(б) Академии Генерального штаба к делегатам II конгресса КИ: *«Дорогие товарищи! Мы с восторгом приветствуем в вашем лице МИРОВОЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ (так в документе. — Ю. Т.) революционной победы. Мы видим в Коммунистическом Интернационале нашего непосредственного вождя и руководителя, ибо наша Красная Армия есть лишь передовой отряд Интернациональной Красной Армии, и мы являемся лишь ячейкой великого Генерального штаба, имя которому Коммунистический Интернационал. Мы клянемся бороться, не щадя сил и не щадя жизни, во всеоружии наших знаний и опыта за дело все-*

мирного коммунизма, как мы это делали с оружием в руках».

В этом же документе генштабисты РККА четко сформулировали задачи компартий в борьбе за победу мировой революции. Разведдеятельность в пользу Красной Армии, по их мнению, должна была стать важнейшим направлением нелегальной деятельности всех зарубежных коммунистических организаций: сбор сведений о численности, вооружении и расположении воинских частей, полиции; наблюдение за передвижением армейских формирований; разведка планов генеральных штабов и внешнеполитических ведомств иностранных государств.

Таким образом, командование Красной Армии и руководство советских органов в 1920 г. признавали важную роль Коминтерна при решении всех внешнеполитических вопросов. Одновременно сложилась практика: коминтерновские структуры тесно сотрудничают с советской разведкой во всех регионах мира, включая Центральную Азию.

В результате советские полпредства за рубежом становились штабами по руководству, финансированию и вооружению антиправительственных элементов; внутри структур РККА формировались интернациональные части и агентура для «закордонной работы». При этом фактически главная роль в победе мировой революции отводилась успешным наступательным операциям частей Красной Армии в сопредельных РСФСР странах. На Востоке же — интернациональным формированиям в составе РККА. Они должны были не только стать красноармейским авангардом, но и послужить ядром для создания мощных повстанческих формирований (армий) в своих странах.

В начале реализации этих планов в Центральной Азии руководству Коминтерна пришлось выбирать между созданием «антибританского фронта» в восточных странах и организацией «индийского фронта» против Англии. При общей цели эти два варианта деятельности Коминтерна в Азии существенно отличались друг

от друга. Открытие «антибританского фронта» на Востоке было более масштабной задачей, которая требовала от Коминтерна не только фантастической траты средств, но и прочного союза со всеми антибританскими силами, прежде всего в исламском мире. Но даже общий враг не мог объединить ислам и коммунизм, большевиков и религиозных фанатиков, идею мировой революции с учением о джихаде. Одним словом, из-за острых идеологических противоречий между врагами Британской империи их долговременный союз был невозможен, что, правда, не исключало различных временных сделок между Советским правительством и исламскими националистами, которые были готовы сотрудничать с новыми российскими властями, но упорно избегали контактов с Коминтерном.

Задача экспорта революции в Индию была более конкретной и позволяла сконцентрировать финансовые и материальные ресурсы в регионе, где Великобритания была наиболее уязвимой, — в зоне пуштунских племен на индо-афганской границе. Крупное восстание этих племен, не говоря уже о вооруженном выступлении в Пенджабе и других районах Индостана, стало бы мощным ударом по могуществу Англии и привело бы к серьезному ослаблению ее позиций на международной арене. В связи с этим большевистское руководство и Коминтерн выбрали план создания «индийского фронта» мировой революции. Так, в 1920 г. для В. Ленина по его просьбе был подготовлен доклад о пуштунских племенах, проживавших вдоль индо-афганской границы, и специальная карта Южного Афганистана и Северо-Западной Индии.

С 1919 г. в Туркестане и Кабуле началась работа по созданию «индийской революционной базы». В афганской столице по заданию КИ первые шаги в этом направлении сделал Н. Бравин, который обещал индийским националистам и представителям пуштунских племен («пограничным революционерам») помощь в борьбе против Англии

и выдал некоторым из них мандаты для проезда в Ташкент.

Полномасштабная работа по налаживанию сотрудничества Коминтерна с антибританскими элементами в Афганистане и Индии началась с прибытием в Кабул Я. Сурица, который официально являлся представителем КИ в странах Центральной Азии. Именно при этом полпреде в Афганистане сложилось довольно логичное разделение обязанностей советских дипломатов: межправительственные отношения между Москвой и Кабулом курировал НКВД, а нелегальные связи с антибританскими деятелями Индии — Коминтерн. Однако вплоть до роспуска КИ в 1943 г. послы СССР в Афганистане были «едины в двух лицах», тайно совмещая свои непосредственные обязанности с нелегальной работой по заданию III Интернационала. Разумеется, что при таком положении вещей советское посольство в Кабуле с первых дней своего существования превратилось в центр подрывной деятельности против Великобритании.

Первым крупным успехом Я. Сурица как посланца Коминтерна стало создание в феврале 1920 г. в Кабуле «Индийской революционной ассоциации», объединившей различные группы индийских националистов.

Лишь одно «Временное правительство Индии» во главе с Махендрой Пратасом отказалось войти в состав ассоциации, так как требовало для себя главенствующего положения среди индийских эмигрантов. С одобрения афганских властей главой «Революционной индийской ассоциации» был избран индиец Абдур Раб.

Создание этой организации под контролем Коминтерна стало возможным благодаря ряду причин.

1. Финансовая помощь советского посольства.

2. В ассоциацию вошли различные политические группы, каждой из которых была гарантирована полная автономия. Индийских эмигрантов в Афганистане объединила, прежде всего, ненависть к их общему врагу — Британской империи.

3. Я. Суриц разумно не навязывал «Революционной индийской ассоциации» никаких идеологических установок III Интернационала. Сотрудничество с антибританскими элементами строилось на сугубо практической основе. В одном из документов НКВД указывалось: «Ассоциация соглашалась работать только среди независимых племен индийской границы, с тем чтобы ей был разрешен проезд и провоз секретных материалов в те территории».

▲ Суриц и Ататюрк

▲ Али Хан

Благодаря столь гибким организационным формам объединения и конкретной общей задаче численность ассоциации быстро достигла 150 человек и она смогла начать работу в зоне пуштунских племен. Представителями этой организации в Северо-Западную Индию мятежным горцам были переправлены послание Я. Сурица, письмо В. Ленина к «Индийской революционной ассоциации» и коммунистическая литература. Эти бумаги и часть брошюр и листовок были перехвачены британской разведкой, что привело к первым арестам агентов Коминтерна в Индии.

Разумеется, «Революционная индийская ассоциация» сразу же

с момента своего создания была признана Коминтерном и представителями советского правительства. Ее представители вскоре стали делегатами II конгресса КИ, прошедшего 19 июля — 7 августа 1920 г. в Москве.

На этом конгрессе делегаты включили в устав КИ положение, закрепившее уже сложившуюся практику взаимодействия коминтерновских структур с революционными организациями за рубежом. В уставе этой международной коммунистической организации было записано, что она «обязуется всеми силами поддерживать каждую советскую республику, где бы она ни создавалась».

Восточные националисты быстро осознали, какие огромные возмож-

ности открываются перед ними, если, манипулируя коммунистической фразеологией, использовать эту установку Коминтерна для получения золота и оружия для своих целей. Схема была проста: группе «товарищей» необходимо было лишь заявить в своей программе, что в грядущем в какой-нибудь стране или районе планируется создать «советскую республику», чтобы получить материальную поддержку от КИ.

Примерно по такому сценарию развивались события в Туркестане и «афганском коридоре» в 1920—1921 гг. 31 марта 1920 г. в Ташкент прибыли представители «Временного правительства Индии» заместитель внутренних дел Мохаммед Али и Мохаммед Шафик, чтобы добиться от Советского правительства помощи в борьбе против Англии. Не сумев в Кабуле добиться от полпреда Я. Сурица признания своего лидерства среди антибританских организаций и групп в Афганистане, «Временное правительство» попыталось добиться уже более скромной задачи: равного статуса с «Революционной индийской ассоциацией». Годы спустя М. Али следующим образом сформулировал цель своего приезда весной 1920 г. в Ташкент: «(Временное правительство. — Ю. Т.) направило меня как полномочного делегата [...] для установления связи с советским правительством и в целях получения тех же материальных благ, которые имела группа Абдур Раба».

У М. Али уже был некоторый опыт ведения подобных переговоров в Ташкенте. Еще в марте 1916 г. он прибыл в Туркестан с «золотым письмом» Пратапа к Николаю II, в котором царя призывали закончить войну в Европе и объединиться с Германией, чтобы разгромить Великобританию — «жестокую узурпатора всего мира». Пратап пытался убедить российского императора, что его британский союзник по Антанте предаст Россию. Посланцы «Временного правительства» хотели прозондировать позицию российского правительства на тот случай, если в Индии начнется антибританское восстание. Разумеется, в годы

Первой мировой войны миссия М. Али в Ташкент закончилась крахом. Однако, несмотря на все требования Англи арестовать заговорщиков, М. Али и его товарища русские власти в Туркестане отправили назад в Афганистан...

После свержения царизма и прихода к власти в России большевиков «Временное правительство Индии» стремилось реализовать свои планы в новых условиях с новыми союзниками. Неизменным осталось лишь одно: индийские националисты в Кабуле хотели освободить свою родину от британского владычества с помощью вооруженного вторжения иностранных (в данной ситуации российских) войск через Афганистан. В связи с этим советской стороне было сообщено: «Временное правительство Индии» «надеется установить с Советской Россией такие же отношения, какие существуют между Антантой и правительствами Колчака и Деникина. Иными словами, Временное правительство надеется, что Советская Россия поможет ей вести войну против Англии в Индии».

Надо отдать должное дальновидности и ловкости М. Али, который быстро сориентировался в ситуации в Ташкенте и активно пошел на сотрудничество с Коминтерном. Уже в апреле 1920 г. при «Совете интернациональной пропаганды и действия народов Востока» (Совинтерпроп) была создана индийская коммунистическая секция, которая в своей программе заявила о необходимости свержения колониального господства Англии и «установлении в Индии Советской Республики». Нужный для большевиков и коминтерновцев пароль («советская республика») был назван. С этого момента М. Али становится одной из ключевых фигур в интригах Коминтерна в «афганском коридоре».

Понимали ли сотрудники Коминтерна, что индийцы ведут двойную игру, довольно умело подстраиваясь к конкретной ситуации? Да, понимали. Отдельные трезвомыслящие сотрудники Совинтерпропа прямо указывали, что принципы коммунизма противоречат мировоззрению М.

Али и М. Шафика. Однако их ненависть к Англии и стремление любой ценой бороться за свободу своей родины были высоко оценены в Коминтерне. Для начала общей работы этого было вполне достаточно.

Коминтерновцы в Москве и Ташкенте прекрасно осознавали, что имеют дело с типичными восточными националистами, перенявшими в лучшем случае азы коммунистической терминологии. Для такой грандиозной операции, как подготовка антибританского вооруженного восстания в Индии, Коминтерну были необходимы люди более крупного масштаба — индийские революционеры, хотя бы знакомые с общими принципами марксизма, имеющие опыт нелегальной работы, а также энергичные, не чуждые духу авантюризма. Сочетание указанных качеств было настолько редким, что будущего лидера индийской «революции» в Москву пришлось приглашать из далекой Мексики. В Европе, не говоря уже о Востоке, ничего подходящего агентам КИ найти не удалось.

Лишь в Мексике в 1919 г. эмиссару Ленина М. Бородину удалось установить контакт с подходящим кандидатом — генеральным секретарем социалистической партии этой страны индийцем Манабендрой Натхом Роем, который имел большой опыт антибританской подрывной деятельности как в Индии, так и за ее пределами. В течение Первой мировой войны М. Рой неудачно пытался на германские деньги закупить и контрабандно доставить в Индию оружие для организации восстания против Англии. Для достижения этой цели он постоянно контактировал с немецкими «дипломатами» в США, Китае, Мексике, а также посетил многие страны Юго-Восточной Азии. В 1917 г., когда США вступили в войну на стороне Антанты, М. Рой, спасаясь от ареста, бежал в Мексику, где получил от немцев еще 50 тыс. песо золотом.

Эти средства предназначались для помощи индийским революционерам, но большую их часть М. Рой потратил на свою политиче-

скую деятельность в Мексике. В ноябре 1919 г. при его участии была создана компартия Мексики (МКП), заявившая о своем присоединении к Коминтерну. В 1920 г. М. Рой был послан от МКП делегатом на II конгресс Коминтерна в Москве. С ним лично встретился В. Ленин, который, судя по дальнейшей стремительной карьере М. Роя в КИ, высоко оценил опыт и энергию индийского революционера.

8 августа 1920 г. М. Рой был назначен одним из руководителей Туркестанского бюро Коминтерна «для работы в странах Востока». Тем самым ему предоставлялись большие полномочия и средства для организации экспорта революции через Афганистан в Индию. Решение этой задачи было невозможно без активного участия приграничных пуштунских племен. Архивные документы свидетельствуют, что в Кремле и Коминтерне об этом хорошо было известно. В связи с этим М. Рою, вероятнее всего, в Москве сразу же был дан указ на установление сотрудничества с пуштунами Британской Индии.

Летом 1920 г. Коминтерн при активной поддержке большевиков готовил грандиозную по своему масштабу военную миссию во главе с М. Бородиным и М. Роем в Афганистан. Первоначально предполагалось предоставить в их распоряжение 15 тыс. винтовок, 1,5 млн патронов, 50 пулеметов и 500 тыс. патронов к ним, 500 револьверов с 50 тыс. патронов, 4 тыс. гранат, 5 радиостанций, а также 2 аэроплана. Но в августе 1920 г. миссия Коминтерна получила лишь типографское оборудование, 300 револьверов и 30 тыс. патронов к ним; 4 тыс. гранат, но 3 самолета. Как видим, почти по всем пунктам запрос М. Бородина был либо не выполнен совсем, либо из фондов Красной Армии предоставлена лишь часть вооружения. Однако вместо двух аэропланов миссия для начала (!) получила три.

Создание воздушного моста между Кабулом и Кушкой (с промежуточными аэродромами) являлось, по словам М. Бородина, «наиважней-

шей задачей миссии». После начала боевых операций в зоне пуштунских племен предполагалось задействовать еще 5 самолетов, которые должны были не только осуществлять связь между «революционной армией» и миссией, но и перебрасывать к границам Индии небольшие партии советского вооружения.

Столь масштабные приготовления осуществлялись в рамках разработанного М. Роем «Плана военных операций на границах Индии». Согласно ему КИ должен был доставить в зону пуштунских племен большое количество оружия и взрывчатки для передачи местным революционным группам с целью «уничтожения железных дорог, телеграфных и телефонных линий, взрыва мостов и т.п., чтобы тем самым парализовать быструю мобилизацию военных сил (Англии. — Ю.Т.)». Для дезорганизации тыла британских войск в Индии также предполагалось организовать всеобщую забастовку и восстание индийских воинских подразделений британской армии. Осуществив указанные мероприятия, М. Рой рассчитывал вторгнуться из Афганистана в Пенджаб во главе 25-тысячной армии, набранной главным образом из пуштунов, вооруженных современным оружием (артиллерией, пулеметами).

После прибытия в Ташкент отправка миссии Бородина — Роя в Афганистан задерживалась из-за несогласованности действий Коминтерна и НКВД. Кроме этого, афганские власти не спешили предоставлять миссии право на прямые контакты с приграничными племенами. В связи с этим М. Бородин предусмотрительно предложил заместителю народного комиссара по иностранным делам Л. Карахану, чтобы НКВД взял «афганскую миссию» под свою опеку, пока она будет находиться в Ташкенте. Советское руководство в Москве дало свое согласие на эту просьбу М. Бородина. С сентября 1920 г. миссия формально перешла под контроль представительства НКВД в Ташкенте. Реально руководство ею оказалось в руках М. Роя, который сделал все от него зависящее, чтобы монополизировать «индийскую работу».

Деятельность М. Роя в Ташкенте нанесла непоправимый вред коминтерновской работе в «афганском коридоре», так как он своими действиями и левацкими высказываниями сделал невозможным союз с антибританскими силами как в Ташкенте, так и в зоне пуштунских племен. Прежде всего, он фактически разгромил «Революционную индийскую ассоциацию» во главе с Абдур Рабом,

который 30 мая 1920 г. с большой группой единомышленников был выдворен из Афганистана и с тех пор находился в Ташкенте. Абдур Раб трезво оценивал ситуацию в Афганистане и Индии: он считал, что любая коммунистическая пропаганда среди мусульман этих стран наносит огромный ущерб борьбе против Англии, так как превращает возможных союзников во врагов.

«Война» между «Революционной индийской ассоциацией» и созданным М. Роем «Временным индийским революционным комитетом» деморализовала индийцев в Ташкенте. Большинство из оказавшихся в Туркестане поддерживали Абдур Раба. Однако М. Рой отобрал у ассоциации денежные средства, помещения и лично решал, кому надо выдавать продовольственные пайки, а кому — нет. Последняя мера была особенно эффективной: число «единомышленников» М. Роя стало быстро увеличиваться, а с Абдур Рабом осталось лишь несколько человек.

Обе противоборствующие стороны завалили ташкентскую ЧК доносами друг на друга. Взаимные обвинения в шпионаже в пользу Англии стали самыми распространенными в среде индийских эмигрантов, и местные чекисты уже не обращали на них внимание.

Необходимо учесть еще один важный фактор, которому в Москве не придали значения, допустив тем самым непростительную на Востоке ошибку: М. Рой родился в семье брахмана и в глазах мусульман был «неверным». Данное обстоятельство не имело значения для руководства Коминтерна, но для создания «революционной базы» в Афганистане и Северо-Западной Индии религиозная принадлежность потенциального лидера антибританского восстания была крайне важна. Индомусульманская рознь веками была важнейшим политическим фактором в этом регионе, где борьба против англичан традиционно велась под лозунгом джихада.

М. Рой несет свою долю ответственности за то, что Советская Россия и Коминтерн не смогли дипломатиче-

скими средствами открыть «афганский коридор» для экспорта революции в Индию. В Ташкенте по долгу службы индийскому революционеру пришлось вести длительные переговоры с афганским консулом Хади-ханом. М. Рой быстро вошел в роль высокопоставленного дипломата: он завел многочисленный штат слуг и устраивал в своей резиденции пышные приемы для Хади-хана.

Первоначально переговоры в Ташкенте шли успешно. 19 ноября 1920 г. М. Рой сообщил в Москву, что Хади-хан от имени своего правительства обещал индийским революционерам свободу деятельности в Кабуле. М. Рой уже начал беспокоиться о своем скором отъезде в Кабул и о своевременной отправке Амануллы-хану и его жене мехов в качестве подарка. Однако в Афганистан он так и не смог выехать, так как во время одного из совещаний с афганским консулом Хади-ханом индийский революционер заявил, что база в Кабуле ему нужна, чтобы организовать «коммунистическую» революцию в Индии, а далее добавил, что после «мы создадим советское правительство в Афганистане». Более яркий образец «революционной» глупости трудно придумать, но такие откровения в те времена среди коминтерновцев были нормой поведения, и не один М. Рой бредил о «советской республике» в Афганистане.

Бухарская «революция» 1920 г. у многих работников Коминтерна породила иллюзию, что по бухарскому сценарию можно свергнуть законные правительства большинства восточных стран. В документах «Совета интернациональной пропаганды» прямо говорилось, что Бухара является «опытной станцией революции на Востоке». Поэтому в октябре 1920 г. в Туркестане при содействии Туркестанского бюро КИ создан из афганских подданных Афганский центральный революционный комитет (АЦРК) с целью «освобождения угнетенных народов Афганистана». Главой этой организации был авантюрист Мохаммед Якуб, который со своими единомышленниками считал необходимым с советской

помощью осуществить свержение Амануллы-хана и осуществить в Афганистане социалистические преобразования. Цели Афганского центрального революционного комитета были сформулированы следующим образом: «Уничтожение деспотического строя, создание народной советской республики на основе принципов Третьего Интернационала с всеобщим избирательным правом и упразднением классовых различий, передача земли в руки пролетариата, уничтожение капиталистов с сохранением капитала и развитие торговли и промышленности».

Вряд ли сам Якуб мог сформулировать такую программу. Скорее всего, он просто объединил вокруг себя группу афганцев, вынужденных бежать в Бухару от преследований афганских властей, а затем предложил коминтерновцам свои услуги. Вначале Туркбюро КИ с готовностью их приняло и начало финансировать Афганский центральный революционный комитет.

О создании этой марионеточной организации сразу же стало известно афганским властям, что значительно осложнило советско-афганские отношения. К примеру, уже в первой листовке АЦРК было нанесено смертельное оскорбление лично Амануллы-хану, отец которого был убит при невыясненных обстоятельствах. Якуб и его окружение прекрасно знали об этом, но все же включили в свое

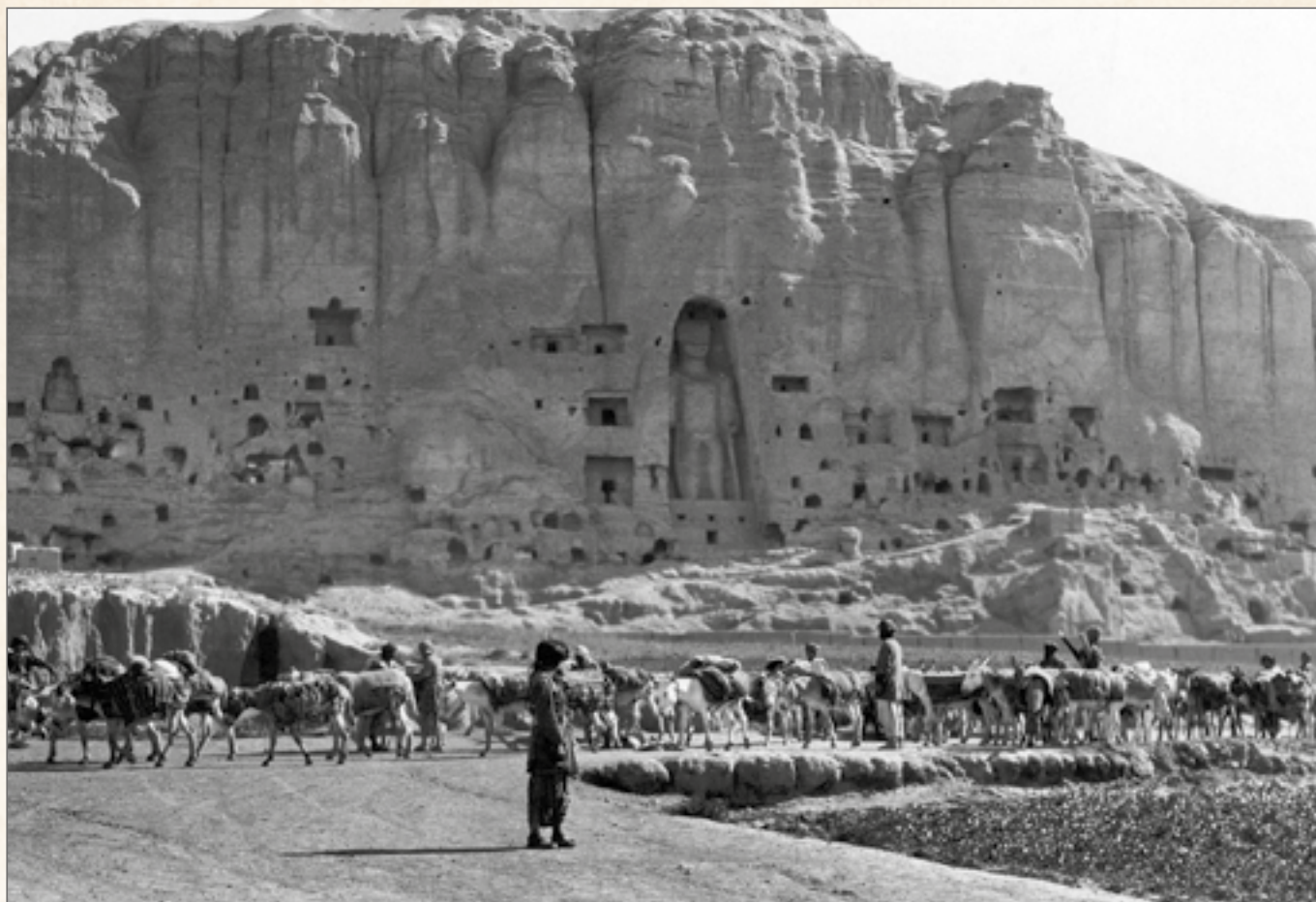
«творение» фразу, что «правительство Афганистана существует лишь для того, чтобы дать возможность малой кучке отцеубийц — помещиков и военных — усиливаться за счет афганского народа». Чтобы избежать еще больших осложнений в отношениях с Афганистаном, КИ довольно быстро перестал финансировать организацию Якуба, но было уже поздно...

Афганская сторона убедилась в реальности коммунистической угрозы для своей страны. У Амануллы были все основания опасаться за свою власть, если бы Коминтерн широко развернул свою деятельность в Афганистане. В связи с этим военно-политическая миссия Коминтерна во главе с Роем была обречена на провал. Эмир при всей его ненависти к Англии не дал бы представителям КИ начать подготовку антибританского восстания в Индии с афганской территории. Лишь желание афганского правительства заполучить советское оружие и золото вынуждало Хади-хана симулировать в Ташкенте готовность оказать содействие коминтерновским эмиссарам.

КОМИНТЕРН В «АФГАНСКОМ КОРИДОРЕ»

Историки всегда имеют большое преимущество перед своими пер-

сонажами: им известен конечный результат и они могут более трезво анализировать причины поражения или успеха какого-нибудь деятеля прошлой эпохи. При этом все неудачи обычно объявляются авантюрами, а успехи — победами, достигнутыми в дерзкой борьбе. Аксиомой для всех исследователей является также факт, что если на осуществление авантюрного плана брошены большие людские и материальные ресурсы, то обязательно появятся весомые промежуточные результаты, хотя главная цель так и не была достигнута.

Согласно этому правилу развивались события в Туркестане, Афганистане и Индии в 1920—1921 гг. После победы большевиков в 1917 г. любая авантюра Коминтерна на Востоке казалась сравнительно небольшой смелой операцией, осуществление которой зависело больше от революционного духа и напора, чем от реальных условий. Кроме этого, в Москве и Ташкенте прекрасно понимали, что коминтерновская раз-

ведка боем в Афганистане и Индии сможет ослабить позиции Англии в Центральной Азии и заставит эту державу рано или поздно пойти на уступки Советской России. Одним словом, революция в Индии была программой максимум, а создание антибританской «пятой колонны» КИ в «афганском коридоре» — программой минимум. Для их реализации при любом развитии событий Советской России и Коминтерну необходимо было создать «индийскую революционную базу» у границ Британской Индии.

С этой целью «Совет интернациональной пропаганды и действия» в конце лета 1920 г. был заменен Туркестанским бюро Коминтерна. Главной причиной ликвидации Совинтерпропа было то, что этот коминтерновский орган не смог наладить хорошо законспирированную заграничную сеть III Интернационала в сопредельных Туркестану азиатских странах: реально действующих пунктов связи на границе создано

не было; систематического сбора и обработки развединформации не велось; из-за несоблюдения элементарных норм секретности провалы закордонных агентов следовали один за другим. В связи с этим в Ташкенте начало функционировать Туркбюро КИ, которому предстояло проделать огромную работу по созданию нелегальных структур Коминтерна как в Туркестане, так и в Центральной Азии.

Новая тройка руководителей Туркбюро КИ была подобрана с таким расчетом, чтобы максимально задействовать для решения этой задачи ресурсы Туркестанской Республики. Так, Я. Сокольников, возглавивший новый коминтерновский орган, одновременно являлся командующим Туркестанским фронтом, Председателем Туркбюро ЦК РКП(б) и главой Турккомиссии. Его коллега, Г. Сафаров, входил в руководство сразу двух Туркбюро: ЦК РКП(б) и КИ. Лишь один М. Рой представлял в Ташкенте только Коминтерн и сконцен-

трировал свои усилия на создании «индийской революционной базы». Это было одной из причин того, что работа в Афганистане и Индии стала приоритетной для Туркбюро КИ.

Процесс становления этого коминтерновского органа проходил довольно сложно. До конца 1920 г. Совинтерпроп и Туркбюро КИ фактически существовали параллельно. Лишь к началу 1921 г. сложилась структура Туркбюро КИ и стала налаживаться закордонная работа. Общая схема аппарата этой организации была следующей.

1. Главой Туркбюро являлся ответственный секретарь. До марта 1921 г. его функции делил между собой уже известный читателю «триумvirат» — Я. Сокольников, Г. Сафаров и М. Рой.

2. Общая канцелярия, бухгалтерия, отдел снабжения составляли центральную часть аппарата.

3. Наиболее значимым был «Организационный отдел», который делился на секретную, нелегальную и легальную части. Нелегальная часть руководила работой так называемых уполномоченных по связям с Афганистаном, Памиром, Ираном и Кита-

ем. Они, в свою очередь, курировали пограничные и закордонные пункты. Главной задачей секретной части была шифропереписка и учет заграничной агентуры. В ведомстве легальной части находились уполномоченные представители в Хиве и Бухаре; Индийский революционный комитет, созданный М. Роем, и инструкторы Союза китайских рабочих.

4. Литературно-издательский отдел осуществлял выпуск агитационной литературы, включая листовки и брошюры на восточных языках.

Численность сотрудников Туркбюро КИ к марту 1921 г. составляла 157 человек.

Когда М. Рой во главе афганской миссии прибыл в Ташкент, он, как один из руководителей Туркбюро, сразу же приступил к реализации своего плана. Чтобы не терять времени, из состава миссии была выделена военная секция, на базе которой создана «Военная школа для подготовки командирского состава из индийских революционеров» («Индусские командные курсы», «Индусские командные курсы всех родов оружия»). Сразу же обговаривалось, что курсантский состав школы будет

на 2/3 укомплектован из мусульман северо-западных районов Британской Индии. Сокольников и Рой хотели уже через полгода направить 100 «революционных офицеров» в зону пуштунских племен, чтобы создать там «индусскую бригаду».

Для реализации этой цели военная спецшкола создавалась с размахом: первоначально в ней предполагалось обучать курсантов на 6 отделениях (авиационном, артиллерийском, кавалерийском, пехотном, пулеметном, инженерном). Однако в Ташкенте нашлось лишь 25 индийцев, согласившихся стать курсантами. В связи с этим «Индусские командные курсы всех родов оружия» состояли только из пехотного и авиационного отделений. В первом обучалась большая часть индийцев, которые познавали азы пехотного дела и верховой езды. Все без исключения курсанты овладевали навыками обращения с ручными и станковыми пулеметами. 10 человек, прикрепленные к авиационному звену афганской миссии, фактически никаких знаний летного дела не получили, так как боевые «Ньюпоры» и «Фарман-30» не могли использо-

ваться в качестве учебных самолетов.

Командно-преподавательский состав «Индусских командных курсов всех родов оружия» был набран из военных специалистов афганской миссии. Так, организатором и первым начальником этой военной школы был красный командир Н. Киселев, а летчик В. Гоппе возглавил авиационное отделение. В конце марта 1921 г. (накануне ликвидации) индийскую спецшколу стал курировать начальник Военно-научного управления штаба Туркестанского фронта В. Лосев — военный разведчик с дореволюционным стажем. Таким образом, индусские курсы оказались под прямым контролем представителя одного из разведорганов Туркфронта.

Вмешательство штаба Туркфронта в дела коминтерновской военной школы было вынужденной мерой: дела на курсах для индийских революционеров шли из рук вон плохо. Кроме того, что была не обеспечена материальная часть, многие военные специалисты из миссии Бородин — Роя были недовольны тем, что оказались в роли преподавателей небольшой группы оборванных и истощенных индийцев. Красные командиры ехали на секретную работу в Афганистан, и непредвиденная задержка в Ташкенте им, мягко говоря, была не по душе. При первой возможности многие из них стремились получить новое назначение и поэтому не проявляли необходимой энергии при обучении индийцев военному делу. В результате, по словам М. Роя, «страдала индийская работа».

Если с подготовкой командных кадров для «революции» в Индии дело сразу не заладилось, то работа среди индийцев и афганцев первоначально казалась коминтерновцам весьма перспективной. После свержения бухарского эмира и оккупации этого государства частями Красной Армии численность индийцев, оказавшихся в сфере непосредственной деятельности Туркбюро КИ, резко возросла и продолжала увеличиваться, так как осенью 1920 г. волны халифатского движения мусульман Британской Индии докатилась до Туркестана. В Старую Бухару и Ташкент стали прибы-

вать десятки индийцев, желающих защитить турецкого султана-халифа от посягательств Англии. Эти люди, разумеется, стремились как можно быстрее уехать в Анатолию, но против своей воли надолго застревают в Туркестане. На советской территории они становились объектом активной антибританской и коммунистической пропаганды коминтерновцев.

Задача привлечения индийских националистов к сотрудничеству с Коминтерном облегчалась тем, что многие из них в Туркестане невольно оказались вовлечены в кровавый водоворот Гражданской войны и для сохранения жизни вынуждены были с оружием в руках бороться против басмачества. К примеру, безопасность советского правительства Бухары обеспечивал отряд пулеметчиков, набранных из индийцев.

К концу 1920 г. только в Бухаре находилось около 200 индийцев, которые стихийно разделились на две группировки. Одна из них состояла из купцов и мелких торговцев. Попытки представителей Туркбюро КИ вести пропаганду среди них привели к прямо противоположному результату: напуганные купцы совсем отошли

от политической жизни в Бухаре. Однако и они невольно помогли Коминтерну в налаживании нелегальной работы в Афганистане и Индии. Потеряв надежду привлечь индийских предпринимателей на свою сторону, советские власти в Туркестане отобрали у них афганские и британские удостоверения личности. Позднее этими подлинными документами воспользовались коминтерновские агенты.

Другую группировку в индийской колонии в Бухаре образовали политэмигранты, оказавшиеся в Средней Азии в годы Первой мировой войны и сразу после нее. Эти люди более благосклонно откликнулись на призывы бороться против британского владычества в Индии. Доводы коминтерновских агитаторов, что против Англии надо бороться не в Анатолии, а непосредственно в Индии, убедили даже часть халифатистов. В связи с этим многие члены этой группировки поддержали действия М. Роя по созданию Индийского революционного комитета.

В рамках «афгано-индусской подготовительной работы» к будущей революции в Индии проводилась и коминтерновская деятельность

среди афганцев, проживавших в Бухаре. Возникший после свержения бухарского эмира Афганский революционный центральный комитет во главе с Якубом первоначально получил поддержку советского представительства в Бухаре с учетом того, что его члены «впоследствии смогут оказать ценную услугу и для подготовки революционного движения в Индии». По той же причине Якуба сразу же направили для переговоров к Рою в Ташкент, где афганец в обмен на финансовую поддержку предложил КИ услуги своей организации по созданию нелегальной сети в Северном Афганистане и сбору информации «в важных городах» этой страны. Разумеется, столь ценное предложение было принято. Более того, некоторые представители советского руководства Туркестана и Коминтерна считали, что Афганский центральный революционный комитет сыграет «крупную роль в деле освобождения своей страны от эмира» и приобщит Афганистан к «Мировой Великой Революции».

Этим планам не суждено было сбыться, но это не означает, что Туркбюро КИ не смогло создать в Афганистане своих нелегальных пунктов. К концу 1920 г. они действовали в Герате, Меймане, Мазари-Шарифе и нескольких приграничных кишлаках. Коминтерновский пункт функционировал в Мерве (Мары) и Серахсе. Архивные документы свидетельствуют, что активно использовался коминтерновскими агентами и приграничный г. Термез. Достаточно сказать, что именно в нем возник Афганский центральный революционный комитет. Совинтерпроп использовал своих людей в этих населенных пунктах главным образом для доставки агитационной литературы. С возникновением Туркбюро ставка была сделана на сбор разведанных о ситуации в Афганистане и Индии. Особое внимание при этом уделялось сведениям о группах индийцев, направлявшихся в российский Туркестан, о политике афганского правительства, о британских агентах среди афганцев и т. д.

Разумеется, создание подпольной сети Коминтерна в Афганистане потребовало крупных расходов.

Необходимые средства у Туркбюро КИ имелись. Только М. Рой привез в Ташкент и сдал на хранение представителю НКВД в Ташкенте Д. Гопнеру 2 млн рублей золотом, из которых индийский революционер сразу же потребовал в свое распоряжение 100 тыс. рублей. Этих денег он не получил, так как они предназначались для траты только на территории Афганистана и Британской Индии, но советское правительство в качестве компенсации передало М. Рою 2 млн индийских рупий, срочно доставленных в Ташкент из Баку. Для того времени это была гигантская сумма. Однако сверх нее М. Рой дополнительно получил значительные финансовые средства, которые лежали на его золотовалютном счету в Туркбюро.

Для чего в первую очередь предназначались эти средства, наиболее точно определил сотрудник Туркбюро КИ М. Шульман. В своем докладе «О значении Ташкента как базы в деле индийской революционной работы» он писал: «Нам не надо забывать, что когда мы говорим о работе через Афганистан, то мы, прежде всего, имеем в виду независимые племена, а через них сердце Индии».

М. Рою не надо было напоминать о необходимости организовать всеобщее восстание горцев «неза-

висимой» полосы против Англии. Его «План военных операций на границах Индии» был невозможен без активной поддержки приграничных пуштунских племен. В связи с этим привлечению пуштунов к сотрудничеству с Коминтерном придавалось первостепенное значение. Не случайно партбилет №1 Индийской коммунистической партии, созданной М. Роем в 1920 г. в Ташкенте, получил... племянник заместителя английского комиссара Хайбара и Вазиристана пуштун Абдул Каюм Довлет-хель. В 1920 г. этот молодой человек сражался в рядах Красной Армии на Польском фронте, откуда он был срочно отозван и отправлен в Ташкент в распоряжение Индийского революционного комитета, то есть М. Рою.

В Ташкенте произошли первые контакты М. Рою с первыми представителями пуштунских племен Британской Индии, которые прибыли в Туркестан с целью получить помощь для продолжения вооруженной борьбы с Англией. В конце октября 1920 г. к М. Рою из Вазиристана приехал Селим-хан. Под этим псевдонимом скрывался пуштун Миан Акбар Шах, который вместе с вазирами сражался в последней англо-афганской войне на стороне войск Амануллы-хана. Главной це-

лью Акбар Шаха было встретиться с В. Лениным, чтобы попросить у главы Совета Народных комиссаров «моральной и материальной» поддержки для вазиров.

М. Рой немедленно отправил пуштуна в Москву, снабдив его сопроводительным письмом к Л. Карахану. Однако поездка Акбар Шаха закончилась безрезультатно: по невыясненным причинам все его просьбы были отклонены. Вероятнее всего, советское и коминтерновское руководство в Москве делало ставку на реализацию плана М. Роя и не хотело преждевременно распылять материальные ресурсы на поддержку восставших вазиров.

В ноябре 1920 г. вслед за Акбар Шахом в Ташкент прибыли новые посланцы от «независимых» племен Британской Индии. Эту делегацию из 10 человек возглавляли Мохаммед Икбал и Абдул Хак. Последний получил от Роя задание развернуть антибританскую деятельность среди пуштунов «независимой» полосы. На эти цели Абдул Хаку было выделено царских червонцев (1 тыс.) и афганской серебряной монеты на общую сумму 25 тыс. индийских рупий. Судя по документам Туркбюро КИ и советского посольства в Кабуле, Хак должен был начать выполнение своего задания с Баджаура, где у Коминтерна уже имелся нелегальный центр.

25 ноября 1920 г. Икбал и Хак со своими товарищами выехали из Ташкента в Афганистан. 1 февраля 1921 г. они прибыли в Кабул, где Абдул Хак развил бурную деятельность среди афганских политиков. Он смог получить аудиенцию у Амануллы-хана, которому предъявил свою переписку с М. Роем, выложил всю информацию о деятельности Туркбюро и попытался запугать эмира дезинформацией, что Советская Россия готовит вооруженный переворот с целью его свержения. В том же духе, вероятнее всего, Абдул Хак беседовал с командующим афганской армией генералом М. Надир-ханом, который раньше покровительствовал Икбалу. Одним словом, посланец М. Роя в афганской столице неожиданно для своих товарищей и Я. Сурица

стал всеми способами вредить антибританской деятельности Коминтерна в Афганистане и среди «независимых» пуштунских племен Британской Индии.

Самым чувствительным ударом для Икбала и его товарищей было то, что Хак лишил их средств для работы среди приграничных племен. Прихватив с собой все золото, он неожиданно попытался сбежать в Индию, но был пойман афганскими властями, которые перехватили его письмо к английскому комиссару СЗПП Гамильтону Гранту. В своем послании Абдул Хак уведомлял

британского высокопоставленного чиновника, что «едет из Ташкента с ценными сведениями», и просил дать распоряжение о его пропуске через индо-афганскую границу.

С этого момента всем стало ясно, что Хак английский агент. Его дальнейшая судьба в Афганистане была легко предсказуемой: смерть от руки палача. Однако советской стороне нужно было узнать, какие сведения Абдул Хак успел передать англичанам. В связи с этим Я. Суриц настоятельно просил у афганского министра иностранных дел Махмуд-бека Тарзи отправить провокатора назад

▲ Амманула

в Ташкент, чтобы провести детальное расследование его деятельности. После завершения следствия советская сторона была готова вернуть Абдул Хака афганским властям. Все требования Я. Сурица были отвергнуты Тарзи. Аманулла не дал своего согласия и на то, чтобы английского шпиона в афганской тюрьме допросил советский представитель. Эмир также не сдержал своего обещания предоставить в распоряжение миссии РСФСР материалы следственного дела Абдула. Через год английский шпион был убит в тюрьме. Вместе с его смертью не только сами собой прекратились требования и просьбы Я. Сурица, но и был закрыт вопрос о возвращении золота, изъятого у Хака при аресте...

Провал британского шпиона все расставил на свои места, и ситуация вокруг Икбала в Кабуле нормализовалась. Ему даже удалось провести переговоры с прибывшими в афганскую столицу представителями пуштунских племен. Для продолжения деятельности в «независимой» полосе Я. Суриц обещал выдать Икбалу новую сумму денег. Самое главное: баджаурский центр Коминтерна не был разгромлен и продолжал действовать. Видимо, Абдул Хак хотел лично сообщить добытые им сведения представителям британских властей, но не успел этого сделать, так как был вовремя схвачен афганцами. Несмотря на это, одна из миссий Коминтерна в Индию все же провалилась. История с Абдул Хаком попала на страницы индийской прессы, после чего ни о какой секретной деятельности Икбала и его товарищей среди пуштунов не могло быть и речи.

Еще одна попытка М. Роя подержать из Ташкента повстанческое движение «независимых» племен также закончилась крахом, хотя и по другой причине. К М. Рою из Белуджистана прибыли два хана с просьбой о помощи против Англии. В Туркбюро им сразу же придумали русифицированную фамилию, и они стали именоваться в коминтерновских документах «братьями Мисрихановыми». По-

сланцам из Индии М. Рой выделил крупную сумму в золотой и серебряной монете, а также передал оружие. Кроме этого, им вручили секретные письма и явки, которыми они должны были воспользоваться в Афганистане и Индии. Переброска «братьев Мисрихановых» осуществлялась через Памир. Видимо, такой дальний маршрут был избран по соображениям безопасности.

Действительно, в афганский Бадахшан братья проникли без помех, но дальше события стали развиваться, мягко говоря, не по коминтерновскому плану. «Мисрихановы» передали афганскому губернатору значительную часть денег, полученных от М. Роя, оружие и секретные бумаги. Старший из братьев составил для эмира докладную записку на 14 страницах об их пребывании в Ташкенте. Кроме этого, Аманулле было направлено письмо, в котором братья клялись, что «они были и остаются афганскими патриотами и не имеют ничего общего с какой бы то ни было индусской революционной организацией». Очередной провал Коминтерна доказал, что племенная верхушка пуштунов готова от кого угодно получить помощь для продолжения вооруженной борьбы против Англии, но не будет сотрудничать с Советской Россией и Коминтерном ради мифической «индийской революции». Необходимо также отметить, что в то время пуштунская племенная знать обоснованно считала Аманулла-хана своим главным покровителем и союзником в борьбе против англичан, поэтому не хотела без его ведома осуществлять какие-либо тайные операции на афганской территории.

В «индусской работе» Туркбюро были не только провалы. Коминтерну удалось наладить контакты с широкоизвестным среди индийских мусульман «Комитетом сподвижников священной войны», т. е. с ваххабитами. Их штаб-квартира уже несколько десятилетий находилась в горном селении Чамарканд. В 1919 г. в Кабул прибыл представитель ваххабитов Мохаммед Ясин, который установил

контакт с советскими дипломатами. Затем он отбыл в Ташкент, где получил от Коминтерна помощь для своей организации. В обмен ваххабиты согласились оказать КИ содействие в проведении антибританской пропаганды среди пуштунских племен.

В декабре 1920 г. через иранский город Сарахс в зону пуштунских племен были заброшены 7 индийцев. Вероятнее всего, это были представители «Комитета сподвижников священной войны». Штабом Первой армии им было предоставлено 7 английских винтовок и 900 патронов к ним, 3 шашки и 11 револьверов. Вскоре благодаря сотрудничеству с ваххабитами Коминтерну удалось, хотя и с большими трудностями, укрепить свои позиции в «независимой» полосе пуштунских племен.

Таким образом, при анализе материалов Туркбюро становится очевидным, что на создание «индийской революционной базы» в Туркестане советским правительством через Коминтерн были выделены большие материальные и финансовые ресурсы. С целью подготовки командных кадров для «революционной армии», необходимой для вторжения в Британскую Индию, в Ташкенте была открыта военная спецшкола. Одновременно предпринимались активные попытки наладить переброску в зону пуштунских племен агентов, вооружения, денег и пропагандистской литературы.

В конце 1920 г. благодаря сотрудничеству с восточными националистами Коминтерн имел несколько маршрутов для переброски своих эмиссаров и агентов в Индию. Однако эффективно осуществлять эту работу из Туркестана было нельзя как по причине большой удаленности от Индии, так и из-за противодействия афганских властей и британской разведки. До Ташкента добирались немногочисленные посланцы пуштунских племен. Большинство из этих людей рано или поздно попадало в поле зрения британской разведки, которая имела в Туркестане разветвленную аген-

туру. Кроме этого, лишь немногие из пуштунов соглашались сотрудничать с Коминтерном, так как между джихадом против англичан и социалистической революцией в Индии была огромная разница.

Коминтерну на ходу приходилось учиться работать с восточными националистами и менять свою тактику, исходя из реальных (!) условий, а не из идеологических догм и вымышленных схем.

КАБУЛЬСКИЙ НЕЛЕГАЛЬНЫЙ ЦЕНТР

Эффективно и сравнительно безопасно вести антибританскую деятельность в «независимой» полосе Британской Индии можно было лишь с афганской территории. В Москве и Ташкенте это прекрасно понимали, поэтому Рой до последнего добивался от афганских властей разрешения создать революционный центр в Кабуле.

Афганское правительство, желая заполучить в свое распоряжение российское оружие и золото, создавало видимость того, что готово открыть коридор к границам Индии. Оно дало согласие на прибытие М. Роя в Кабул и на ввоз в Афганистан (но не на провоз в «независимую» полосу!) вооружения для пуштунских племен. Готовящийся обман был настолько очевиден, что советское руководство и Коминтерн так и не решились предоставить оружие афганской стороне для его дальнейшего распределения среди приграничных племен.

Несмотря на сложившуюся ту-пиковую ситуацию, установление дипломатических отношений между Москвой и Кабулом, а также на общую атмосферу ненависти к англичанам, царившую в Афганистане, предпринимались попытки для продолжения антибританской деятельности в этой стране и в Индии. В связи с этим руководство Коминтерна (под все возрастающим

контролем НКВД) сконцентрировало свои усилия на создании в Кабуле нелегального центра, который бы осуществлял поддержку мятежных приграничных пуштунских племен и антибританских сил в Индии.

Для решения этой сложной задачи 5 января 1921 г. из Кушки в Кабул по поручению М. Роя выехал Мохаммед Али, которому предстояло стать первым резидентом Коминтерна в Афганистане. Следует отметить, что выбор руководством Туркбюро был сделан удачно, так как М. Али, как никто другой из окружения М. Роя, подходил для опасной нелегальной работы в Афганистане и Индии. Этот молодой человек имел большой опыт антибританской деятельности, приобретенный в годы Первой мировой войны. У Али были хорошие отношения с афганскими властями, так как он числился одним из секретарей «Временного правительства Индии», которое поддерживал Аманулла-хан. Большое значение имели и многочисленные связи Али среди

индийских иммигрантов в Кабуле. Одним словом, Коминтерн послал в афганскую столицу достаточно опытного агента, хорошо знавшего обстановку как в Афганистане, так и в приграничных районах Северо-Западной Индии.

В тесном контакте с советским посольством в Кабуле М. Али должен был выполнить ряд важных заданий КИ, которые, несмотря на достаточно большие возможности коминтерновского резидента в Афганистане, были, мягко говоря, крайне трудно выполнимыми и требовали больших средств и времени. М. Али предстояло создать в «афганском коридоре» нелегальную агентурную сеть, которая сочетала бы революционную работу с разведывательно-диверсионной деятельностью против Великобритании.

Чтобы ускорить установление прочных связей между Коминтерном и антибританскими организациями в Индии, М. Али было прика-

зано тайно организовать переброску в Советскую Россию лидеров индийского национально-освободительного движения. Рой планировал с их участием организовать в Ташкенте Всеиндийский революционный конгресс. Дополнительно к этому М. Али должен был предпринять шаги для создания в Индии «Всеиндийской революционной партии» и первых коммунистических ячеек в крупнейших городах Индостана.

Кроме этого, резидент Коминтерна в Кабуле получил от Туркбюро КИ ряд заданий с целью создания в Афганистане и Индии агентурной сети для сбора развединформации и контрабанды российского оружия в полосу «независимых» пуштунских племен. Для этого М. Али поручалось организовать прибытие из Индии в Ташкент «ответственных работников», чтобы они смогли пройти политическую и военную подготовку. Вероятно, базой для такого «спектренинга» должны были

стать «Индийские командные курсы всех родов оружия».

М. Рой особо важное значение уделял установлению сотрудничества с приграничными пуштунскими племенами, представителей которых предполагалось переправить в Ташкент через Памир и Бадахшан. М. Али должен был сообщить пуштунским вождям, что те «могут получить оружие в том случае, если они в состоянии его транспортировать», т.е. тайно провезти горными тропами через Афганистан.

С помощью горцев «независимой» полосы М. Али поручалось не только организовать доставку вооружения в Британскую Индию, но и создать в неконтролируемых английской администрацией горных районах коминтерновскую типографию для печати и распространения среди населения революционной литературы.

Для реализации этих планов Туркбюро КИ предоставило М. Али зна-

▲ Шер Али-хан, эмир Афганистана с сыном Яном принц Абдулла и люкс 1869

▲ Раскольников Федор Федорович

чительную свободу действий и право курировать коминтерновскую агентуру из числа восточных националистов в районах вдоль индо-афганской границы. Через советское посольство в Кабуле он также получил для своей деятельности значительные средства золотом и в английской валюте. Большие полномочия, активная, но осторожная антибританская деятельность в Кабуле, а также солидные финансовые ресурсы, имевшиеся в его распоряжении, сделали М. Али в 1921—1922 гг. центральной фигурой всех коминтерновских операций в «афганском коридоре». В связи с этим в шифровках советского посольства в Ташкент и Москву он

проходил под агентурным псевдонимом «Босс».

Для воспроизведения более точной картины начала деятельности М. Али в Кабуле следует отметить, что ему удалось установить хорошие деловые отношения с Сурицем, который, будучи представителем Коминтерна в Центральной Азии, осуществлял непосредственное руководство его деятельностью. Однако первое время М. Али оказался в роли слуги двух господ, получая указания как от М. Роя, так и от Я. Сурица. Последний не хотел, чтобы революционные мечтания М. Роя срывали практическую антибританскую работу в Афганистане и Индии.

Постоянный контроль афганских властей за деятельностью посольства РСФСР и активный английский шпионаж в Кабуле заставляли советского полпреда действовать с максимальной осторожностью. В этой связи коминтерновский резидент вскоре перешел под полный контроль Я. Сурица.

Возвращение М. Али в Афганистан и возобновление его работы среди индийских иммигрантов прошло без больших осложнений, если не считать кратковременного ареста в Герате. Прибыв в Кабул, коминтерновский резидент сразу же поселился в доме бывшего министра внутренних дел «Временного правительства Индии» М. Обейдуллы, у которого в тот момент были хорошие отношения с афганскими властями. Тот гарантировал чиновникам эмира, что М. Али «не будет развивать в Афганистане коммунистическую пропаганду», чем на длительное время обеспечил ему безопасность и хорошие условия для работы. Разумеется, покровительство Обейдуллы было щедро и, зная стиль работы М. Али, деликатно оплачено. Учитывая эти факты, можно с уверенностью считать, что бывший министр «Временного правительства Индии» стал советским «агентом влияния» в Кабуле. Фактическая вербовка Обейдуллы была первым крупным успехом резидента КИ в Афганистане.

Еще во «Временном правительстве Индии» Обейдулла поддерживал тесные связи с племенами «независимой» полосы и ваххабитами. Постепенно эти связи в Индии были переданы им М. Али. Кроме этого, Обейдулла был дружен с афганским военным министром М. Надир-ханом, который был сторонником активной поддержки антибританской борьбы пуштунов СЗПП. Среди вождей приграничных племен Надир пользовался большим авторитетом и великолепно знал обстановку на афгано-индийской границе. Вероятнее всего, с помощью Обейдуллы М. Али получал ценную информацию о ситуации в зоне пуштунских племен и ходе боевых действий горцев с британскими войсками.

С середины лета 1921 г. наступил наиболее активный период в деятельности М. Али в Афганистане. К этому времени Я. Сурица на посту советского полпреда в Кабуле сменил Ф. Раскольников, который имел указания Москвы продолжить нелегальную работу по налаживанию надежных связей с Индией, включая поддержку воинственных пуштунских племен. По сложившейся уже практике новый советский посланник одновременно был назначен представителем Коминтерна в Афганистане.

В Москве все еще надеялись, что с помощью усиления конспирации антибританская деятельность советской разведки и Коминтерна в Афганистане будет продолжена и расширена. Тот факт, что с марта 1921 г. с Англией были де-факто установлены дипломатические отношения, большевистское руководство в тот момент никоим образом не смущал. «Тайная война» в Центральной Азии продолжалась: британская сторона поддерживала басмачество в Средней Азии, а Советская Россия, в свою очередь, была готова использовать вооруженную борьбу пуштунов для дестабилизации ситуации в Индии.

Летом 1921 г. обстановка в зоне пуштунских племен складывалась явно не в пользу антибританских сил. Из-за сильной засухи во многих районах «независимой» полосы почти полностью погибли урожай и скот. В этой ситуации Ф. Раскольников был вынужден срочно оказать финансовую помощь Абдур Разаку, чтобы «сохранить боевое ядро в племенной полосе». Лидеру вазиров было отправлено 15 тыс. рублей золотом.

В августе 1921 г., когда стала очевидной тщетность попыток не допустить спада активных боевых действий в «независимой» полосе Британской Индии, Ф. Раскольников санкционировал план М. Али по созданию в этом районе конспиративного центра, который должен был бы координировать деятельность других антибританских «центров», действовавших в приграничных районах Северо-Западной Индии. Главной задачей «конспиративного центра» Раскольников считал создание «над-

ежного аппарата связи с Индией», а затем и с Россией через Памир.

Резидент Коминтерна в Афганистане предлагал Раскольникову организовать в Баджауре или землях мандатов новый «центр», который бы функционировал (с санкции местного мусульманского духовенства!) под видом легальной культурно-просветительской организации с типографией и школой. Задачи данного центра заключались в следующем:

1. Распространение пропаганды среди пуштунских племен.
2. Установление надежных каналов связи между Кабулом и Индией.
3. «Отыскание надежного пути в Россию через территорию независимых племен, минуя Афганистан».
4. Издание агитационной литературы для распространения в Индии.
5. «Осуществление террора в Индии», если возникнет необходимость.

На эти цели М. Али просил представителя Коминтерна в Афганистане Раскольникова выделить на первые три месяца 10 тыс. рупий. Сверх этой суммы 12 тыс. рупий Али планировал в виде ежегодной субсидии выплатить руководству «Комитета сподвижников священной войны». Резидент КИ не представлял себе реализации своего плана без тесного сотрудничества с этой организацией, влиятельной в зоне пуштунских племен.

В связи с этим с 1921 г. «Комитет сподвижников священной войны» стал получать ежемесячную субсидию в 1 тыс. рупий. Данная сумма не удовлетворила руководство этой организации, и оно не позволило прибывшему в конце 1921 г. представителю КИ Абдул Азизу создать в Чамарканде комитет III Интернационала. Более того, из-за враждебного отношения к нему Абдул Азиз был вынужден уехать в баджаурское селение Сеид-Аша. Выплата коминтерновской субсидии ваххабитам была временно прекращена.

В феврале 1922 г. временный председатель «Комитета» Фазл Илахи вновь прислал в Кабул Мохаммеда Ясина, который передал Раскольникову письмо лидера ваххабитов, в котором высказывал пожелание возобновить сотрудничество. Кроме

этого письма, Ф. Раскольников получил от Фазла Илахи рекомендательные письма от некоторых известных индийских политиков и рукописную копию соглашения, заключенного в 1915 г. «Комитетом сподвижников священной войны» с германским представителем в Кабуле. Этот документ свидетельствовал, что Германия в годы Первой мировой войны обязалась выплачивать этой организации огромные суммы, чтобы спровоцировать вооруженное антибританское восстание в зоне пуштунских племен. Копия этого договора должна была не только послужить образцом для выработки новых условий сотрудничества «Комитета» с Коминтерном, но, и, видимо, послужить некоторым оправданием за инцидент с Абдул Азизом. Желание Коминтерна использовать возможности ваххабитов для нелегальной работы в Британской Индии привело к возобновлению их сотрудничества. Как показали события ближайших лет, КИ не только увеличил финансирование «Чамаркандского центра», но и более трезво сформулировал цели и задачи перед его руководством.

Восстановлению контактов между советским полпредством и «Комитетом сподвижников священной войны» способствовал приезд в Кабул одного из лидеров этой организации, Мауланы Башира, общепризнанного вождя в борьбе пуштунских племен Вазиристана против Великобритании. Несмотря на то, что у Башира был явный «антагонизм к коммунизму», Ф. Раскольников выплатил ему 5 тыс. рублей золотом и договорился с ним о дальнейшей связи. В апреле 1922 г. Башир уехал в Чамарканд. Постепенно с помощью ваххабитов Коминтерн стал налаживать антибританскую работу в зоне пуштунских племен.

Установление сотрудничества с ваххабитами из Чамарканда не было единичным эпизодом в деятельности Коминтерна в Афганистане. Использование националистических партий, тайных обществ и признанных антибританских племенных лидеров против Англии с 1921 г. стало

обычным явлением в работе коминтерновских структур и советской разведки в Центральной Азии. Правда, при этом вопросы сбора развединформации, саботажа и диверсий в тылу английских войск становились первоочередными, а коммунистическая агитация среди трудящихся Востока отходила на задний план. Воинственные пуштунские племена были готовы получать помощь от любого врага Англии и упорно с оружием в руках сражаться против «инглизи», но твердо хранили верность своим обычаям и исламу. Ради достижения практических задач Коминтерну временно приходилось жертвовать идеологическими установками.

Ярким примером проведения подобной тактики в жизнь стало установление контроля Коминтерна над деятельностью Кабульского комитета партии Индийского национального конгресса (ИНК). Созданное летом 1921 г. в Кабуле единственное зарубежное представительство ИНК с момента своего возникновения оказалось удобной крышей для деятельности коминтерновских агентов в Афганистане. Так, глава Кабульского комитета доктор Нур Мохаммад, являясь одновременно представителем ИНК и Халифатского комитета за границей, обещал вероятнее всего М. Али «пригласить в Россию в Коминтерн официальных представителей национальных индреворганов». Лично Нур Мохаммад тесных контактов с советским посольством и Раскольниковым старался не поддерживать, но его ближайшее окружение почти полностью состояло из коминтерновских агентов. В руководство Кабульского комитета ИНК входил Обейдулла, который щедро финансировался М. Али; Икбал, уже известный читателю по делу Абдул Хака; Сафар Хасан, завербованный М. Али, и, разумеется, сам М. Али. В январе 1922 г. к ним присоединился и активно включился в нелегальную работу Мохаммед Шафик — секретарь созданной М. Роем в Ташкенте Коммунистической партии Индии.

С приездом Шафика нелегальная деятельность КИ среди представителей приграничных пуштун-

ских племен значительно усилилась. Не имея возможности из-за запрета афганских властей выехать в Индию, Шафик в Кабуле создал «Пограничную национальную партию» (ПНП), программа которой предусматривала освобождение пуштунов «независимой» полосы и Индии от английского господства. Работа ПНП в обязательном порядке предусматривала сотрудничество с афганским правительством, чтобы с его помощью добиться освобождения независимых племен от «английского ига». В связи с этим программа ПНП была отослана Аманулле-хану для одобрения, что вызвало недовольство Ф. Раскольникова.

Представитель КИ в Афганистане справедливо считал, что цели Коминтерна и афганского правительства в зоне пуштунских племен не совпадают. По этому поводу он писал в Исполком Коминтерна: «Революционная работа среди „независимых“ племен монархического Афганистана преследует аннексионистско-империалистические цели; мы же стремимся к действительной независимости племен и Индии. К тому же в данном случае не может быть гарантирована тайна, и, в случае поворота афганской политики, мы с головой будем выданы англичанам».

По этим соображениям Раскольников отказался обсуждать с руководством «Пограничной национальной партии» какие-либо вопросы о совместной работе среди пуштунских племен Британской Индии.

Не сумев привлечь внимание Ф. Раскольникова к ПНП, Шафик прервал с этой организацией связь и потратил коминтерновские средства на подготовку подрывных акций против англичан в Индии. В Кабуле ему удалось найти специалиста, изготовившего за 500 фунтов стерлингов 20 бомб, которые частями вместе с агитационной литературой были переправлены в административный центр СЗПП г. Пешавар. На транспортные и текущие расходы Шафик затратил еще 500 фунтов стерлингов. Столь большие траты его не смущали, и он запросил у Ф. Раскольникова новых денег.

Бесконтрольная активность Шафика, который не хотел фактически подчиняться приказам Ф. Раскольникова, довольно скоро закончилась. После жалоб советского полпреда его отозвали из Кабула, а затем отправили в Индию, где он в Пешаваре был арестован английской полицией и до 1927 г. находился в заключении. Судя по материалам Пешаварского процесса 1924 г. и по довольно

▲ Басмачи

мягкому приговору Шафику, эпизод с доставкой в г. Пешавар двух десятков бомб остался тайной для британской разведки. В противном случае одному из первых индийских коммунистов грозила бы смертная казнь, а не 3 года тюрьмы.

Бойкот Ф. Раскольниковым ПНП и отзыв Шафика из Кабула доказали, что Коминтерн стремился использовать приграничные пуштунские племена для подрыва британского господства в Индии, но не собиравшись помочь Афганистану включить «независимую» полосу в состав его территории. Воссоединение пуштунских земель под властью афганского монарха являлось бы ощутимым ударом по могуществу всей Британской империи в Центральной Азии. Однако в Москве в тот момент предпочитали использовать мятежи пуштунов в качестве детонатора для будущей «революции» в Индии.

По этой причине осенью 1921 г. закончилась провалом еще одна попытка пуштунских националистов получить помощь от советского посольства в Кабуле. Некто Абдул Вали-хан создал в афганской столице «Общество слуг Индии». Программа этой организации предусматривала борьбу против Англии «за объединение Афганистана с независимыми племенами и с Северо-Западной Пограничной провинцией Индии (с главным городом Пешаваром) и далее с Пенджабом и Белуджистаном». Без советского золота и вооружения «Общество слуг Индии» распалось уже через месяц. Правда, даже после этого при личных контактах с представителями советского посольства Вали-хан продолжал безрезультатно настаивать на срочном выделении приграничным племенам крупных денежных сумм.

Ведя тонкую игру, советские представители использовали Вали-хана в своих целях: с его помощью Ф. Раскольникову удалось установить связь с некоторыми вождями приграничных пуштунских племен. Кроме этого, Вали-хан использовался полпредством в качестве источника ценных сведений по Афганистану. Осознав бесперспективность своих попыток

получить крупномасштабную финансовую помощь от Советской России и КИ для пуштунов Британской Индии, Вали-хан сам прервал контакты с полпредством РСФСР в Кабуле.

Совсем в ином ключе развивалось сотрудничество Коминтерна с Обейдуллой и его сторонниками. По сообщениям Ф. Раскольникова в Москву, этот влиятельный в Афганистане индийский националист примыкал к левому крылу ИНК и считал, что приграничные пуштунские племена «являются главным внешним рычагом для ускорения и облегчения индийской революции». Через М. Али Ф. Раскольниковым было передано Обейдулле 2 тыс. фунтов стерлингов «для финансирования (антибританского. — Ю.Т.) движения среди независимых племен». Еще около 5 тыс. фунтов стерлингов было израсходовано Коминтерном на поддержку индийских националистов, примыкавших, скорее всего, к той же группе Обейдуллы.

Фактически денег на поддержку антибританской борьбы пуштунских племен «независимой» полосы полпредство РСФСР тратило значительно больше. По данным английской разведки, с октября 1922 до октября 1923 г. Ф. Раскольников потратил на эти цели 800 тыс. афганских рупий (по курсу кабульских менял — около 320 тыс. рублей золотом).

Ф. Раскольников считал пуштунские племена универсальным орудием, с помощью которого Советская Россия и Коминтерн могут влиять на афганское правительство и вести подготовку к будущей революции в Индии. В связи с этим, не жалея средств и сил, в условиях постоянной слежки афганской полиции и английских агентов в «независимой» полосе Британской Индии создавались опорные пункты Коминтерна. В 1922 г. таких конспиративных центров было пять.

Самым важным по своему значению и активности среди приграничных племен был так называемый чамаркандский центр «Комитета сподвижников священной войны».

18 января 1924 г. Исполком Коминтерна принял постановление

о создании в зоне пуштунских племен сети подпольных ячеек с целью активизации своей деятельности в районе индо-афганской границы. С помощью ваххабитов в Хайбарском проходе и Вазиристане удалось создать два комитета, финансировавшиеся КИ и выполнявшие его указания. Первоначально предполагалось создать подпольную группу в важном стратегическом центре г. Кветте, но «Комитет сподвижников священной войны» не смог этого сделать, так как в Белуджистане его влияние было ограничено.

Коминтерновская нелегальная группа в Хайбаре была создана в мае 1924 г. К этому времени в этот район тайно прибыл представитель Коминтерна (одновременно сотрудник советского посольства в Кабуле) У. Мистральский, который привез деньги и директивы для местных «активистов». Члены хайбарской группы осуществляли антибританскую пропаганду среди местных пуштунских племен афридиев и момандов. Главной задачей этой группы было всеми способами добиваться вывода британских войск из Хайбарского прохода.

В г. Ване коминтерновская группа начала свою работу в июле 1924 г. Ей поручалось создать обширную нелегальную сеть в Вазиристане и Белуджистане. Учитывая особенности обстановки в относительно спокойном Хайбаре и мятежном Вазиристане, Коминтерн использовал различные способы для подрыва британских позиций в зоне пуштунских племен. В Хайбаре велась активная пропаганда с целью убеждения афридиев не служить в частях британской армии, бойкотировать английские товары и не выполнять распоряжений британских властей. Эта работа принесла результаты: англичане вынуждены были приступить к вербовке мужчин из других племен. Кроме этого, в иррегулярных племенных формированиях, созданных британскими властями, были основаны коминтерновские ячейки.

В Вазиристане, где еще оставались очаги вооруженного сопротивления британским войскам, коминтернов-

цы призывали племена к восстанию против Англии. Большое внимание также уделялось выявлению британской агентуры среди племен. К концу 1924 г. ванская группа смогла создать свои опорные пункты близ форта Сандемана.

Антибританская деятельность Коминтерна в зоне пуштунских племен потребовала больших средств, которые ваххабиты и их сторонники получили в необходимом количестве. Так, к декабрю 1924 г. хайберская группа истратила 12 447 фунтов стерлингов, а ванская — 4 216 фунтов стерлингов.

Сеид-Ашанский центр в Баджауре возглавлял Гулям Мохаммад Азис,

рекомендованный на эту работу М. Али. Будучи кадровым военным, Гулям Азис смог организовать среди местной молодежи школы «для воспитания патанских революционеров» и начать работу среди английских войск, вероятнее всего, среди различных племенных формирований, нанятых на британскую службу. Ему удалось доставить в горы печатный станок и приступить к выпуску агитационной литературы.

В одной из листовок содержался призыв к горцам продолжать борьбу против англичан, несмотря на мирный договор между Афганистаном и Англией. Возможно, именно в этой

агитке афганцев обзывали «свиньями» за то, что они прекратили войну против англичан. Возмущенный Г. Чичерин вынужден был лично вмешаться, чтобы пресечь подобную коминтерновскую «самодеятельность», провоцировавшую ухудшение отношений с Афганистаном. Ф. Раскольников также придерживался мнения, что связь с этим центром придется прекратить, если Гулям Азис «будет продолжать выпуск таких, противоречащих духу нашей политике в Индии, воззваний».

Дальнейшая судьба коминтерновского центра по архивным документам не прослеживается. Видимо, его деятельность была недолгой. Прежде всего, из-за того, что британские власти оперативно предприняли энергичные меры для ликвидации в «независимой» полосе тайных военных школ для пуштунских юношей. Объективности ради надо отметить, что большая часть этих учебных заведений возникала без какой-либо помощи извне. Сами племена были заинтересованы в том, чтобы их соплеменники — ветераны Первой мировой войны — передали свой боевой опыт молодежи, а Коминтерн пытался использовать данную ситуацию в своих целях.

Так, в Дире был создан еще один коминтерновский «центр» во главе с личным другом все того же М. Али неким Макфи, который также начал создавать школы в полосе «независимых» племен...

Крупным успехом Коминтерна в Британской Индии было установление сотрудничества с лидером горных момандов Турангзаем, многотысячные отряды которого ранее неоднократно угрожали административному центру СЗПП г. Пешавару. Разумеется, с мусульманским богословом такого высокого уровня взаимодействие коминтерновских агентов было возможно только на основе совместной вооруженной борьбы против Англии. Любая коммунистическая агитация среди верных Турангзаю момандов в газиабадском «центре» привела бы к немедленному разрыву с этим племенным лидером. Очевидно, что

▲ Абдурахман хан

▲ Пограничная тропа

советскому полпредству связь с ним удалось установить через чамаркандских ваххабитов.

Весной 1922 г. вместе с первыми достижениями в зоне пуштунских племен Ф. Раскольников фактически был вынужден констатировать провал плана М. Али и создать единый антибританский центр в районе северо-западной границы Индии. Столкнувшись с разобщенностью приграничных племен, Ф. Раскольников с горечью был вынужден доложить в НКВД: «Разложение как результат реакции, разрозненность отдельных племен и отдельных представителей племен, отсутствие объединяющей все племена организации, желание каждого представителя племен быть главарем и вытекающие из этого личные склоки на почве соревнования являются весьма серьезным преткновением для нашей работы среди племен. Нам приходится размениваться на переговоры с каждым

отдельным „вождем“ и расплывать нашу субсидию на мелкие подачки. Эта неспособность восточных людей к организационному объединению и их мания величия уже неоднократно тормозила нашу революционную деятельность на Востоке...».

Нежелание пуштунов объединиться для подготовки революции в Индии не могло не раздражать Раскольникова, но «неорганизованность» восточных националистов не мешала ему использовать их для сбора разведывательной информации о ситуации в «независимой» полосе и сведений об английских войсках, сконцентрированных на индо-афганской границе. Коминтерновские агенты снабжались полпредством специальной анкетой, в которой содержался перечень вопросов, интересовавших советских представителей в Кабуле.

Прежде всего Коминтерну было необходимо иметь точные данные

о всех антибританских «центрах», действовавших в то время в «независимой» полосе: их точное местонахождение; финансовые возможности; количество вооружения, которым они располагают; их связи с другими организациями и степень влияния среди приграничных племен; их связи с Кабулом (особенно с иностранными посольствами там). Кроме этого, агенты Коминтерна должны были собрать точные сведения о потребностях центров в оружии, деньгах и агитационной литературе. В опроснике Ф. Раскольникова особо оговаривался пункт о надежном способе пересылки оружия, чтобы оно не попало в руки англичан и афганских властей. Одним словом, Коминтерн хотел выявить наличие различных националистических организаций в зоне пуштунских племен, чтобы некоторым из них оказать помощь и вовлечь в сферу своего влияния.

Вероятнее всего, что одновременно с решением этой задачи осуществлялась и негласная ревизия тех центров, которые уже получали деньги от Коминтерна. Зная тягу восточных деятелей к золоту и интригам, такая бдительность была вполне оправданной.

Вторая часть «опросника Раскольникова» была посвящена выяснению военного потенциала «независимых» пуштунских племен. В первую очередь Коминтерн интересовало количество и качество оружия, имевшегося у горцев. Кроме этого, Коминтерн требовал от Ф. Раскольникова данных относительно того, в какой степени племена пострадали от карательных операций британских войск и неурожая 1921 г. и «сколько воинов можно ожидать от каждого отдельного племени в случае необходимости». Коминтерновские агенты должны были собрать также информацию о связях племен с афганским правительством, включая сведения о реакции патанов на призыв эмира поддерживать с Англией мир в течение ближайших 3 лет.

Другим направлением деятельности коминтерновской агентуры в СЗПП была «работа» по хассадарской системе. Иррегулярные племенные формирования, сформированные британскими властями в «независимой» полосе, вызывали пристальный интерес Коминтерна по ряду причин.

1. В самой «независимой» полосе эти части были довольно эффективным, хотя достаточно дорогостоящим средством укрепления английского влияния среди горных племен.

2. Хассадары, как местные жители, были наиболее опасны при проведении любых антибританских акций в зоне пуштунских племен.

3. Для многих хассадаров английская служба была вынужденной, чтобы не умереть с голода. Даже получая плату от колониальной администрации, многие из этих пуштунов продолжали ненавидеть Великобританию. Они были готовы поднять мятеж при любом удобном моменте или вести за деньги агентурную работу против «инглизи».

Разумеется, самую подробную информацию агенты Коминтерна должны были собирать о численности, дислокации, укреплениях и вооружении британских войск в «независимой» полосе. Поэтому большая часть «опросника Раскольникова» была посвящена этой проблеме. При этом особое внимание уделялось новым фортификационным сооружениям, построенным Англией в последнее время (численности их гарнизонов и количеству артиллерийского вооружения), а также военным дорогам.

Пуштуны за деньги с большой готовностью предоставляли требуемую информацию коминтерновским агентам и оказывали им посильное содействие в их работе против Англии. Однако в Москве, видимо, решили, что для большей эффективности советской разведки в зоне пуштунских племен должны работать хорошо подготовленные профессионалы, а не революционеры-любители. Порой дело доходило до курьезов. Так, весной 1922 г. Ф. Раскольников не разрешил распространение среди приграничных пуштунских племен коминтерновской агитационной литературы на английском и персидском языках, так как на брошюрах были проставлены знаки советских типографий.

Активная деятельность коминтерновской агентуры в Афганистане в 1921—1922 гг. стала серьезным препятствием для нормализации отношений между Кабулом и Лондоном. Для проведения реформ Аманулла-хан нуждался в мире с Англией, поэтому в 1922 г. афганские власти были вынуждены принять меры для прекращения активной антибританской деятельности в своей стране. В этом году из Афганистана были выдворены самые важные агенты Коминтерна и лица, связанные с ними. В октябре 1922 г., не дожидаясь выдворения из Афганистана, в Ташкент прибыл Обейдулла с группой единомышленников. К тому времени он уже был фактическим главой «Временного правительства Индии» в Кабуле и одновременно руководил Кабульским комитетом ИНК. Демон-

стративным отъездом из Афганистана Обейдулла хотел показать индийским иммигрантам, что им больше нельзя рассчитывать на помощь Амануллы.

Однако Обейдулла не хотел сдаваться без боя. Он решил убедить советское правительство «купить сочувствие Кабула хотя бы ценой взятки». Обейдулла просил Кремль предоставить ему заем в 10 млн рупий. С помощью этой суммы он при поддержке военного министра Надир-хана надеялся добиться «охлаждения англо-афганских отношений», чтобы создать условия для использования Афганистана в качестве «базы для революционной работы в Индии и среди (пуштунских. — Ю. Т.) племен». В НКВД этот план был отвергнут из-за его нереальности.

Хотя, возможно, за фантазиями Обейдуллы уже в то время скрывалась первая попытка Надир-хана найти для себя могущественного покровителя для свержения Амануллы-хана. Так или иначе, но Обейдулла привез с собой письма Надир-хана, в которых тот жаловался на свою судьбу опального генерала и критиковал «бухарскую политику» эмира. Готов ли был в тот момент Надир-хан пойти на военный переворот в Кабуле, от Обейдуллы выяснить так и не удалось, что еще раз убедило советское руководство в авантюризме индийского лидера и в невозможности продолжать нелегальную работу в Афганистане и Индии старыми методами.

В 1922 г. кабульский центр индийских националистов, действовавших в Афганистане с начала Первой мировой войны, прекратил свое существование, а активная работа Коминтерна в этой стране была временно парализована. В связи с этим уже в 20-х годах разведдеятельность в Афганистане и «независимой» полосе Британской Индии в значительной степени перешла под контроль советской разведки, которая, несмотря на выдворение членов прежнего нелегального ядра в Кабуле, все же получила довольно солидное коминтерновское «наследство» как в Афганистане, так и в Северо-Западной Индии.

ПАМИРСКИЙ ФОРПОСТ

Нежелание афганских властей предоставить свободный транзит для советского вооружения племенам «независимой» полосы Британской Индии вынуждало РСФСР и Коминтерн искать нелегальные пути в обход центральных районов Афганистана. В связи с этим Я. Суриц, Джемаль и М. Рой уделяли особое внимание памирскому маршруту для связи с Индией. 10 февраля 1921 г. Я. Суриц отправил в НКВД телеграмму, в которой сообщил, что для реализации этого плана он собирается отправить на Памир «офицера-генштабиста» для уста-

новления устойчивых контактов с Читралом и Баджауром. Необходимость такого шага полпред объяснял следующим образом: «При удаче Памиры смогут сыграть роль посреднического центра между Индией и Туркестаном. [...] Связь Памиры (так в документе. — Ю. Т.) могла бы послужить главным образом для перевозки оружия и ослабила бы зависимость нашей индийской работы от Афганистана».

Выбор Памира (или, как его еще называют, «Крыши мира») в качестве плацдарма для разведывательных и подрывных операций против Британской Индии был мерой вынужденной, так как гипотетически возможная транспортировка воо-

ружия в высокогорной местности являлась крайне трудным делом, даже при наличии хорошо оборудованных баз до индийской границы. А на Памире после прихода к власти в России большевиков царил полный развал: офицеры и солдаты с оружием и казенным имуществом уходили за кордон, чаще всего в Индию; многие погранзаставы были разграблены местным населением и китайцами. В 1919 г. сам Памирский пост охраняли не российские пограничники, а 100 пленных чехов и словаков, единственной мечтой которых, скорее всего, было вырваться из этой горной западни и как можно скорее вернуться домой. Особо надо отметить активность

▲ Погранразъезд

басмаческих формирований в Ферганской долине, которые на длительное время отрезали Памир от Ташкента. В связи с этим установление Советской власти на «Крыше мира» произошло лишь в 1921 г.

Правда, до этого в течение года там действовал отряд Красной Армии под командованием Семькина. Столь длительное пребывание этой воинской части на Памире было расценено в Советской России как важное политическое событие. В октябре 1920 г. комиссар Туркестанского фронта обратился к бойцам, воевавшим на Памире, с воззванием, в котором говорилось: «Товарищи Памирского отряда, вам поручена ответственная задача. Советская республика направила вас на Памирский пост на границе с дружественным Афганистаном и Индией. Памирские горы отделяют революционную Россию от Индии, в которой 300 млн жителей поработаны англичанами.

На этом горном плато вы, вестники революции, должны поднять красный флаг освободительной армии. Народы Индии, борющиеся против их английских угнетателей, скоро узнают, что дружеская помощь близка.

Своим соседством с свободными племенами Северной Индии вы словом и делом ускоряете их революционный прогресс [...]».

Чтобы превратить Памир в базу для ведения разведки в сопредельных странах и экспорта революции в Индию, летом 1921 г. под руководством ТуркЧК в срочном порядке в г. Оше был сформирован специальный Памирский экспедиционный отряд под руководством чекиста Т. Дьякова, заместителем которого являлся молодой комсомолец Михаил Аллахвердов, которому через 20 лет по личному распоряжению И. В. Сталина предстояло стать резидентом советской внешней разведки в Афганистане в период Великой Отечественной войны.

Памирская экспедиция планировалась и осуществлялась как общая операция ТуркЧК, Разведывательного управления Туркфронта и НКВД.

Первое ведомство представлял Т. Дьяков, Разведупр — Евгений Петровский, а политическую разведку на Памире по линии НКВД предстояло осуществлять Эрнесту Пумпуру.

Уже по пути в Хорог Т. Дьяков установил в отряде железную дисциплину, которая, видимо, требовалась для скорейшего прибытия к месту назначения. 18 сентября 1921 г., когда 150 офицеров и красноармейцев достигли Хорога, большинство из них были полураздеты и больны. Одежды и медикаментов не было. Об условиях несения будущей пограничной службы весьма красноречиво говорило местное название этого района — Подножие смерти.

Материальные трудности усугублялись острым соперничеством между представителями трех ведомств, у которых теоретически была общая цель — укрепление Советской власти на Памире и создание разведсети в сопредельных странах. Однако уполномоченный Особпункта ТуркЧК Т. Дьяков своими непродуманными действиями и резким характером едва не испортил все дело.

Кроме субъективных факторов, были, разумеется, и объективные причины возникновения вражды между руководителями памирской экспедиции. Перед контрразведчиком Т. Дьяковым стояла задача пресечения английского и афганского шпионажа на советской территории. Памир в то время представлял собой проходной двор для разных темных личностей, среди которых многие были платными агентами англичан.

Кроме этого, население этого района принадлежало к мусульманской секте исмаилитов. За многие века они выработали строгую систему конспирации как внутри своей общины, так и вне ее. Их тайные каналы связи охватывали всю Центральную Азию и уходили в Британскую Индию, где проживал глава секты принц Ага-хан. Такая ситуация вызывала серьезное беспокойство еще у представителей царской администрации в Туркестане, но за десятки лет перекрыть утечку золота и информации к Ага-хану они так и не смогли.

Имея в своем распоряжении лишь 30 сотрудников, Т. Дьяков попытался бороться с этой мощной исмаилитской организацией (!), да еще и с британской и афганской агентурой. Видимо, осознание своего бессилия породило в нем шпиономанию. Он стал подозревать в предательстве даже Э. Пумпура и Е. Петровского. Последнего Т. Дьяков через некоторое время все же необоснованно арестовал.

Представители Разведупра и НКВД попали под подозрение Т. Дьякова, так как, исходя из реальных условий, стали использовать для агентурной работы исмаилитские структуры. Так, Пумпур смог привлечь к сотрудничеству ишана Поршневого Юсуфа Али Шо, через людей которого установил связь со многими зарубежными населенными пунктами.

Афганистан также пытался тайно использовать исмаилитов. Агенты эмира специально распускали слухи, что российский Памир скоро перейдет к Афганистану. В этих условиях исмаилитские ишаны, которых в XIX в. называли «иезуитами Востока», оправдали свою репутацию ловких и коварных людей: они интриговали со всеми противоборствующими силами на Памире, всегда имея в виду лишь свои интересы.

У Э. Пумпура и Е. Петровского хватило мудрости и сил, чтобы развернуть работу в архисложных условиях, а Т. Дьяков лишь мешал закордонной деятельности своих коллег. Через год он был переведен на другую должность в системе ВЧК...

Однако не только суровые природные условия и распри в командном составе затрудняли деятельность Памирского отряда. По прибытии в Хорог неожиданно выяснилось, что радиосвязь с командованием Туркестанского фронта установить невозможно, так как самодельный радиопередатчик оказался сломанным. В этих условиях регулярную связь с Ташкентом возможно было поддерживать лишь при содействии афганских властей через советское полпредство в Кабуле. На советской территории курьеры не могли про-

рваться через басмаческие заслоны...

В связи с этим командование Памирского отряда попыталось наладить нелегальную связь с Ф. Раскольниковым, но потерпело полное фиаско: тайный агент, посланный с донесением в Кабул, был схвачен афганскими властями. Через некоторое время Э. Пумпуру все же удалось переправить советскому послу в Афганистане донесение, в котором представитель НКВД на Памире просил Ф. Раскольникова добиться от Амануллы-хана разрешения на официальную связь между Хорогом и полпредством в Кабуле. Согласие эмира на это было получено, и, таким образом, информационная блокада Памирского отряда была прорвана.

С использованием шифров и средств тайнописи секретные разведдонесения от Э. Пумпура порой доставлялись в Кабул... афганской почтой, что значительно экономило время и средства. Часть секретной информации из Хорога вскоре пошла по агентурному каналу в советское консульство в г. Мазари-и-Шариф. Очевидно, что эту нелегальную линию связи чаще всего использовала военная разведка, так как Северный Афганистан был в первую очередь в сфере влияния этой спецслужбы.

Одним словом, длинным круглым путем через Афганистан разведывательная информация, собранная на Памире, стала регулярно поступать в Ташкент и Москву. Аманулла-хан по ряду причин оказал в этом помощь советской стороне. Большую роль в первых успехах советской разведки при работе на Памире сыграла и продажность афганских чиновников...

К началу 1922 г. Э. Пумпур, не жалея средств, наладил хорошие отношения с местными эмирскими властями, и его люди смогли беспрепятственно курсировать между Хорогом и различными районами Афганистана, Кашгари, Северной Индии. Все советские агенты были снабжены подлинными афганскими паспортами, купленными у тех же «верных слуг» эмира. Благодаря надежным документам руководству Памирского отряда удалось избе-

жать крупных провалов в нелегальной работе за рубежом. Если агента по дороге не грабили или не убивали местные разбойники, то он доходил до пункта назначения и выполнял свое задание.

Первых успехов советской разведке в северных районах Афганистана и Индии удалось достичь в значительной степени благодаря сотрудничеству с исмаилитами, которые за деньги работали на любую власть. С большой долей уверенности можно также предположить, что Э. Пумпуром и его коллегами была задействована и дореволюционная закордонная сеть, которую передал своим преемникам бывший начальник Памирского отряда царский полковник Д. Ягелло, перешедший на сторону Советской власти. Однако вряд ли ее можно было использовать для контрабанды крупных партий вооружения приграничным пуштунским племенам, как это первоначально замыслили Я. Суриц, Джемаль и М. Рой.

Видимо, это осознавал и Э. Пумпур, но он успокаивал свое руководство тем, что само «появление Советской власти на Памире дает энергичный толчок борющимся свободным племенам, знающим, что только узкая полоса „буфера“, афганский Вахан, отделяет их от страны, высоко держащей знамя свободы и равенства народов». Однако революционные лозунги не могли устранить многочисленных препятствий, с которыми сталкивалась советская разведка, налаживая коридор в Индию.

Талант разведчика и наличие финансовых средств все же позволили Э. Пумпуру уже к весне 1922 г. «наладить зарубежную связь» и создать резидентуры в административном центре Каттагана г. Ханабаде (Афганистан), в г. Яркенде (Китай) и в североиндийских городах Читрале и Гильгите. В 1922 г. советские агенты с Памира смогли также обосноваться в пуштунском княжестве Дир и проложить маршрут до центра СЗПП г. Пешавара. Таким образом, в северной части зоны патанских племен Британской Индии была создана достаточно разветвленная разведсеть,

способная оперативно собирать и передавать в экстремальной ситуации информацию об обстановке на индо-афганской границе и в Северной Индии.

Разведка в Индии была самой сложной для Э. Пумпура. В одном из своих донесений в НКВД он писал, что прямой путь для разведчика, направленного с Памира в Индию через Читрал и Гильгит, был практически невозможен из-за большой концентрации английских войск в этом районе. В этих условиях приходилось искать обходные пути через г. Яркенд, выгодное расположение которого позволило советской агентуре собирать сведения не только о Кашгари, но и о ситуации в Северной Индии.

Проверкой надежности каналов связи между Памиром и Северной Индией стала переброска нескольких индийских революционеров, прошедших обучение в Ташкенте и Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) в Москве.

После ликвидации в Туркестане Туркбюро КИ, что было одним из условий нормализации политических отношений с Великобританией, наиболее надежных «индусских» товарищей из Средней Азии перевели на учебу в Москву. Оставшаяся часть индийцев в Бухаре окончательно разложилась, погрязнув в склоках. В связи с этим представитель ЧК в Туркбюро Коминтерна М. Шультман называл индийскую иммиграцию в Туркестане не иначе как «мертвым телом индусского революционного движения».

В этих условиях для Коминтерна было важно как можно быстрее переправить своих лучших людей в Индию, чтобы на месте создать коммунистическое подполье и начать реальную борьбу против англичан. Кроме этого, М. Рою было крайне необходимо доказать, что огромные суммы золота и валюты, истраченные им в Ташкенте, не были пущены на ветер и начинают приносить реальные плоды.

В связи с этим недоучившихся студентов индийской секции КУТ-Ва летом 1922 г. срочно направили

в распоряжение инструктора Туркбюро Николая Гольдберга, который разработал план переброски 10 человек через Памир в Читрал и далее в Калькутту. Согласно замыслу Н. Гольдберга, индийцы должны были отправиться с Э. Пумпуром к Хоругу, но для соблюдения конспирации, не доезжая до этого поста, тремя группами с промежутком в 2 недели (этот график выдержан не был) должны были отправиться с проводниками в Индию. Э. Пумпур гарантировал «безопасный проезд по Вахану» и снабдил индийцев подлинными британскими документами.

Как всегда, отправка индийцев на родину едва не сорвалась, так как Коминтерн не выдал Н. Гольдбергу необходимые средства в совзнаках и валюте. В последний момент необходимая сумма пришла от Ф. Раскольникова из Кабула. Смета переброски

коминтерновцев в Индию составляла крупную сумму: 35 250 советских рублей и 4 700 афганских рупий (1 568 золотых рублей). Даже без учета трат в рублях эта коминтерновская операция обошлась НКВД почти в 160 царских червонцев! Россия лежала в разлуке после Гражданской войны, а русское золото продолжало расточительно расходоваться ради мифической мировой революции.

В ночь на 11 ноября 1922 г. первая группа из 4 человек (Абдул Маджид, глава группы, Фероз Уддин, Рафик Ахмад и Набиб Ахмад) в рекордно короткие сроки благополучно достигла Читрала. Однако на этом везение индийцев закончилось, так как уже утром власти княжества передали их в руки англичан. 23 ноября такая же участь постигла вторую группу из 3 человек. Следует отметить, что 2 пуштуна из кутвовцев достигли

«независимой» полосы, остались там и были арестованы британскими властями позднее, в 1923 г. Таким образом, первая крупная переброска агентов Коминтерна через Памир в Читрал полностью провалилась. В апреле—мае 1923 г. в г. Пешаваре состоялся «Процесс о московско-ташкентском заговоре», который подвел итог совместной неудачной операции КИ и советской разведки в Индии.

Печальные события 1922—1923 г. стали для советской разведки и Коминтерна суровым уроком. Судя по архивным документам, Памир остался «наблюдательной вышкой» советской разведки, но заброска агентуры за кордон из этого района осуществлялась крайне редко, а Коминтерн, избегая лишнего риска, продолжил использование «афганского коридора» для своей деятельности в Северной Индии. ■

ВЛАДИМИР СТРЮКОВ

ОПЕРАЦИИ ГУКР СМЕРШ НКО СССР

▲ Курская битва

Советским спецслужбам в лице НКВД и Главного управления контрразведки Смерш НКО СССР во взаимодействии с военной разведкой Красной Армии удалось осуществить целый комплекс мер по стратегической дезинформации немецкой разведки и военного командования, перехвату каналов проникновения вражеской агентуры в тыл Красной Армии, внедрению своих закордонных агентов в германские разведывательно-диверсион-

ные школы. В документах советской контрразведки такие специальные операции получили для обозначения заглавную литеру «Э» (по первой букве слова «эфир»).

Зачинателями радиоигр с использованием захваченных агентов-радиостов разведывательных органов фашистской Германии, можно сказать, первопроходцами в этом важном деле, его организаторами явились два замечательных чекиста: начальник отдела центрального аппарата

военной контрразведки майор государственной безопасности Петр Петрович Тимофеев и начальник отделения этого же отдела капитан государственной безопасности Владимир Яковлевич Барышников.

Чекисты начали «войну в эфире» с германскими спецслужбами зимой 1942 года. Первое время эту работу одновременно вели 4-е управление НКВД СССР под руководством П. А. Судоплатова, и 1-й (немецкий) отдел 2-го управления, возглавля-

▲ Антонов А.И.

▲ Кузнецов Ф.Ф.

▲ Тимофеев П.П.

емый П.П. Тимофеевым. В составе этого отдела функционировало специальное отделение по радиоиграм (начальник отделения Н.М. Ендаков). В радиоиграх с противником активное участие принимали и территориальные подразделения органов госбезопасности.

На активизацию этой работы и координацию действий всех советских спецслужб нацеливал приказ НКВД СССР №00566 от 20 марта 1942 года, в котором говорилось: «...Учитывая необходимость усиления радиоконтрразведывательной работы, наркомам внутренних дел союзных и автономных республик и начальникам управлений краев и областей, где дислоцированы контрольно-слежечные радиостанции и перенгаторские пункты, обеспечить тесную связь между 2 и 5-м спецотделами для использования расшифрованных материалов радиоперехвата в интересах контрразведывательной работы. В этих же целях обеспечить тесную связь вторых спецотделов с оперативными отделами и следственными частями... Кроме того, необходимо уделить серьезное внимание радиоразведывательным станциям и пеленгаторным пунктам и оказать необходимую помощь в их работе».

По своим основным целям радиоигры, которые вели советские контрразведчики с немецкими разведывательными органами, можно разделить на следующие виды:

1. Борьба с вражеской агентурой в прифронтовой полосе, задача которой — создание (с помощью захваченных или сдавшихся вражеских диверсантов) уверенности в активных действиях своих агентов в прифронтовой полосе, что рождало у противника известную самоуверенность и удерживало его от активных действий.

2. Противодействие разведывательно-диверсионным действиям немецких агентов на транспортных коммуникациях СССР, в этом случае радиоигры были весьма эффективным способом создания у гитлеровского командования впечатления об активном действии своей агентуры в тылу противника, а чекистам позволяло фактически парализовать шпионскую деятельность.

3. Борьба с германским шпионажем в промышленных центрах Урала и Сибири.

4. Противодействие немецким шпионам и диверсантам за пределами СССР.

Главной целью радиоигр было оказание реальной помощи Крас-

ной Армии на полях сражений, что достигалось путем систематической передачи врагу военной дезинформации (радиоигры «Двина», «Узел», «Знакомые», «Развод», «Бурса», «Явка», «Танкист» и др.). Продвижение стратегической дезинформации в немецкие разведцентры сотрудники 3-го отдела ГУКР Смерш осуществляли в тесном контакте с руководством Генерального штаба Красной Армии в лице его начальника маршала Советского Союза А.М. Василевского и его заместителя генерала армии А.И. Антонова и начальника Главного Оперативного управления генерал-полковника С.М. Штеменко, а также начальника Разведывательного управления Красной Армии генерал-полковника Ф.Ф. Кузнецова, под личным контролем И.В. Сталина.

Передача в эфир военной дезинформации проводилась только после утверждения Генштабом текстов радиограмм, подготовленных контрразведчиками с учетом почерка каждого агента и легенды о его разведывательных возможностях.

Организуя радиоигры, органы советской контрразведки ставили перед собой оперативную задачу — парализовать работу вражеских спецслужб по основным линиям их деятельности: ведению шпионажа

в прифронтовой полосе и на основных транспортных коммуникациях страны (радиоигры «Опыт», «Загадка», «Находка», «Борисов», «Контролеры», «Лесники» и др.); стратегической разведке в промышленных районах Урала, Сибири и Средней Азии (радиоигры «Фисгармония», «Дуэт», «Патриоты», «Тайник» и др.); проведению на территории СССР диверсий и террористических актов против военных, советских и партийных руководителей (радиоигры «Подрывники», «Десант», «Туман» и др.); созданию в Советском Союзе так называемого «фронта сопротивления» или «пятой колонны» путем объединения различного рода анти-советского элемента и обеспечения его необходимым вооружением (радиоигры «Монастырь», «Янус» и др.); организации вооруженных выступлений против Советской власти в национально-территориальных образованиях СССР (радиоигры «Арийцы», «Разгром», «Тростники» и др.).

В ходе радиоигр сотрудники ГУКР Смерш постоянно совершенствовали формы и методы борьбы с противником. В частности, большое внимание уделялось радиоинтерразведке и дешифровке полученных данных с использованием новейших оперативно-технических средств. Для фиксации

работы агентурных радиостанций противника на территории, занятой советскими войсками, формировались специальные розыскные радиопеленгаторные группы.

С весны 1943 года все радиоигры, кроме операций «Монастырь» и «Березино», оставленных за 4-м Управлением НКГБ СССР, были переданы в ведение ГУКР Смерш НКО СССР. С каждым годом войны ширились масштабы дезинформационных операций, совершенствовалась и улучшалась тактика проведения радиоигр.

Специфические условия ведения войны в эфире требовали от контрразведки четкого и непрерывного взаимодействия со штабами и частями ПВО, которые давали ценную информацию о полетах авиации противника. Использование радиоигр с противником позволило советской контрразведке широко применять разного рода агентурные комбинации по перехвату каналов и линий связи немецкой разведки, выявлению и нейтрализации агенты противника, внедрению советских разведчиков в разведшколы Абвера и СД. Установление радиоконтакта с противником и дальнейшие оперативные мероприятия в ряде случаев позволяли вскрыть и стратегические планы германского командования.

В 1944-1945 годах контрразведчикам «Смерш» удалось не только парализовать подрывную работу германских спецслужб по всей ее линии, но и перехватить инициативу, применяя оружие противника против него самого. Решение этой задачи способствовали радиоигры с противником, проводившиеся советской контрразведкой с использованием захваченных вражеских агентов. С помощью радиоигр решалась еще не менее важная задача — оказать реальную помощь Красной Армии на полях сражений путем передачи противнику дезинформационных сведений военного характера.

Всего за годы Великой Отечественной войны органами советской контрразведки было проведено 183 радиоигры с противником, ставших, по сути, единой «Большой игрой» в радиоэфире. На немецкую разведку и контрразведку обрушилось колоссальное количество умело подготовленной и выверенной дезинформации, значительно снизившей эффективность разведывательно-диверсионной работы спецслужб противника.

В Главном Управлении контрразведки «Смерш» эта работа была возложена на 3-й отдел под руководством Барышникова Владимира Яковлевича. На протяжении всей войны тяжелая ноша по подготовке и ведению радиоигр с немецкой разведкой легла на плечи ведущих оперативных сотрудников отдела: Д. П. Тарасова, Г. Ф. Григоренко, И. П. Лебедева, С. Елина, В. Фролова и других сотрудников.

Курская битва, Белорусская и Яско-Кишиневская наступательные операции советских войск — вот далеко не полный перечень сражений, на исход которых, в той или иной степени, оказала работа советских органов государственной безопасности по дезинформации врага и обеспечению скрытности подготовки к наступлению.

С конца 1941 года по сентябрь 1943 года в оперативных играх было задействовано 80 захваченных вражеских агентов с рациями, работавших под диктовку органов

государственной безопасности. При этом наблюдалась тенденция к увеличению числа радиоигр. Например, если в марте 1942 года было задействовано 7 радиоточек, то через месяц их число возросло до девяти, а в мае их насчитывалось уже десять. К концу 1943 года было задействовано 56 радиостанций, изъятых у заброшенных на территорию СССР шпионских групп. При этом почти все требования со стороны агентов об оказании им той или иной помощи выполнялись Берлином беспрекословно. Это свидетельствовало о полном доверии разведцентров противника к агентам и о высоком профессионализме работы советских контрразведчиков. В период с 1942 по 1943 год началась работа 83 новых радиоточек (не учитывая тех, которые уже работали с 1941 года).

Результаты весьма и весьма значительные. С 1 мая по 1 августа 1942 года советская военная контрразведка передала вражеским разведорганам ложные сведения о сосредоточении на различных направлениях советско-германского фронта 255 стрелковых дивизий, 3 танковых армий, 6 танковых корпусов, 53 танковых бригад, 80 артиллерийских полков, 6 кавалерийских дивизий и 3 армейских штабов.

В декабре 1942 года были успешно завершены мероприятия по дезинформации Абвера в отношении концентрации наших войск на Волховском направлении. В течение декабря 1942 — января 1943 годов наши контрразведчики передали в разведывательные центры противника дезинформационные сведения о перевозке советских войск и техники в районы Тихвина и Волхова. Ложные сообщения поступали к противнику из Вологды, Бологого, Ярославля, Рыбинска, Калинина и других городов.

В январе 1943 года гитлеровской разведке были сообщены ложные сведения о формировании в Горьком резервной армии, что толкнуло немецкое командование на пересмотр плана дислокации своих войск, что выгодно было использовано советским командованием.

▲ Тарасов Д.П.

Радиоигры продолжались до мая 1945 года. Например, в январе 1945 года было задействовано шесть радиоточек: «Ревизор», «Запоздалые», «Связисты», «Ключ», «Братья» и «Туристы». В феврале — четыре: «Диверсанты», «Вега», «Корни» и «Странники». В марте — шесть: «Дезертиры», «Проба», «Лабиринт», «Туман», «Цепь» и «Вальд». В апреле — четыре: «Звено», «Пограничники», «Организаторы» и «Финал»...

Последняя была самой короткой — 20 суток. Она закончилась в день официальной капитуляции фашистской Германии.

С 1 октября 1943 года по 1 мая 1944 года советской контрразведкой переброшены в тыл противника 245 зафронтовых агентов, в том числе 50 перевербованных германских разведчиков; вернулись по выполнению заданий — 102. Внедрились в разведорганы — 57, из них 31 вернулся (из указанных 102), остались выполнять задания Смерш — 26. В ходе операций перевербовано 69 германских разведчиков, из них по паролю в советские органы госбезопасности явились 29, остальные остались в немецких разведшколах. По данным разведчиков, возвратившихся из тыла врага, задержано 43 германских агента. Всего за ука-

▲ Штеменко С.М.

занный выше период было выявлено 620 официальных сотрудников и 1 103 агента разведорганов. Из числа выявленных агентов арестованы органами Смерш — 273.

В этом отношении показательна операция Управления контрразведки Смерш 1-го Прибалтийского фронта по внедрению К.С. Богданова в Смоленскую диверсионную школу. Бывший командир взвода младший лейтенант Красной Армии Богданов попал в плен в августе 1941 года, был завербован германской военной разведкой, после чего прошел обучение в Смоленской диверсионной школе. Когда его перебросили с диверсионным заданием в советский тыл, он без колебаний добровольно явился с повинной в органы Смерш. После изучения всех обстоятельств сотрудники контрразведки фронта решили использовать его возможности в своих интересах.

В июле 1943 года он был переправлен через линию фронта, возвратившись к противнику под легендой агента, выполнившего «задание». Богданова немцы приняли с радостью и, «за заслуги» назначили командиром взвода Смоленской диверсионной школы с присвоением звания лейтенант германской армии.

За период пребывания в абверовской школе Богданов склонил к сотрудничеству с советской контрразведкой 6 агентов-диверсантов, подготавливавшихся к переброске в тыл Красной Армии. Он поручил им не выполнять задания немцев, а после перехода линии фронта явиться в органы Смерш с заранее обусловленным паролем. Кроме того, в селе Преображенском ему удалось подобрать у местной жительницы явочную квартиру.

В октябре 1943 года Богданов в числе 150 слушателей Смоленской диверсионной школы был назначен немцами командиром группы для проведения карательных мероприятий против партизан в районе Орши. Во время формирования отряда ему удалось убедить командира другой группы Афанасьева к переходу вместе с курсантами его подразделения к партизанам. Во время нахождения отряда в Руднянском лесу, Богданов и Афанасьев увели 88 человек из карательного отряда в деревню Сонная Витебской области, где смогли связаться с командованием 16-й Белорусской партизанской бригады.

Весь личный состав отряда перешел на сторону партизан, и в дальнейшем в ходе боевых действий с немцами, зарекомендовал себя с самой положительной стороны.

По возвращении в органы Смерш, Богданов сообщил необходимые данные на 12 официальных (кадровых) сотрудников и 53 агентов Смоленской диверсионной школы.

Однако операции по проникновению во вражеские спецслужбы не всегда заканчивались удачно. Были случаи пропажи агента без вести. Да и в немецкой контрразведке работали далеко не дилетанты. Трагически закончилась судьба переводчика разведотдела 21 армии Льва Моисеевича Бренера. Под псевдонимом «Борисов» он дважды по заданию военной контрразведки 3-го Украинского фронта выводился за линию фронта. После успешного выполнения первого задания, 21 января 1943 года возвратился с ценными сведениями в распоряжение войск фронта.

В марте 1943 года Л. М. Бренер вместе со связником был переброшен в немецкий тыл с заданием вне-

дириться в какой-либо из разведотрядов противника. За линией фронта немцы его арестовали, подвергли неоднократным допросам, но после соответствующей проверки в мае 1943 года все же решили привлечь к работе в 721-й группе тайной полевой полиции (ГФП). Освоившись в обстановке, Бренер привлек к своей тайной работе на советскую контрразведку одного из сотрудников ГФП, а также нескольких жителей города Донецка. Ему удалось, создав в городе подпольную группу, которая изготавливала и распространяла среди местных жителей антифашистские листовки. 18 апреля 1943 года его связник перешел линию фронта и доставил военным контрразведчикам отчет о проделанной работе в немецком тылу.

При отступлении частей вермахта Бренер оставался в составе 721 группы ГФП, а добываемые им сведения о немецких агентах, кадровом составе спецслужб и нацистских пособниках он оставлял у патриотов из числа местных жителей для последующей передачи информации в органы Смерш 3 Украинского фронта.

В августе 1943 года при организации побега арестованной советской разведчицы в городе Днепрпетровске Л. М. Бренер по доносу провокатора, внедренного немцами в местную подпольную группу, был арестован СД и расстрелян.

В ходе противоборства в радиозфере советской контрразведке удалось заставить работать в холостую гигантскую разведывательно-диверсионную машину фашистской Германии.

За годы Великой Отечественной войны ГУКР Смерш НКО СССР пресекали подрывную деятельность нескольких тысяч агентов германских спецслужб. В ходе контрразведывательных операций у противника была захвачена 631 радиостанция, более 80 из которых использовались в радиоиграх с Абвером и СД для передачи дезинформации, захвата агентуры противника. Активное противодействие советских спецслужб фактически парализовало немецкие разведорганы. Огромные материальные ресурсы, выделенные для разведывательно-подрывной деятельности против СССР, были потрачены безрезультатно. Показательным примером может являться сорванная Лубянкой попытка организовать покушение на И. В. Сталина осенью 1944 года. Только на подготовку этой операции VI управление РСХА «выбросило на ветер» два миллиона рейхсмарок. Ни один крупный замысел вражеской разведки не являлся тайной для чекистов.

Вот некоторые из большого числа радиоигр ГУКР Смерш.

РАДИОИГРА «НАХОДКА»

Эта оперативная радиоигра контрразведки УНКВД Московской области с Абвером, 1943 года. 10 февраля 1943 года в Московское областное управление НКВД поступило сообщение о высадке в Волоколамском районе трех неизвестных парашютистов. Оперативная группа взяла под контроль близлежащие шоссе и проселочные дороги, действовала истребительные отря-

ды. В ходе поисковых мероприятий был задержан некто Григорьев в форме младшего лейтенанта Красной Армии. При нем были обнаружены радиостанция и крупная сумма денег. Старший следователь П. Борисенков установил личность задержанного. Григорьев оказался бывшим советским военнослужащим, в августе 1941 года попавшим в окружение и затем переправленным в Смоленский лагерь военнопленных. Абвер завербовал Григорьева и направил на обучение в свои школы — Борисовскую и Катынскую. В немецкой разведке прошедший курс спецподготовки агент-радиостанция значился «Гайдаровым». Ему была выдана форма младшего лейтенанта Красной Армии, фиктивные документы, рация и деньги для выполнения задания. Германскую разведку интересовали сведения о положении на транспортных путях Москва — Ржев. Григорьева и еще двух агентов сбросили на парашютах с целью получения этой информации.

Контрразведчики Московского областного УНКВД решили перевербовать прибывших курьеров для проведения оперативной игры с абвером. Руководили операцией «Находка» начальник КРО УНКВД подполковник С. Федосеев, начальник УНКВД Московской области М. И. Журавлев. Григорьев согласился на сотрудничество, второго курьера контрразведчики решили не вербовать, взяв его под наблюдение. Поиски третьего агента оказались безрезультатными.

13 февраля 1943 года в установленное время Григорьев вышел на связь с абвером и доложил о своем благополучном прибытии. Немецкая разведка подвергла сомнению факт деятельности агента не под контролем НКВД. Поэтому некоторая доля правдивой информации в сведениях, поступавших от Григорьева, была необходима.

Разработкой операции «Находка» на следующем этапе занялись начальник направления в Оперативном управлении Генштаба гене-

▲ Райхман Л.Ф.

рал С. М. Штеменко и заместитель начальника 2-го (контрразведывательного) управления НКВД генерал Л. Ф. Райхман.

Помимо дезинформации противника перед советскими контрразведчиками стояла задача создания условий для дополнительного канала связи. Контакты второго агента с абвером не пресекались, но сведения, поступавшие от него в немецкий разведцентр, тщательно обрабатывались сотрудниками военной контрразведки.

С 23 февраля была налажена регулярная связь с немецкой разведкой. От двух агентов поступала дезинформация о состоянии противовоздушной обороны, движении грузопотоков на железнодорожных и шоссейных направлениях, изменениях в военных гарнизонах. Особое значение противник придавал метеосводкам. 13 марта 1943 года Абвер наградил «своих» сотрудников, находящихся в Московской области, орденами «За храбрость» 2-го класса. Поздравительная шифрограмма поступила 26 марта. Но срок «действия» фиктивных документов Григорьева и его напарника истек, способа, кроме как по радиации, поддерживать связь с германской разведкой не было, продовольствие, выданное на время пребывания в СССР, заканчивалось. В Абвер на-

правлялись просьбы «агентов» решить эти вопросы. По рекомендации органов госбезопасности СССР было отклонено предложение о присылке немецкого самолета со всем необходимым. Вариант прибытия курьера к радистам рассматривался как наиболее приемлемый.

О начале нового этапа операции «Находка» руководство военной контрразведки доложило И. В. Сталину. Верховный счел немедленный захват прибывшего курьера абвера «Антонова» малооправданным риском. В целях безопасности Григорьев попросил «Антонова» лично направить в германский разведцентр радиogramму об успешном прибытии на место. Курьера арестовали на последнем пункте его следования через фронтовую полосу.

Дальнейшим развитием радиоигры «Находка» занималось уже созданное Главное Управление контрразведки Смерш НКО СССР. Результатом этой длившейся два года операции было не только продвижение направленной дезинформации в немецкие штабы, но и задержание семи агентов Абвера.

РАДИОИГРА «ОПЫТ»

В ходе битвы на Курской дуге УКР Смерш Центрального фронта и ОКР

Орловского военного округа из районов Щигры-Курск-Брянск в 1943-1944 годах провели успешную радиоигру «Опыт». Игра продолжалась с 17 мая 1943 по август 1944 года. Работа радиостанции легендировалась от имени разведгруппы германских агентов в количестве трех человек (радиста «Шадрина», разведчиков «Юденича» и «Сурикова»).

Агенты-парашютисты были выброшены в тыл Красной Армии в ночь на 8 мая 1943 года в районе деревни Ключи около станции Касторное. Их задание состояло из трех частей. Во-первых, изучение дислокации воинских частей по маршруту Касторное — Курск — Льгов, мест сосредоточения техники и расположения штабов. Во-вторых, оценка состояния железнодорожных путей и мостов на магистрали Касторное — Курск — Льгов, движения воинских и других грузов по этому маршруту. В-третьих, узнать, минируется ли Курск и какие оборонительные работы проводятся вокруг него. Собранные сведения агенты должны были передавать немцам по портативной радиации КВ-диапазона.

После приземления германские агенты вошли в Курск и добровольно явились с повинной в штаб воинской железнодорожной части, после чего были доставлены в УКР Смерш Центрального фронта. На допросах они дали подробные показания о характере полученного задания, известной им немецкой агентуре, выброшенной и подготовленной к выброске в тыл СССР, а также назвали технические данные по радиосвязи. В связи с этим радист группы «Шадрин» был перевербован (наш псевдоним — «Николаев») и включен в радиоигру.

Задача радиоигры — передача противнику военной дезинформации по указанию Генштаба Красной Армии и проведение комбинаций по вызову на нашу сторону немецкой агентуры. Первый сеанс связи с противником был установлен 17 мая 1943 года, затем каждые два-три дня радиостанция выходила в эфир и передавала радиogramмы с дезинформацией, преследовавшей цель

скрыть от германского командования готовящееся наступление Красной Армии в районе Курска. В соответствии с планом радиоигры в шифровках, адресованных немцам, указывалось, что в сторону линии фронта проходят эшелоны со строительными материалами, бронеколпаками, колючей проволокой и другими средствами, необходимыми для обороны, а в тылу фронта местные жители и саперы роют окопы, противотанковые рвы, строят блиндажи, доты и другие оборонительные объекты. Относительно сосредоточения войск и военной техники передавались незначительные данные.

12 июля 1943 года от немецкого «центра» было получено задание: сообщить сведения о наличии артиллерийских позиций в районе слияния рек Неруч — Зуша. Воспользовавшись этим обстоятельством, решили вывести из радиоигры напарников радиста, а затем, создав обстановку трудности работы радиста в одиночку, вызвать другого немецкого агента. Одновременно решалась и другая задача — снижение активности работы радиорезидентуры противника.

Учитывая, что необходимый район находился на удалении 150 км, в «центр» сообщили, что оба разведчика отправились на задание и не вернулись. Таким образом, противник был поставлен перед необходимостью срочного оказания помощи радисту. 9 августа 1943 года обещанный немцами курьер явился на встречу и был арестован (агент «Подкопытов», награжден гитлеровцами бронзовой медалью «За храбрость»). В связи с тем, что в этот период на фронте происходили активные наступательные действия Красной Армии, на фронт шли новые людские ресурсы, перебрасывалось много боевой техники. Генштаб, чтобы не поставить игру на грань срыва, посчитал целесообразным умышленно тормозить работу радиоточки. В «центр» передали, что встреча с курьером не состоялась, и по-прежнему легендировали сложные условия работы радиста, поменяв место дислокации радиостанции.

Из поступавших от немцев радиogramм было видно, что противник крайне заинтересован в скорейшем получении сведений о положении в данном районе. После того как от немцев была получена радиogramма о прибытии курьеров в район встречи, для их задержания была выслана опергруппа в количестве 6 человек. Мероприятиями по захвату предусматривалось перед задержанием получить от курьера интересные контрразведку сведения о его задании, инструкциях и возможных условиях для передачи радиogramмы об успешном прибытии. В роли радиста выступал начальник 2-го отделения 2-го отдела УКР Смерш Центрального фронта капитан Мурзин. Встреча произошла в условленном месте. На вопрос Мурзина: «Вы не от доктора?» — неизвестный в форме старшего сержанта Красной Армии (агент «Марченко») ответил: «Привет от доктора». В ходе беседы с прибывшим было установлено, что два парашютиста (другой ждал на окраине села) были выброшены в ночь на 23 августа. В задачу агентов входила встреча с радистом, передача ему пакета с деньгами, продуктами и питанием для рации. Продолжая разыгрывать роль радиста, Мурзин вместе с немецким агентом и бойцом, выступившим в роли напарника радиста, встретился с другим курьером (агент «Мамонтов»).

После продолжительного разговора с курьерами и выяснения всех интересовавших контрразведку сведений вновь прибывших по одному направили на разные квартиры и арестовали. А противнику сообщили о благополучном прибытии курьеров и потери ими груза. По дальнейшей легенде в «центр» передали, что один из курьеров ушел в сторону линии фронта. Одновременно противнику продолжали посылать радиogramмы с дезинформацией, подготовленной начальником Разведуправления Красной Армии генерал-полковником Ф. Ф. Кузнецовым. Время от времени противнику также сообщались дезсводки о движении воинских эшелонов по железной дороге Брянск — Гомель, одновременно просили прислать питание для рации, фиктивные документы и продукты питания. 27 февраля 1944 года противником с самолета был выброшен контейнер с документами, деньгами (100 000 советских рублей), питанием для рации и обмундированием. В дальнейшем легендировалось создание активной шпионской резидентуры в городе Брянске, однако развить ее не удалось по причине прекращения радиосвязи с «центром» из-за плохой слышимости.

Всего за период радиоигры противнику было передано 92 радиogramмы, получено — 51. Были вызваны на нашу сторону и обезврежены

▲ Абакумов В.С.

3 немецких агента. Агент «Шадрин» за успешную работу из-под стражи освобожден и указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 октября 1943 года награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Остальные агенты Особым совещанием при НКВД СССР были приговорены к различным срокам наказания (от 10 до 20 лет).

РАДИОИГРА «ЗАГАДКА»

Это была радиоигра ГУКР Смерш по дезинформации Главного управления имперской безопасности третьего рейха (РСХА) и командования вермахта.

20 июня 1943 года в Егорьевский РО НКВД Московской области явился разведчик Особого отдела Северо-Западного фронта «Северов». Он и его напарник «Волков» были завербованы германскими спецслужбами для выполнения спецзаданий в Советском Союзе. В Главном управле-

▲ Григоренко Г.Ф.

нии Смерш агенты рассказали, что их целью является склонение к сотрудничеству с РСХА ответственного сотрудника Народного комиссариата путей сообщения «Леонова».

Проверка «Волкова» и «Северова» позволила начать с их участием оперативную игру «Загадка». Цель операции заключалась в дезинформации германской разведки и выявлении агентов VI Управления РСХА «Цеппелин-Норд». Смерш был уведомлен о планах противника в отношении Московского железнодорожного узла.

От имени «Северова» в германский разведывательный орган было отправлено сообщение о положении планируемого к вербовке «Леонова». Сотрудники Смерш легендировали в интересах «Цеппелин-Норд»: «Леонов» находится в Тбилиси, работает на американскую разведку и готов сотрудничать с немецкими спецслужбами на определенных условиях. Поездка «Северова» на Кавказ по заданию «Цеппелин-Норд»

стимулировала развитие операции «Загадка». В ночь с 29 на 30 марта 1944 года в районе Егорьевска был сброшен на парашюте сотрудник СД Алоиз Гальфе, берлинский специалист по подготовке агентов-радивостов. Помимо снаряжения для вербовки «Леонова» немецкий офицер привез 5 000 долларов США и 500 000 советских рублей. Сотрудники контрразведки арестовали прибывшего Гальфе (в январе 1945 года он был расстрелян по приговору Особого совещания НКВД), а по рации в центр сообщили от имени агента «Волкова» о состоявшейся вербовке «Леонова».

Позже по радиолинии «Леонова» в германскую разведку поступили дезинформационные сведения о планах воинских перевозок по Московской железной дороге в летне-осенний период 1944 года. «Цеппелин-Норд» был заинтересован в их немедленном получении, так как «представлялась возможность» выявления наступательных

операций Красной Армии. В июле 1944 года в районе Егорьевска был сброшен очередной агент-парашютист, имевший при себе валюту и фототехнику. Арестованный агент «Цепелин-Норд» сообщил сотрудникам Смерша о заинтересованности руководства РСХА — Шелленберга и Кальтенбрунера в результатах этой курьерской работы. В радиোগрамме для немецкой разведки «Леонов» указал на необходимость передачи переснятых копий секретных материалов. Немедленно был прислан самолет, который в ночь с 14 на 15 августа 1944 года приземлился неподалеку от Егорьевска. Специально для его посадки контрразведчики соорудили ямы-ловушки. Но военный самолет не застрял ни в одной из них, поскольку был снабжен каучуковыми траками, разработанными фирмой «Мессершмитт», позволяющими приземляться даже на заболоченной местности. Группа захвата открыла огонь, но, сманеврировав, самолет развернулся и улетел.

Для устранения сомнений немецких разведчиков сотрудники Смерш легендировали бегство агентов из Москвы. 21 августа 1944 года радиосвязь с германским разведцентром была установлена из Рязанской области. Последующие переговоры с «агентами» привели к решению немцев вывести «своих сотрудников» за пределы советской территории. Но граница фронта стремительно приближалась к Германии, «агенты» просили помощи. В ночь с 3 на 4 февраля 1945 года в районе Смоленска были сброшены продукты питания, фиктивные документы, оружие, деньги, радиостанции от «Цепелин-Норд». В дальнейшем радиосвязь с германским центром стала нерегулярной и в апреле 1945 года прекратилась.

Представляет интерес оценка работы Смерша по радиоигре «Загадка», прозвучавшая из уст официального работника «Цепелин» «Россия-Норд», который вел дело группы «Иосифа» («Северова»). На допросе в июне 1945 года он утверждал: «В разговорах с сотрудниками отдела забросок я постоянно слышал та-

кое мнение, что «Иосиф» — лучшая агентурная группа, и если бы все активисты были такого склада, как люди «Иосифа», то разведка на территории Советского Союза была бы гораздо лучше поставлена. Все неполадки и провалы его группы служили поводом для критики плохой работы немецкой разведки. Вина за них возлагалась на взаимную конкуренцию и погоню за орденами среди руководства».

РАДИОИГРА «АРИЙЦЫ»

23 мая 1944 года постами службы ВНОС (служба воздушного наблюдения, оповещения и связи, предназначенная для своевременного обнаружения воздушного противника, оповещения о нем войск, а также для наведения своей авиации на воздушные и наземные цели противника) в районе калмыцкого поселка Утта была зафиксирована посадка вражеского сверхмощного самолета, из которого был высажен диверсионный отряд в количестве 24 человек во главе с кадровым сотрудником абвера капитаном Эбергардом фон Шелером (агентурный псевдоним «Кваст»). Как выяснилось позднее, группа была подготовлена и направлена в советский тыл немецким разведорганом «Валли-1» с целью подготовки на территории Калмыкии базы для последующей переброски 36-ти эскадронов так называемого «Калмыцкого корпуса доктора Доля» и организации восстания среди калмыков.

Под псевдонимом «Доктор Долль» — выступал немецкий разведчик, зондерфюрер Отто Верб. С июня 1941 по конец 1942 годов он руководил спецотрядом в городе Степном (прежнее название Элисты), затем — «Калмыцким кавалерийским корпусом, входившим в состав Абвергруппы-103, подчиненной Абверкоманде-101. На специальный десантный корпус, сформированный из изменников Родины калмыцкой национальности, возлагались задачи по объединению действовавших в Калмыкии мелких повстанческих

групп, и организации восстания калмыков против Советской власти, а также проведению крупных диверсионных актов в советском тылу.

В район посадки немецкого самолета тут же была вызвана истребительная авиация и направлены опергруппы НКВД и НКГБ Астраханской области. В результате принятых мер вражеский самолет был обнаружен и подожжен на земле. Десант и экипаж оказали при задержании вооруженное сопротивление. В ходе завязавшейся перестрелки было уничтожено 7 человек (из них 3 члена экипажа самолета), а 12 диверсантов взяты в плен (из них 6 летчиков). Остальным 14 диверсантам удалось скрыться.

При этом руководитель группы «Кваст» уже передал в разведцентр радиোগрамму об успешном приземлении. В Москве на Лубянке данное обстоятельство не осталось без внимания. Располагая сведениями о характере задания, поставленного перед отрядом, а также захваченными шифрами, радиоаппаратурой и радистами, было решено начать радиоигру с абвером под кодовым названием «Арийцы». К тому же, контрразведчики пришли к выводу о том, что немцы, по-видимому, не знали о решении Советского правительства о переселении калмыков в глубь территории СССР.

На это обратил особое внимание и нарком внутренних дел Л. П. Берия в своей служебной записке от 26 мая 1944 года на имя начальника ГУКР Смерш В. С. Абакумова: «...Пойманные работниками НКВД-НКГБ парашютисты представляют большой интерес. По-видимому, немцы не знают, что калмыки выслааны, но, несмотря на это, есть остатки бандитов из калмыков, с которыми немцы будут связываться. Поэтому тов. Леонтьеву всю работу сосредоточить в руках товарищей Свирина, Лукьянова и Михайлова. Тов. Мешкину принять активное участие. То же надо сделать и по Гурьевской области. Представьте план мероприятий и регулярно докладывайте».

Планом радиоигры «Арийцы» преследовались основные цели:

сообщать противнику дезинформационные сведения о положении в Калмыкии, легендировать благоприятные условия для работы группы по организации повстанческого движения и, на этой основе, вызвать на нашу сторону и перехватить других активных агентов и эмиссаров германской разведки, а также захватить самолеты противника.

Для участия в радиоигре с абвером было решено привлечь старшего группы Эвергарда фон Шелера и радиста самолета обер-лейтенанта Ганса Ганзена, которым в целях конспирации оперативники Смерш присвоили псевдонимы «Борода» и «Колонизатор» соответственно.

«Кваст» старый разведчик, — говорилось в одной из служебных записок 3-го отдела ГУКР Смерш, — знает хорошо работу и личный состав абвера. Долгое время работал в Швеции. Имеет связь и авторитет

в германских разведорганах. Хотя он и настроен прогитлеровски, но, все же, учитывая его участие в уничтожении самолета, он (возможно), может быть завербован и использован, в дальнейшем. Во всяком случае, он может дать ценные показания, которые в процессе игры у него отобрать невозможно».

С началом радиоигры противнику была передана дезинформация о положении в Калмыкии, сообщено о «благоприятных условиях» для деятельности отряда «Кваста» по организации повстанческого движения и об «установлении контакта» с находящимися в советском тылу «партизанами-калмыками». В первой радиограмме, переданной противнику 30 мая 1944 года, говорилось: «Посадка в 04-55 московского времени. В 12-40 атака русских истребителей. «Ю» — уничтожен. Необходимое снаряжение спасли, без воды и про-

дуктов. Гремер, Ханлапов, Беспалов, Мухин, два калмыка убиты. Лейтенант Вагнер, обер-фельдфебель Миллер, Осетров ранены. Перешли положение один пески район Яшкуль. Положение благоприятное, связались с партизанами, охрана обеспечена. Разведка калмыков узнала, что посадку «Ю» заметили русские. Из Сталинграда и Астрахани прислали истребители. Ошибка «Ю» — садиться днем, долго сидел, надо ночью. Площадку готовим. До полного выяснения мною обстановки мер не принимайте. Радистом использую обер-лейтенанта Ганзен. Слушаю Вас по плану. Прошу указаний. Кваст».

В связи с необходимостью постоянного наблюдения за воздушным пространством, в районах проведения операции было организовано постоянное взаимодействие с войсками противовоздушной обороны. Поэтому 29 мая 1944 года в ОКР Смерш ПВО Южного фронта была направлена шифртелеграмма за подписью В. С. Абакумова с указанием «обеспечить наблюдение за воздухом в районах, через которые возможен пролет вражеских самолетов из Румынии в б. Калмыкию и Западный Казахстан» и о немедленном информировании командованием ПВО Южного фронта отдела контрразведки «о трассе пролета каждого вражеского самолета, идущего в тыловые районы Советского Союза». Полученные сведения следовало также срочно передавать по «ВЧ» в ГУКР Смерш НКО СССР.

Несмотря на предостережение, противник в первый же день после установления двусторонней радиосвязи отправил за линию фронта самолет «Ю-52», который в течение некоторого времени барражировал над районом предполагаемой высадки, подавая световые сигналы. Руководители операции приняли решение никаких активных действий по уничтожению самолета не предпринимать, считая, что самолет специально направлен для обследования района и выяснения правильности полученного сообщения. Таким образом, у немцев сложилось впечатление, что отряд «Кваста» действительно перебазиро-

вался в другое место и не используется органами советской контрразведки для ведения оперативной игры.

Это подтвердилось полученными на другой день радиосообщениями. «Орган поздравляет, — говорилось в первой из них, — принимаем меры для развития операции. Исполним указания, которые ожидаем от Вас. Операция в духе Римского два готовится. Когда должна начаться. Начальник органа». В другом сообщалось о том, что «Ю-52 был ночью 30 мая у Вас для помощи. Вас не нашел. Собственные имена и названия местности шифровать два раза. С этого момента только нормальные часы связи. Вскоре подбросим радистов. Всем привет. Ни пуха, ни пера. Капитан».

Радиоигра набирала обороты. 5 июня в немецкий радиоцентр ушла радиосообщения:

«Осетров умер, лейтенант Вагнер здоров, обер-фельдфебель заметно поправляется, обер-лейтенант Гансен запрашивает, последовало ли производство в капитаны. Ожидая доставки всего необходимого».

В ответ немцы сообщили: «Подвоз вероятен 16 июня в 23 часа, так как отбираем. Обер-лейтенант Гансен еще не капитан, но представлен. Майор».

На следующий день в адрес противника передано сообщение следующего содержания: «Поспешите с подвозом, слушаем вас по плану. В эфир приходим только при необходимости. Кваст». На что последовал ответ: «Дайте точнее местонахождение расположения, так как с 30 на 31 мая машина с подвозом была там и, вас не нашла. Майор».

После того, как немцам были сообщены координаты места нахождения группы, последовала очередная радиосообщения, призванная побудить их к активным действиям: «Начальнику органа. Наступила решающая фаза войны, а мы бездействуем. Прошу ускорить доставку оружия и людей и, мы отвлечем на себя часть сил врага. Экипаж «Ю» просит вывезти, они хотят драться. Кваст».

В процессе радиоигры продолжалась дезинформация противника

об «успехах» отряда «Кваста»: установлении связи с пятью мелкими бандгруппами и отрядом некоего известного бандита Огдонова, действующего на территории Калмыкии. Одновременно им указали точное местоположение отряда «Кваста» и потребовали помощь: «Начальнику органа. Благодарю за поздравление. Как в резерве радистов нуждаюсь в Захарове, Блок, Косарева, Майлер. Из-за сложных условий связи используйте только лучших радистов. Разведка встретила пять мелких партизанских отрядов без боеприпасов. Огдонов имеет 85 всадников, вооружены плохо. Не мог собрать вокруг себя мелкие группы. Необходимо авторитетное руководство.

Первым самолетом продукты, деньги, два комплекта посадочных фонарей, боеприпасы, оружие, радистов. Когда ждать самолет».

После сообщения разведцентру «подробных данных» о посадочной площадке и обозначенных ее огнями костров в ночное время, 9 июня 1944 года противник передал: «Подвоз вероятно ночью 11.6. Последует все необходимое. Посадка и взятие экипажа при соответствующем обозначении площадки. Окончательный знак и окончательное решение последует. Капитан».

В результате произведенного радиообмена в ночь на 12 июня над местом легируемого отряда «Кваста» появился немецкий самолет «Ю-290». Обменявшись с землей условными сигналами, он сбросил пять парашютистов, 20 тюков груза и после этого произвел посадку на заранее обозначенную площадку-ловушку. Попав колесами шасси в замаскированные ямы, взлететь он больше не смог. Члены экипажа, чувствуя, что попали в засаду, открыли стрельбу из имевшегося у них оружия. В ходе боя самолет был подожжен, в результате чего сгорела правая часть фюзеляжа с двумя моторами, оставшийся груз и три пилота.

▲ Генерал Осетров

Остальные летчики во время пожара успели бежать и в течение трех дней скрывались в степи.

Из числа выброшенных парашютистов сразу удалось задержать троих: осетина Цокоева и двух татар — Бацбурина и Росимова. Четвертый — Бадмаев, монгол по национальности, при приземлении разбился насмерть, а пятый — калмык, усиленно разыскивался органами НКВД и Смерш.

По показаниям задержанных, для отряда «Кваста» было доставлено 3 тонны груза, причем большая его часть при пожаре в самолете оказалась уничтожена, в том числе 3 миллиона советских рублей.

В архивных материалах радиоигры сохранился любопытный документ — письмо капитана Э. фон Шиллера руководству советской контрразведки от 17 июня 1944 года (перевод с немецкого): «Господин генерал! Я добровольно предложил свои услуги русской контрразведке и работал честно и упорно над выполнением весьма секретного задания. В итоге нашей совместной работы достигнут известный успех: был сбит гигантский немецкий транспорт-

ный самолет «Ю-290», а пассажиры, и среди них 4 немецких агента, попали в руки русской контрразведки. Я желал бы и в дальнейшем также честно и добросовестно работать над выполнением заданий русской контрразведки. Я прошу, поэтому, Вашего согласия на включение меня в агентурную сеть советской контрразведывательной службы. Я обязуюсь безупречно хранить тайны органа, на который, возможно, буду работать, также и в случае, если мне придется действовать против немецкой разведки. В случае Вашего согласия прошу присвоить мне псевдоним «Лор». Место дислокации. 17. 06. 44. Э. фон Шеллер».

Во время ночной операции по захвату вражеского самолета «Ю-290» противник с 00-30 до 06-00 поддерживал с группой «Кваста» радиосвязь, пытаясь получить от него сообщение о прибытии самолета. Так, в частности в 00-30 из разведцентра была получена радиограмма следующего содержания: «Прибыли ли машина? Капитан».

Учитывая, что экипаж захваченного самолета в первые часы после боя задержан не был и соответственно не мог дать каких-либо показаний по существу данной операции, противнику умышленно сообщили о наличии помех в эфире и плохой слышимости. Во избежание провала радиоигры ранним утром к немцам ушла информация о том, что самолет так и не прилетел: «Машина не прибыла. Почему? Кваст».

В 10-00 этого же дня противник ответил: «Машина не вернулась. Следовательно, считать несчастный случай или вынужденную посадку. Дальнейшее после новых переговоров. Капитан».

Поскольку в Абвере причиной гибели самолета посчитали несчастный случай, сотрудники ГУКР Смерш пришли к выводу, что никакими точными данными о его действительной судьбе противник не располагал. Впоследствии это было подтверждено и допросом задержанных членов его экипажа, которые сообщили, что перед полетом им были даны указания о том, что после пролета

Крымского полуострова радиосвязь с аэродромом следовало прекратить.

Однако случай с потерей самолета все же вызвал определенную напряженность в абвере. В этой связи «Квасту» поступила радиограмма: «Немедленно новый шифровальный лозунг из 31 буквы, состоящий из фамилии секретаря Норд-Поль, фамилии ее помощницы, фамилии унтер-офицеров из учебного лагеря, имени Вашей жены». Кроме того, противник запросил: «Вы помните фамилию подозрительной жены «Мусина». Если да, прошу сообщить. Мюллер».

В ответной радиограмме фамилия жены «Мусина» была названа, а относительно шифровального лозунга «Кваст» заявил, что фамилия секретаря в Норд-Поль и ее помощницы он, якобы, забыл, и назвать не может.

После этого в очередной радиограмме противник вторично предложил «Квасту» составить новый лозунг, но уже с новыми фамилиями: «Немедленно шифровальный лозунг из 31 буквы. Имя Вашей дочери, имя сына первая буква К, место нахождения Вашего отца, написанное «ТЦ», фамилия унтер-офицера в школе, еще раз имя Вашей дочери. Капитан».

«Договорившись» с центром о новом шифровальном лозунге, в целях укрепления противника во мнении о том, что самолет потерпел аварию и демонстрации «активной» деятельности «Кваста» по его розыску, 23 июня в абвер ушла очередная радиограмма: «Ю» потерпел аварию в районе Органиновский Шаргадык, что в 26 км юго-восточнее Элисты. Лично осмотреть место не мог, беседовал с очевидцами. Судьба экипажа и радистов неизвестна. Очевидцы говорят, что было несколько трупов. Кваст».

В последующем противника дезинформировали о «трудностях», переживаемых отрядом «Кваста» из-за отсутствия подвоза материальной помощи и возникшем недовольством среди калмыков. На это последовал ответ со словами беспокойства за судьбу отряда и предложением сменить место базирования: «Авария второй машины с подвозом и, таким образом, пленение части эки-

пажа не исключена. На допросе могут быть выданы Ваша дислокация и цель прилета. Предлагаю вскоре передислоцироваться с привлечением Огдонова, который, одновременно, успокаивающе подействует на Ваших людей. После сообщения о новой дислокации получите дальнейшие указания. Майор для Кваста».

В ответ 30 июня противнику сообщили о принятых мерах по обеспечению безопасности и передислокации группы «Кваста» в район действий отряда Огдонова.

С 6 июля радиоигра продолжалась уже из города Енотаевска Астраханской области. Немцам вновь «напомнили» о трудностях, переносимых отрядом «Кваста», проблемах с продовольствием, боеприпасами и росте недовольства среди калмыков из-за отсутствия помощи от немецкого командования.

11 июля последовал ответ: «Попытаемся прилететь с новым подвозом. Где он должен быть сброшен? Майор». Противник также предупредил о выброске в районе действий отряда агента, для которого радиостанция «Кваста» должна стать передаточным центром, и предложил сообщить о наличии необходимых технических данных для установления радиосвязи.

В ответной радиограмме оперативники Смерш уведомили немецкий разведцентр о наличии всех необходимых возможностей для организации ретрансляционных радиопередач.

Дальнейшая работа радиостанции «Арийцы» строилась на передаче противнику необходимых данных для сброски груза и настойчивых требований обещанной помощи. В ответ, вплоть до 14 августа, никаких сообщений о подготовке самолета от противника не поступало. Неоднократно стали наблюдаться случаи плохой слышимости и перерывы во время сеансов связи.

Проанализировав сложившуюся ситуацию, в 3-м отделе ГУКР Смерш сделали вывод о том, что немцы поставили под сомнение существование отряда. Посчитав, что дальнейшие требования о помощи вызовут со стороны их разведцентра еще большую

настороженность, было принято решение радиоигру прекратить в выгодном для советской стороны положении, укрепив противника во мнении о невозможности организации повстанческого движения в Калмыкии и отсутствия перспектив дальнейшей посылки туда самолетов с десантом.

Кроме того, к сотрудникам Смерш поступила оперативная информация о том, что фон Шелер начал усиленно обрабатывать Ганзена, чтобы тот сообщил центру о своей работе под контролем. Однако его усилия остались безуспешными. В этой связи любопытна оценка, данная немецким радистом обер-лейтенантом Гансом Ганзеном, принявшим активное участие в радиоигре «Арийцы», своего пребывания в советском плену. В автобиографии от 14 июля 1944 года он написал: «...я хочу заявить, что я как офицер, не встретил обещающего или унижающего меня отношения, если не считать поведения милиции во время пленения. Наоборот, я познакомился с прямыми и справедливыми людьми, которых раньше нам описывали

совершенно в ином роде. Я не могу еще вынести суждения о Советском Союзе, так как слишком мало знаю страну и ее учреждения. Если страна произведет на меня такое же приятное впечатление, какое произвели на меня офицеры и солдаты, то можно сказать, что любая нация почтет себя счастливой, имея дружбу с Советским Союзом».

На завершающем этапе радиоигры было решено проинформировать противника о гибели отряда Огдонова, преследовании группы «Кваста» и его уничтожении. 13 августа в разведцентр ушла радиogramма: «Начальнику органа. Положение здесь совершенно невыносимое. Отряд Огдонова разбит, нам калмыки отказывают в помощи. Вынужден, согласно договоренности, пробираться к повстанцам на Западный Кавказ, оттуда, возможно, в Румынию. Нескольких людей из экипажа по болезни и невозможности их транспортировки вынужден буду оставить у калмыков, которым объясню, что направляюсь в Германию, чтобы лично добиться помощи и усиления. Прошу санкции

или контрприказа в течение 3-х дней, т.к. дальше не могу ждать Кваст».

На следующий день поступило согласие с решением «Кваста» и предложение пробиваться через линию фронта. Эта радиogramма еще раз подтвердила сомнения советской контрразведки о доверии немцев «Квасту» и целесообразности дальнейшего продолжения игры. Поэтому, 18 августа противнику радиовали: «Сегодня, юго-западнее Бергин, стычка с отрядом НКВД. Будучи без боеприпасов спаслись только на конях. Продолжаем марш юго-западным направлением. Успеха не предвижу. Мучают жажда и голод. Случае гибели позаботьтесь о наших семьях. Кваст». Следом за ней ушла другая радиogramма: «Начальнику органа. Калмыки изменили, мы остались одни, без боеприпасов, продуктов и воды. Гибель неизбежна. Предотвратить ничем не можем. Мы свой долг выполнили до конца. Во всем считаем виновным Вас и Марвиц. Абсурдность операции была очевидна еще до начала. Почему нам не помогли. Кваст».

В заключительной передаче 20 августа на половине текста связь умышленно прервали, показывая тем самым противнику, что с отрядом что-то случилось: «Нас преследуют. Кругом пески и соль. Вынуждены изменить маршрут. Мучает жажда».

На этом радиоигра «Арийцы» завершилась. В ходе реализации ее замысла противнику было передано 42 радиограммы и получено в ответ 23. В итоге, в абверовском разведцентре осознали бесперспективность попыток организации национального повстанческого движения на территории Калмыкии. Кроме того, было сожжено два тяжелых самолета «Ю- 290» и в исправном состоянии захвачены два новейших авиадвигателя. Уничтожено 12 человек вражеских десантников и членов экипажей самолетов, а 21 человек захвачен в плен.

РАДИОИГРА «ДЕСАНТ»

Начиная с 1944 года на освобожденных советскими войсками территориях немецкими спецслужбами стали создаваться лжепартизанские

отряды, предназначенные для проведения диверсионных и подрывных акций в тылу Красной Армии. Они состояли из специально подготовленных и хорошо обученных агентов — главным образом бывших советских военнослужащих, изменивших Родине и запятнавших себя участием в карательных акциях против мирных жителей и партизан.

Один из таких отрядов, состоявший из трех групп по 17-18 человек, был заброшен противником в июле-августе 1944 года в Брянские леса. Первые две группы вылетели в заданный район из Минска, третья, чуть позже, из Варшавы. Подготовкой и выброской диверсантов лично руководил начальник отдела «1-Ц» армейской группировки вермахта «Мите» полковник Воргицкий. Непосредственное проведение операции возлагалось на Абверкоманду-203 во главе с майором Арнольдом.

Абверкоманда-203 проводила разведывательно-диверсионную работу против войск Западного и Белорусского фронтов. В ее подчинении находились: абвергруппы 207, 208, 209, 210,, 215, Смоленская и Минская диверсионные школы, а также школа

подростков-диверсантов в местечке Гемфурт.

В задачу абвергрупп входила разведка переднего края советской обороны, совершение диверсий и террористических актов, захват стратегических коммуникаций, а при отступлении — их разрушение и обеспечение организованного отхода частей немецкой армии. Кроме того, группы вели борьбу с партизанским движением, а также осуществляли контрразведывательную работу по выявлению и уничтожению советского подполья.

Забросив в Брянские леса крупный диверсионный отряд, руководство Абверкоманды-203 поставило перед ним несколько целей: создать опорную базу для организации широкой диверсионной работы в тылу Красной Армии на коммуникациях, расположенных в данном районе, и прежде всего, на железной дороге; организовать вооруженные налеты на автотранспорт, важные промышленные объекты; проводить вербовочную и пропагандистскую работу среди местного населения.

Согласно подготовленному плану, после создания базы, в Брянских лесах намечалось выбросить еще 2-3 роты в составе 150-180 диверсантов с последующим их пополнением.

Отряд должен был действовать под видом подразделения Красной Армии, занимающегося вылавливанием дезертиров и бандитских групп. Диверсанты имели различного рода инструменты для оборудования лагеря, продукты питания, обмундирование, оружие, фиктивные документы, 25 000 рублей советских денег, 3 ручных пулемета, 6 автоматов, 21 винтовку, большое количество взрывчатых веществ и различных предметов первой необходимости. Для поддержания связи с абверкомандой имелись две портативные коротковолновые радиостанции.

Перед заброской личный состав отряда прошел специальную подготовку по минно-взрывному делу, в том числе по применению малых магнитных мин, мин замедленного действия с часовым механизмом, противотанковых, противотранспорт-

ных и противопехотных мин, а также по расчету зарядов для совершения диверсий на металлоконструкциях. Большое внимание уделялось идеологической обработке диверсантов в антисоветском духе, тем более что многие из них состояли членами НТ-СНП (Народно-трудовой союз нового поколения).

Командиры групп Галим Хасанов и Чары Курбатов являлись оберлейтенантами германской армии, неоднократно выполняли задания диверсионного характера, участвовали в карательных акциях против партизан, за прошлые «заслуги» оба были награждены медалями «За храбрость» II степени и пользовались большим доверием у немцев. Костяк групп состоял из агентов, доказавших свою преданность германскому рейху в рейдах по тылам Красной Армии и боях с партизанами.

26 июня, после приземления первой группы во главе с Хасановым, парашютисты установили связь с разведцентром и в течение четырех дней передавали сообщения о своем благополучном приземлении и успешной работе по подготовке лагеря.

Однако уже 30 июня парашютистов обнаружили сотрудники местного райотдела НКВД и ОКР Смерш Орловского военного округа. После недолгой перестрелки 14 человек вместе с командиром Хасановым и радистом Бедретдиновым удалось задержать и арестовать. Четверо диверсантов смогли скрыться.

В процессе допросов немецких агентов оперативники Смерш установили, что в ночь на 29 июня, вслед за группой Хасанова, предполагалось сбросить еще одну группу парашютистов в количестве 17 человек с радистом Васильевым и возглавляемую Курбатовым. Несколько позднее должна быть сброшена третья группа в количестве 18 человек, возглавляемая Павловым. Со временем все три группы намечалось соединить в единый отряд. В подтверждение этого при обыске Хасанова был найден список некой «команды военнослужащих 44 запасного стрелкового полка, прикомандированных

временю к 269 стрелковому полку внутренних войск НКВД, для участия в действиях по борьбе с бандами дезертиров и власовских бандитов», в количестве 57 человек, где значились также Курбатов и Павлов.

1 июля в Почепское РО УНКВД Орловской области явился с повинной радист Васильев — «Романов», подтвердивший факт выброски в ночь на 29 июня группы парашютистов, возглавляемой Курбатовым. По обнаруженным следам приземления оперативные работники Смерш вместе с приданными в их распоряжение военнослужащими организовали активное преследование диверсантов. Вскоре их удалось найти и разоружить без единого выстрела.

Поскольку оба немецких радиста вместе с радиостанциями оказались в руках контрразведчиков, стала отчетливо вырисовываться перспектива возможной радиогры с противником. Поэтому всех арестованных быстро доставили самолетом в ОКР Смерш Орловского военного округа.

Идея проведения радиогры с Абверкомандой-203 под кодовым названием «Десант» из района станции Навля Брянской области получила одобрение в Москве. На первом ее этапе, в целях ускорения присылки пополнения и грузов, про-

тивнику было послано сообщение об истощении батарей питания для радиации и недостатке продуктов питания: «Находимся четыре «Б», ждем остальных квадрат 75 и продукты, особенно хлеба. Привет всем ХГС».

В ответ противник радировал: «Группа Павлова и нужные вещи следуют в ближайшие дни. День высылки будет своевременно сообщен».

Наконец, в ночь на 21 июля 1944 года с немецкого самолета на парашютах было сброшено 16 сумок с продуктами питания. Однако, по вине летчиков, груз упал не в обусловленном районе. Поэтому противнику 23 июля передали: «Самолета над нами не было. Мы слышали гул самолета в 20 км юго-западнее и 30 км северо-западнее нас. Дело очень плохо. Надо летчиков предупредить, что если они блудят и не видят сигнальных костров, то лучше пусть не бросают. Володя, срочно дай нам ответ, имелись ли в сумках документы о нашем лагере, не опасно ли нам оставаться на старом месте, где сброшены сумки и где искать. ХГС».

В ответной радиограмме разведцентр дал указания диверсантам оставаться на старом месте, успокоив, что в сброшенном грузе ни-

▲ Ясско-Кишиневская операция

каких документов не было и, кроме того, сообщил, что груз необходимо искать в 75 квадрате, в радиусе 20-30 км от обусловленного места.

В ночь на 27 июля, на этот раз уже в нужном месте, вновь появился немецкий самолет, с которого на четырех парашютах были сброшены для отряда продукты питания на 10 дней.

После направленного в абверкоманду подтверждения о получении груза, немцам одновременно было сообщено о широких возможностях отряда по созданию в Навлянском районе надежной опорной базы для организации активной подрывной деятельности на территории Брянской области и граничащих с ней областях.

Для этого у противника было затребовано пополнение людьми и постоянное снабжение. В ответ 5 августа поступила радиограмма: «Ваши радиограммы получили. К отправке для вас подготовляем в данное время много питания, оружия,

боеприпасов, обмундирования. Кроме этого отправим еще группу в количестве 17 человек. Ожидайте примерно через неделю несколько полетов больших самолетов».

Однако прежде чем произвести сброску обещанного пополнения и материальных средств, противник попытался проверить станцию, передал 28 августа в адрес Хасанова следующий текст: «Мы были у Вас в последнюю ночь. Сброска не последовала из-за различных подозрений, которые мы видели. Дайте какой-либо пароль из Вашей работы два года назад. Привет всем».

В связи с получением этой радиограммы Хасанов в тот же день был подвергнут тщательному допросу. Совместно с Хасановым оперативники Смерш составили и 29 августа передали в абверкоманду следующий ответ: «Володя, Вы знаете, что я с Вами не первый день работаю. Сейчас получается, что я вроде из доверия вышел. Самолета в по-

следнюю ночь не было. Если летчики где-то блудили и что-то подозрительное видели, то нас это не касается. Нам обидно, что Вы о нас так думаете. Вы спрашиваете пароль. Тогда нашим паролем были слова, написанные на желтой повязке, которую я носил на левой руке: Дойче Вермахт. Привет ХГС».

Этот ответ рассеял подозрения немцев и еще более усилил авторитет Хасанова. После очередного радиообмена 2 сентября от противника последовало указание выйти в обусловленное место и ждать прибытия самолета с пополнением и грузом.

На следующую ночь в заданном районе были сброшены 15 агентов-диверсантов и 38 тюков груза. Всех парашютистов тут же задержали, однако трое из них оказали сопротивления и были убиты, в том числе: командир группы Владимир Павлов, специалист по оформлению документов прикрытия Анатолий Зеленин и писарь Александр Панков.

В сброшенном грузе, общий вес которого составил 6 тонн, контрразведчики обнаружили миномет, 10 ручных пулеметов, 19 автоматов, 73 винтовки и пистолеты, 30 мин, 260 ручных гранат, почти 28 тысяч патронов к различным видам оружия, около 750 кг взрывчатых веществ.

В ходе операции по задержанию группы Павлова с санкции заместителя начальника ГУКР Смерш генерал-лейтенанта Мешика, была предпринята попытка на обратном пути уничтожить немецкий самолет Ю-290 с помощью ночных истребителей, вылетевших из засады. Однако, вследствие неисправности радиостанции на месте выброски, осуществить наведение истребителей по радиации не удалось.

На допросах в ОКР Смерш Орловского военного округа выяснилось, что группа Павлова прошла специальную подготовку по подрывному делу при разведкоманде «Вальдек», действовавшей на центральном участке фронта. В дальнейшем предполагалось десантировать в отряд Хасанова еще около 160 человек в целях развертывания активной подрывной деятельности в советском тылу. Работа Хасанова и его людей афишировалась немцами как «борьба за свободную Россию» под видом «активного партизанского движения в тылу Красной Армии». С этой целью формирование Хасанова именовалось ими как «4-й партизанский отряд».

Большое внимание в абверкоманде уделялось состоянию боевого духа диверсантов и их идеологической обработке. «Итак, на всех фронтах начались боевые действия решительного порядка. — Говорилось в письме о военно-политическом положении Германии, направленном в отряд Хасанова германской разведкой. — Гитлер в своей последней речи, обращенной к руководителям германского государства заявил, что именно теперь, когда положение Германии кажется столь серьезным, он уверен в победе больше, чем когда-нибудь раньше. Немецкое командование, а с ним и вся немецкая

армия и страна спокойны, так как уверены в своих силах, в победе.

Поздравляем Вас и Ваших товарищей с удачно проводимой Вами работой, которая содействует нашей общей борьбе за будущее русского народа, за освобождение его от иудо-большевизма. Мы увидим еще нашу любимую Родину свободной, счастливой, богатой и великой, живущей в дружной семье народов новой Европы. Ваши друзья и боевые товарищи».

В связи с тем, что старший группы пополнения Павлов при задержании был убит и, возможно полученные им от немцев устные указания и условности остались для контрразведчиков неизвестными, во избежание провала всей операции, было принято решение вывести его из игры под благовидным предлогом. Поэтому в радиограмме от 23 сентября 1944 года до разведцентра довели информацию о том, что Павлов с группой агентов в количестве 12 человек сразу же после прибытия отправился на выполнение диверсионного задания. В последующем легендировалось, будто бы Павлов, после удачно проведенных трех диверсий на железной дороге Брянск — Рославль — Кричев, пропал без вести. При этом немцам сообщили, что связь с лагерем Хасанова Павлов поддерживал через посыльных, которые информировали о результатах работы, а затем возвращались обратно, доставляя взрывчатку и дальнейшие указания.

Для подкрепления этой легенды о Павлове, по другой радиоигре под названием «Дезертиры», проводившейся из района Гомеля, 8 февраля 1945 года противнику передали радиограмму о том, что в октябре 1944 года группа неизвестных, состоявшая из 15 человек, совершила крупную диверсию на железной дороге Рославль — Брянск и напала на подорвавшийся воинский эшелон. В результате завязавшейся перестрелки с охраной эшелона группа якобы была уничтожена.

В последующем, до декабря 1944 года радиобмен с разведцентром противника проводился

в основном по вопросам доставки обещанной помощи личным составом, оружием, взрывчаткой и продуктами питания.

Перед противником легендировалось наличие у отряда широких возможностей по проведению среди местного населения пропагандистской работы. Кроме того, была высказана возможность приобретения автомашины, якобы необходимой отряду для быстрой связи, передвижения и перевозки награбленного оружия и продуктов питания. Однако от противника никаких ответов по вопросу присылки шоферов и пропагандистов не поступало.

Между тем, в ночь на 12 декабря 1944 года над районом действия отряда Хасанова неожиданно появился транспортный самолет, с которого было сброшено на парашютах 12 диверсантов и пропагандистов, а также 7 тюков различного груза.

Парашютисты сразу были задержаны. На первых же допросах они рассказали о том, что прошли обучение в школе германской разведки, находящейся в селе Раден (Германия), зашифрованной под «Сельскохозяйственную школу». Все, кроме одного, были членами антисоветской организации «Народно-трудовой союз нового поколения». Для выполнения задания немцы снабдили группу документами прикрытия, 2 миллиона советских рублей, ручным пулеметом, 12 автоматами, 4 пистолетами, 8 револьверами системы «Наган», 20 гранатами, патронами, около 40 кг взрывчатки, походной типографией, ротатором и большим количеством антисоветской литературы, в том числе пропагандистскими документами и брошюрами НТСНП.

Наступление Красной Армии успешно продвигалось на запад, и радиообмены с абверкомандой-203 становились все реже. Наконец, в апреле 1945 года, в связи с удаленностью линии фронта, радиосвязь противника с отрядом Хасанова была прекращена.

Окончание в следующем номере альманаха

А. С. ОРЛОВ

В ПРЕДДВЕРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

▲ Торжество победы

События конца 20-х годов, особенно 1927 года (разрыв отношений с Англией, убийство советского полпреда в Варшаве П. Л. Войкова, налеты на советские представительства в Пекине, Шанхае, Тяньцзине, участвовавшие вооруженные провокации на границе и т. п.), а также начавшийся в 1929 году мировой экономический кризис все более укрепляли уверенность политического руководства

СССР в возрастании угрозы войны. На XV съезде ВКП(б) отмечалось, что «усиление интервенционистских тенденций в лагере империалистов и угроза войны (в отношении СССР) есть один из основных факторов нынешнего положения». Сталин ставил задачу «учесть противоречия в лагере империалистов, оттянуть войну, откупившись от капиталистов, и принять все меры к сохранению мирных отношений».

Штаб РККА, анализируя тенденции развития военно-политической обстановки в 1928 году, делал вывод о неизбежности в ближайшем будущем агрессии против Советского Союза. Считалось, что это произойдет в форме новой военной интервенции империалистической коалиции, в рамках которой роли между государствами распределятся следующим образом: «одни возьмут на себя задачу вдохновителей и банкиров,

Орлов Александр Семенович (25.7.1924) — доктор исторических наук, академик РАН. Главный научный сотрудник Института военной истории МО РФ, член Российско-американской комиссии по военнопленным и пропавшим без вести. Шеф-редактор проекта «Великая Отечественная».

финансирующих это «предприятие»; другие составят военно-экономическую базу для антисоветского вооруженного фронта; третьи явятся поставщиками живой силы («пушечного мяса») для этого фронта; четвертые будут играть роль рассадника и распространителя враждебной нам политической пропаганды; пятые — выполнять функции, связанные с экономической блокадой СССР; шестые ограничатся ролью «наблюдателей» и будут сохранять благожелательный для врагов СССР «нейтралитет».

По оценкам советской военной разведки, «вопрос о создании антисоветского военного кулака на наших западных границах уже решается позицией Польши и Румынии, т.е. теми государствами, которые принадлежат к числу наиболее враждебно относящихся к нам». Генштаб подчеркивал, однако, что «империалистическая интервенция в СССР без участия Германии (по крайней мере, без ее нейтралитета)» немыслима, так как главный противник на западных границах — Польша — не рискнет на войну без обеспечения своего тыла со стороны Германии. Поэтому правильно будет сигнализировать непосредственную угрозу войны именно в тот момент, когда к антисоветскому блоку примкнет Германия.

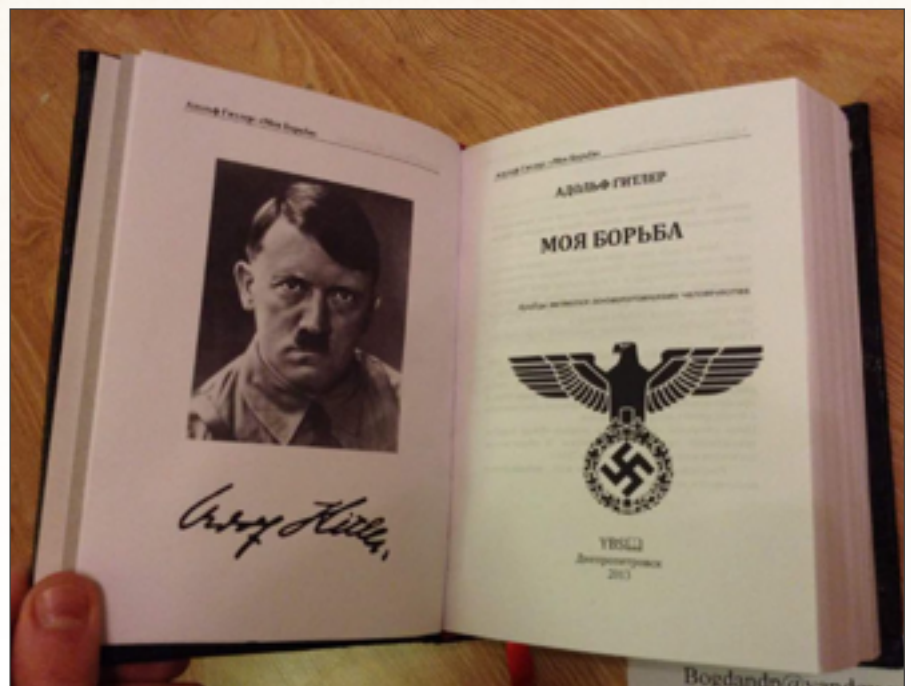
Оценки Генштабом степени военной угрозы отличались от взглядов политического руководства. В Кремле считали, что новая интервенция против СССР готовится под эгидой Англии, главной ударной силой в войне против СССР будут Польша и Румыния, а также белогвардейские формирования из эмигрантов, находившихся в различных странах Европы. Расходясь в частности, оценки политиков и стратегов совпадали в главном: против СССР готовится война.

Предстояло сделать свой выбор, определить приоритеты. А сделать это было непросто. Разразился кризис мировой экономики.

Кризис 1929—1933 годов нанес сильнейший удар капиталистическому миру, причинил громадный ущерб экономике многих государств, отбросил их производство на уровень наиболее низких показателей. Если принять 1913 год за 100%, то индекс промышленной продукции упал в 1932 году по сравнению с 1929 годом в Англии со 104,4% до 70,7%, во Франции — со 144% до 92%, в Германии — со 108,3% до 51,8%. Положение усугублялось тем, что промышленный кризис слился с аграрным. Финансовая система в результате волны банкротств оказалась в состоянии хаоса. Международная валютно-финансовая сфера капитализма была подорвана.

Кризис оказался особенно болезненным для экономики Германии. Сокращение почти вдвое промышленного производства обернулось настоящей катастрофой для немецкого народа. В первую очередь пострадал рабочий класс. К концу 1929 года число безработных составило 3,4 млн., а спустя год — 4,4 млн. человек. Кризис ударил и по крестьянству: цены на сельскохозяйственные продукты падали, многие крестьянские хозяйства разорялись. Экономический спад больно задел и средние слои — владельцев небольших предприятий, мелких торговцев, ремесленников. На них усилили прессинг мощные тресты, крупные торговые фирмы, универсальные магазины. В обстановке поляризации социально-политических сил господствующий класс Германии значительно уклонился вправо. В результате сговора немецких монополистов с военщиной и крупнейшими аграриями к власти в стране пришли нацисты.

Германский фашизм выдвинул далеко идущие экспансионистские цели: сбросить версальские оковы, получить доступ к источникам сырья и рынкам. Для осуществления экспансии Гитлер намеревался уничто-

▲ Его борьба

▲ На танковых учениях вермахта

жить или максимально ослабить те силы Запада, которые могли помешать установлению господства рейха в Европе, имея в виду в первую очередь Францию. Что касается Англии и Италии, то на первых порах он готов был из тактических соображений даже пойти на союз с ними. В последующем предполагалось принудить Великобританию передать Германии наиболее ценные колонии, а ее низвести до положения второстепенной державы. Италии с самого начала отводилась роль проводника германских интересов в Средиземноморье. Вообще обе эти страны, а также Финляндию, Швецию, Норвегию и Испанию Гитлер рассматривал как «вспомогательные государства», которые под руководством «немецкой расы господ» призваны поддерживать «железный порядок» в Европе.

В гитлеровской программе завоевания «жизненного пространства» важнейшее место занимала традиционная для германского империализма экспансия на восток — «дранг нах Остен». Обращая туда свои взоры, нацисты предполагали включить Чехию и Моравию в состав Третьего рейха. Польше, Украине, Поволжью и другим территориям, заселенным, по их терминологии, «второсортными народами», готовилась участь

окраинных «вассальных государств». Большую часть славянских народов предполагалось переселить в Сибирь.

В Берлине хорошо понимали всю сложность осуществления антисоветских планов. «Советская Россия, — говорил Гитлер, — трудная задача. Вряд ли я смогу начать с нее». Выполнение своих планов нацисты решили начать с создания в центре Европы ударного кулака в виде рейха с населением 90—100 млн. человек, ядро которого составили бы арийцы. «К этому ядру, — заявлял Гитлер еще в 1932 году, — относятся и Австрия. Это само собой разумеется. Но к нему принадлежат также Богемия и Моравия, равно как и западные районы Польши... Частью этого ядра... являются также прибалтийские государства». Население этих стран, за исключением проживавших в них немцев и «пригодных для онемечивания элементов», подлежало выселению или уничтожению.

Общий план политической стратегии Гитлера был четко изложен в его книге «Майн кампф»:

1) уничтожение Франции, союз с Англией и Италией и тем самым создание предпосылок для завоевания «жизненного пространства» на востоке;

2) уничтожение СССР, завоевание гегемонии на европейском континенте и создание необходимых условий для войны с Англией; 3) уничтожение Англии, завоевание ее обширных колониальных владений и создание предпосылок для осуществления планов мирового господства «германоязычной» расы.

С первых дней своего существования гитлеровский режим развернул активную подготовку к реализации экспансионистских планов. Основные усилия были направлены на милитаризацию экономики и воссоздание мощных вооруженных сил.

В СССР с повышенным вниманием наблюдали за тем, что происходило в Германии. Как будут развиваться в дальнейшем советско-германские отношения? Каковы перспективы экономических связей с Германией? Будет ли Третий рейх продолжать военное сотрудничество с СССР? Эти вопросы требовали ответа, и ответа срочного, особенно в военной области.

Как известно, с начала 20-х годов Советская Россия и Германия имели секретные соглашения о военном сотрудничестве. Секретные потому, что Версальским договором Германия не могла иметь мощные вооруженные силы. В обход этого

договора немцы готовили военные кадры и производили многие виды вооружения за границей, в том числе и в СССР.

В 1921 — 1923 годах в Москве и Берлине прошла серия секретных двусторонних переговоров, в результате которых была выработана концепция военного сотрудничества. В соответствии с этими договоренностями в 1924—1926 годах на территории СССР были организованы военные учебные центры рейхсвера: летная школа под Липецком, танковая школа под Казанью, аэрохимическая станция под Саратовом, получившая название «объект Томка»¹. Несколько позже эти договоренности легли в основу совместных секретных документов, которые закрепили начавшееся сотрудничество. 2 октября 1926 года был подписан Основной договор ВИКО — Москва между ВИКО (условное наименование Германии. — Лет.) и Москвой (условное наименование СССР. — Лет.) об организации танковой школы ВИКО в бывших Каргопольских казармах в Казани. Договор был заключен на 3 года с предусмотренной пролонгацией на 1 год. Особо отмечалось, что «по истечении договора танки, запасы, имущество, вооружение, оборудование мастерских и инвентарь школы возвращаются ВИКО. Здание передается РККА». 8 февраля 1929 года представители Управления ВВС РККА и рейхсвера подписали еще один секретный документ — Протокол соглашения об устройстве авиационной школы и складов авиационных материалов в Липецке. Ценность летной и танковой школ заключалась в том, что обучавшиеся там немецкие и советские военные специалисты могли знакомиться с новейшими типами самолетов и танков. На аэрохимической станции проводились испытания химического оружия, которое и та и другая стороны предполагали взять на вооружение своих армий.

Одновременно развивалось и военно-промышленное сотрудничество. По взаимной договоренности наряду со смешанными советско-германскими предприятиями, концесси-

ями, образованными на территории СССР, создавались замаскированные под них по форме предприятия оборонной промышленности, на которых выполнялись немецкие военные заказы. Например, в 1924 году на советских предприятиях был размещен заказ рейхсвера на 400 000 снарядов для полевых 3-дюймовых орудий. Заказ был выполнен в 1926 году. Для финансирования и координации своей деятельности в СССР военное министерство Германии в 1923 году основало в Берлине и Москве «Общество содействия промышленным предприятиям» («ГЕ-ФУ»), обеспечив его необходимым производственным капиталом. Из числа таких предприятий можно, в частности, назвать авиационный завод в Филях (с участием «Юнкерса»), близ Самары химзавод (фирма «Берзаль») по производству отравляющих веществ и различные советские заводы, производившие «при немецком техническом содействии» боеприпасы для артиллерии (с участием «Круппа»). Фирма «Юнкерс» в Филях за несколько лет построила десятки самолетов. В реконструированных арсеналах Ленинграда, Тулы, Златоуста производилось более 300 тыс. снарядов в год. В до-

ках Ленинграда и Николаева строились и спускались на воду подводные лодки и корабли. В 1926 году более 150 млн. марок (треть бюджета рейхсвера) шло на закупку боеприпасов и вооружения в СССР. В области подготовки кадров командование рейхсвера, используя учебную базу в СССР, смогло накопить практический опыт в использовании запрещенных Германии Версальским договором видов вооружений, готовить кадры для развертывания массовой армии, в том числе военно-воздушных сил и бронетанковых войск.

Для обеспечения руководства созданными учебными центрами в конце 1923 — начале 1924 годов была образована особая организация «Централе Москау», подчиненная берлинскому штабу. Эта организация, разрабатывая необходимые для функционирования центров экономические и финансовые мероприятия, решала текущие вопросы с советскими представителями и сотрудничала с германским посольством в Москве.

Важнейшей воздушной базой рейхсвера в СССР была авиационная школа в Липецке. Здесь велась подготовка военных летчиков, для чего ежегодно выделялось 2 млн.

▲ На полевом аэродроме ВВС РККА

▲ Командарм Иона Якир

▲ Генерал Гудериан

марок (всего за десять лет было выделено 20 млн. марок). Они входили в состав так называемой 4-й эскадрильи советского авиационного соединения, но советских специалистов там не было. Учебный процесс проходил под контролем немецких офицеров, которые пользовались полной свободой передвижения как внутри зоны, так и за ее пределами. Численность постоянного состава немецкого контингента составляла 60 человек, в летнее время он возрастал до 200 человек, а в начале 30-х годов — до 300 человек. Это объяснялось тем, что активизировались технические испытания. Всего в 4-й эскадрилье насчитывалось в 1928 году 58 самолетов, привезенных немцами из Германии. С 1925 по 1933 год в Липецке прошли

обучение 120 летчиков-истребителей и примерно 100 летчиков-наблюдателей.

Тактико-технические испытания в Липецке проходили лишь те само-

леты, которые считались годными для серийного производства. При этом особое значение придавалось сохранению военной тайны. Самолеты переправлялись на базу в основном по морю маршрутом Штеттин — Ленинград. Секретный груз доставляли офицеры на парусниках. Первые образцы истребителей и легких бомбардировщиков, которые были запущены в массовое производство в Третьем рейхе, были испытаны в Липецке.

В СССР проходили также стажировку немецкие военные специалисты различных родов сухопутных войск. В течение нескольких лет ежегодно приезжали на подготовку до 80 германских офицеров. Советский Союз, в свою очередь, мог использовать немецкую технологию и вести совместные работы по испытанию военной техники.

Сотрудничество подобного рода, несмотря на секретный его характер, не было чем-то необычным в пра-

ктике международных отношений. В обход Версальского договора военно-технические связи с Германией поддерживали также США, Япония, Италия и другие страны. Налаживая и укрепляя контакты с рейхсвером, советское руководство, к сожалению, не учло возможности их неблагоприятных последствий в случае изменения германского внешнеполитического курса. Обвинения в адрес западных держав, способствовавших возрождению военной мощи Германии, конечно, обоснованны. Но справедливости ради надо признать, что и СССР немало сделал для укрепления германского военного и экономического потенциала.

В конце 20-х годов участились визиты руководителей рейхсвера в Советский Союз. Чаще всего они проходили в форме инспекционных поездок по германским военным школам, тренировочным базам и участия на маневрах Красной Армии. Как правило, они сопровожда-

лись встречами и продолжительными беседами с представителями высшего командования Красной Армии. Понятно, что все это сыграло немаловажную роль в формировании военно-теоретических взглядов немецких офицеров и подготовке кадров рейхсвера. Многие из германских офицеров, прошедших стажировку на тренировочных базах в Липецке и Саратове, впоследствии приняли активное участие во Второй мировой войне.

Да, все это было. Но когда ныне говорят и пишут о том, что «фашистский меч ковался в СССР», то это не соответствует исторической действительности. Каков же был реальный вклад СССР в перевооружение Германии? И какую роль играли поставки в Германию вооружений из СССР? Выше уже говорилось, что в СССР было обучено 120 летчиков-истребителей и 100 летчиков-наблюдателей. Но последние, как известно, принадлежат не к боевой, а к разведывательной авиации. Итак,

120 летчиков за 6 лет (1927—1932). 120! А в Германии к началу Второй мировой войны (сентябрь 1939-го) было 4100 боевых самолетов. Значит, в СССР было подготовлено 3% боевых летчиков. Возьмем танкистов. В 1929 году было обучено 10, в 1930—1932 годах — по 30 танкистов. Итого 100 человек. Не мало вато ли? Танковый экипаж насчитывал в конце 30-х годов 3 человека, позднее — 4. Итак, к 1 сентября 1939 года на 3200 танков (столько их было на вооружении) при экипаже в 3 человека в СССР подготовлено 3% специалистов. По немецким данным, 250—280 немецких офицеров сухопутных войск прошли подготовку в Казани. Но и это не дает основания утверждать, что основу танковых войск составили кадры, подготовленные в СССР (5%).

Порой утверждают, что многие в дальнейшем известные немецкие военачальники обучались в СССР. Например, Гудериан, Модель, Браухич, Кейтель, Манштейн и другие. Да,

бывали все эти лица в СССР в те годы. Но с какой целью? Либо на учениях и маневрах, либо в инспекционных поездках по военным объектам, где обучались немцы. Браухич и Кейтель были с 10 по 24 сентября 1931 года на маневрах в Белорусском военном округе. Манштейн — в составе делегации рейхсвера в ноябре 1931 года, Гудериан совершал ознакомительную поездку в августе 1932 года по частям РККА.

Может быть, СССР помогал Германии в перевооружении рейхсвера в значительной степени? Да нет. Поставки касались в основном боеприпасов. Но, как известно, уже в 1940 году после разгрома Франции вермахт имел столько боеприпасов, что Гитлер приказал прекратить их выпуск. Все, о чем пишут «первооткрыватели» в 90-х годах, известно из немецких, английских и советских трудов 60—80-х годов.

Этих «первооткрывателей» за последние годы мы насмотрелись вдоволь. Весь пафос авторов сводился

▲ Командарм И.П. Уборевич

▲ Командарм Эйдеман

▲ 1933 год, Гитлер и Гинденбург

к тому, чтобы поставить гитлеризм и сталинизм на одну доску (что неверно) и еще раз (в который!) привлечь внимание читателей к делу Тухачевского и других 200 советских командиров, которые обучались (и не по 10 дней!) в Германии, а затем были репрессированы.

С согласия германской стороны командиры Красной Армии обучались в академии германского генерального штаба и военно-учебных заведениях рейхсвера — в Берлине, Дрездене и других городах. Из представителей высшего состава Красной Армии курс военной академии германского генштаба прошли И. П. Уборевич и Р. П. Эйдеман (1927-1928 гг.), Н. Э. Якир (1928—1929 гг.) и другие. В те же годы в Германии учились И. Н. Дубовой, П. Е. Дыбенко, Э. Ф. Аппога, ставший затем начальником Управления военных сообщений РККА. В 1930 году с группой высших командиров выезжал в Гер-

манию К. А. Мерецков. В следующем году в германской академии генерального штаба учился В. М. Примаков, по возвращении написавший книгу «Тактические задачи германского генерального штаба». В рамках военно-технического сотрудничества в Германию еще в 1927 году был командирован заместитель начальника управления ВВС РККА Я. И. Алкснис. Цель командировки заключалась в ознакомлении с германским самолетом- и моторостроением. Алкснис, хорошо говоривший по-немецки, встречался с известным немецким авиаконструктором Хейнкелем, и это был не единственный его визит в Германию.

Советские и немецкие военные специалисты посещали учения и маневры, проводившиеся в 20-х годах и в СССР, и в Германии. Так, полпред СССР в Германии Н. Н. Крестинский докладывал И. В. Сталину 28 декабря 1928 г.: «В чем в настоящее время

выражается сотрудничество между нашей Красной Армией и рейхсвером? С нашей стороны это сотрудничество проявляется в том, что мы посылаем ежегодно, уже в течение 3-х или 4-х лет-, группы наших красных командиров на германские маневры. Во-вторых, последние два года мы присылаем сюда группы наших ответственных командиров для прохождения здесь, в германской военной академии, практического и теоретического курса. С немецкой стороны сотрудничество выражается в посещении наших маневров и в том, что германский рейхсвер организывает на нашей территории военно-технические школы такого типа, какие в Германии на основании Версальского договора существовать не могут. Я имею в виду существующую уже три года школу летчиков, танковую школу и химическую школу или, вернее, не школу, а ячейку для производства авиационных опытов».

Военное сотрудничество с Германией позволило выработать перспективные концепции развития советских Вооруженных сил, на новой основе разработать советские военные уставы.

Однако после заключения Германией Локарнского договора с западными державами (1925 г.), по которому западные границы Германии провозглашались нерушимыми, а в отношении восточных границ немцам оставляли «свободу рук», в Советском Союзе начали склоняться к тому, чтобы начать свертывать взаимосвязи с рейхсвером. 26 января 1927 года заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов писал советскому полпреду в Берлине: «Решение о постепенной ликвидации сотрудничества с германским военным ведомством... принято, поскольку советское военное руководство считает, что «сотрудничество с немцами практически ничего не дает». К 1933 году эта тенденция усилилась. Но в первые месяцы существования Третьего рейха советское политическое руководство считало, что рапалльские договоренности будут выполняться по-прежнему. Ведь совсем недавно, в сентябре—октябре 1932 года, большая военная делегация во главе с М. Н. Тухачевским была приглашена в Германию военным министром генералом Шлейхером. Вначале советские военачальники присутствовали на маневрах под Франкфуртом-на-Одере, а затем, разделившись на две группы, посетили военные предприятия Рурского бассейна и высшую пехотную школу в Дрездене, где учились командиры РККА. Делегация была принята престарелым президентом П. Гинденбургом. Тухачевскому был оказан хороший прием. Но его в Германии привлекали не светские рауты, а проблемы развития вооружений и работа военной промышленности. Решить их на этот раз не удалось.

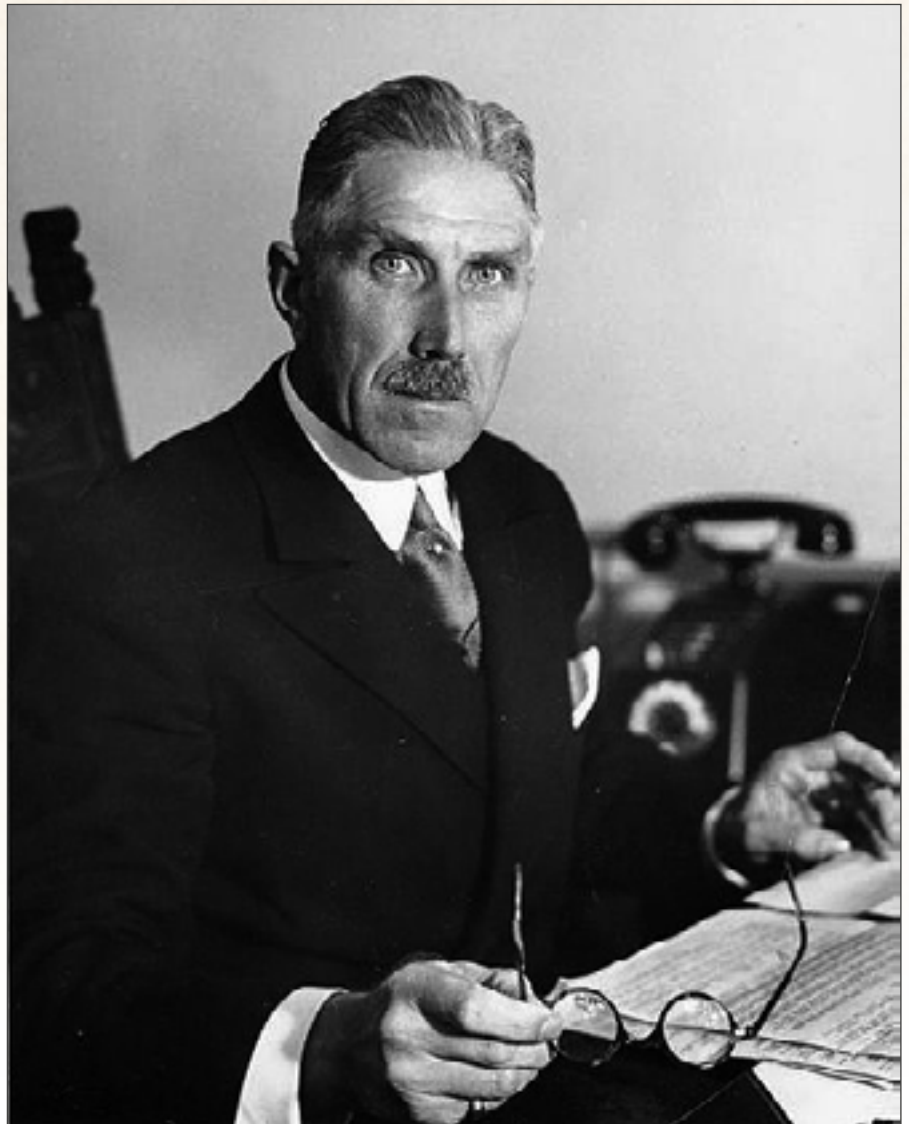
Уже в ходе поездки участники делегации явно ощутили, что в советско-германских отношениях зреет перелом. Об этом свидетельствовали и демонстративные жесты

германского кабинета в сторону западного соседа. Так, Ф. Папен, ставший в мае 1932 года канцлером Германии, предлагал французскому премьер-министру заключить военный союз. Такие жесты германского правительства заставляли советских политических и военных руководителей задуматься о возможном развитии отношений Германии с Англией и Францией и перспективах советско-германского сотрудничества.

Внешне казалось, что приход фашистов к власти не отразился на советско-германских отношениях. Несмотря на гонения против коммунистов и прогрессивных немецких деятелей, последовавшие после пожара в рейхстаге, а также антисо-

ветские выпады в речах нацистских лидеров, СССР придерживался прежнего курса по отношению к Германии. Очевидно, советское руководство не хотело изменением отношений подтолкнуть Германию к смене политических ориентиров и тем самым дать лишний козырь в руки правящих кругов Англии и Франции, проводивших политику удерживания Германии в рамках локарнского курса.

Сохранить статус-кво в германо-советских отношениях в немалой степени способствовала информация, поступающая из Берлина. Так, разведывательное управление РККА докладывало Ворошилову в феврале 1933 года: «Правительство Гитлера в отношении СССР не предпола-

▲ Фон Папен

▲ И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов

ет вести враждебную политику. Это объясняется следующими причинами:

1) давлением на Гитлера со стороны германской промышленности, стремящейся к развитию экономических отношений с СССР;

2) политикой министра иностранных дел Нейрата, считающего обострение отношений с СССР невыгодным для германской политики;

3) нажимом генерала Бломберга, считающего, что обострение отношений с СССР противоречит военно-политическим интересам рейхсвера;

4) советами Муссолини сохранить Берлинский и Рапалльский договоры».

Опираясь на эти данные, советское руководство решило прямо высказать свое отношение к попыткам германского правительства установить более тесные связи с англо-французским блоком, который в те годы оно считало основным потенциальным противником СССР. Нарком иностранных дел М.М. Литвинов в беседе с главой германского МИДа Нейратом 1 марта 1933 года заявил, имея в виду предложение Папена, о котором речь шла выше: «Мы... не намерены менять наших отношений с Германией, но нам, конечно, не улыбается перспектива антисоветского блока Германии

с Францией». И предпринятые усилия, казалось бы, стали приносить свои плоды. 5 мая 1933 года Германия ратифицировала протокол от 1931 года, который на пять лет пролонгировал Берлинский договор о нейтралитете между Германией и СССР от 1926 года, что было с удовлетворением воспринято в СССР.

Однако в Москве не строили иллюзий относительно долговечности действия подписанного документа. Советник полпредства в Берлине С.А. Александровский еще 18 апреля отмечал, что реальные обстоятельства могут внести серьезные поправки во внешнеполитические замыслы нацистов. Гитлер не может существовать без большой внешней политики; это означает, что он способен прибегнуть к экстремальным средствам, включая военные авантюры, а в конечном счете и войну против СССР.

Такие сообщения заставляли в Москве задумываться о том, что советско-германское сотрудничество и выгоды, получаемые от него рейхсвером, в дальнейшем могут быть обращены во вред СССР. Видимо, не без колебаний советское руководство продолжило принятый ранее курс на свертывание сотрудничества с гитлеровской Германией в военной области. Во всяком случае

анализ немецких дипломатических документов показывает, что инициативу в этом плане проявила советская сторона. Первое сообщение о том, что русские не намерены продолжать деятельность одной из военных баз, поступило от германского посла в СССР Г. Дирксена 28 апреля 1933 года. Спустя какое-то время советская сторона несколько смягчила свою категоричность. На приеме, устроенном в честь немецкой военной делегации в мае, Ворошилов попросил Дирксена передать своему правительству, что советское руководство, как и раньше, желает поддерживать доброжелательные отношения с Германией. Тухачевский был более сдержан в проявлении дружеских чувств: он дал понять военному атташе Хартману, что в области военного сотрудничества вряд ли удастся придерживаться прежней линии, если она не будет согласована с общей политической позицией сторон.

В конце мая — начале июня советская политика по отношению к Германии приобрела более четкие очертания. Советское правительство заявило о решении как можно скорее прекратить деятельность германских военных объектов в СССР. Затем последовало новое решение: прекратить обучение командиров РККА в академии германского генерального штаба. В свою очередь германская сторона в июле аннулировала договоренность об участии своих представителей на осенних маневрах Красной Армии. Летом в Советский Союз прибыли специальные представители рейхсвера для ликвидации военных школ и баз. Часть немецкого военного имущества на сумму 2,9 млн. марок была оставлена в распоряжении Красной Армии. К концу сентября ликвидация германских военных объектов на территории СССР была завершена.

Прекращение советско-германского военного сотрудничества сопровождалось нарастающим охлаждением в политических отношениях. Антисоветские тенденции в политике рейха стали проявлять себя все определеннее. Резким антисоветским выпадом стал так называемый меморандум

А. Гутенберга, министра экономики рейха, который был представлен им в Лондоне на Международной экономической конференции в июне 1933 года. В нем заявлялось ни много ни мало о германских требованиях «жизненного пространства» за счет СССР. Вслед за этим в Германии развернулась антисоветская пропагандистская кампания.

Непрерывные нападки фашистской прессы на Коминтерн и СССР, провокации против советских организаций и их имущества в Германии привели к еще большему охлаждению отношений. Только в 1933 году советское посольство в Берлине направило в МИД Германии 217 нот протеста.

Ухудшающиеся отношения с Германией, несмотря на все старания советской стороны их нормализовать, а также тенденция к сближению Германии с Францией и Англией требовали от руководства СССР самых энергичных мер по предотвращению возможности создания антисоветского блока ведущими капиталистическими державами.

Одним из путей решения этой проблемы, как уже указывалось, было наметившееся улучшение отношений с Францией. Этот курс, во-первых, помешал бы германо-французскому сближению на антисоветской основе, а во-вторых (в случае успешного развития дел), возродил бы традиционный русско-французский союз, всегда являвшийся барьером германскому экспансионизму.

Новые задачи прежде всего требовали отказа от прежних пропагандистских штампов и устоявшихся стереотипов. Если на XI пленуме ИККИ (апрель 1931 г.) неоднократно утверждалось, что Англия и Франция в ближайшее время нападут на СССР (выступления М. Кашена, В. Пика, Э. Тельмана, Г. Димитрова и других), то теперь, по мере нарастания враждебности к СССР в германской политике, отношение Москвы к западным демократиям стало меняться. Уже с 1932 года все более стали расширяться дружественные связи Советского Союза с Францией. Это не осталось незамеченным в Европе.

Советский агент из Англии докладывал в разведуправление РККА в марте 1933 года: «Поляки в Лондоне... старательно инспирируют печать, что в Европе создается старое русско-французское согласие с включением Польши в этот союз и т.п.

...Немцы, а за ними и итальянцы страшно напуганы, как они называют, «совфранцсближением» и настойчиво выпрашивают, как далеко это сближение пойдет».

Дружественные связи СССР с Францией начали развиваться еще до прихода Гитлера к власти. В 1932 году был подписан советско-французский пакт о ненападении. В следующем году состоялся обмен военными атташе. 8 апреля в Москву прибыл первый французский военный атташе, полковник Мендрас. Он был дружески принят Ворошиловым, Егоровым и Литвиновым. Через месяц был ратифицирован советско-французский пакт 1932 года. В столицу Франции прибыл первый советский военный атташе комдив Венцов, один из ближайших помощников Тухачевского. Довольно скоро он наладил доброжелательные отношения в военных кругах. Энергия Венцова, установленные им связи во многом способствовали расширению франко-советских контактов.

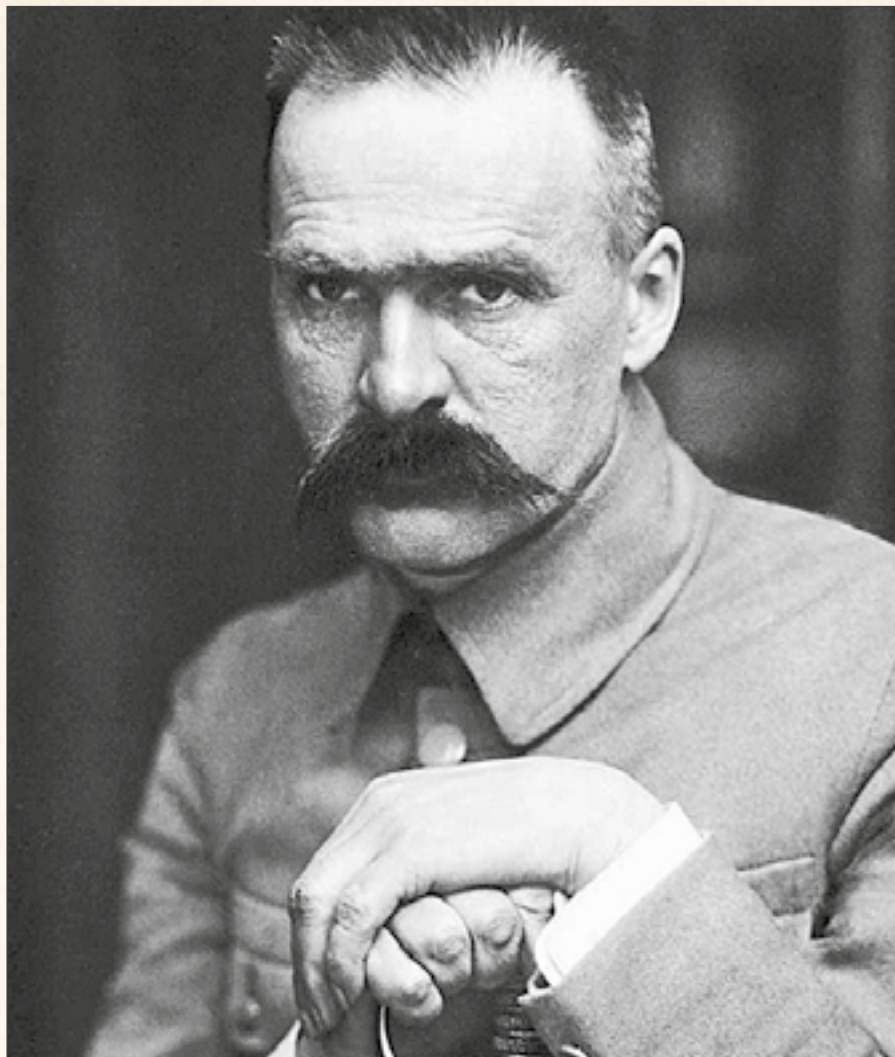
Именно в этот год СССР был крайне заинтересован в улучшении отношений с великими державами Запада, поскольку по инициативе Б. Муссолини начались переговоры о заключении пакта между Италией, Германией, Англией и Францией с целью снятия напряженности между побежденными и победителями, созданной Версальским мирным договором. Переговоры велись без участия СССР, имели явно антисоветскую направленность и, естественно, вызывали беспокойство советского руководства.

Активизация франко-советских отношений не смогла предотвратить заключение договора. В Риме 15 июля 1933 года Англией, Францией, Германией и Италией был подписан «пакт согласия и сотрудничества» — «пакт четырех». Он предусматривал согласование политики этих держав по всем спорным международным вопросам в Европе и вне ее. По существу, создавался европейский директорат четырех держав, рассчитывавших по своему усмотрению решать судьбы народов Европы. В Советском Союзе отчетливо представляли опасность идеи «пакта четырех» и всячески стремились ему противодействовать: сговор четырех держав нанес бы ущерб

▲ Командармы Тухачевский, Буденный, Егоров

▲ Йозеф Пилсудский

интересам многих стран и в первую очередь СССР. Поэтому советское руководство придавало особое значение развитию отношений с Францией, для которой германская экспансия была столь же опасной, как и для Страны Советов.

В конечном счете Франция не ратифицировала «пакт четырех», и он не вступил в силу. В этом свою роль сыграло налаживавшееся сотрудничество между СССР и Францией. В 1933—1934 годах произошли важные события в отношениях между обеими странами. В августе-сентябре 1933 года Москву посетил видный французский государственный деятель Э. Эррио. Затем с одобрения не только МИДа Франции, но и военного министерства последовал визит в СССР министра авиации П.

Кота. Во всем этом можно было усмотреть намек на то, что военное руководство Франции одобряет возобновление дружественных отношений с Советским Союзом.

В начале 1934 года между Францией и СССР было заключено временное торговое соглашение, произошел обмен военно-воздушными атташе, а в августе в Париж с ответным визитом прибыла эскадрилья советских самолетов «АНТ-6». Развитие отношений обнадеживало и соответствовало политике СССР, начатой в тот период.

Еще в начале 30-х годов Советское правительство выдвинуло ряд важнейших конкретных предложений, претворение в жизнь которых могло бы обеспечить сохранение мира. В феврале 1933 года в Жене-

ве на конференции по сокращению и ограничению вооружений СССР подписал декларацию об определении агрессии, но отклика со стороны западных держав не последовало. Тогда Советское правительство предложило подписать протокол об определении агрессии между СССР и соседними с ним странами Восточной Европы, а также некоторыми другими государствами. Усилия эти все-таки дали свои положительные результаты: в начале июля Конвенцию об определении агрессии подписали, кроме СССР, еще Эстония, Латвия, Литва, Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия, Финляндия, Турция, Иран и Афганистан. Бесспорно, это был успех советской дипломатии, заметный вклад в борьбу против агрессии, в выработку международных правовых норм, призванных содействовать предотвращению войны. Важно это было и потому, что для СССР в случае войны большую опасность представлял бы захват немецко-фашистскими войсками Прибалтики, так как вооруженные силы агрессора приблизились бы к жизненным центрам Советского Союза.

Не меньшее значение для СССР имело сохранение независимости Польши, предотвращение аннексии ее Германией. В течение всего послеоктябрьского периода Польша проводила в отношении Советской страны крайне враждебную политику, активно участвуя во всех антисоветских акциях. Но с тех пор как в Германии к власти пришли фашисты, для самой Польши усилилась опасность для целостности ее границ. Это давало СССР шанс не допустить германо-польского сближения на антисоветской основе, улучшить отношения с Польшей.

Сталин быстро оценил ситуацию и поспешил использовать сложившиеся условия. 14 декабря правительство СССР выступило с предложением об опубликовании совместной советско-польской декларации о заинтересованности двух стран в сохранении и укреплении мира в Прибалтике. Согласно проекту декларации, СССР и Польша в случае угрозы Прибалтийским госу-

дарствам обязывались обсудить создавшееся положение. Смысл советского предложения заключался в том, чтобы придать Прибалтийским государствам, находившимся под угрозой немецкой агрессии, чувство уверенности, укрепить их сопротивление германской экспансии, ослабить нажим рейха на Прибалтийские страны, перенести в конкретную плоскость сотрудничество СССР и Польши.

Однако польские правящие круги под давлением реакционных сил, ослепленных планами создания «Великой Польши» за счет СССР и Прибалтийских государств, встали на путь создания условий для реализации собственных экспансионистских планов. Глава Польского государства Ю. Пилсудский в беседе с гитлеровским эмиссаром Х. Раушнинггом еще 11 декабря поставил вопрос о заключении антисоветского альянса между Германией и Польшей. Обсу-

ждали они вопрос и о разделе Прибалтийских государств. «Польско-германское сближение, — докладывало советскому руководству разведуправление РККА, — несмотря на наличие серьезных противоречий по территориальным вопросам, помимо подписания в январе 1934 года протокола о ненападении, пошло по линии установления далеко идущих взаимных обязательств. Заключены соглашения о расширении экспортного сотрудничества, подписаны протокол о ликвидации таможенного конфликта, портовое соглашение и ряд других». 26 января была опубликована германо-польская декларация о дружбе и ненападении. Фактически с этого момента Польша начала сотрудничать с германскими, японскими и итальянскими милитаристами. В апреле Берлин отверг советские предложения о взаимных гарантиях Прибалтийским республикам.

Такой поворот событий был воспринят в СССР с явным беспокойством: подобные действия свидетельствовали об усилении военной угрозы. В отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVII съезду партии отмечалось, что «идет лихорадочная подготовка к новой войне для нового передела мира и сфер влияния».

По данным разведуправления РККА, «именно в 1934 году происходило усиленное сколачивание нового антисоветского блока в составе Японии, Германии и Польши и отмечались настойчивые попытки привлечь к участию в этом блоке Англию, Швецию, Венгрию, а также всех ближайших соседей СССР на Западе и на Среднем Востоке.

Эта новая расстановка сил, явившаяся результатом нашего роста и обострения противоречий в лагере империалистических держав, в значительной степени меняет условия

▲ Нюрнберг, торжество нацизма

▲ В ставке Гитлера, Вервольф

стратегического развертывания наших вероятных противников. Как никогда становится актуальной проблема одновременной войны на Западе и на Дальнем Востоке. Крупнейшее значение имеет тот факт, что в составе антисоветского фронта на Западе, кроме Польши, выдвигается Германия, как наш активнейший и первоочередной противник».

На фоне ухудшения отношений с Германией, враждебности ряда соседних государств СССР было особенно важно наладить советско-французские контакты. От отношения к СССР Франции и динамичной внешней политики самого Советского Союза зависел рост его международного авторитета.

Установление союзнических отношений с Францией позволяло советскому руководству создать благоприятные условия для формирования системы коллективной безопасности в Европе, которая

могла бы стать прочным заслоном агрессивным устремлениям фашистских государств. Это объяснялось тем, что большинство средних и малых европейских стран так или иначе были связаны союзническими узами с Францией. Она имела союзные договоры и военные соглашения с Польшей и Румынией. В фарватере французской политики следовали Малая Антанта (Румыния, Югославия, Чехословакия), республики Прибалтики, государства Балканского полуострова. Кроме того, через дружественные отношения с Францией СССР мог улучшить взаимоотношения и с Англией, поскольку, несмотря на ряд противоречий, они, проводя согласованную политику, делали политическую погоду в Европе.

Франция также была заинтересована в активизации связей с СССР, особенно после прихода Гитлера к власти. Воспоминания о германском вторжении в 1914 году и после-

довавшей кровопролитной войне были еще слишком свежи в памяти простых французов. Что касается правительственных кругов, то, по их мнению, дружественные отношения с СССР позволили бы поддерживать в Европе статус-кво. Поэтому миролюбивые шаги Советского правительства находили благоприятный отклик во Франции. Министр иностранных дел Ж. Поль-Бонкур поставил вопрос о дополнении франко-советского договора о ненападении 1932 г. договором о взаимной помощи, а также о вступлении СССР в Лигу Наций.

Растущее международное признание требовало от советского руководства выработки новых подходов во внешней политике. 19 декабря 1933 года Народный комиссариат иностранных дел СССР подготовил для передачи французскому правительству следующие предложения, получившие одобрение Политбюро ЦК ВКП(б):

«1) СССР согласен на известных условиях вступить в Лигу Наций.

2) СССР не возражает против того, чтобы в рамках Лиги Наций заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии.

3) СССР согласен на участие в этом соглашении Бельгии, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии или некоторых из этих стран, но с обязательным участием Франции и Польши...».

В этих предложениях в сжатой форме была изложена советская концепция коллективной безопасности в Европе для обуздания агрессоров и предотвращения войны.

В отличие от французской инициативы о заключении двустороннего франко-советского договора правительство СССР предложило заключить региональный договор с более широким кругом участников. Оно исходило из того, что тесное сотрудничество СССР, Франции, Польши, Чехословакии и некоторых других стран могло остановить германскую экспансию, ибо полагало, что немцы, учитывая печальный опыт Первой мировой войны, не решатся воевать на два фронта. Изложенные предложения Советского правительства были переданы 28 декабря 1933 года министру иностранных дел Франции Ж. Поль-Бонкуру.

В ходе переговоров проявилась двойственность в ориентации Франции: с одной стороны, линия на сближение с СССР, с другой — на сохранение локальной системы, созданной на основе ряда договоров между Германией, Францией, Великобританией, Бельгией, Италией, Польшей и Чехословакией. В конечном итоге вместо единого договора ряда стран был предложен советско-французский план заключения двух договоров. Первый — региональный — должен был охватить государства Восточной Европы и Германию. Предполагалось, что участники пакта гарантируют нерушимость границ и обязуются оказать помощь тому из них, кто подвергнется нападению извне. Второй — между Францией и СССР — должен был содержать

обязательства по взаимной помощи против агрессии. «Советский Союз, — говорилось в предложении СССР, — возьмет на себя такие обязательства в отношении Франции, как если бы он участвовал в локальной системе, а Франция — обязательства в отношении Советского Союза, как если бы она была участницей Восточного пакта». Кроме того, предусматривалось вступление СССР в Лигу Наций.

В ходе переговоров из числа участников регионального договора были исключены Франция и Бельгия, а включена по настоянию Англии Германия. В измененном виде проект вошел в историю как Восточный пакт. Предусматривалось одновременное заключение между СССР и Францией двустороннего договора о взаимопомощи, связанного с Восточным пактом. Правительство Чехословакии сразу же согласилось подписать Восточный пакт. Хотя и с некоторыми оговорками, дали положительный ответ Латвия, Литва и Эстония. Однако Германия, Польша и Финляндия заняли отрицательную позицию. Главную роль в срыве планов заключения Восточного пакта сыграла, бесспорно, фашистская Германия. Ее реваншистские планы требовали восстановления «свободы вооружаться». С лета 1933 года это стало центральной и главной целью германской внешней политики. Но, чтобы реализовать ее, нужно было помимо внутренней обстановки, которой фашисты уже вполне владели, использовать и внешние факторы, создать условия для беспрепятственного вооружения Третьего рейха, то есть сбросить версальские оковы. Международное положение, сложившееся в Европе в начале 30-х годов, благоприятствовало выполнению замыслов Гитлера.

В стане «версальских держав» не было единодушия в отношении Германии. Франция стремилась создать блок государств, заинтересованных в сохранении версальской системы. В Юго-Восточной Европе ее поддерживали страны Малой Антанты, в Восточной Европе — Польша. Англия и США склонялись больше

к восстановлению германского военно-экономического потенциала, рассчитывая не допустить французской гегемонии на континенте. Для всех западных держав общей была одна цель — отвести от своих стран угрозу войны со стороны фашистских государств и по возможности направить их агрессию на восток, столкнуть фашизм с большевизмом.

Различия в интересах западных держав привели к тому, что они, видя реваншистские устремления фашистской Германии, не только не вводили в действие санкции, предусмотренные Версальским договором, но даже не пытались протестовать, когда нацистское руководство нарушало его положения. Более того, сначала в Лондоне, а затем и в Париже стали раздаваться высказывания за предоставление Германии равных со странами-победителями прав в области вооружения.

На конференции по разоружению в Женеве в октябре 1933 года обсуждался так называемый план Макдональда (премьер-министр Англии в 1933 г.), по которому вооруженные силы Франции должны были уменьшиться с 500 тыс. до 200 тыс. человек, а Германии соответственно подняться со 100 тыс. до 200 тыс. человек. Кроме того, Франция должна была сократить свою авиацию и ограничить артиллерию орудиями калибра до 105 мм. По сути, это было продолжение извечного курса британской политики: не допустить на европейском континенте гегемонии какой-то одной державы, в данном случае Франции, которая претендовала на главенствующую роль в европейском доме.

Позднее, оценивая политику Англии в отношении Франции, У. Черчилль, в то время член парламента, говорил: «Страшная опасность нашей нынешней внешней политики состоит в том, что мы непрерывно понуждаем французов ослабить самих себя... При этом всегда внушаем надежду, что, если они это сделают и попадут в беду, мы так или иначе придем им на помощь, хотя мы не располагаем ничем, что позволило бы нам оказать им эту помощь. Я не могу даже

▲ Черчилль и Лойд Джорж

представить себе более опасной политики».

При обсуждении «плана Макдональда» на конференции по разоружению Франция потребовала отсрочки в уничтожении тяжелого вооружения на четыре года, на что Англия дала согласие. В ответ Гитлер приказал германским представителям не только покинуть конференцию, но и заявить о выходе из Лиги Наций. Германия, не обращая внимания на западные державы, в открытую развернула подготовку к войне.

В 1935 году в Германии, вопреки положениям Версальского договора, была объявлена всеобщая воинская повинность. 100-тысячный рейхсвер был преобразован в 500-тысячный вермахт. С 1936 года начала выполняться крупномасштабная программа вооружений. Вся жизнь Германии милитаризировалась. «Пушки вместо масла» — таков был лозунг нацистской партии. Страна превращалась в единую военную машину — машину агрессии и реванша.

Какой-либо резкой реакции версальских держав на все эти действия германского фашизма не последовало. В Берлине поняли: наступило время действий. Опасность возник-

шей ситуации адекватно оценил Сталин: надо было сделать все возможное, чтобы СССР в условиях мира мог осуществлять курс на индустриализацию страны.

Перед неагрессивными странами Западной и Центральной Европы и перед СССР встал вопрос: как сдержать агрессивные устремления Берлина? Ответ напрашивался один: только угрозой вновь поставить Германию перед перспективой гибельной для нее войны на двух фронтах — на востоке и на западе. Эта мысль завладела умами лидеров и в Лондоне, и в Париже, и в Праге, и в Варшаве, и в Москве.

Возможность сохранения мира в Европе была в руках западных держав — Великобритании и Франции. Но их лидеры, хотя и видели в притязаниях

Гитлера угрозу установленной ими после Первой мировой войны версальской системе, где Лондон и Париж играли главенствующую роль, приветствовали во вред себе политику фашистской Германии, объявившей главным своим врагом Советский Союз.

В тот напряженный период великие державы — Англия, Франция,

США — и следовавшие в фарватере их политики средние и малые страны Европы стояли перед выбором: какой курс избрать, поощрять ли антисоветскую политику Гитлера, закрыв глаза на растущую военную мощь Германии, в расчете столкнуть германский фашизм с советским большевизмом или, наоборот, совместно с Советским Союзом поставить заслон системой договоров агрессивным планам немецких фашистов: в случае развязывания Германией войны начать военные действия против нее и с востока, и с запада.

Для того чтобы сделать выбор, надо было решить вопрос: кто представляет наибольшую и ближайшую по времени угрозу для Запада: фашизм или большевизм, фашистский Берлин или коммунистическая Москва? И решено было, увы: Москва. Но почему? Пугала и риторика Коминтерна о неизбежности скорой «мировой революции», и помощь СССР испанским республиканцам и гоминдановскому Китаю, и победа Народного фронта левых сил во Франции. Ну а Гитлер хотя и клял «плутократию» Запада, но в отличие от Коминтерна не посягал на главную «западную ценность» — частную собственность. И хотя фашистские лозунги претили уважаемым защитникам демократии, они, однако, предпочитали договориться с Гитлером («сукин сын, но ведь наш сукин сын») и направить взоры Германии на Восток, чтобы с Советским Союзом решать ее немецкие проблемы «жизненного пространства».

Это была роковая ошибка Запада, ибо с середины 30-х годов сталинское руководство предпочитало во внешней политике уже не идеи Коминтерна, а национальные интересы Советского государства. Ведущую роль приобретала геополитика, а не идеология. Произошло, можно сказать, прощание «Славянки» с «Варшавянкой». Советскому Союзу нужен был мир. Страна только-только начала преодолевать вековую отсталость, чтобы стать в ряды высокоиндустриальных держав. Полным ходом шла индустриализация страны, всеобщая грамотность сменяла

подавляющую безграмотность (80%) дореволюционной России. СССР попросту не мог тогда развязать «революционную войну»: не было ни такой цели, ни сил у еще не перестроенного государства.

А гитлеровский рейх уже был мощным индустриальным государством и, бросив все силы на подготовку к жестокой агрессивной войне, с каждым днем представлял все более грозную опасность для своих соседей, как на востоке, так и на западе. Нельзя сказать, что этого не видели на Западе. Нет, наиболее разумные политики — У. Черчилль, Д. Ллойд-Джордж — предупреждали об опасности германского фашизма для западных стран. Но идеологические проблемы в те годы затмевали настоятельные стратегические требования и в Лондоне, и в Париже.

Антисоветизм западных держав вселял в Гитлера уверенность в том, что объединения западных демократий и СССР никогда не будет, а значит, не будет и войны на два фронта. Созданные версальской системой

новые государства — Чехословакия и Польша — не в счет: слишком слабы, чтобы без России организовать сколько-нибудь значимый восточный фронт. А раз так, то необходима только умелая политическая линия, что означало сочетание коварства с демагогией. И он начал свою дерзкую, опасную игру.

Усиленная милитаризация Третьего рейха вызвала тревогу в Москве. Руководство страны увидело в этом растущую угрозу СССР и предприняло новые шаги к франко-советскому сближению в военной области. Однако отношение к нему французского командования оказалось неоднозначным: с одной стороны, оно стремилось заручиться советской поддержкой в случае нападения Германии на Францию; с другой — не желало стесняться себя какими-либо военными обязательствами. Кроме того, сдерживали трудности, связанные с отсутствием общих границ между Германией и СССР. Необходимо было добиться согласия Польши, Чехословакии и Румынии

на проход советских войск, а заручиться таким согласием представлялось делом нелегким. Все это, вместе взятое, в условиях, когда опасность со стороны Германии не представлялась французам настолько острой, чтобы спешить с принятием крупных политических решений, обусловило затяжку заключения советско-французского договора о взаимопомощи до 1935 года.

В это время в Берлине не сидели сложа руки. Выйдя из Лиги Наций, фашистское руководство приступило к форсированной гонке вооружений и развернуло подготовку к введению в ближайшем будущем всеобщей воинской повинности. Как отмечал после Второй мировой войны бывший генерал вермахта Б. Мюллер-Гиллебранд, это могло дать возможность «планово создавать... армию военного времени». Но для этого еще предстояло покончить с версальскими ограничениями, воспользовавшись тем, что в начале 1935 года во Франции обсуждался закон о продлении срока воинской

▲ Фельдмаршал Кейтель

▲ Фельдмаршал Манштейн

▲ Масарик и Войцеховский с командованием чешской армии

службы с восемнадцатью месяцами до двух лет из-за снижения уровня рождаемости в период Первой мировой войны. Гитлер 10 марта намеренно приоткрыл свои карты с целью проверить решительность противников. В одном из интервью Геринг официально сообщил, что Германия уже располагает военно-воздушными силами. Западные державы не отреагировали на это заявление. Более того, Великобритания на конференции по разоружению ясно показала, что она не может пойти на полный разрыв с Германией. Ее представитель заявил, что англичане «не допустят нигде нарушения мира», но и не возьмут «на себя новых обязательств», с одной стороны, они не поддержат военных акций Германии, а с другой — они, установив контакты с Германией, «должны продолжать поддерживать их». Как собиралось правительство Великобритании реализовать эти исключительные друг друга принципы, трудно представить.

16 марта Гитлер издал закон о всеобщей воинской повинности и создании армии, куда войдут 12 корпусов и 36 дивизий — всего около полумиллиона человек. Это означало конец версальских ограни-

чений в строительстве вооруженных сил Германии.

Вызов, брошенный Гитлером западным державам, был встречен рядом ничего не значащих жестов. 11 апреля представители Великобритании, Франции и Италии встретились на конференции в Стресе (Северная Италия), где осудили действия Германии и заверили мир в своей верности Локарнскому договору. Однако участники конференции ограничились лишь «выражением сожаления» по поводу нарушения Третьим рейхом условий Версальского договора. Только Черчилль и немногие поддерживающие его парламентарии пытались привлечь внимание общественности к этому факту. В одной из речей, произнесенных в марте 1935 года, Черчилль говорил: «Величайшее бедствие постигло нас. Гитлер уже добился равенства с Великобританией (по авиации). Отныне ему оставалось только пустить на полный ход свои заводы и летные школы, чтобы не только сохранить превосходство в воздухе, но и неуклонно увеличивать его. Все те неизвестные и неизмеримые опасности, которыми грозило Лондону нападение с воздуха, становятся отныне определенным фактором, подлежащим учету

во всех наших решениях. Так был открыт путь к восстановлению военной мощи Германии. Воодушевленные первым успехом нацисты в открытую заговорили о своих территориальных притязаниях.

Все это происходило в обстановке, когда Советский Союз разрабатывал активные формы борьбы за мир против угрозы войны. Конструктивные идеи, выдвинутые советскими дипломатами в ходе международных переговоров по созданию системы коллективной безопасности (неделимость мира, определение агрессии, акты о ненападении с рядом стран), не остались незамеченными, и это вызвало ответную реакцию. В 1933—1935 годах были установлены дипломатические отношения с Испанией, Венгрией, Румынией, Чехословакией, Болгарией, Албанией, Бельгией, Люксембургом, Колумбией. В сентябре 1934 г. СССР, реализуя французское предложение о вступлении его в Лигу Наций, стал не только членом этой организации, но и постоянным членом Совета Лиги. Такое положение создавало благоприятные возможности для развития сотрудничества СССР с другими странами.

Борясь за создание системы коллективной безопасности, Советское

правительство последовательно придерживалось принципа мирного сосуществования со всеми капиталистическими государствами, независимо от режима, установленного в той или иной стране. В равной мере это относилось и к нацистской Германии. Хотя экономические и политические контакты между обеими странами значительно сократились, а военное сотрудничество и вовсе заглохло, Советский Союз стремился поддерживать нормальные отношения с Германией, несмотря на развернувшуюся там антисоветскую кампанию, и не терял надежды на их улучшение. Однако враждебный курс, который начал проводить Третий рейх по отношению к СССР с середины 1933 г., не мог не вызвать соответствующей реакции и со стороны советского руководства. В отчетном докладе на XVII съезде ВКП(б) Сталин говорил: «Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме... Дело в том, что... началась борьба между двумя политическими линиями, между политикой старой, получившей отражение в известных договорах СССР с Германией, и политикой «новой», напоминающей в основном политику бывшего германского кайзера... причем «новая» политика явным образом берет верх над старой».

Провозглашенная Третьим рейхом политика экспансии на Восток потребовала от СССР принятия срочных мер, гарантировавших западные границы от непредвиденных случайностей. Так, продолжая делать попытки обезопасить Ленинград и советское Балтийское побережье, правительство СССР 28 марта 1934 года предложило Германии подписать протокол, обязывавший обе стороны воздерживаться от каких-либо действий, которые могут нанести ущерб Прибалтийским республикам. Берлин ответил отказом. В этих условиях Советский Союз попытался нейтрализовать агрессивные устремления Германии путем вовлечения ее при посредничестве Великобритании в Восточный пакт. Эта идея была высказана в ходе

▲ Б.М. Шапошников, И.В. Сталин

первого в истории англо-советских отношений визита официального британского представителя лорда — хранителя печати Великобритании А. Идена в марте 1935 года. Выразив готовность подписать Восточный пакт с участием Германии, Сталин заявил Идену: «Мы не стремимся к изоляции Германии. Наоборот, мы хотим жить с Германией в дружеских отношениях». Однако привлечь Третий рейх к участию в Восточном пакте и за счет этого укрепить свою безопасность не удалось. Как уже указывалось, Восточный пакт не был подписан. Необходимо было продолжать поиски действенных решений.

Но в реалиях 30-х годов, когда в политическом и военном мышлении господствовал версальский менталитет диктата, когда в общественных, международных и психологических структурах, которые

сложились в Европе, царствовал кулак сильного, для того чтобы добиться союза с западными державами, необходимо было доказать, что и Советский Союз располагает достаточным военным потенциалом и представляет собой ценного союзника на случай совместных действий против общего врага. Поэтому происходившее в СССР развертывание военной промышленности, постоянное совершенствование военного строительства и повышение боеспособности РККА играли немалую роль во внешней политике Советского Союза. К середине 30-х годов в советских Вооруженных силах произошли кардинальные изменения. Войска были оснащены новой техникой.

За первую пятилетку удельный вес артиллерии, авиации и бронетанковых войск, вместе взятых, возрос с 20% до 35% общего состава Вооруженных сил СССР. Начальник

Генерального штаба А. И. Егоров, подчеркивая влияние новых средств вооруженной борьбы на развитие советского военного искусства, еще в 1932 году писал: «Совместное использование самостоятельных механизированных соединений, пехоты и конницы, имеющих в своем составе танковые подразделения, а также авиации дает возможность успешно решать все основные крупнейшие оперативные проблемы». Рост боевых возможностей Красной Армии сыграл немалую роль во внешней политике Советского Союза, он способствовал развитию связей советских и французских представителей в 1933—1934 годах, подготовил почву для более тесного франко-советского союза. 2 мая 1935 года в Париже был наконец-то подписан договор о взаимной помощи против агрессии между СССР и Францией сроком на пять лет. Спустя десять дней в Москву прибыл министр иностранных дел Франции П. Лаваль. Он имел встречи со Сталиным, Молотовым и Литвиновым. В ходе бесед советские лидеры предлагали дополнить договор военной конвенцией с конкретными обязательствами на случай войны. Лаваль, который, кстати, не питал дружеских чувств к Советскому Союзу, признал разумным предложение начать переговоры между генеральными штабами Франции и СССР.

Чтобы продемонстрировать Лавалю серьезность советских намерений, его пригласили посетить военный аэродром под Москвой, где он наблюдал полеты военных самолетов и учения парашютных войск. Не успел Лаваль приехать в Париж, как советский военный атташе Венцов проинформировал французский генеральный штаб, что штаб РККА «готов вступить в отношения с французским генштабом». Последний занял выжидательную позицию, поскольку начальник французского генштаба генерал М. Гамелен считал, что в настоящий момент пока еще рано говорить о каких-либо конкретных аспектах франко-русского военного сотрудничества. В июне советский посол во Франции В. П. Потемкин

вновь напомнил военному министру Фабри о желании Советского Союза заключить военную конвенцию.

С целью продемонстрировать реальные возможности Красной Армии и ее успехи в деле модернизации военные делегации Франции, Чехословакии и Италии были приглашены на большие осенние маневры войск Киевского военного округа, проходившие с 12 по 17 сентября 1935 года. Руководил учениями командующий округом И. Э. Якир. Маневры были организованы с большим размахом. Наряду с использованием стрелковых и кавалерийских соединений широко применялись механизированные и танковые войска и, что особенно поразило иностранных гостей, массовый воздушный десант. Гвоздем программы была отработка теории глубокой наступательной операции.

Маневры были отсняты на киноплёнку, и фильм о них демонстрировался в советских посольствах ряда европейских стран членам правительств и представителям генштабов. Генерал Луазо, возглавлявший французскую делегацию на киевских маневрах, по возвращении представил доклад, в котором дал высокую оценку достижениям Красной Армии. «Это поможет ей, — писал он в заключении, — удержаться на Восточном фронте в такой критический момент, как начало конфликта, столь важного для сил, оказывающих сопротивление на Западе». Доклад Луазо, однако, не встретил понимания у руководителей французского генерального штаба, а сам генерал получил выговор за неумеренные похвалы в адрес Красной Армии. Видимо, французский генштаб еще не созрел для объективных оценок и тесного военного сотрудничества с Советским Союзом. В результате французская сторона, не без влияния Англии, не решилась подписать военную конвенцию с СССР.

Подписание советско-французского договора о взаимной помощи было, бесспорно, крупным достижением советской внешней политики. Однако собственно военное его значение нельзя было переоценивать.

Литвинов вынужден был констатировать, что «не следует возлагать на пакт серьезных надежд в смысле действительной военной помощи в случае войны... Пакт для нас имеет преимущественно политическое значение, уменьшая шансы войны как со стороны Германии, так и со стороны и Польши, и Японии».

Вслед за советско-французским договором 16 мая был заключен договор о взаимной помощи между СССР и Чехословакией. По настоянию президента Чехословакии Э. Бенеша в текст его была включена оговорка: обязательства СССР и Чехословакии об оказании взаимной помощи будут действовать лишь в том случае, если помощь Чехословакии и Советскому Союзу в случае агрессии против них будет оказана Францией. Это отражало настроение чехословацких правящих кругов, опасавшихся «советизации» страны в случае вступления в нее войск РККА без французских сил.

Военные руководители Чехословакии отнеслись к сотрудничеству с РККА без особых политических предубеждений. Они сразу же поставили вопросы взаимодействия с Красной Армией в случае нападения агрессора на их страну на практическую основу. Начальник Генерального штаба РККА А. И. Егоров, посетивший Чехословакию летом 1936 года, докладывал 7 июля наркомому обороны Ворошилову об этом следующее: «Надо отметить особый интерес, проявляемый чехами к нашей авиации, что видно из заявления Крейчи (министр обороны Чехословакии. — Прим, авт.), который сказал, что если на пропуск через Румынию частей Красной Армии надо добиваться согласия румын, то для авиации этого не потребуется. Она воздушным путем прилетит прямо на нашу территорию. По его словам, они подготовили уже аэродромы для приема наших 18 эскадрилий и дополнительно подготавливают еще на 16 эскадрилий».

Далее Егоров изложил основные положения чехословацкой концепции возможного будущего конфликта.

▲ На учениях чешской армии

1. Франция после занятия немцами Рейнской зоны поставлена в стратегическом отношении в крайне тяжелые условия. Поэтому, по мнению чехов, нельзя исключать возможность того, что с приходом к власти соответствующего кабинета французы не сговорятся с немцами.

2. Наиболее реальной силой, могущей спасти страну, чехи считают Красную Армию, для прохода которой на территорию Чехословакии планируется осуществить ряд мероприятий: организовать круговую оборону, способную сдержать натиск немцев и поляков, а на румынском участке оставить «открытые ворота» для пропуска войск Красной Армии и собственной эвакуации в случае неблагоприятного развития событий.

3. Предполагается, что позиция Польши вначале будет неясной. В целях обеспечения безопасности польский участок границы будет прикрыт укреплениями. Эти укрепления, а главное, проход частей Красной Армии на стыке границ между Польшей и Румынией разобщат силы этих двух стран и заставят Польшу в кратчайший срок определить свою военную позицию.

4. Считается, что в 1937 году и, пожалуй, даже в 1938 году Германия

еще не будет готова для большой войны, поэтому чехословацкая армия успеет вооружиться. «Несмотря на мои замечания, — продолжает Егоров, — что для этого должны быть веские основания, подкрепленные реальными документами, без чего весьма опасно строить расчеты обороны, Крейчи все же придерживался такой оценки готовности германской армии».

Таким образом, в чехословацких правительственных и военных кругах возлагались большие надежды на военную помощь со стороны Советского Союза. Однако отношение к возможностям и условиям, при которых могла быть осуществлена помощь РККА Чехословакии в соответствии с договором, было неоднозначным и в какой-то степени даже двойственным. Красная Армия должна была прийти на помощь чехам только совместно с Францией, но, кто из союзников ЧСР должен был (или имел право) выступить первым, оставалось до конца неясным. Не было ясности и в отношении пропуска советских войск через Польшу и Румынию.

Тем не менее договоры, заключенные Советским Союзом с Францией и Чехословакией, стали

крупным вкладом в строительство системы коллективной безопасности в Европе, предупреждением Гитлеру об опасности его реваншистских замыслов. Однако эти доводы вызвали большое беспокойство у влиятельных элит в Британии и Франции. Гитлеровский фашизм продолжал казаться им менее опасным, чем сталинский социализм. Окрыленные нерешительностью западных держав на конференции в Стресе, явным попустительством Англии, нацисты еще наглее заговорили о своих территориальных притязаниях. К тому же британское правительство, сила и влияние которого могли бы пресечь притязания фашистов, пошло на дальнейшие уступки Гитлеру.

18 июня 1935 года было подписано англо-германское военноморское соглашение, по которому Третий рейх брал обязательство «ограничить» тоннаж своего военноморского флота 35% флота Британского содружества наций, по подводным лодкам — 45%, а «в особом случае» Германия получала право на паритет и по этому классу судов¹. В действительности соглашение означало не ограничение германского военноморского флота, а увеличение по меньшей мере в четыре раза

▲ Бек в Берлине 1935 год

по сравнению с уровнем, имевшимся к тому моменту. Гитлер, по словам Риббентропа, отреагировал на подписание соглашения восторженной фразой: «Это самый прекрасный день в моей жизни».

Несмотря на наметившееся сближение с Францией, Советское правительство еще надеялось сохранить лояльные отношения с Третьим рейхом, по возможности ограничивая его экспансионистские устремления. Были расчеты и на то, что гитлеровский режим просуществует недолго. Советский полпред в Берлине Я. З. Суриц писал в ноябре 1934 года: «Проводя нашу политическую и тактическую линию в отношении Германии, мы не должны терять из виду тот факт, что существующий режим не может длиться вечно и что миллионы и миллионы немцев, которые далеки от поддержки политики нынешнего правительства, остаются пламенными патриотами. Поэтому было бы глубокой ошибкой забывать об этих миллионах, когда дело идет о наших словах и делах» (в отношении Германии. — Прим. авт.).

Надежды на позитивную политику Гитлера по отношению к СССР или на неустойчивость режима

▲ 1938 год, немцы и поляки

не оправдались. В марте следующего года Германия объявила широкую программу вооружений, а после подписания советско-французского и советско-чехословацкого договоров она развернула антисоветскую пропагандистскую кампанию. В этой ситуации Наркоминдел СССР сделал попытку оказать воздействие на правительство рейха через влиятельные военные, промышленные и банковские круги, не разделявшие политику Гитлера. Летом и осенью 1935 года советский торгпред в Берлине Д. Кандедаки провел серию переговоров с министром экономики Германии Я. Шахтом, с симпатией относившимся к немецким оппозиционным кругам, об активизации германо-советской торговли. В октябре Тухачевский бросил пробный шар относительно возможных перспектив взаимного сотрудничества германскому военному атташе в Москве: «Если бы Германия и Советский Союз продолжали поддерживать такие же дружественные отношения, какие они когда-то имели, они были бы в состоянии диктовать условия миру, всему земному шару». Дальше больше. На приеме в честь годовщины Октябрьской революции Литвинов предложил тост

германскому послу в СССР Ф. Шуленбургу: «Я пью за возобновление нашей дружбы». В конце ноября полпред СССР в Берлине Суриц получил инструкции «активизировать контакты с немцами». Однако кампания результатов не принесла. Как докладывал в Москву Суриц, германский министр иностранных дел дал понять, что «на ближайший период наши отношения нужно замкнуть в рамки узкоэкономического порядка».

17 декабря все тот же Суриц сообщил в Наркоминдел, что, «хотя улучшения советско-германских отношений не предвидится», «и в рейхсвере, и в промышленных кругах растет убеждение в непродуктивности и ошибочности антисоветского курса национал-социалистов...». В Москве к этому отнеслись уже с недоверием. В ответе Сурицу было указано: «Что же касается вопроса об изменении немцами их политической позиции по отношению к нам, то никаких признаков каких-либо изменений в этом направлении ни в Берлине, ни в Москве, ни в других пунктах земного шара не замечается».

Освободившись от версальских ограничений в области вооружений

и развернув планомерную подготовку к войне, Гитлер и его приспешники ждали своего часа, зорко наблюдая за обстановкой в мире: нужно было выяснить реакцию западных держав на возможные акты агрессии в Европе.

Расчеты на нейтральную, а то и благоприятную реакцию Запада строились не на песке. Теперь, когда были сняты последние запреты на ограничения, армия и ВВС могли беспрепятственно наращивать численность и совершенствовать вооружение, а следствием морского соглашения с Англией явилось то, что Германия приобретала господствующее положение на Балтийском море в ущерб интересам СССР и других Прибалтийских государств.

В Берлине хорошо понимали, что уступки западных демократий, расшатывание сложившегося международного порядка, все более явная ставка на силу во внешнеполитических акциях создали благоприятные условия для активизации фашистской экспансии. Ждать пришлось недолго — до октября 1935 года.

Пробным камнем стала итальянская агрессия против Эфиопии. Срочно собравшийся Совет Лиги Наций признал Италию агрессором и поставил вопрос о применении санкций против нее. Был образован координационный комитет из представителей 50 государств, принявший решение о применении к Италии экономических санкций: запрет экспорта военных материалов, а также предоставления займов и кредитов; введение эмбарго на импорт итальянских товаров; запрещение экспорта стратегического сырья (каучука, алюминия, железной руды, хрома, никеля, олова и т.д.). Однако из-за сопротивления Франции, опавшейся победы левых сил в Италии, санкции вступили в силу только через полтора месяца после начала агрессии, что позволило Италии еще до их введения создать необходимые запасы. Кроме того, по ряду пунктов санкции оказались просто призрачными. Например, они не имели никакого значения в отношении запрета ввоза алюминия, поскольку Италия

сама одна из ведущих держав по его добыче, а санкции на поставки железной руды не запрещали ввоза железных болванок. Участники политики санкций так и не смогли договориться о запрете экспорта в Италию нефти. А ведь именно это парализовало бы использование военной техники в войне с Эфиопией и крайне затруднило бы боевые действия итальянской армии.

Только СССР поднял голос в защиту Эфиопии. Советское правительство сразу же заявило, что рассматривает нападение Италии как акт агрессии, и призвало Лигу Наций пресечь агрессию коллективными действиями.

Западные державы избегали оказывать нажим на Италию, опасаясь, как бы в случае падения Муссолини в Италии не восторжествовал коммунизм. Премьер-министр Франции Лаваль отмечал «большую опасность того, что коммунизм может свергнуть режим в Италии, и Европа вряд ли сможет перенести эту бурю».

8 декабря 1935 года в результате переговоров министра иностранных дел Англии С. Хора с П. Лавалем был выработан секретный план «мирного урегулирования конфликта» (со-

глашение Хора — Лавалья), который предусматривал передачу Италии ряда эфиопских провинций. Он был одобрен английским кабинетом, но вскоре стал достоянием общественности, что стоило Хору отставки с поста главы МИДа. План Хора — Лавалья означал провал санкций против Италии. Используя самые жестокие методы ведения войны, вплоть до химического оружия, она захватила Эфиопию. Муссолини объявил Италию империей.

Безнаказанность итальянской агрессии против Эфиопии, легкость, с которой дуче преодолел призрачные запреты Лиги Наций, благосклонная позиция правительств Англии и Франции (соглашение Хора — Лавалья) по отношению к итальянскому фашизму не остались незамеченными в Берлине. Гитлер внимательно следил за всеми перипетиями европейской политики в ходе итало-эфиопской войны.

Обстановка разобщенности стран, которые могли бы противостоять назревавшей фашистской агрессии в Европе, создавала благоприятные условия для Третьего рейха в его захватнических планах. Западные державы, разумеется,

▲ Эфиопские воины

▲ Негус Эфиопии со свитой

видели это, но их правительства, особенно Великобритании, рассчитывали на то, что набиравший силу Третий рейх направит свои экспансионистские устремления в восточном направлении. Английский премьер-министр С. Болдуин в 1936 году отмечал: «Если бы в Европе дело дошло до драки, то я хотел бы, чтобы это была драка между большевиками и нацистами».

Недооценка опасности фашизма со стороны британского правительства и поддерживавшей его Франции в конечном счете привела к самым плачевным последствиям для этих держав. Но в описываемое время их близорукая политика виделась им как блестящее достижение дипломатии. Только немногие из английских политиков, прежде всего У. Черчилль, предупреждали о роковых просчетах правительства, но к их голосу не прислушались.

Франция занимала более осторожную позицию из опасения иметь на своих границах сильную и агрессивную германскую армию; однако, боясь «левой альтернативы», «большевизации» Европы и самой Франции, французские правящие круги

все больше теряли самостоятельность в политике и следовали в фарватере своего британского партнера. Враждебную позицию по отношению к СССР продолжали занимать и некоторые сопредельные с ним страны, особенно Финляндия, Польша, Румыния.

Советское руководство в своем курсе на предотвращение войны стремилось привлечь к борьбе за всеобщую безопасность не только правящие круги суверенных государств, но и общественные движения и организации, которые не были связаны государственными интересами и границами.

Союзником СССР в борьбе за сохранение мира выступало широко развернувшееся в 30-е годы антивоенное движение демократических сил, включавшее коммунистические партии во главе с Коминтерном, демократические, пацифистские и другие прогрессивные организации. Растущая угроза независимости соседним с Германией странам вызвала к жизни идеи широкого объединения различных антивоенных сил в единый фронт движения за мир. Мировая общественность сознава-

ла надвигающуюся опасность, однако идейно-политические различия в коммунистическом, пацифистском, социалистическом и религиозном антивоенных движениях обуславливали несовпадение оценок характера фашистской угрозы и подходов к ненасильственному и насильственному (или вооруженным) методам борьбы, сдерживали достижение единства.

1935—1937 годы стали периодом наивысшего подъема в антивоенном движении. Все приверженцы мира верили в возможность создания единого фронта. И все же различия мировоззренческих позиций, столь остро разделявшие антивоенные силы, явились непреодолимым препятствием в реализации совместной платформы предотвращения войны. В результате была резко ослаблена одна из главных антифашистских сил, которая могла бы наряду с миротворческой политикой СССР стать крупной преградой наглешему фашизму. Раскол антивоенного движения нанес серьезный удар делу предотвращения войны, стимулировал в какой-то мере политику «умиротворения».

Между тем курс, проводимый фашистскими державами, становился

все более агрессивным. Нацистское руководство Германии, учтя опыт итальянского похода в Эфиопию, попустительству ей со стороны западных держав и бессилие Лиги Наций, готовилось раздвинуть границы Третьего рейха вооруженным путем. К 1936 году Германия уже располагала для этого необходимыми силами и средствами.

Армия Германии, имевшая в 1932 году всего 7 дивизий, спустя четыре года насчитывала 36 дивизий. Первым актом агрессии стал захват демилитаризованной Рейнской зоны, которая в те годы представляла собой высокоразвитый в промышленном отношении район (добыча чугуна — 26,7 млн. т, стали — 3,23 млн. т, каменного угля — 20,2 млн. т) с экономически развитым сельским хозяйством и большой плотностью населения (196 человек на 1 кв. км). И хотя формально Рейнская область входила в состав Германии, согласно статье 42-й Версальского договора «Германии запрещалось содержать или сооружать укрепления как на левом, так и на правом берегу Рейна к западу от линии, начертанной в 50 км восточнее этой реки». Долина Рейна нужна была Третьему рейху как плацдарм для нападения на страны Западной Европы. Кроме того, вторжение в Рейнскую зону отвлекло бы мировое общественное мнение от итало-эфиопской войны, что позволяло Муссолини без особых помех завершить заключительные операции в Эфиопии.

Готовясь к проведению этого агрессивного акта, нацистские лидеры, безусловно, рассчитывали на «невмешательство» или «нейтралитет» таких стран, как Англия и США, нерешительность французского правительства, политический шок, вызванный внезапностью вторжения в Рейнскую область.

Планы ремилитаризации Рейнской зоны (кодовое название операции — «Шулунг»), которые стали разрабатываться со 2 мая 1935 года, велись в обстановке строжайшей секретности. В качестве идеологического оправдания подготовки операции «Шулунг» на случай утечки информации выдвигалось подписание 2 мая

1935 года советско-французского договора о взаимной помощи, чем Франция, как считали в Берлине, нарушила Локарнский договор.

Правители фашистской Германии понимали, что это была рискованная авантюра, так как ремилитаризация Рейнской зоны представляла реальную угрозу безопасности Франции и Бельгии, которые могли применить войска против вермахта. «Немецкая армия находится в состоянии полной реорганизации, и она не готова к войне, — отмечал командующий сухопутными войсками генерал

В. Фрич. — Она может потерпеть поражение от одной только французской армии» Однако Гитлер был уверен, что «Франция абсолютно ничего не предпримет» и «мы сможем действовать в совершенно спокойной обстановке». Об отношении Англии Гитлер мог судить по результатам поездки своего министра иностранных дел в Лондон. Нейрат докладывал ему, что британское правительство не предпримет никаких мер в случае ремилитаризации Рейнской зоны.

Перед вторжением Гитлер заявил: «Франция находится в самом разгаре предвыборной кампании, разобщенная и раздираемая борьбой партий. Франция будет протестовать, но без Англии она не решится действовать. Итак, вперед!». В 5 часов утра 7 марта 1936 года началось вступление германских войск в Рейнскую зону. Прикрытием этого агрессивного акта должна была служить ратификация парламентом Франции 25 февраля 1936 года советско-французского договора о взаимопомощи. Через несколько часов послы держав, подписавших в 1925 году совместно с Германией в Локарно Рейнский гарантийный пакт, были приглашены на Вильгельмштрассе. Министр иностранных дел Нейрат вручил им меморандум и сообщил, что Германия отказывается от Локарнских соглашений и оккупирует Рейнскую зону. В тот же день Гитлер выступил в рейхстаге с полтора часовой речью. Он утверждал, что «франко-советский договор направлен исключительно против Германии», а «Франция взяла на себя перед СССР обязатель-

во действовать так, будто не существует ни Лиги Наций, ни Локарно». Он поспешил тут же успокоить Запад, добавив: «Вооруженные силы в Рейнской области не будут увеличены в течение очень длительного периода времени». Таким образом, и речь Гитлера, и меморандум были составлены в расчете на враждебное отношение реакционных кругов Англии и Франции к франко-советскому договору о взаимопомощи.

Конференция Франции, Италии и Бельгии — держав, подписавших Локарнский договор, — лишь констатировала в Лиге Наций, что Германия нарушила границы Рейнской зоны. Этим дело и ограничилось. В целом на Западе агрессивные действия Третьего рейха в Рейнской области были восприняты как намерение «создать барьер», который прикрыв бы парадную дверь Германии, давая ей возможность предпринимать вылазки на восток. Глава французского МИДа Ж. Поль-Бонкур с горечью сказал в те дни: «Жестокая действительность заключается в том, что, хотя Франция и была в состоянии защитить свои жизненные интересы, она проявила свою неспособность сделать это, и отныне ничто не воспрепятствует осуществлению плана Гитлера».

Безнаказанный ввод германских войск в Рейнскую зону и пассивная реакция западных держав вызвали тревогу советского руководства — мир сделал очередной шаг к войне. Советский посол Суриц докладывал из Берлина: германская армия получила новый передовой стратегический плацдарм для развертывания вооруженных сил и создания угрозы соседним государствам. Правительство СССР решило предпринять попытку активизировать создание системы коллективной безопасности. Используя факт ратификации советско-французского договора о взаимопомощи и приход к власти правительства Народного фронта (июнь 1936 г.) во главе с Блюмом, СССР предложил Франции усилить договор взаимными военными обязательствами. На этот раз оно не получило отклика.

▲ Фельдмаршал Бломберг

▲ Эрнест Тельман

Тем не менее, советская сторона продолжала предпринимать шаги к тому, чтобы активизировать советско-французское военное сотрудничество. Решено было использовать визиты видных советских военачальников во Францию. В начале 1936 года Тухачевский совершил поездку в Англию в связи с похоронами короля Георга V. В Лондоне советский маршал получил приглашение начальника французского генштаба Гамеле на прибыть в Париж и провести неделю в качестве гостя. Программа его пребывания во Франции была чрезвычайно насыщена. Это и посещение военных объектов, и визиты к государственным деятелям, и продолжительные беседы с генералом Гамеле-ном по вопросам технического оснащения обеих союзных армий и их более тесного сотрудничества. Тухачевский не скрывал, что он встревожен германской угрозой и внимательно следит за совершенствованием вермахта¹. Визит Тухачевского произвел во Франции самое благоприятное

впечатление и подготовил почву для дальнейших контактов.

Затем Францию с 19 августа по 2 сентября посетил Якир. Его сопровождали советские военный и военно-воздушный атташе во Франции, а также один из руководителей ВВС РККА комкор Хрипин. Советская делегация присутствовала на военных учениях в районах Меца, Нанси, Труа и Тура, а также на авиационных маневрах и учениях противовоздушной обороны в районе Бурже. Посещение линии Мажино и наблюдения за применением танков на маневрах разочаровали Якира. Теория военного искусства французского генштаба была консервативна и мало соответствовала духу времени.

Якир встречался и беседовал с генералами Гамеленом и Вейганом, а также с министром авиации Котом. В день отъезда, на завтраке, где присутствовали Кот и высшие чины генштаба, советский гость, поблагодарив французов за радушный прием, сказал: «При теперешнем

положении в Европе сотрудничество наших двух армий без каких-либо агрессивных намерений против кого бы то ни было может явиться крайне важным фактором безопасности и мира». Визиты Тухачевского и Якира сыграли свою роль: в сентябре того же года наметились некоторые сдвиги в вопросе переговоров генеральных штабов. Французский генштаб был уполномочен провести подготовительные обсуждения. Глава правительства Народного фронта Блюм собирался лично контролировать переговоры, зная отрицательное отношение военного министра Даладье и его советников к контактам с Советским Союзом в военной сфере.

Поездки Тухачевского и Якира получили одобрение Сталина и Политбюро. В сентябре же СССР предложил Франции и Чехословакии начать переговоры на уровне представителей генеральных штабов.

Военные контакты продолжались: в Советский Союз прибыла французская военная делегация во главе

с генералом В. Швейсгутом, заместителем начальника генштаба. Она вместе с делегациями Чехословакии и Англии присутствовала на маневрах Белорусского военного округа. Руководил маневрами командующий войсками округа И.П. Уборевич. Маневры, включавшие проведение воздушно-десантной операции, произвели большое впечатление на иностранных гостей. Однако по возвращении в Париж генерал Швейсгут представил доклад, разительно отличавшийся от доклада Луазо год назад. Он отражал не только впечатления о маневрах, но включал и содержание бесед с Ворошиловым и Тухачевским. Красную Армию французский генерал оценил как «кажущуюся сильной, но недостаточно подготовленную к войне с крупной европейской державой».

Главное место в докладе Швейсгута занимали соображения о целях советской внешней политики. Общий его вывод сводился к тому, что СССР делает ставку на войну между Францией и Германией, предпочитая, чтобы «гроза разразилась над Францией». Война между двумя европейскими державами была бы, по мнению Швейсгута, выгодна СССР. Она позволила бы Советскому Союзу быть, как и Америке в 1918 г., арбитром в истощенной Европе. Швейсгут не видел никакой пользы от переговоров генеральных штабов.

К мнению генерала присоединился Даладье. Его препроводительная записка к докладу знаменовала собой поворотный пункт франко-советских отношений, так как отражала официальную точку зрения руководителей французской политики. И только страх перед возможным русско-германским сближением заставлял французские военные круги продолжать обсуждение проблемы военной конвенции, в сущности, при этом ничего практически не делая. Позиция французского генштаба препятствовала усилиям тех военачальников Красной Армии, которые стремились к тесному военному сотрудничеству с Францией в целях совместной антигитлеровской борьбы. Когда в ноябре Блюм

решил сдвинуть дело с мертвой точки и открыть переговоры с советским военным атташе, придав им строгую секретность, он сразу почувствовал оппозицию со стороны генштаба. Первая же попытка получить отчет генерала Луазо о маневрах Красной Армии в 1935 году, чтобы сравнить его с отчетом Швейсгута, натолкнулась на скрытое сопротивление военных. Доклад Луазо был вручен ему неохотно и с большим опозданием. Сравнив оба доклада, Блюм понял, в чем тут дело. Разделенные периодом всего в один год, они содержали разительные отличия в оценках Красной Армии. Блюму стало ясно, что французский генеральный штаб не рассматривает военную помощь со стороны Советского Союза как фактор, имеющий первостепенное значение.

Переговоры все-таки состоялись. Сама обстановка заставила французский генеральный штаб почувствовать необходимость радикализации советско-французских отношений и сделать запрос в Генштаб РККА о формах и размерах помощи, которую Советский Союз мог бы оказать в случае нападения Германии на Францию и Чехословакию. 17 февраля 1937 года полпред СССР в Париже В.П. Потемкин и новый военный атташе Семенов вручили французским представителям ответ Генштаба РККА. В нем содержался план, предусматривавший оказание помощи Франции либо путем выдвижения советских сухопутных войск к границам Германии через Польшу и Румынию, естественно, при условии их согласия, либо путем оказания морской и воздушной поддер-

▲ Бек в польском сейме, май 1939 года

жки французским войскам в случае развертывания военных действий. Однако переговоры после нескольких встреч их участников прервались, а в конце марта Семенов вообще был отозван в Москву. В позиции Блюма, проявлявшего интерес к военным переговорам с СССР, также произошла важная перемена. Блюм прекратил давление на Министерство обороны и Генеральный штаб, которое он оказывал, стремясь придать франко-советскому союзу характер военной солидарности.

Оценивая состояние франко-советских отношений осенью 1936 года, советский полпред в Берлине Суриц писал Литвинову: «Франко-советский пакт дышит на ладан. Тем более что и в самой Франции все меньше и меньше его сторонников, даже и среди партий Народного фронта (в частности, и в радикал социалистической, и даже социалистической). В таком положении остается задача не укреплять и углублять его (об этом не может быть и речи), но просто лишь бы сохранить его хотя бы на бумаге».

Охлаждению советско-французских военных контактов способствовал ряд обстоятельств. Начавшиеся в СССР массовые репрессии, которые коснулись значительной части военачальников высшего и среднего звена, породили недоверие к боевым возможностям Красной Армии, и без того невысоко оценивавшимся во французских военных кругах. Кроме того, начавшаяся война в Испании отдала позиции СССР, который помогал республиканцам, и Франции, проводившей политику «невмешательства».

Но главными причинами, по которым французское правительство не пошло на военное соглашение с Советским Союзом, были опасения вызвать недовольство Англии и ухудшить отношения с Польшей и Румынией. Определенную роль сыграла и боязнь французских политиков спровоцировать Третий рейх на новые враждебные акции против Франции.

Безрезультативность усилий СССР создать действенную систему кол-

лективной безопасности с западными державами заставляла советское руководство продолжать поиск путей улучшения отношений с фашистской Германией. Хотя Гитлер и его окружение вели открытую антисоветскую политику, в стране имелись круги, которые стояли за продолжение «рапалльского» курса, расширение экономических связей с СССР. В 1935—1936 годах советская дипломатия пыталась через эти круги активизировать торгово-экономические отношения. Объективно и Германия, милитаризация которой способствовала нарастанию кризисных явлений в экономике, была заинтересована в этом.

Посол СССР в Берлине Суриц докладывал Литвинову 4 декабря 1935 года о своих беседах в Берлине с Нейратом, Геббельсом, Розенбергом, Шахтом, Бломбергом: «Все они говорили, что у Гитлера три «пунктика»: вражда к СССР, еврейский вопрос и аншлюс». Вражда к СССР, по их мнению, «вытекает не только из идеологической установки к коммунизму, но и составляет основу его (Гитлера. — Прим, авт.) тактической линии в области внешней политики». Смягчение антисоветского курса возможно только в установлении нормальных экономических отношений». Однако политика антисоветизма всеобладала над экономическими соображениями. И хотя экономические соглашения заключались и в 1934-м, и в 1935-м, и в 1936 годах, они были несравнимы с объемами взаимной торговли между СССР и Германией в 20-х годах.

Несмотря на различие идеологий, Советский Союз в отношениях с капиталистическими странами продолжал руководствоваться не идеологическими установками, а принципом мирного сосуществования с ними, независимо от их режима. Исключением не составляла и Германия. Молотов в одной из своих речей в январе 1936 года заявил: «Развитие торговых и экономических отношений с другими государствами, независимо от политических сил, временно правящих в этих странах, согласуется с политикой Советского правительства. Мы

считаем, что это также соответствует интересам немецкого народа и это, конечно, прерогатива правительства Германии делать практические выводы из этого».

Исходя из этого, Советское правительство наращивало усилия для улучшения отношений с Германией, чтобы обезопасить свои западные рубежи. В марте того же года Молотов в разговоре с французским журналистом заметил, что правительство СССР считает возможным улучшение советско-германских отношений.

Это нашло отражение и в попытках возобновить связи по военной линии. Так, в январе 1936 года Уборевич, следуя в Париж по приглашению французского генштаба, встретился в Варшаве с германским военным атташе в Польше майором Кинцелем. В беседе с ним он выразил желание встретиться с кем-нибудь из высшего генералитета, в частности, с военным министром и главнокомандующим вермахта В. Бломбергом. Осенью того же года по приглашению главнокомандующего сухопутными войсками Германии генерала Фрича Уборевич присутствовал на маневрах. Однако чуть наметившийся подъем сменился спадом. Показательно, что миссия Уборевича вызвала недовольствие Гитлера. Попытки СССР нормализовать отношения с Германией продолжались до осени 1936 года.

Однако в этот период внешняя политика Германии все больше приобретала ярко выраженный антисоветский характер. 25 ноября 1936 года в Берлине были подписаны германо-японское Соглашение против Коммунистического интернационала и дополнительный протокол к нему. В документах содержались рассуждения о «подрывной деятельности» Коминтерна, угрожающей не только «спокойствию, общественному благосостоянию и социальному строю», но и «миру во всем мире». Договаривающиеся стороны обязались в течение ближайших пяти лет «поддерживать сотрудничество в деле обмена информацией о деятельности Коммунистического интернационала». В целях обеспечения

▲ Комкор Примаков

такого рода сотрудничества в дополнительном протоколе объявлялось о намерении создать постоянную германо-японскую «анти коминтерновскую комиссию».

Одновременно в Берлине было подписано германо-японское Дополнительное секретное военное соглашение. В нем договаривающиеся стороны обязались «не предпринимать каких-либо мер, которые могли бы способствовать облегчению положения Союза Советских Социалистических Республик» в случае его «непровоцированного нападения» на Германию или Японию, а также «без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения». Подписание германо-японского Антикоминтерновского пакта положи-

ло начало сближению двух главных агрессоров, вынашивавших планы войны против СССР. Через год (6 ноября 1937 г.) к Антикоминтерновскому пакту присоединилась Италия. С объединением Германии, Италии и Японии в рамках Антикоминтерновского пакта завершился первый этап формирования фашистско-милитаристского блока. Возник так называемый мировой политический треугольник Берлин — Рим — Токио.

Антикоминтерновский пакт и война в Испании положили конец попыткам СССР нормализовать отношения с Германией.

В условиях уклонения Англии и Франции от сотрудничества в борьбе за коллективную безопасность, нараставшей враждебности по отношению к Советской стране со стороны гитлеровской Германии, перехода фашизма к прямым актам агрессии

(Эфиопия, Рейнская зона, Испания) правительство СССР было вынуждено решительно встать на путь противодействия экспансионистским замыслам нацистского руководства. «Фашизм ныне перестает быть внутренним делом» тех стран, которые его придерживаются», — говорил Литвинов в ноябре 1936 года.

Реальные изменения в германской политике, принявшей враждебный характер по отношению к СССР, угрозы Гитлера направить экспансию на восток побуждали Сталина и в целом советское руководство искать пути обуздания фашистских агрессоров, активизировать политику коллективной безопасности при поддержке организованного антивоенного движения широких масс. Однако международная обстановка в 1936 году была уже не та, что в 1934—1935 годах. Изменилось многое.

Когда Советский Союз после вмешательства фашистских государств в испанскую гражданскую войну начал оказывать помощь республиканцам, это было воспринято буржуазными правительствами Запада как стремление Советов установить там коммунистический режим. Помощь СССР международному коммунистическому и демократическому движению рассматривалась в европейских столицах как подрывная деятельность, направленная на ускорение мировой революции. Этому отчасти способствовали и действия представителей Коминтерна. Буквально обескураживали сведения о деятельности представителей СССР и Коминтерна в странах Западной Европы даже тех политиков и дипломатов, которые занимали резко антигерманские позиции и стояли за сотрудничество с Советским Союзом. Так, сотрудник советского полпредства в Лондоне С. Коган сообщил в мае 1936 года в Москву о беседе «совершенно надежного источника» с Р. Ванситтартом, заместителем министра иностранных дел Англии, известного своими анти германскими взглядами. По докладу агента, Ванситтарт «очень заинтересован в связи с его антигерманской поли-

тикой в том, чтобы добиться более тесных отношений между Советским Союзом и Великобританией. Но политика Советского Союза, выражающаяся в посылке денег во Францию, Испанию и Англию, является главным препятствием, мешающим этому. Они имеют прямые доказательства от своих секретных агентов относительно размеров, которых достигает это субсидирование деятельности коммунистического и народного фронтов. Можно безусловно сказать, что деньги прямо льются во Францию, а в Испанию в особенности. Он вынужден был воздержаться от предоставления кабинету всех фактов, которые имеются в его распоряжении, иначе они заняли бы резкую линию против Советского Союза. Он это сделал из-за его заинтересованности в том, чтобы между обеими странами были установлены лучшие отношения»

Наконец, массовые репрессии, укрепление культа личности Сталина и его влияние на все стороны жизни страны и внешнюю политику резко изменили отношение к СССР со стороны западных правительств. Об обстановке в Советском Союзе американский посол в Москве У. Буллит еще в начале 1935 года так докладывал госдепартаменту США: «Прежде джентльмены, с которыми я находился в контакте (я особенно в связи с этим упоминаю о гг. Молотове и Литвинове), претендовали на такую искренность, которая, возможно, существовала в первые годы советского режима, при первом комиссаре иностранных дел Чичерине, бывшем еще при царе атташе посольства в Лондоне. Но теперь все это изменилось. Реальность перестала существовать. Люди, руководящие Россией, находятся в незавидном положении. Им приходится скрывать от всего мира, и в частности от представителей других правительств, то обстоятельство, что они не имеют возможности принимать важное решение в области внешней политики без ведома и одобрения политбюро коммунистической партии».

Отрицательную реакцию на Западе вызывало также отсутствие определенности внутри советского

руководства в отношении выбора политических ориентиров. В упоминавшемся выше донесении Когана указывалось, что правительственные круги Англии, располагая информацией относительно совещаний, которые имеют место в Политбюро ВКП(б), озабочены тем, что Литвинов, с одной стороны, «стоит за ясную ориентацию» на Англию, а Ворошилов — с другой, на Германию, надеясь «добиться лучших отношений» с ней. «Сталин еще не решил для себя, какую точку зрения принять».

Тревога сквозила и в докладах Сурица из Берлина. Так, в октябре 1936 года он писал Литвинову: «Общее международное положение в Европе очень мрачно, перспективы его развития должны расцениваться лишь наиболее пессимистично... СССР все ненавидят и все боятся. Международные отношения СССР с другими странами сейчас в Европе весьма плохи, и очень мало или почти нет никаких надежд на их улучшение. Дело идет к развязке, государства чувствуют, что нет иного выхода».

Таким образом, вступившие в действие новые факторы как международного, так и внутреннего характера в значительной мере осложнили к 1937 году положение СССР на международной арене. События 1937—1938 годов еще более усугубили общую обстановку. Угроза войны в Европе нарастала.

В этих условиях в Советском Союзе произошли значительные, даже можно сказать коренные, изменения в оценке внешнеполитического положения СССР и оценке задач по подготовке страны к войне, вероятность которой все более возрастала.

По мере того как завоевательная политика Гитлера приобретала все более четкие очертания, а его угрозы в адрес СССР повторялись все чаще, ориентация на «мировую революцию» в Кремле сменилась на политику великодержавности, политику национальных, а не интернациональных интересов, политику восстановления исторических традиций России, воспитания патриотизма, культа оборонного сознания народа. И конечно, сталинское

политическое чутье и опыт работы с массами сыграли здесь решающую роль. Но это не было единовременным актом, процесс был длительным. Рецидивы психологии «мировой революции» давали о себе знать. Ведь у Сталина в речи на XVII партсъезде есть и такой пассаж: «Народы СССР будут драться насмерть за завоевания революции. Она (будущая война. — А. О.) будет самой опасной для буржуазии еще и потому, что война будет происходить не только на фронтах, но и в тылу у противника. Буржуазия может не сомневаться, что многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям, которые затеяли преступную войну против отечества рабочего класса всех стран». Но здесь речь идет не о мировой революции, а о защите Советского Союза.

Вот откуда пошел тезис «и на вражьей земле мы врага разобьем малой кровью, могучим ударом». Не потому, что «от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее», а потому, что Красная Армия нанесет удар по стране противника, в тылу которого неминуемо вспыхнет восстание вооруженных масс, и надо только решительным ударом прорвать фронт войск капиталистического противника и соединиться с восставшим народом. К. Е. Ворошилов в 1935 году считал возможным победить врага, если он осмелится на нас напасть, «малой кровью, затратой минимальных средств и возможно меньшего количества жизней наших славных бойцов».

Наша внешняя политика тех лет содержала два ключевых положения:

1. Советский Союз не собирается нападать на кого-либо, он стоит за мир и укрепление деловых связей со всеми странами.

2. Если же наша страна подвергнется нападению, то враг будет не только отброшен от наших границ, но и наголову разгромлен решительным наступлением Красной Армии. ■

В.А. АЧАЛОВ, генерал-полковник,
заместитель министра обороны СССР

«НАСТОЯЩИЙ РУССКИЙ МУЖИК» — ЭТО ЕЩЕ НЕ ПРОФЕССИЯ

В ночь с 24 на 25 апреля 2007 года в главном храме страны – Христа Спасителя отпевали внука кулака, бывшего первого президента России, бывшего первого секретаря Свердловского обкома КПСС, приказавшего в свое время сровнять с землей т.н. Ипатьевский дом, где приняла мученическую смерть вся семья полковника Романа, бывшего последнего русского царя.

Незадолго до смерти с 25 марта по 2 апреля, кавалер ордена Святого апостола Андрея Первозванного Ельцин совершил паломничество к святым местам Палестины. Думаю,

ездил каяться. Но не принял Господь его покаяния за разрушение великой империи.

Мимо гроба шли те, кто пристроился в новой жизни, и просто любопытные. По какому-то странному обстоятельству днем в очереди на прохождение стояли люди в основном пожилые и среднего возраста, ночью — шла главным образом молодежь. Подобным образом в советские времена организовывались солдатские массовки на похоронах известных деятелей, в первую очередь военных. Безутешно рыдал П.П. Бородин, огромный букет цветов привез А.В. Руцкой, на краю ше-

ренги VIP — персон стоял скорбный М.С. Горбачев. Станный все-таки мы народ, русские.

С Ельциным впервые я встретился на одном из пленумов ЦК партии. Об особенностях его поведения многие уже знали и слышали. То, что он позволял себе, преподносилось как поступки человека неординарного, человека сугубо русского, такой широкой натуры, оригинального, но справедливого. Оценивать можно по-разному, но для «человека системы» т.е. представителя исполнительной власти определенного уровня, уполномоченного принимать важные решения и должного

С приходом к власти кадровые перетасовки вообще стали его любимым занятием. По данным журнала «Коммерсантъ ВЛАСТЬ», у Бориса Николаевича в 1991-1999 годах в одних только помощниках (советниках) поперебывало 35 человек.

Обратил внимание великий кадровик и на мою скромную персону, в то время командующего ВДВ. Первый подход ко мне Борис Николаевич сделал через своего ближайшего помощника, секретаря Совета безопасности Скокова и начальника топослужбы ВДВ полковника Портнова (впоследствии погиб в автостраффе). Наша встреча состоялась в Медвежьих Озерах, и уже там стало ясно, куда может завести страну этот человек, вынашивавший планы захвата верховной власти.

В мае 1991 года, накануне Дня Победы, когда Ельцин, готовясь стать президентом РСФСР, разъезжал по регионам с целью вербовки сторонников, состоялось его известное посещение Тульского военного гарнизона и 106-й Тульской воздушно-десантной дивизии. На эту дивизию он вообще положил глаз, в ходе своего визита раздавая офицерам налево и направо фантастические обещания.

К тому времени я был уже заместителем министра обороны, Грачев — командующим ВДВ. По указанию Д. Т. Язова Павел Сергеевич встречал будущего президента. В программу встречи входили демонстрация выучки личного состава, прыжки спортсменов-парашютистов и пр. В общем, всё как положено.

Встреча высокого гостя началась с его визита утром в Тесницкий учебный центр, на смотровую площадку, где перед ним десантировались девушки-спортсменки Центрального спортивного парашютного клуба ВДВ. На управляемых парашютах они приземлились у самой трибуны, вручили Ельцину цветы. Четко выполнив мои инструкции, Грачев по русскому обычаю преподнес ему очередную чарку — граненый стакан спирта, разбавленного водкой в пропорции один к одному. Борис Николаевич с удовольствием это принял и к концу

отвечать за свои действия, эскапады Бориса Николаевича, кандидата в члены Политбюро, первого секретаря Московского горкома КПСС, это был уже явный перебор. Его «загогулины» никак не вписывались в понятия ответственного политического поведения. Вспоминается известная цитата незабвенного Мао Цзэдуна: «Если в горах нет тигра, царем становится обезьяна». Эту сентенцию можно отнести к обоим участникам президентской склоки — и к Горбачеву, и к Ельцину.

Запомнились несколько встреч с Борисом Николаевичем на самой заре его политической карьеры, когда он только готовил себя в президенты России. Тогда, прикидываясь обиженным борцом за справедливость, против засилия «партноменклатуры» (его любимое определение для своих бывших коллег), он начал подбирать себе кадры. И в основном почему-то искал их среди силовиков, среди офицеров и генералов МВД и Министерства обороны. Как будто знал, что они ему пригодятся.

осмотра, побывав на всех показных точках, уже трудно стоял на ногах.

Обед состоялся в домике командующего, который стоит на перешейке между двумя небольшими искусственными озерцами. При подходе к домику гость осмотрелся, задал вопрос, есть ли тут «бабы», разделся догола и прыгнул в еще холодную майскую воду. Его свите не оставалось нечего делать, как прямо в одежде — характер своего босса они уже, по-видимому, изучили — последовать за ним. Можете себе представить картину, которую наблюдали официантки, повара и прочая публика.

После отрезвляющего душа всё началось снова, и проводы эти закончились в 2 часа ночи перекрытием трассы Москва — Харьков. Новый командующий ВДВ и будущий президент РСФСР при расставании по-братски расцеловались, а на озере до сих пор на якоре стоит плотик с памятной доской — как напоминание об этом историческом визите.

На следующий день все шокирующие фотографии о пребывании Ельцина на Тульской земле лежали у меня на столе, были продемонстрированы Горбачеву и соответствующим большим начальникам. Этот эпизод с моих слов упомянут в книге А. Хинштейна «Ельцин. Кремль. История болезни», где дана уничтожающая характеристика «царя Бориса» как человека.

Сегодня уже нет смысла многословно описывать кунштюки первого президента новой России, разве что привести некоторые примеры совершенных им разрушительных глупостей, дать суммарную оценку ельцинской эпохи в отечественной истории, не скатываясь на обсуждение второстепенных деталей. Чтобы понять всю глубину перерождения этого партноменклатурщика, достаточно прочесть его интервью под заголовком «Прибавлять обороты перестройки», опубликованное в газете «Московская правда» 14 апреля 1987 года. В нем он с высоты своего уральского кругозора дает рекомендации, как укреплять социализм. Зато потом в своих мемуарах неод-

нократно признавался, что его воображение сильно поразили картинки красивой жизни, увиденные во время зарубежных поездок. Об этом он пишет с восхищением, так что получилось почти как в русской поговорке: пустили Дуньку в Европу.

Надо сказать, Ельцин явился достойным продолжателем дела Горбачева, только более радикальным и свирепым — вспомним его знаменитые: «Не так сидим!» и «Я власть не отдам!» Приходится только поражаться политической вертлявости, тому, с какой легкостью человек, всю жизнь исповедовавший одну мораль, одну веру, в мгновение ока стал их хулителем, начал разрушать всё то, что фактически многие годы строил сам.

В ответ на ельцинское «все империи разваливаются» уточню: великие империи никогда не бывают побеждены, они кончают самоубийством. Но Советскому Союзу ещё и помогли. В конце 90-х группа ветеранов ЦРУ на дружеской встрече с российскими коллегами-пенсионерами, хорошенько хлебнув нашего национального напитка, признались: да вы бы ахнули, если бы только знали, кто работал на нас с конца 80-х — начала 90-х годов. Вредили нам не только через агентуру, но и с помощью мер экономического характера, главными из которых были, искусственное снижение цен на нефть, отказ в предоставлении кредитов и передовых технологий. Доходило до того, что с помощью спутников американцы каждый год оценивали урожайность зерновых в СССР и, в зависимости от этого, устанавливали цены на продаваемое зерно. Естественно, чем хуже был этот урожай, тем дороже обходилась нам каждая тонна американского зерна.

Когда-то прошедший огонь, воду и медные трубы Э. Хемингуэй, назвав народ и его землю вечными ценностями, всё остальное пропечатал как «муть, вроде той, что остается на дне пивной кружки, куда проститутки набросали окурков». Так вот, слова «муть» и «проститутки» в данном случае имеют к нашему герою прямое отношение. При Ельцине ненависть к прежней стране — СССР — стала

официальной идеологией. Борис Николаевич уполовинил население и на четверть уменьшил территорию собственной страны — вот главный, но далеко не единственный результат его хождения во власть. Три заговорщика, пользуясь слабостью центральной власти, зимним днем слетелись в лесную избушку и прямо с колес, наскоро, в несколько часов сочинили документ, по которому Союз Советских Социалистических Республик как субъект международного права и геополитическая реальность прекратил свое существование. Буш-старший, которого подняли с постели, долго не мог поверить в такую удачу.

Поговаривают, что Борис Николаевич собирался за 10,8 млрд. долларов передать в 1992 году Финляндии часть Карельского перешейка, включая город Выборг и районы Приладожской Карелии (примерно 10% территории Карельской Республики), а потом и ядерные боеголовки Соединенным Штатам по миллиону долларов за штуку. А чему удивляться, если известный демократ, ярый сторонник Ельцина и многолетний посол РФ во Франции Рыжов вполне серьезно однажды доказывал тогдашнему начальнику ГРУ ГШ генерал-полковнику Федору Ивановичу Ладыгину, что России вполне хватило бы полдюжины ядерных зарядов!

Бывший в 1991-1992 годах госсекретарем РФ Бурбулис отвергает информацию по Карелии, но разве можно кому-нибудь из этой команды верить? Стране все те годы ввали самым беспардонным образом.

Последней «загогулиной» Ельцина стало досрочное эффективное оставление своего поста в канун 2000 года с прочувственным обращением к народу. Вы помните: «Я хочу попросить у вас прощения... Прощаясь, я хочу сказать каждому из вас: будьте счастливы! Вы заслужили счастье». Полностью с ним согласен — заслужили. Но не получили. И что нам с того, что он признал свои ошибки?

В одной из газет я наткнулся на фотографию: пенсионер Ельцин с супругой на скамеечке в парке,

лица безмятежные, счастливые. Борис Николаевич потягивается, как после хорошего сна. Под фотографией ехидная подпись журналиста: «Жизнь удалась». Спасибо за это «семья» должна сказать космонавту Гречко, взявшему самоотвод в пользу Ельцина на выборах народных депутатов СССР по Московскому городскому национально-территориальному округу №1 в марте 1989 года, а также будущему Генпрокурору РФ А.И. Казаннику, в мае этого же года уступившему Ельцину свое место в Верховном Совете СССР.

Действительно, удалась. Расчленил страну, применил к парламенту воздействия в виде расстрела, предложил своему народу жалкие формулы частичного выживания без всякой помощи государства. Сам же главный борец с привилегиями себе и своей семье установил такие преференции, которые не снились ни нашим царям, ни, тем более, руководителям Советского Союза. Как выразился один бывший ответственный работник, члены Политбюро ЦК КПСС занимали казенные дачи, в которых «не согласился бы жить даже дворник Абрамовича».

Дочери, зятья, внуки и внучки покойного президента, этого «кристально честного человека», как выразилась его супруга, пристроены. Многочисленной родне только официально оставлены: две квартиры на Осенней улице, президентская резиденция Барвиха-4 (здесь Борис Николаевич любил «работать с документами») плюс кабинет в Кремле, охрана, транспорт, бесплатное медицинское и санаторно-курортное лечение. Вельможному пенсионеру предоставлялся самолет президента России, и с полным сознанием выполненного долга он отправлялся то погостить к своему коллеге президенту Киргизии Аскарму Акаеву, то в Париж, на турнир по теннису, большим любителем которого считался. Полюбил отдых экс-президент и на о. Сардиния.

Но казенное оно и есть казенное, и вот досужие журналисты раскопали сведения о находящихся в собственности «семьи» бывшей дачи Максима Горького в Горках-10, особняка в районе Николиной Горы, наконец, старинных замках Шато ла Горп в окрестностях Ниццы и Ляйтшлессель в курортном городке

Гармиш-Партенкирхен. Никак к окладу президента, а потом и к его пенсии доложили зятья Окулов и Юмашев, вкупе с объявившимся новым дальним родственником олигархом Дерипаской.

Между тем безответный Михаил Сергеевич, просто спустя рукава наблюдавший за крушением вверенной ему державы, получил в свое время от Ельцина мизерную пенсию и был вынужден пробавляться рекламой пиццы и чемоданов известной фирмы, лекциями сомнительной ценности и многостраничными воспоминаниями о том, что он хотел «углубить», но народ его не понял (правда, ему искренно помогали друзья германцы). Я всегда задаю себе вопрос, что было бы, если 22 июня 1941 года в Кремле сидели бы Горбачев или Ельцин. Ответ на него очевиден.

Аберрация общественного сознания началась еще во времена Горбачева как результат тотального оплёвывания собственной истории, однако в максимальной степени она прогрессировала при Ельцине. С точки зрения морально-нравственных ценностей, повторюсь, наше

общество оказалось абсолютно неготовым противостоять тому валу тотальной лжи, который обрушился на ещё советский народ, привыкший полагаться на мудрость вождей. Сегодня мы понимаем, что при социализме было много негативных явлений. Но перевиралось всё это чудовищно. И сбитые с толку граждане повсеместно смаковали факты и фактики, которые подбрасывала пишущая и телевизионная братия. Всё это смахивало на самоедство.

Особенно доставалось культовым фигурам и событиям. Как говорится: чем невероятнее ложь, тем больше ей верят. И вот Сталин — агент царской охраны. Ленин — слабоумный «телец». Крупская — женщина легкого поведения. На Алексея Стаханова работала вся шахта. Трактористка Паша Ангелина была лесбиянкой. Павлик Морозов — предатель. Александр Матросов — бывший уголовник. Зоя Космодемьянская — ненормальная. Николай Гастелло выпрыгнул с парашютом и сдался в плен немцам. Что-то не так с героями-панфиловцами. Ну а Георгий Константинович Жуков — так и вовсе безжалостный палач. Перечень можно продолжать бесконечно, с провозглашением тезиса «всё разрешено, что не запрещено» шлагбаум перед враньем был поднят. При ближайшем рассмотрении оказалось, что Павлик Морозов вообще не был пионером, так же как и Берия — сексуальным маньяком. Во всех странах законы, охраняющие национальную историю, находят стихийную поддержку населения, у нас тогда над историей издевались.

Вообще при Ельцине сложилась практика, когда «впаривать» своим гражданам можно было всё что угодно. Борис Николаевич не останавливался ни перед чем. Если надо было, ехал на троллейбусе, в стареньком «Москвиче», а потом пересаживался в лимузин. Заходил в обычную поликлинику, посещал магазин, парился в коммунальной бане, заговаривал с народом. А главное — обещал. Вот текст предвыборной программы, с которой он шел ещё в народные депутаты СССР в марте 1989 года:

«1. Высший законодательный орган страны должен выражать волю народа и постановлений. Высшему органу страны должны быть законодательно подчинены все без исключения правительственные, политические и общественные организации.

2. Действующий Закон о выборах народных депутатов СССР не является истинно демократичным. Выборы депутатов должны быть всеобщими, прямыми, равными, тайными и только состязательными, включая выборы Председателя Верховного Совета СССР.

3. Создать государственно-правовой механизм, исключающий рецидивы авторитарных форм правления, волюнтаризма и культа личности.

4. Законотворчество не должно быть анонимным: каждый законопроект и поправка должны иметь авторство, а авторы — за них отвечать.

5. Необходимо бороться против существующего элитарного бюрократического слоя через передачу власти выборным органам и децентрализацию политической и экономической жизни страны.

6. Народный депутат должен иметь право требовать проведения референдумов по важнейшим государственным вопросам.

7. Принять ряд законодательных актов о молодежи. Согласиться в принципе с возможностью создания альтернативных молодежных организаций.

8. Забота о человеке — главная цель социализма. Необходимо отдать приоритет сильной социальной политике и сосредоточить все усилия на развитии трех наиболее важных направлений:

- производство высококачественных продовольственных и промышленных товаров;
- сферы обслуживания;
- жилищного строительства.

В социальной политике отдать приоритет наименее социально защищенной части общества: малообеспеченным семьям, пенсионерам, инвалидам.

9. Принимая во внимание неоправданное расслоение обще-

ства по имущественному признаку, необходимо ужесточить борьбу за социальную и нравственную справедливость. Добиться равных возможностей для всех граждан в приобретении продовольственных и промышленных товаров, услуг, в получении образования, в медицинском обслуживании.

10. Прочным фундаментом сильной социальной политики может быть только эффективная экономика. Необходима четкая научная программа оздоровления экономики в кратчайшие сроки. В рамках этой программы резко сократить число министерств и ведомств и постепенно перевести их аппарат на полный хозрасчет. Предоставить предприятиям право свободного выхода из состава министерства и самостоятельной хозяйственной деятельности.

11. Предоставить больше самостоятельности средствам массовой информации. Принять Закон о печати, который должен определять обязанности работника прессы, радио и телевидения и защищать их права. Средства массовой информации должны подчиняться не группам людей, а обществу.

12. Разделяя обеспокоенность людей острой экологической проблемы, принять Закон об экологической ответственности. Составить экологическую карту страны, прекратить промышленное строительство в экологически напряженных районах страны, и в частности в городе Москве».

Эта программа была растиражирована в количестве 100 тыс. экземпляров и разбросана по Москве. Предлагаю читателю сравнить её содержание с тем, что стало потом. Вы, наверное, помните твердые обещания: через полгода наполнение магазинных прилавков, если не получится — лягу на рельсы. Прилавки наполнились, правда, не для всех и далеко не везде, а о рельсах как-то постарались забыть, забыть. Единожды совравшему кто поверит? Оставил после себя страну «коридорного» типа и проблемы, о которых мы раньше и понятия не имели.

Врал и передергивал все годы, цепляясь за власть, шантажировал, блефовал, придумывал любые уловки. В 1996 году, понимая, что может вчистую проиграть Г.А. Зюганову, «всемирно избранный» предпринимает беспрецедентный по цинизму шаг — издает указ №722 «О переходе к комплектованию должностей рядового и сержантского состава Вооруженных Сил и других войск Российской Федерации на профессиональной основе», в котором обещал отменить призыв с весны 2000 года. Опытный интриган понимал, как можно в личных целях использовать эту популярную, но совершенно бессмысленную для России идею. Президентским указом №1356 от 11 октября 1998 года кон-

кретный срок перехода на контрактную армию был отменен.

Да, харизмой Борис Николаевич, конечно, обладал. Как выразился большой «знаток» русской души Радзиховский: «Настоящий русский человек. Если угодно — настоящий русский мужик, широкий, как сама Россия». От себя добавлю, что именно таких имел в виду Ф.М. Достоевский с его очень точным предположением: «Широк русский человек. Сузить бы надо».

Просматривая компромат на Ельцина, я наткнулся на статью главного редактора «Независимой газеты» В.Т. Третьякова с характерным названием «Свердловский выскочка» (специальное приложение к «НГ», 6 января 2000 года). Статья большая,

написана довольно объективно, смысл её можно передать, перечислив характеристики, которыми в ней награждается первый российский президент: хитрый и малообразованный человек, примитивный политик, бирюк, самодур, злой и глупый старик и далее в таком же духе. К этому хочу добавить, что Виталия Товиевича едва ли можно отнести к противникам новой власти.

Как-то, рассказывал А.Н. Чилингаров, команда правительства России играла в футбол против команды правительства Москвы. Увидев, что его команда проигрывает, Ельцин решил выпустить на поле нового вратаря — Владимира Маслаченко. Президенту сказали, что этого делать нельзя, поскольку последний не является членом правительства России. «Сейчас будет», — буркнул главный болельщик, в перерыве позвал Гайдара и приказал подготовить распоряжение о назначении Маслаченко заместителем министра по делам физкультуры и спорта. Что и было принято к сведению (исполнению), и бывший вратарь сборной СССР вступил в игру. Приличия были соблюдены.

Соответственно, и соратников себе российский президент подбирал широких, размашистых. Чтобы вместе ломать Россию через колени, разворовывать и растаскивать народное достояние. Конкретным, неизвестно откуда взявшимся, бизнесменам раздавались такие богатства, за которые обычно ведутся если не мировые, то, как минимум, локальные войны. А чтобы «размазать» ответственность, президент-кадровик нещадно тасовал их, как карточную колоду. В ближайшем окружении президента аппаратный опыт имели только его первый помощник В. Илюшин и глава администрации Ю. Петров.

За время своего правления он уволил пятерых премьер-министров, 45 вице-премьеров и 160 министров, в том числе девять министров финансов, восемь руководителей госбезопасности и семь министров экономики. Держу в руках «Российскую газету» от 21 сентября 1999 года.

В ней список заместителей председателя правительства РФ с 14 июля 1990 года по июль 1999 года. В списке 96 фамилий, причем, некоторые из вице-премьеров побывали на этой должности по два, три и даже четыре раза. Первое время кадрами у Ельцина заведовал Бурбулис, но затем он надоел «хозяину» и был отстранен, к тому же физиономия госсекретаря отпугивала электорат.

Меня как военного человека поражало то, как президент обращался с собственной армией и службами безопасности. За первые четыре года его владычества бывший КГБ реорганизовывался пять раз: АФБ, МБВД, МБ, ФСК и, наконец, ФСБ. Все реформы проводились методом тыка, наобум, в зависимости от настроения. Здесь я хочу извиниться перед читателем, если некоторые должности и звания лиц ельцинского окружения названы мною не совсем точно. Отследить их служебные перемещения в той обстановке непрерывных кадровых импровизаций «хозяина» оказалось делом довольно затруднительным.

Своих противников Борис Николаевич третировал с иезуитской изобретательностью, прибегая к шантажу, угрозам и мелкотравчатой мести. С мстительной улыбкой, под аплодисменты присутствующих, 23 августа 1991 года победитель ГКЧП подписал указ о запрете КПСС и аресте на всей территории РСФСР её имущества, как раз того, которым долгие годы хорошенько пользовался сам. В стране формировался новый общественный строй — «царская демократия».

В отношении Верховного Совета был выбран простейший метод: регулярно в сферу его внимания подбрасывались различного рода малосущественные провокации, на которые депутатам приходилось каким-то образом реагировать, что расстраивало работу этого высшего органа законодательной власти, выбивало из нормальной колеи законотворческой работы. Создавалось впечатление, что хозяину Кремля и его молодым помощникам и советникам, кроме устройства личных дел,

ничем было заниматься. Для «зеленой поросли» ельцинского призыва это был как бы национальный вид спорта, в котором они упражнялись с особым рвением и задором.

Точно такими же методами, особенно не утруждая свои мозги, кремлевская братия действовала и против отдельных неугодных лиц. Собирается, например, Хасбулатов с группой депутатов совершить поездку в Восточную Сибирь, а ему отказываются предоставить самолет. Председателя Конституционного суда В. Д. Зорькина после принятия известного постановления суда относительно указа №1400 вообще затретируют, причем издевательски-мелочно: в здании суда снимают охрану и отключают спецсвязь, у самого Валерия Дмитриевича отбирают специально оборудованный автомобиль, служебную дачу и т. д. Всё по-хамски, цинично, с вызовом, явным желанием оскорбить и унижить человека.

«Всенародно избранному» принадлежит патент на изобретение нового способа укрощения госчиновников — конструирование т. н. сдержек и противовесов внутри ветвей власти. Поддержание напряженности внутри команды позволяло ему играть на противоречиях, искусственно поддерживать неустойчивость отдельных фигур. Именно таким образом немецкий фюрер, например, «разводил» своих главных разведчиков — Канариса и Шелленберга. Во всем остальном мире сдержки и противовесы выстраиваются между ветвями власти с соблюдением баланса прав и обязанностей участников процесса управления страной, а в России это насаждалось повсеместно.

Любимым методом воздействия на народных избранников у Бориса Николаевича было обращение к низменным инстинктам человеческой души, которые дремлют в каждом из нас, но не выходят наружу у одних и составляют существо природы других. Так было как в период осеннего противостояния в сентябре-октябре 1993 года, так и впоследствии в обращении с депутатами Госдумы, которым через своего управделами

«Пал Палыча» (Бородина) президент озвучивал всякие прелестные посулы в обмен на хорошее поведение. И действительно, хотя далеко не на всех — многие из народных избранников еще с советских времен не растеряли своей совести.

Понаблюдав за повадками Кремля, бывший президент США Р. Никсон, проявивший после своего импичмента определенное здравомыслие, как-то признал: «Всю жизнь я боролся с коммунизмом, но только теперь пришёл к парадоксальному для себя выводу: Россией умели управлять только коммунисты».

Если посмотреть внимательно, за Ельциным шли граждане трех основных категорий: потомки «комиссаров в пыльных шлемах», последовательные антисоветчики, в т. ч. обиженные советской властью, наконец, считающие себя недооцененными советской властью амбициозные молодые люди всякого рода занятий. У многих разрушителей СССР кто-то в роду в свое время пострадал от советской власти, в том числе у Шеварднадзе, Бакатина и, естественно, у Горбачева.

Типичный представитель лиц первой категории — Гайдар. Здесь объяснять ничего не надо. Вот как охарактеризовал «последний банкир империи» В. Герасенко команду, которую набрал себе Гайдар: «В правительство попало много случайных людей. Да, с подвешенным языком, подкованных. Но всё это, извините, книжные черви, имевшие весьма отдаленное представление о вещах, которые они взялись реформировать». Неумение подбирать кадры говорит о многом.

Ко второй категории можно отнести такого деятеля-реформатора ельцинского периода, как Ясин Евгений Григорьевич. В советское время уроженец солнечной Одессы, этот «поп Гапон нашей истории» (определение С. Лисовского) занимал ответственные посты, затем быстро «перетек» в команду Ельцина, дважды занимал пост министра экономики. Не буду голословным, приведу слова его дочери Ирины, некоторое время возглавлявшей соросовский т. н. гу-

манитарно-общественный, точнее, подрывной проект «Открытая Россия». Вот её признание: «Развитой социализм — это была не наша среда, а СССР, в общем-то — не наша страна, потому что возможностей для реализации было ноль». Это она о своем отце, который при «развитом социализме» окончил МГУ, стал доктором экономических наук, работал в центральных НИИ АН СССР, состоял членом Государственной комиссии Совмина СССР по экономической реформе и т.д. Тихо до поры до времени сидели эти «подснежники» и «подберезовики», апологеты мирового правительства, дожидаясь своего часа. Папа и его достойная дочь на высоте: Евгений Григорьевич руководит Высшей школой экономики, Ирина заседает в Совете при президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.

А вот ещё «комсомольская богиня», поэтесса Римма Казакова (ныне покойная). У неё, оказывается, муж был Георгий Радов, журналист и писатель, обиженный советской властью из-за своего якобы английского происхождения.

Ну а третью категорию достойно представляет, например, Борис Ефимович Немцов. Бывший провинциальный юноша, в качестве вице-преьера и президентского любимчика бегавший встречать в полотняных штанах и без галстука прибывших руководителей других стран. Тогда ему ещё не было известно, что словенскую этику никто не отменял. Типичный персонаж ельцинского окружения — «человек без послужного списка». Сегодня этот политический маргинал ведет светскую жизнь, содержит несколько бывших жен и откуда-то сбоку критикует российскую власть (застрелен в ночь с 27 на 28 февраля 2015 года в Москве). Под стать ему и энергичные провинциалы, набравшие в столицу из Свердловска-Екатеринбурга.

Вся эта публика, почуяв слабину Кремля, яростно требовала свои куски пирога, зубами и локтями пробивала себе путь наверх и не раз продемонстрировала свою нечистоплотность.

Вот как высказался однажды по этому поводу известный композитор Родион Щедрин: «Мы надеялись, что на смену коммунистам придут чистые люди, которые начнут, наконец, думать о стране. К сожалению, большинство пришло, чтобы набить свои карманы». Да, сильно заблуждалась в те годы российская творческая интеллигенция.

В различные годы, даже при нахождении их патрона во власти, ко многим из этих нуворишей проявляла интерес российская прокуратура. Для того чтобы этот факт не канул в вечность, назову лишь некоторые фамилии: Березовский, Кобец, Станкевич, Бычков, Б. Федоров, Кох, В. Ковалев, А. Вавилов, Бревнов, Адамов, Шумейко, Калюжный, Аксёненко, А. Орлов, Мостовой, Филатов, Якубовский и другие. Список впечатляет — ущербные цели потребовали ущербных исполнителей. Как дядька Черномор над ними возвышался златоуст Виктор Степанович с его высказываниями типа «сокращение сброса поголовья скота».

Дорвавшиеся до власти президентские протеже, годившиеся ему если не во внуки, то точно в сыновья, не зная (и не желая знать) законов вращения государственных дел, наделали массу глупостей и в стране и за рубежом. Страну грабили, как неприятельский обоз. По уши залезли в закрома родины, опровергая утверждение, что свинья не может в одной и той же луже кормиться два раза. Сам главный организатор грабежа на вопрос, почему приватизация началась с самых богатых добывающих отраслей — а смысл приватизации должен был состоять в приватизации как раз отстающих производств — ответил, пребывая однажды в хорошем расположении духа: «Это было требование МВФ». Кажется, в 1994 году была дана отмашка на распродажу стратегического резерва страны.

Полулиберальный хаос ельцинского правления обернулся стремительным разрастанием злокачественных олигархических образований. Олигархические деньги хлынули в политику. Новоявленные хунвей-

бины борисниколаевского призыва сделали всё, но ничего не получилось. Зато свои заслуги они оценивали очень высоко. Так, государственный, по сути, чиновник Бревнов, возглавлявший РАО «ЕЭС России», за девять месяцев 1997 года получил вознаграждение в размере 230 тыс. долл. — тогда ещё это удивляло — при среднемесячной зарплате служащих компании в тот период 1 800 рублей.

Чтобы охарактеризовать морально-нравственный климат, который формировался в обществе под сенью ельцинского руководства, приведу одно письмо, полученное 15 апреля 1996 года Альбертом Михайловичем Макашовым в бытность его депутатом Государственной Думы:

«Пишет вам один из новых хозяев жизни. Мафиози, новый русский — называйте как хотите. Пишет, чтобы показать вам всем, кто настоящий хозяин в стране. Спасибо родному правительству за приватизацию, благодаря которой Мы контролируем богатейшие предприятия, срываем с них миллиардные куши, отмываем денежки, награбленные ещё в бытность простых жуликов. Мы хозяйничаем на подавляющем большинстве предприятий, а всё простолудье работает на Нас. Этим нашим батракам месяцами не платят зарплату, а Мы в любой момент можем снять любую сумму в коммерческом банке. И только пусть посмеют не выдать денег. Несговорчивых банкиров Мы убираем. Все банки у Нас под контролем. Дополнительный источник дохода — рэкет. При каждой покупке каждый холуй 30 % отдаёт Нам. Местная власть во многих местах тоже под контролем у Мафии. Захотели — убрали избранного мэра Владивостока, поставили своего человека. И никто не посмел Нас одёрнуть. Если надо будет Мы так везде поменяем мэров, губернаторов. У Нас под контролем достаточно депутатов парламента, чтобы лоббировать свои интересы. Тех, кто этому мешает, Мы убираем. Подавляющая часть прессы и телевидения тоже под Нашим контролем. Неудобных журналистов Мы тоже убираем. И эти дела никто

не раскроет, потому что Мы контролируем и суды, и милицию, и прокуратуру. Мы можем подкупить хоть самого папу римского, денег у нас хватает. Если нужно, запугиваем свидетелей, потерпевших, судей. Они прекрасно понимают, что если будут говорить лишнее Мы с ними церемониться не будем. А когда в редких случаях судьи ведут себя неразумно, убиваем их. Вот так. Все нас знают, все знают, что Мы вытворяем, а сделать ничего не могут. Законов против Мафии нет, да если и были бы, в такой ситуации Нам всё равно никто не смог бы причинить вреда. Вообще законы написаны для холуев, а для нас нет законов. И Я лично несколько за себя не боюсь. Ничто Мне не угрожает. Нынешний президент пытается бороться с нами только по закону. Он рехнулся со своей правовой реформой. Отлично. С этой правовой реформой лошадь легче родит медведя, чем посадят Мафию. Ельцин, всё, что делает после громких убийств, так это меняет прокуроров. Он никогда не решится на те меры, с помощью которых нас можно было бы победить. Вот если бы одним разом нагрянули бы в банки, нашли бы наши счета и конфисковали наши денюжки, в том числе и в зарубежных банках, да одновременно нас всех арестовали бы без суда и следствия, да не дай бог опубликовали бы наши фотографии в газетах, тогда таким, как Я пришел бы конец как мафиози. Но ельцин ни за что этого не сделает. Он никогда не поймёт, что главная опасность для страны, для демократии не в коммунистах, не в фашистах, а в мафии, явлинский тоже ни фига не соображает. С зюгановым можно договориться. Так что за своё будущее Я спокоен. Руцкой, лебедь, громов, говорухин, зюганов всё равно не станут президентами. Жириновский тоже видимо не выиграет выборы. А если вдруг выиграет, Мы всё равно не дадим ему вступить в должность президента. Мы просто выведем на улицу людей, как бы для того, чтобы защитить демократию, дурочка новодворская Нам в этом поможет. В результате Мы оставим пре-

зидента ельцина, если надо будет, то жириновского уберем. Конечно опять будут жертвы. Но Мне лично это до лампочки. Пусть чернь обольется кровью, зато сохраним свою власть, свои миллиарды. Те трое парней в августе погибли за нас. Плодами августа по всему союзу воспользовалась только мафия, а простую русскую скотину как вздрачивали, так и продолжают вздрачивать. Если нам надо будет Мы и сами прикроем демократию. А почему бы и нет. Наступит ведь момент, когда демокра-

тия нам больше будет не нужна. И уж тогда Мы всем, кто хоть пикнет против, устроим варфоломеевскую ночь. Если надо будет, развалим Россию. В отдельных государствах легче держать в узде простолюдное быдло, сверху никто капать не будет. Все вы будете жить как шестёрки в зоне, как петухи. «Свободный человек», «гордый россиянин» — ишь чего захотели. Будете вкалывать на нас как пчёлки. Из лучших районов всех повыселяем, будем жить там сами, разместим там свои офисы. А ваши

дарством управляли между делом, опираясь на примитивный здравый смысл, потому что для этой компании не существовало никаких авторитетов. Все были сами с усами. В порыве либерализации эти умники, например, предложили полностью отказаться от паспортов, заменив их некими удостоверениями личности.

Наблюдая гримасы ельцинской системы, вменяемой части россиян оставалось только кусать локти и упражняться в остроумии. Президент-пациент, постинтеллигенция, блеформы, внутренние иностранцы, воровской материализм накопителей, танковый режим, банная дипломатия, модернистская помойка, педократия, безнаказанные вандалы, фуршетные патриоты, собчакбургская школа, эмиссары хаоса, эфирная интеллигенция, олигархический колхоз — вот далеко не все примеры народного творчества. Сам Черномырдин однажды проехался в адрес этой «либеральной шайки-лейки».

Между тем враги России уже стали пользоваться другой терминологией: провалившиеся страны, безалаберные страны, угасающие страны, страны-изгои, разрывные страны, страны на содержании, несостоявшиеся страны, конченные страны, проблемные, неработающие, падающие и так далее. Все эти ярлыки, не обязательно относящиеся к России, появились, между прочим, уже после развала Советского Союза. Бояться стало некого.

Однако вернемся к Борису Николаевичу. Отечественные западоиды — так назову его сторонников — ставят ему в заслугу две главные вещи: дал свободу и предотвратил кровавую гражданскую войну. На счет первого и говорить не хочется, потому что личную свободу людям можно было предоставить и без разрушения страны. Что касается второго, то на окраинах СССР гражданские конфликты может быть в каких-либо масштабах и возникли бы, однако вина за это легла бы целиком на Горбачева и на самого Ельцина, который, разъезжая по стране, всем регионам обещал «суверенитета сколько проглотите». Сразу после событий в Виль-

трущобы и отремонтировать-то не будем. Оформим свою власть уже чисто юридически, примем соответствующие законы, конституцию. Будут для нас отдельные пляжи, а вы все на крышах загорать будете. Будут отдельные рестораны, магазины. Будем посылать по квартирам пацанов собирать дань, всех несогласных платить просто перестреляем. В жёны будем брать только самых красивых молодых девушек. По своему выбору. Не пойдут — заставим, иначе ни себе, ни людям — будем их вырезать. Когда они будут взрослеть терять фигуру, будем брать новых. Захотим, и президент будет нам платить дань. Похитим пару внучат, заплатит как миленький. Хотя Мы и сейчас живём неплохо. Я лично имею несколько машин, несколько квартир в разных городах. Езжу сколько хочу и куда хочу. Пристроил свою жену рожать в Америке, в идеальных условиях. Не позволю же Я, чтобы жена рожала в наших крысовниках. То, что не работаю, это и так ясно. Старшего сына устроил

в элитную школу, простым батрацким сынкам туда путь заказан. Вообще для нас — элитарная система образования, элитарное здравоохранение. А для остальных — школы с нехваткой учителей, больницы с нехваткой лекарств и врачей.

Скажете, что Меня так растащило писать такое всем подряд. А просто Я хочу показать, что Мне в этой стране никто ничего не сможет сделать, слова поперек не скажет. Знайте, кто в России хозяин, холопы.

В.Г. Крёстный»

Совесть и мораль постепенно превратились в виртуальные категории: люди видели, что творилось наверху. А там на уголовный манер резали руки и смешивали кровь в знак вечной дружбы, наливали и закусывали по поводу и просто от ощущения полноты жизни, устраивали конкурсы мужских задниц. Короче, ошалев от свалившейся на голову власти (и, соответственно, материальных благ), пели и плясали, как это обычно бывает перед большой бедой. Госу-

трущобы и отремонтировать-то не будем. Оформим свою власть уже чисто юридически, примем соответствующие законы, конституцию. Будут для нас отдельные пляжи, а вы все на крышах загорать будете. Будут отдельные рестораны, магазины. Будем посылать по квартирам пацанов собирать дань, всех несогласных платить просто перестреляем. В жёны будем брать только самых красивых молодых девушек. По своему выбору. Не пойдут — заставим, иначе ни себе, ни людям — будем их вырезать. Когда они будут взрослеть терять фигуру, будем брать новых. Захотим, и президент будет нам платить дань. Похитим пару внучат, заплатит как миленький. Хотя Мы и сейчас живём неплохо. Я лично имею несколько машин, несколько квартир в разных городах. Езжу сколько хочу и куда хочу. Пристроил свою жену рожать в Америке, в идеальных условиях. Не позволю же Я, чтобы жена рожала в наших крысовниках. То, что не работаю, это и так ясно. Старшего сына устроил

нуме 13 января 1991 года Ельцин примчался в Таллин и там публично призвал армию уходить из Прибалтики, подписал соглашения об уважении местных суверенитетов, недопустимости применения военной силы и пр. Недаром одна из глав президентских мемуаров носит смачное название: «Крах империи». Кстати, война в Чечне — на его совести.

Многим нашим гражданам задурили голову страшилками о том, что коммунисты хотят вернуть нас в ГУЛАГ, а без беловежских Вискулей в стране началась бы гражданская междоусобица. Чушь это всё, образцы тотальной лжи, с помощью которой в СССР была совершена контрреволюция. Коммунисты к 1991 году уже осознали ошибки своего прошлого, а монархисты вообще не имели к советскому прошлому никакого отношения.

В конечном счете Ельцин представит перед лицом нации как государственный преступник, набывшийся самодур, упрямо гнавший страну по ложным тупиковым маршрутам, причем совершенно сознательно. В 1996 году пять американских лауреатов Нобелевской премии в области экономики направили ему обращение, в котором говорилось, что Россия идет по неправильному пути, и предлагали корректирующие меры. Плохо они знали Бориса Николаевича! Я уже не говорю о том, что он совершил с армией, как он позорил своими выходками нашу Родину за рубежом. Клинтон вспоминал, как во время своего официального визита в США в 1995 году Ельцин ночью в нижнем белье ловил на Пенсильвания-авеню такси, чтобы поехать в магазин и купить там пиццу. И кто будет уважать страну, народ которой позволяет своему президенту крушить собственное государство, а газетной шпане по десятому разу лить помойку на своё прошлое и настоящее?

Что и говорить — не готов был вчерашний секретарь обкома к управлению страной. Захватив трон, быстро усвоил вольную, «отпускную» манеру поведения. Не обладая особыми познаниями, пытался импровизировать, часто попадая впросак. На торжествах

(если так можно выразиться) в Берлине 31 августа 1994 года по случаю вывода российских войск с территории ФРГ развеселившийся Ельцин поразил «друга Гельмута» историческим открытием: «В войне России и Германии не было ни победителей, ни побежденных» А мы-то думали!

Неоднократно в критических ситуациях, когда действительно требовались его решения, поиски главы государства оказывались безрезультатными. Ларчик открывался просто: президент «залегал на дно» и ждал, когда эксперты дадут ему вразумительный совет или подсказку. А, как вы сами понимаете, вокруг него толковых экспертов было раз-два и обчёлся. Неспроста ведь даже в разработке проекта закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры» принимали участие чиновники Всемирного банка.

В первое время за «последним лимитчиком Москвы» (кличка Ельцина в его бытность первым секретарем МК КПСС) пошла вся страна. А он, как Иван Сусанин поляков, завел всех в болото и бросил, оформив предательство в виде новогоднего подарка — бегства со своего поста. Молодые радикалы, пришедшие с ним к власти, между собой цинично посмеивались над бывшей советской партноменклатурой: «Вы порулили, теперь лет 50 порулим мы». Тут они явно хватили лишку.

«Никогда не было так, чтобы мировая держава, в каком-то смысле империя, имевшая величайшую культуру и науку мирового уровня в числе 2-3 первых держав мира, сдалась без боя и дошла за несколько дней до беспрецедентного самоуничтожения. Никогда, на мой взгляд, не было такого побежденного, который возносил бы (причем искренно) хвалу победителю». Эти слова принадлежат итальянскому журналисту Джульетто Кьеза, большому патриоту своей страны и другу нашей. От себя добавлю, что многим своим молодым соратникам Ельцин со временем указал на дверь по причине их профнепригодности.

Безотрадный у меня получился портрет первого президента России,

но хорошие его дела мне не известны. А то, что он натворил со страной, уже непоправимо: история назад не ходит. Правил державой, как своей вотчиной, дурил и сумасбродничал, строил «и не коммунизм, и не капитализм», а какую-то абстракцию, удивляя весь мир непотребными выходками. В начале своего правления «презентовал» английской королеве Елизавете секретный на тот момент танк Т-80 и знаменитый зенитный комплекс «Тунгуска». Типа, от нашего стола — вашему столу.

Сегодня многие из помогавших ему вдруг запели другие, патриотические песни — так и будут они вести народ от одной перестройки к другой, по пути бесконечных реформ. Прозрели, точнее, заговорили нормальным языком, Сатаров, Попцов, Костиков, а писатель Карякин, сегодня позабытый и заброшенный, тот вообще уже давно сделал для себя вывод: «Если либералы придут к власти, то они во многом будут похлеще большевиков». Как вы думаете, кому принадлежат слова: «А кто сказал, что не надо регулировать экономику? Госконтроль — это правила, которые выработывали на протяжении двух последних веков»? Принадлежат они, как ни странно, Егору Тимуровичу, директору Института экономики переходного периода. Незадолго до своей смерти отметил и один из главных виновников российской трагедии А. Яковлев: «Страшно подумать, что нам уготовлена судьба печенегов, скифов, инков, ацтеков и многих других загадочно исчезнувших народов». Академик, называется.

Либеральные критики ельцины тем не менее, как правило, благодарны ему за то, что при нем сделали карьеру, сколотили капитал, поднялись наверх. Что касается меня, то мог бы предъявить ему счет: гражданский — за исчезновение с карты мира великой державы СССР, личный — за приказ уничтожить меня в октябре 1993 года. Уральская земля должна покаяться за то, что дала стране такого правителя-урода. Не любил он Москву, соответственно и правил.

«Берегите Россию!» — так, удирая на пенсию, напутствовал несосто-

яввшийся отечественный робин гуд своего преемника. А сам однажды на пальцах растолковывал госсекретарю США Дж. Бейкеру, как управляются стратегические ядерные силы России. Принимая во внимание всё то, что этот «настоящий русский мужик» натворил в стране за девять лет своего господства, не остается ничего другого, как вспомнить аналогичную по цинизму надпись, красовавшуюся на воротах фашистских концлагерей: «Труд делает свободным». В лице Ельцина мы имеем преступника всех времен и народов.

В целом, надо сказать, российские парламентарии быстро разобрались в разрушительных чертах характера Бориса Николаевича. Уже 28 марта 1993 года 9-й съезд народных депутатов предпринял первую попытку отстранить его от руководства страной, однако для объявления ему импичмента не хватало буквально немного: «за» проголосовало 617 человек из 1 097 при необходимых 699 голосах. Основная масса населения — и это естественно — оказалась менее проницательной, 25 апреля того же года на всероссийском референдуме оказала доверие президенту и одобрила его политику, тем самым еще

раз подтвердив истину, что массы не всегда могут быть правы.

К концу 1998 года харизматические усилия Ельцина по разгрому прежней государственной системы и переделу общенародной собственности «достали» уже депутатов Госдумы второго созыва (тогда в ней заседали еще много здравомыслящих депутатов — одних только коммунистов 139 человек). В мае 1999 года на повестку дня опять был поставлен вопрос о его отрешении от должности. Специальная комиссия признала Ельцина виновным по всем пунктам, однако при голосовании за вынесение соответствующего постановления не хватило всего несколько голосов. Характерно, что против импичмента публично высказались главы всех конфессий, за исключением православной, а также учёные Е. Велихов, Ю. Рыжов и О. Кутафин, писатели А. Приставкин, К. Ковальджи, Л. Разгон, Б. Ахмадулина и её супруг театральный художник Б. Мессерер.

По материалам этой же комиссии, уже в 2002 году депутатами была предпринята третья по счету попытка привлечь к ответственности экс-президента РФ (как это было, например, сделано там, у «них», в отношении Пиночета, перуанского президента

Фухимори, двух президентов Эквадора, южнокорейского президента Ро Дэ У), обратив внимание Генпрокуратуры на его преступления в период нахождения у власти. И эта попытка не увенчалась успехом: к тому времени расклад сил в Госдуме третьего созыва был совершенно другой.

А ответить за все надо было. Незадачливый реформатор Чжао Цзыян — несостоявшийся китайский Горбачев и Ельцин в одном лице, при котором произошли события 1989 года на площади Тяньаньмэнь, сидит под домашним арестом. Бывший генсек КПК полностью изолирован, живет в особняке за колючей проволокой, без права приема посетителей и телефонных разговоров (умер в январе 2005 года).

Первый президент России царственно передал власть, оставив 150 миллионов своих граждан на развалинах страны. И безмятежно погрузился в дела своей большой семьи, окруженный многочисленным потомством.

В смертном приговоре народовольцев царю Александру II значилось: «За уступку Североамериканским Соединенным Штатам русской Аляски и Алеутских островов». Ельцин ушел, не ответив ни за одно из своих преступлений. ■

100 ЛЕТ ГЕРОЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКУ АВИАЦИИ В.В. РЕШЕТНИКОВУ

23 декабря исполняется 100 лет Советскому военному летчику, Герою Советского Союза, командующему Дальней авиацией, заместителю главнокомандующего Военно-Воздушными Силами СССР, Заслуженному военному летчику СССР, генерал-полковнику авиации В.В. Решетникову.

Василий Васильевич родился 23 декабря 1919 года в Екатеринославе (Днепропетровске). Окончил школу-семилетку. 1936 году по спецнабору комсомола был зачислен курсантом 11-й Ворошиловградской школы военных летчиков. Окончив ее в звании младшего лейтенанта, в 1938 году получил назначение в Орел в 45-й скоростной бомбардировочный

полк. Оттуда вскоре переведен в Воронеж в 164-й полк 1-й резервной бригады. Там освоил самолет ДБ-3 и был оставлен инструктором.

В конце 1941 года по настоятельным просьбам он становится летчиком 751-го ночного дальнебомбардировочного полка. Вначале участвовал лишь в дневных боевых вылетах на самолете Ил-4. Но вскоре, убедившись в его отличном пилотировании, командование допустило его к ночным полетам.

28 февраля 1942 года в лунную ночь после мощного удара по аэродрому Орша, откуда фашисты совершали налеты на Москву, самолет Решетникова был атакован вражеским истребителем Me-110. В том бою

фашист хотя и был сбит, но успел сделать много бед: смертельно ранил штурмана, разнес в клочья приборную доску, повредил левый мотор, управление рулем высоты, продырявил баки. До своей территории Решетников все-таки дотянул (около 350 километров). Но самолет высоту потерял. Выбросив на парашютах стрелков, летчик, не выпуская шасси, приземлился на заснеженное поле.

Спустя некоторое время 751-й авиаполк наносил бомбовый удар по врагу в районе Днепропетровска. Зенитный снаряд попал в правый мотор. Самолет Решетникова загорелся, но с боевого курса не сошел, пока не были прицельно сброшены бомбы на железнодорожный узел.

▲ 1938 год

Огонь удалось сбить и дотянуть до своего аэродрома.

В том же 1942 году В.В. Решетников в многочасовых ночных полетах без второго пилота, без автопилота и подогрева кабины участвует в бомбежке Берлина, Данцига, Кенигсберга, Штеттина, Будапешта и других районов дислокации фашистских войск и боевой техники.

Из воспоминаний В.В. Решетникова: «Вся эта операция длилась в течение августа и середины сентября 42-го года. Тогда авиация дальнего действия наносила удары по Дан-

цигу, Кенигсбергу, Штеттину, Берлину, Будапешту, Бухаресту, по-моему, даже по Варшаве. Это вот главные цели. Мы вылетали с так называемого аэродрома подскока. Наш был где-то под Андреаполем.

На эти дальние объекты глубокого тыла немцев было направлено не так уж много сил. Но это были отборные силы, лучшие, вот в чем дело. И я тоже попал в эту когорту. К этому времени меня прошупали уже, поняли, что я все-таки кое на что способен.

В одном из полетов (10 сентября), я готовился лететь на Будапешт и уже

выруливал на взлетно-посадочную полосу, когда ко мне на крыло выскочил какой-то штабист и крикнул: «Вам на Берлин!». И скатился с крыла. Ничего себе! Где Будапешт, а где Берлин! Хорошо у нас карты были с собой на любой случай.

Вылетали еще в светлое время суток. Линию фронта тоже переходили в еще светлое время. Дальше шли Балтийским морем, нас там уже никто не мог задеть. Доходили до Борнхольма — остров в Балтийском море — дальше на Штеттин, а потом на Берлин.

Берлин защищался очень сильно: там стояло несколько полков зенитной артиллерии, аэростаты заграждения, очень много прожекторов. Издали — это шевелящаяся масса лучей, и в эту массу нужно было войти.

Задача состояла в том, чтобы найти оптимальную высоту. Я был на высоте примерно 7 тыс. метров и видел, что на этой высоте рвутся снаряды. Я пошел на высоту 5 тыс. метров. Я мог бы снизиться еще, чтобы оказаться совсем под разрывами, потому что схватить непосредственно снаряд — это очень маловероятно, а от разрыва снаряда можно было очень пострадать, но еще ниже нельзя — там аэростаты на высоте 4–4,5 тыс. метров. Поэтому я выбрал высоту 5 тыс. метров, и с этой высоты мы нашли свою цель — это какой-то железнодорожный узел был в центре Берлина — по нему благополучно отбомбились и повернули назад».

При попытке пробиться к Кенигсбергу самолеты попали в мощные грозовые облака и стали разрушаться. В.В. Решетникову и его экипажу пришлось прыгать с парашютом, потом долго пробираться к своим по вражеской территории.

Из воспоминаний ветерана: « Это был тот же самый 42-й год. Я шел на Кенигсберг, и попал в мощную грозовую облачность. Наши метеослужбы тогда не могли дать погоды за линией фронта, точно так же, как и немецкие. Поэтому летали наугад.

Меня швыряло так метров 300–500 вниз, потом вверх, я чувствовал, что машина еле-еле выдерживает

это. Меня то подхватит, то вдавит. Наконец, дело дошло до того, что оторвался трос управления, и самолет оказался совершенно неуправляемым.

Пришлось машину бросать. Я дал команду экипажу, потом сам перевалялся через правый бок кабины и оторвался от самолета. Приземлился в лесу. Пришел в себя и стал думать, как выходить оттуда.

Выйдя на край леса, я увидел, что впереди была деревня. Решил подождать до утра. На рассвете вижу — в деревне никого. Но я решил все-таки сам поискать кого-то. Зашел в самую крайнюю избу, и мне повезло: там были единственные жители этой деревни — старик с внуком. Я старику все рассказал, попросил другую одежду. Ему оставил свой комбинезон меховой, унты.

Он мне показал два направления, путь в две деревни. В одну — дорога вела через мост. Мосты всегда охраняют, поэтому я решил идти в другую деревню — Рассвет она называлась. Не по прямой дороге, а через лес, не упуская из виду эту деревню. Обошел — и к крайнему домику через заросли кукурузы пробрался. Там были две женщины, они, увидев меня, замкнулись совершенно, и еще девчонка в комнате. Она что-то увидела в окне, крикнула: «дядя Ваня!» — и моментально выскочила за дверь.

Я приготовился к встрече. Кто этот дядя Ваня? Полицай? Это же еще хуже, чем немец. Услышал, что кто-то входит в дом: крепкие сапоги стучат по половицам. У меня пистолет уже наготове, незаметно я успел окно открыть — на случай отхода. Но в дверях стоял младший лейтенант, перепоясанный ремнями, за ним — солдаты с красными петлицами.

Ну, это свой. Сафонов его звали. Он шел со взводом на боевое задание, и я с ними напросился. Потом на усиление подошел еще один батальон туда. Привел его старший политрук Станкевич, и он был очень недоволен, что у Сафонова оказался я. Тем более документов у меня — никаких. Ни одной бумажки. Кто я? Что я? В конце концов, он выделил

двух солдат и меня как под конвоем отправил на свою территорию. Пистолет заставил сдать. А мы через какое-то время вышли к реке Лавать и, переправившись через нее, солдаты условным свистом вызвали лодку с противоположного берега — оказались на своей территории».

Недавно в Подольском архиве Министерства обороны был найден наградной лист на присвоение В.В. Решетникову звания Героя Советского Союза в 1942 году. В.В. Решетников вспоминает: «Но тогда вместо этого звания я получил орден Ленина. А звание мне не дали, потому что я побывал за линией фронта, а это не очень здорово на репутации отража-

лось. Поэтому Героя СССР мне дали на полгода позже.

Мы тогда были на аэродроме, ждали команды на вылет на железнодорожный узел в Орле. Была очень сложная грозовая погода, посылали все время разведку. Разведчики возвращались, говорили, лететь нельзя. Тогда была дана команда идти самым опытным, и мне в том числе. А перед взлетом командир дивизии потребовал сбора. Тогда-то он и сообщил о присвоении звания. Я, конечно, рад был, но почувствовал некоторую неуютность: вот дадут сейчас команду лететь на Орел, там погода непробиваемая, я же не смогу вернуться ни с чем, теперь я должен обязательно

▲ 1943 год

▲ 1970 год. Командующий Дальней авиацией

пробиться. Уже какая-то ответственность была. И я тогда все-таки пробился через непогоду и был единственным, отбомбившимся по Орлу».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июля 1943 года гвардии капитану, командиру эскадрильи 19-го гвардейского авиационного полка дальнего действия 8-й гвардейской бомбардировочной дивизии дальнего действия 2-го гвардейского бомбардировочного авиационного корпуса авиации дальнего действия Василию Васильевичу Решетникову присвоено звание Герой

Советского Союза. Медаль «Золотая Звезда» №1055.

В.В. Решетников вносит свой личный вклад в успех Сталинградской битвы, совершая для бомбежки вражеских позиций по 3 - 4 боевых вылета в сутки. Во время Курской битвы он снова неперемный участник мощных воздушных ударов по противнику.

К лету 1944 года В.В. Решетников первым в своем авиакорпусе совершил 300 боевых вылетов.

Несмотря на строгий запрет командующего авиацией дальнего дей-

ствия Главного маршала авиации А.Е. Голованова на дополнительные боевые полеты (война идет к концу, надо беречь молодые профессиональные кадры), Решетникову удалось получить разрешение сделать еще 7 вылетов, в том числе во время Берлинской операции. Последний, 307-й по счёту, боевой вылет он совершил 16 апреля 1945 года. Войну Василий Васильевич закончил в звании подполковника.

После войны В.В. Решетников в 1954 году окончил Академию Генерального штаба. Командовал 106-й дивизией стратегических бомбардировщиков Ту-95.

В.В. Решетников застал удивительное время в истории отечественной военной авиации. Вместе со своими полками Василий Васильевич облетал всю нашу страну, Северный Ледовитый океан, акватории Тихого океана.

В 1959 году на Ту-95 он (совместно с генералом В.Т. Тарановым) установил мировой рекорд дальности полета - 17 тысяч 150 километров, пробыв в воздухе 21 час 15 минут.

С 1961 он командир 2-го отдельного тяжелобомбардировочного авиационного корпуса.

С января 1969 года - командующий дальней авиацией ВВС СССР, одновременно являясь заместителем Главкома Военно-Воздушных Сил СССР.

В.В. Решетников внес существенный вклад в освоение и совершенствование самолетов дальней авиации, в том числе и самолета Ту-22.

Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации В.В. Решетников награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны 1 степени, двумя орденами Красной Звезды, орденом Почета, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах» III степени, орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, боевыми медалями.

В 1986 году генерал-полковник авиации В.В. Решетников ушел на заслуженный отдых.

▲ Сверхзвуковой стратегический бомбардировщик-ракетоносец Т-160 Василий Решетников

13 августа 2004 года в возрасте 85 лет во время авиационной выставки, разместившей свои уникальные экспонаты на подмосковном аэродроме «Монино» Василий Васильевич поднял в воздух Б-25 «Митчел» - самый массовый американский бомбардировщик II мировой войны, поступавший в СССР по ленд-лизу, на котором легендарный боевой летчик летал на боевые задания в военные годы.

Василий Васильевич увлекается литературным трудом, к которому всегда питал неподдельный интерес. Автор замечательных книг: «А. Голованов. Лавры и тернии», книга посвящена жизни и служению Отечеству замечательного летчика и прекрасного командира Главного маршала авиации СССР Александра Евгеньевича Голованова; «Обреченные на подвиг. Избранники времени (Война и мы. Сталинские соколы)»;

«Что было – то было. На бомбардировщике сквозь зенитный огонь». В.В. Решетников член редакционного совета военно-исторического альманаха «Во славу Отчизны!».

Василий Васильевич не утратил бодрости и оптимизма. О Великой Отечественной войне он рассказывает эмоционально, не скрывая страшных, а порой и смешных деталей. Удивительно, но эпизоды более чем семидесятилетней давности он помнит до мелочей.

Дорогой Василий Васильевич! Вы выстояли в году тяжелых испытаний, сохранили веру в правое дело, в добро и справедливость. Опаленная войной Ваша молодость, вся Ваша жизнь всегда будут служить для нас и для будущих поколений ярким примером беззаветной любви к Родине, силы духа и несгибаемой воли.

Мы преклоняемся перед подвигом Вашего поколения – поколения героев и победителей. Из таких ратных подвигов, из личного вклада каждого человека – во все времена складывалась история нашего великого государства, его побед и достижений.

Вы неизменно останетесь старшим наставником для всех нас. Ваш многолетний боевой и жизненный опыт – это свидетельство преданного служения народу, стремление творить добрые дела на благо Родины. Желаем Вам энергии и сил, чтобы продолжать Ваш прекрасный жизненный путь, благополучия, большого человеческого счастья. Вы, очень нужны нам Василий Васильевич. Пусть каждый день дарит Вам радость и положительные эмоции, а близкие согревают Вас своей заботой и вниманием, ведь это и есть залог долгожительства. Мы гордимся Вами. Низкий поклон Вам. ■

Н.А. НАЙДЕНОВ

ФЛАГМАНУ ГРАЖДАНСКОГО ДВИГАТЕЛЕСТРОЕНИЯ РОССИИ — 85 ЛЕТ

▲ Здание заводоуправления

2019 год для АО «ОДК-Пермские моторы» можно по праву считать Юбилейным годом.

85 лет назад, в далёком 1934 году в городе Пермь на заводе №19 началось серийное производство авиационного мотора М-25 «Циклон» по лицензии американской фирмы «Кёртис Райт». Освоение мотора было осуществлено в рекордно короткий срок. Серийное производство развернулось с 1934 года. В де-

кабре 1936 г. коллектив был награждён орденом Ленина «за высокое качество мотора М-25 и досрочное выполнение государственных программ». Тогда же заводу присвоено почетное наименование «имени Сталина».

Трудом нескольких поколений моторостроителей на пустом месте за кратчайший исторический срок был воздвигнут гигант отечественной индустрии.

К началу Великой Отечественной войны завод приступил к серийному производству нового авиамотора М-82 — двухрядной «звезды» конструкции А.А. Швецова. Это был самый мощный отечественный авиамотор того времени. В 1942 году под этот мотор и его модификации были созданы очень удачные истребители Ла-5 и Ла-7 (выпущено в годы войны около 15 000). Кроме того, мотор М-82 (АШ-82) ставился на бомбар-

▲ 85 лет АО «ОДК-Пермские моторы». Перед торжественным мероприятием (слева направо) И. Г. Башкатов – советник технического директора, Н. А. Найдёнов – зам. председателя Совета ветеранов предприятия, Ю. Н. Шмотин – заместитель генерального директора – генеральный конструктор АО «Объединённая двигателестроительная корпорация», С. В. Попов — управляющий директор АО «ОДК-Пермские моторы», В. В. Киндеркнехт – в 1994–97 годах был генеральным директором АО «Пермские моторы», Р. И. Дзунза — председатель Совета ветеранов предприятия.

дировщики Су-2, Ту-2, Пе-8. Модификации мотора выпускались долгое время после войны.

Под руководством директора завода А. Г. Солдатова в 1942–44 годы проведена реконструкция завода по переводу на поточное производство авиамооторов (до 30 штук в сутки). Объемы производства выросли более чем вдвое, при этом численность рабочих возросла лишь на 30%. По уровню технического оснащения и эффективности производства завод № 19 считался лучшим в наркомате, «жемчужиной авиапрома». За годы войны выпущено около 32 тысяч моторов. Вклад завода в Победу был отмечен в 1945 году боевым орденом Красного Знамени.

В 1950-е — 1960-е годы на предприятии появились новые произ-

водства: жидкостных ракетных двигателей, вертолетных редукторов, товаров народного потребления.

Постоянно осваивая новые технологии и виды продукции, Пермский моторостроительный завод превратился в крупнейшее предприятие отрасли. С переходом авиации с поршневых на реактивные двигатели завод упрочил свои позиции и стал постоянным партнером для всемирно известных фирм Туполева, Ильюшина, Микояна, Миля, Мясищева.

Впервые в стране пермские моторостроители начали серийно производить экономичные двухконтурные газотурбинные двигатели конструктора П. А. Соловьева: Д-20П (для самолета Ту-124) и Д-30 (Ту-134). Уникальные турбовальные вертолетные

двигатели Д-25В и редукторы к ним для вертолетов-гигантов Ми-6 и Ми-10.

Долгое время завод оставался единственным производителем силовых установок ТВ2-117 для знаменитого вертолета Ми-8 (выпущено около 22 000 этих двигателей).

В те годы предприятие обеспечивало до 60% потребности страны в двигателях для гражданской авиации. Кроме того, был освоен выпуск двигателя с уникальными характеристиками Д-30Ф6 для сверхзвукового истребителя-перехватчика МиГ-31, до сих пор несущего боевое дежурство по защите воздушных рубежей России. В 1970 году предприятие награждено вторым орденом Ленина.

ППО «Моторостроитель» (новое название предприятия) единст-

▲ Цех окончательной сборки АО «ОДК-Пермские моторы»

венное в перестроечный период освоило серийное производство двигателя 4-го поколения ПС-90А. Он устанавливается на самолеты Ил-96-300, Ту-204, Ту-214, новые модификации транспортного Ил-76.

За освоение новых изделий в 1984 году ППО «Моторостроитель» награждено орденом Октябрьской революции.

В настоящее время двигатель ПС-90 продолжает обладать большим потенциалом для применения в отечественной авиации и наземных установках для энергетики и нефтегазовой промышленности.

Новая ниша промышленного применения газотурбинных двигателей была начата в 1990-е. Сегодня АО «ОДК-Пермские моторы» выпускает более 10 типов ГТУ мощностью от 2,5 до 25 МВт.

С 2008 года началась новая страница в истории предприятия. Российское государство консолидировало в своей собственности активы ключевых предприятий стратегических отраслей.

Многолетний опыт крупносерийного производства и модернизации семейства двигателей Д-30 и ПС-90 позволило предприятию уверенно продвигаться в освоении серийного производства перспективного двигателя пятого поколения ПД-14, который разработан тоже в Перми в АО «ОДК-Авиадвигатель» под руководством Генерального конструктора А. А. Иноземцева. Двигатель предназначен для установки на среднемагистральный самолет МС-21. На его базе предполагается создать семейство авиадвигателей в классе 12-18 тонн тяги.

На протяжении этих 85 лет завод возглавляли талантливые организаторы производства. Следует отметить, что несмотря на разные сроки руководством предприятия, каждый из них внёс значительный вклад в развитие отечественного авиадвигателестроения.

Остановимся более подробно на биографии следующих директоров.

1942–1953

Анатолий Григорьевич Солдатов

В 1930 году выпускник «Бауманки» Анатолий Солдатов получил диплом инженера-автомобилиста. Его призывают в армию, и по правилам тех лет, направляют как инженера

служить на авиамоторный завод №24 имени Фрунзе. За десять лет он пройдет там путь от контролера до начальника производства. Впервые в мировой практике Солдатов наладит конвейерную сборку авиамоторов, за что в 1936 его награждают орденом «Знак Почета».

В июне 1940 года А.Г. Солдатов назначают главным инженером, а затем и директором завода №33, который выпускал карбюраторы для всех типов авиамоторов. В начале войны завод эвакуируется в Пермь. А в мае 1942 года А.Г. Солдатов назначают директором моторного завода №19 имени Сталина.

Итог первого месяца работы нового директора — признание завода лучшим в отрасли и вручение Красного знамени Государственного комитета обороны. Знамя ГКО будет вручаться заводу 18 раз. В 1943 году А.Г. Солдатов награждают орденом Ленина. Советское государство высоко оценит организаторский талант и самоотверженную работу Анатолия Григорьевича, 1944 году ему вручат орден Отечественной войны 1 степени, в 1945 году — орден Кутузова 1 степени, в 1949 году —

орден Ленина и в 1971 году его награждают орденом Октябрьской революции.

В послевоенный период А.Г. Солдатов решает новую государственную задачу — организует массовый выпуск сложного мотора АШ-73ТК для стратегического бомбардировщика Ту-4. За этот мотор А.Г. Солдатов получит Государственную премию СССР, а 112 его подчиненных — ордена и медали.

Памятником А.Г. Солдатову стал Дворец культуры в городе Пермь, который сейчас носит его имя.

В 1953 году Анатолий Григорьевич уехал в Москву, возглавив Главк министерства авиапромышленности. А в 1957 году вновь вернулся в Пермь, став председателем Совета народного хозяйства. Это был самый динамичный период развития Перми и Прикамья. А.Г. Солдатов дал экономике региона новую отрасль: ракетно-космическую.

В плеяде великих директоров Пермского моторостроительного, Анатолий Солдатов несомненно самый выдающийся. Все остальные сравнивали себя с ним.

1956–1973

Михаил Иванович Субботин

Михаил Субботин был директором завода рекордный срок — 17 лет! Он возглавил завод имени Сталина, только-только осваивавший первые реактивные двигатели, а оставил, уходя на пенсию, мощное производственное объединение имени Свердлова, продукция которого поднимала в небо половинусамолётов «Аэрофлота». Он создал в Перми производство двигателей для космических и стратегических ракет. Вдвое увеличил площадь цехов, и в три раза — количество рабочих.

Никогда заводчане не получали столько наград, как в «эпоху Субботина». Невиданный размах набрало при нем строительство жилья — застраивали сразу микрорайонами. Поликлиники, детские сады, пионерские лагеря, охотничьи угодья и лодочные станции, десятки культивируемых видов спорта, собственный корпус в Усть-Качке и грандиозный

▲ Цех обработки корпусных деталей

▲ Авиационный двигатель ПД-14

стадион... Это огромное хозяйство создавал и крепко держал Михаил Иванович Субботин, не оставляя сомнений в том, какое предприятие является самым крупным и могучим во всем Прикамье.

В 1940 году бывший машинист паровоза депо Пермь-2, а теперь инженер Михаил Субботин начал работать мастером на заводе имени Сталина. В военные годы стал заместителем начальника цеха, а затем начальником цеха. В его цехе в основном работали подростки, и на всю жизнь Субботин сохранил отцовское отношение к своему коллективу. В 1945 году М.И. Субботина награждают орденом Красной Звезды.

В 1949 году Субботина назначили директором завода в Рыбинске. За успешное выполнение Государственного плана 6.12.1949 года М.И. Субботина награждают орденом Трудового Красного Знамени.

В январе 1956 года он вернется в Пермь в качестве директора. А уже в следующем году его награждают орденом Ленина за освоение реактивных двигателей, и еще 117 заводчан получают ордена и медали.

Под руководством М.И. Субботина пермяки будут выпускать широкую номенклатуру все более технологически сложных машин: АИ-20, Д-20П, семейства двигателей Д-30, редукторы и двигатели для вертолетов Ми-6, Ми-10, Ми-8.

С 1959 года на заводе началось производство ракетных двигателей. За освоение ракетной тематики Субботин получил второй орден Трудового Красного Знамени.

В 1966 году — сто награжденных орденами заводчан, среди них три Героя Социалистического труда: директор Михаил Субботин, конструктор Павел Соловьев и плавильщик Анатолий Семенов. А в 1971 году новые ордена и медали засверкают на груди 428 моторостроителей —

рекордное количество за всю историю предприятия!

4 февраля 1978 года М.И. Субботин умер после продолжительной болезни. Его преемник Борис Изгагин приказал открыть проходные, чтобы народ мог попрощаться со своим директором. За всю историю завода всего трижды останавливалась работа: в День Победы 1945 года, в день смерти Сталина и в день смерти Субботина. М.И. Субботин многократно избирался депутатом городского и областного Советов депутатов трудящихся. Становился депутатом Верховного Совета РСФСР четыре созыва — в 1959, 1963, 1967, 1971 годах.

1973–1986

Борис Георгиевич Изгагин

В феврале 1973 года директором стал еще один коренной заводчанин, долгое время возглавлявший второе

(ракетное) производство — Борис Георгиевич Изгагин. Он будет руководить тоже немалый срок — почти 14 лет.

Борис Изгагинс 1940 года работал технологом на сборке авиационных двигателей. Кроме того, он был известным на заводе спортсменом, членом сборной завода по легкой атлетике. В 1960 году Б.Г. Изгагин возглавил инструментальное производство. В 1964 году, когда завод стал широко осваивать ракетную тематику, Борис Изгагин стал начальником «второго производства». Важнейшей продукцией, освоенной заводом при директоре Б.Г. Изгагине стал двигатель Д-30Фб для сверхзвукового истребителя МиГ-31, Большой заслугой Б.Г. Изгагина является и начало выпуска ракетных двигателей для тяжелых ракет-носителей «Протон». Большим успехом пермских моторостроителей является создание самого мощного в мире редуктора ВР-26 для вертолета-гиганта Ми-26. При

Б.Г. Изгагине наращивался выпуск товаров народного потребления. Было изготовлено свыше 400 тысяч лодочных моторов «Вихрь», начато производство мотоблоков. На заводе построен Вычислительный центр, вырос силуэт нового административного корпуса, расширялись и модернизировались цеха, открылась заводская поликлиника. В 1984 году завод был награжден орденом Октябрьской Революции. Началась перестройка производства для выпуска двигателя четвертого поколения — Д-90 (ПС-90). Б.Г. Изгагин уделял большое внимание развитию социальной сферы. За период его руководства объединением введено 370 тысяч кв. метров жилья — по тысяче квартир в год.

За свой труд Борис Георгиевич отмечен Орденами Ленина, «Знак Почета», «Трудового Красного знамени», «Октябрьской революции»; медалями. Ему присуждены звания «Лауреата Государственной премии», «Заслуженного создателя космической

техники», «Почетного моторостроителя». В 1976 году ему присвоено звание «Герой Социалистического Труда». В 1997 году Б.Г. Изгагин стал «Почетным гражданином города Перми». Уступив директорское кресло новому поколению руководителей, он продолжил работу на заводе инженером в одном из цехов.

1986–1994

Эдуард Иванович Черкашин

В 1959 окончил Казанский авиационный институт и стал сменным мастером на Пермском заводе имени Свердлова. В 1970 году стал начальником цеха. Следующая ступень в трудовой деятельности Э.И. Черкашина это заместитель директора завода по социально-бытовым вопросам. Под его руководством завод активно строил жилье и объекты инфраструктуры, Эдуард Иванович хорошо знал все проблемы соци-

▲ Сборка ГТУ. «Сплав молодости и опыта»

ального характера и в 1983 году ему предложили возглавить горисполком. На этой работе он ещё больше укрепил свой авторитет. Когда в 1986 году директор Борис Изгагин вышел на пенсию, его преемником видели только Э.И. Черкашина. На заводе шла активная подготовка к выпуску двигателя нового поколения ПС-90. Осуществлять ее пришлось в обстановке социальной нестабильности и перехода к рыночной экономике. Однако, не смотря на объективные трудности, предприятие успешно выполнило это Государственное задание. В 1992 году объединение «Моторостроитель» преобразуется в АО «Пермские моторы» и Э.И. Черкашин назначается генеральным директором предприятия.

Страна по достоинству оценила заслуги Э.И. Черкашина. За свой самоотверженный труд Эдуард Иванович награждён двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы Народов, медалями.

В 2006 году ему присвоено звание «Почетный гражданин города Перми»

С 2013 Сергей Владимирович Попов

В 1992 году окончил Рыбинский авиационно-технологический институт. С 1993 года работал в ОАО «НПО «Сатурн», пройдя за десять лет путь от слесаря до заместителя технического директора — генерального конструктора по производству и ресурсам.

В 2002 году без отрыва о производства окончил Московский государственный университет управления по специальности «Управление персоналом». В 2003-2005 годы занимал должность заместителя технического директора — генерального конструктора по производству, затем — исполнительного директора филиала «НТЦ имени А.М. Люльки».

В 2005-2007 годы работал директором по персоналу ОАО «НПО «Сатурн».

В январе 2008 года возглавил ОАО «Пермское агрегатное объединение «Инкар». С января 2012 года — управляющий директор

ОАО «СТАР» (бывший «Инкар»).

С 1 февраля 2013 года Сергей Владимирович управляющий директор ОАО «Пермский Моторный Завод». (в настоящее время предприятие носит название АО «ОДК-Пермские моторы»)

Под его руководством на предприятии активно ведётся техническое перевооружение, внедряется система бережливого производства, организована подготовка к серийному выпуску двигателя ПД-14.

С 24 апреля 2015 года С.В. Попов возглавляет дивизион «Двигатели для гражданской авиации»

С 2 сентября 2015 года — председатель Пермского регионального отделения Союза машиностроителей России.

В настоящее время АО «ОДК-Пермские моторы», унаследовавшие славу и традиции своего предшественника — Пермского моторостроительного завода №19, продолжает оставаться ведущим предприятием отрасли авиационного газотурбинного двигателестроения России. ■

▲ Контроль перед отправкой на испытания.

▲ Новый корпус административных и технических служб

▲ Монумент «МиГ на взлёте». Конструкторская мысль воплощённая в металле

45 ЛЕТ ВЕТЕРАНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГРУ

17 декабря 1974 года по рекомендации Командования Главного Управления состоялось объединённое собрание трех ветеранских организаций, созданных в структурных подразделениях, на котором был избран Комитет ветеранов ГРУ ГШ и бюро Комитета. Первым Председателем Комитета был избран адмирал **Леонид Константинович Бекренев**.

В декабре 1989 года Комитет был преобразован в Совет ветеранов военной разведки (СВВР). Председателем Президиума СВВР был избран генерал-полковник **Анатолий Георгиевич Павлов**.

С 2005 по 2007 год ветеранскую организацию Главного управления возглавлял генерал-лейтенант **Василий Иванович Прохоров**, с 2007 года Совет ветеранов военной разведки возглавляет генерал-полковник **Владимир Макарович Измайлов**.

СВВР является коллективным членом Общероссийской общественной

организации «Ветераны Вооруженных Сил Российской Федерации», Московского городского совета пенсионеров, ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов, региональной общественной организации «Ветераны Генерального штаба».

Активность работы всех отделений и организаций заметно возросла. Созданы представительства в Калининграде, Волгограде, Самаре, Ростове-на-Дону, в Крыму и на Дальнем Востоке.

Региональная общественная организация «Совет ветеранов военной разведки» в канун своего 45-летия объединяет 14 отделений базовой структуры и 14 коллективных органов. Базовая организация СВВР насчитывает более 4220 человек, а вместе с коллективными органами — около 8000 человек. Среди них 229 участников и ветеранов Великой Отечественной войны, 952 ветерана боевых действий, 7 Героев Советского Союза и России, 217 генералов и адмира-

лов, 19 лауреатов Ленинской и Государственной премий, имеющих ученые звания и степени — 310 человек. Эти цифры отражают высокий интеллектуальный, творческий и патриотический потенциал, широкие возможности организации.

Признанием заслуг ветеранской организации ГРУ является ее награждение в 2010 году памятной медалью «65 лет Победы» от Российского организационного комитета «Победа». В 2017 года РОО «СВВР» вручен переходящий Кубок Общероссийской общественной организации ветеранов Вооруженных сил РФ как лучшей и активной ветеранской организации Генерального штаба.

Славные дела продолжают. Ветераны остаются в строю. Они хорошо знают цену начертанным на стеле памяти разведчикам ГРУ словам **«Величие Родины в Ваших славных делах»**. Их труд как ветеранов служит тем же благородным целям, как и служба на этапе их жизни в разведке. ■

АЛЕКСАНДР КАМЧАТОВ

ТРУБАДУРЫ УКРАИНСКОГО СЕПАРАТИЗМА

Окончание, начало в № 7

Национальная доктрина «Украинского Пьемонта» ясна: быть украинцем, значит быть антирусским. «Если у нас идет речь об Украине, то мы должны оперировать одним словом — ненависть к ее врагам... Возрождение Украины синоним ненависти к своей жене москвке, к своим детям кацапчатам, к своим братьям и сестрам кацапам, к своим отцу и матери кацапам. Любить Укра-

ину значит пожертвовать кацапской родней». Следует упомянуть, хоть вкратце, о заключительном этапе галицкого народовства.

С началом I мировой войны, оно проявило свое лицо созданием отрядов австрийских янычар, под именем Сечевых Стрельцов, а также всевозможных шпионско-диверсантских организаций типа «Союза Вызволения Украины», работавших в пользу

Австрии против России. Но мировая война кончилась крахом Австрийской Империи и полным переворотом в судьбе Галиции. Она оказалась, как полтора столетия тому назад, в составе возродившейся Речи Посполитой. Поляки сделали теперь не краевой, а государственной властью для русин; все их поведение резко изменилось. Возродились религиозные и национальные притеснения

в формах, напоминающих XVIII век. Изменилось, разумеется, и отношение к народовской партии. Она им стала не нужна. Кое-что в ее практике допускалось как приманка для подсоветских украинцев, но во всем остальном она было стеснена и ограничена. Два бывших союзника превращались постепенно во врагов.

Но тут и сказалась сила инерции. Несмотря на то, что Польша стала, отныне, врагом номер один и яростным угнетателем галичан, национальная идеология «Украинского Пьемонта» осталась, как прежде, заостренной не против нее, а против Москвы. Переменить или преобразовать ее галичане оказались неспособны. Они пронизали ею всю свою печать, труды и учебники по украинской истории и подчинили ей систему воспитания молодого поколения. Детям самого нежного возраста внушали расово-ненавистнические взгляды на москалей, целые поколения оказались воспитанными в принципах духинщины и трумтадратства.

Не изменила их и II мировая война, снова уничтожившая независимую Польшу. Уйдя в эмиграцию, народовство осталось верным до сего дня духовному наследию 70-х и 80-х годов XIX века.

Каждый пастух, по словам Ницше, должен иметь в стаде еще и передового барана, чтобы самому, при случае, не сделаться бараном. В движении, возглавлявшемся Грушевским, таким «передовым» был Н. Михновский. Он громко высказывал то, о чем сам Грушевский предпочитал молчать, но что полезно было высказать. То был экстремист «формального национализма». Когда вбивание клиньев в культурное и общественное единство русско-малороссийского народа приняло характер настоящей мании, Н. Михновский оказался самым неистовым украинофилом, доходившим в своей страсти до диких проявлений. Созданная им в 1897 году «Студентська Громада» в Харькове имела главной задачей борьбу с увлечениями студентов русской культурой. Он питал лютую ненависть к украинцам, вроде Короленко, глухим и равнодушным к самостийническому движению и столь же безучастным к «украинской культуре». Весьма возможно, что это его приспешники занимались в Киеве нападениями на «общероссов» и избиениями их в переулках и темных углах.

Любопытнее всего, что этот нацист девятисотых годов стал отцом украинской социал-демократии. Та

«Українська Революційна Партія» (РУП), что образовалась в начале 1900 года и на III съезде в 1905 году сменила свое название на «Українську Соціал-Демократичну Робітничю Партію», вдохновлена была Михновским. Его брошюра «Самостійна Україна» явилась своего рода манифестом партии. Появилась она с эпиграфом: «Україна для українців».

Сам Михновский, впрочем, членом этой партии не состоял, ограничившись ролью идейного руководителя. В его лице мы имеем редкий образец социал-демократа не только чуждого, но прямо враждебного известному лозунгу: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Он противопоставил ему другой: «Пролетариат господствующей и поработченной наций — два класса с противоположными интересами». Украинскому пролетариату он ставит две задачи — бороться с капиталом и одновременно с русским рабочим классом, который в поисках «липшого життя» лезет на Украину и здесь отбивает работу у местного рабочего.

Как известно, большая часть Украинской Революционной Партии (РУП) выделилась в так называемую «Спилку» руководимую О. Скоропис-Иолтуховским, и в 1905 году слилась с РСДРП, полагая, что нет необходимости проявлять особенную заботу об украинском характере партии в стране, где подавляющая масса пролетариата состоит из украинцев: она никакой другой, кроме украинской, и быть не может; главное внимание надлежит сосредоточить не на этом, а на политическом и социальном развитии масс, к чему стремится вся российская социал-демократия. Но другая часть, переименовавшая себя в «Українську Соціал-Демократическу Робітничю Партію» (УСДРП), осталась на позициях Н. Михновского. Она исходила из его тезиса, согласно которому никакая борьба труда с капиталом и освобождение рабочего класса невозможны, пока не будет достигнуто революционным порядком, посредством вооруженной борьбы, государственное отделение Украины

от России. Существует любопытное признание одного из членов УСДРП, В. Садовского, написавшего в эмиграции свои воспоминания об этой партии. Он называет не мало людей, таких как В. Степаньковский, М. Троцкий, М. Порш, Д. Дорошенко, Д. Донцов, которые, будучи в свое время членами и РУП и УСДРП, оказались потом стоящими весьма далеко и от социализма, и от рабочего движения. Никакими социалистами, по мнению Садовского, они никогда не были, да не далеко ушли от них, в изображении автора, и все остальные члены УСДРП. Он откровенно заявляет, что «в тогдашнем нашем подчинении лозунгам марксистской ортодоксии заключался, в значительной мере, момент использования политической конъюнктуры»!

Это чрезвычайно ценно. РУП и УСДРП возникли, как политический маскарад. Только в свете таких признаний можно ясно себе представить, каким малозаметным и непопулярным растением был украинский сепаратизм, если ему для уловления душ приходилось рядиться в социал-демократическую тогу. Массы украинского народа шли в русле общероссийского политического движения, и все искусство Михновского сводилось к тому, чтобы подделаться под этот «шаг миллионов» и незаметно отвести народ от все-российских страстей и устремлений на путь сепаратизма. Только для этой единственной цели он и пошел в социал-демократию. Увлечаться социализмом всерьез членам РУПа не полагалось. Если для Драгоманова социальные и политические свободы, поднятие экономического и культурного уровня жизни масс превышали, по значению, национальные соображения, если борьбу за них он мыслил, одновременно, как путь разрешения национальной проблемы, то у Михновского все перевернуто навыворот: путь к политическим преобразованиям и экономическим реформам лежит через достижение национальной «незалежности». Вот почему, когда члены РУП впали в драгомановский «уклон», начали всерьез заниматься социализмом

и даже потянулись на слияние с Российской СДРП, Михновский порвал с ними и организовал новую «Украинську Народну Партию» (УНП), которая выпустила в 1905 году несколько сугубо самостийнических документов, вроде 10 заповедей и проекта украинской конституции. Несмотря на то, что проект предусматривал широкие социальные реформы, списанные с программ русских эсеров и социал-демократов, вплоть до социализации земли, его движущие мотивы ничего общего с социализмом не имели. По словам украинского социал-демократа Бориса Мартоса, Михновский занят был одновременно мыслью «творити украинську буржуазію» и распространять национальную идею среди богатых малороссов.

У богатых успех его был такой же, как у бедных. Группа Михновского

и порожденных им «социал-демократов» продолжала оставаться столь ничтожным и малозаметным явлением, что ни имя вождя, ни имена организованных им партий не известны подавляющему большинству самостийников. Их знают только историки, и знала небольшая кучка оставшихся в живых членов этих организаций. Им уделили внимание с единственной целью обрисовать метод самостийничества — диссимуляцию и «использование политической конъюнктуры». После европейского опыта последнего времени известно, что это метод реакции и тоталитаризма, но в первой четверти XX столетия русские революционеры и социалисты охотно видели в членах РУП и УСДРП «своих» людей. А ведь из РУП-а вышли едва ли не все столпы эфемерной украинской государст-

▲ Дорошенко Петр

* * *

Невозможно не сказать здесь, хотя бы в двух словах, еще об одном проявлении «формального национализма». Относится оно к области педагогики и связано с именем народного учителя Бориса Гринченко. В 1912 году, после его смерти, Х. А. Алчевская, известная школьная деятельница Харьковской губернии, рассказала на страницах «Украинской Жизни» о любопытном случае из его практики. Он работал когда-то сельским учителем в имении Алчевской. Возвратясь однажды из-за границы, Алчевская не увидела в школе ни одной девочки, тогда как раньше их было много. Оказалось, что Гринченко попросту разогнал их и не принимал новых. Доискиваясь причины, Алчевская установила сугубо «национальный» ее характер: «не следует калечить украинскую женщину обучением на чуждом ей великорусском языке».

На бедного учителя произвело впечатление распространявшееся в те дни учение о женщине, как хранительнице национального типа. Вычитал он это, конечно из галицийской литературы, которую приобретал всеми способами. Был и сам сотрудником львовской «Правды». Он внимательно следил за появлением новых неологизмов, вводя их сразу же в лексикон своих учеников.

Школу свою он рассматривал, как рассадник будущих педагогов-самостийников. Наиболее способных ее питомцев, всячески продвигал в учительскую семинарию.

Ему принадлежит изобретение конспиративной системы преподавания сразу на двух языках. Официально оно велось по-русски, а тайно — по-украински. Введено было правило, по которому ученики обязаны отвечать на том языке, на котором их спрашивали. Благодаря этому, инспекторские посещения класса не были страшны. Из учебников Гринченко вырезал неудобные ему страницы и клеивал вместо них текст собственного сочинения, писанный печатными буквами. Такую же работу проделывал над хрестоматиями. Заводил при каждой школе отдель-

венности 1917–1919 годов — Симон Петлюра, Андрей Левицкий, председатель Директории Винниченко, министр иностранных дел при гетмане Скоропадском Дм. Дорошенко и многие другие. Ослепленные их «демократизмом» и социалистической фразеологией, многие на Украине и сейчас склонны отрицать какую бы то ни было генетическую связь их с реакционным галицким народовством.

Возникновение РУП и вся деятельность Михновского без инспирации, по крайней мере, без одобрения львовского ареопага — немислимы. На тесные связи РУП с народовцами указывает не только печатание в Галиции ее брошюр и статей, не только львовский «трум-тадратский» стиль поведения и вы-

сказываний, но также то обстоятельство, что в войне 1914–1918 годов украинские социал-демократы выступили на стороне Австро-Венгрии, основав там «Союз Вызволения Украины». В 1917 году они переиздали в Вене главное произведение своего вождя, «Самостийну Украину», подчеркнув в предисловии преемственную связь между своим «Союзом» и прежней РУП. Они писали:

«Нужны ли кому более ясные доказательства того, что самостийная Украина есть наш старый лозунг, чем тот факт, что все четыре члена президиума «Союза Вызволения Украины» были деятельными членами «Революционной Украинской Партии» (РУП), первая брошюра которой носит название «Самостийна Украина»».

ную малорусскую библиотеку. Найдя секрет успеха в деле культурного раскола русского племени, он стяжал лавры Михновского в самостийнической педагогике.

* * *

Украинизация языка, науки, быта, всех сторон жизни, неизбежно должна была привести к мысли и об украинизации Церкви. Это и было сделано, хотя с большим запозданием, как едва ли не последний по времени акт национального творчества сепаратистов. Причина тому, надо думать, — в большой внутренней трудности реформы.

Церковь и без того была «украинской» от рождения. Она возникла в Киеве, учреждена киевскими князьями, служила 900 лет на языке, введенном теми же князьями и всем киевским обществом X столетия.

То был живой осколок Киевского Государства. Объявив это государство «украинским», самостийники автоматически переносили новое имя на православную Церковь. Теперь приходилось украинизировать украинское.

Кроме того, Грушевскому, как историку, лучше всех было известно, какую самоотверженную борьбу с католичеством выдержал южнорусский народ, защищая церковно-славянский язык. Достаточно почитать Иоанна Вишенского, чтобы видеть, какой поход учинен был против него и какой мощный отпор дан малороссийским народом в XVI–XVII веках. Язык этот был буквально выстрадан и освящен кровью народа. Очевидно, по этой причине, а также в целях единения всех славян, Кирилло-Мефодиевское братство

уделило в своем уставе особое внимание церковно-славянскому языку. Провозглашая свободу всякого вероучения, оно требовало «единого славянского языка в публичных богослужениях всех существующих церквей». Но вот Грушевский, провозгласив «долгой славянщину», воздвиг на него гонение. Объяснял он свою ненависть, подобно Огоновскому, «демократическими» соображениями: язык-де мертвый, непонятный народу и полный архаизмов. Но истинная причина заключалась, конечно, не в этом. Церковно-славянский язык служил основой общерусского литературного языка и общерусской литературной традиции, и пока украинский народ чтит его, он не отступит и от общерусской литературной речи. Идея самостийнической Церкви, где бы богослужение произво-

▲ Петлюра с поляками

дилось на «мове», predeterminedena львовской политикой Грушевского. Но она, как все начинания сепаратистов, отмечена знаком ничтожного количества последователей.

Летом 1918 года созван был Всеукраинский Церковный Собор, на котором отец Васасилий Липковский поднял вопрос о богослужбном языке. Поставленный на голосование вопрос этот решен был подавляющим большинством голосов в пользу церковнославянского. Тогда попысамостийники, без всякого согласия своих прихожан, учинили Всеукраинську Церковну Раду и объявили прежнее православие «панским», солидаризовавшись с точкой зрения униатского катехита Омеляна Огоновского на язык своей Церкви, как «реакционный». «Пора нам, народе украинский, и свою ридну мову принести в дар Богови и цим найкраще им и себе самих освятити и пиднести и свою ридну Церкву збудувати». Самостийники, видимо, не замечали, какой удар наносили своему движению, объявляя 900-летнее церковное прошлое Малороссии не своим, не «ридным».

Никаких чисто конфессиональных реформ Церковна Рада не произвела, если не считать включения в число церковных праздников «шевченковских дней» 25 и 26 февраля по старому стилю, — причислявшего поэта-атеиста, как бы, к лику святых угодников. Затем последовала украинизация святцев. Перед нами «Молитовник для вжитку украинской православной людности», выпущенный вторым изданием в Маннгейме в 1945 году. Там, греко-римские и библейские имена святых, ставшие за тысячу лет своими на Руси, заменены обыденными простонародными кличками — Тимошь, Василь, Гнат, Горпина, Наталка, Полиарка. В последнем имени лишь с трудом можно опознать святую Аполлинарию. Женские имена в «молитовнике» звучат особенно жутко для православного уха, тем более, когда перед ними значится «мученица» или «преподобная»: «Святые мученицы Параська, Тодоська, Явдоха». Не успевают православный человек подавить содрогание, вызванное такой украинизацией, как его сражают «святыми Яриной и Гапкой». Потом

идут «мученицы Палажка и Юлька» и так до... «преподобной Хиври».

Не подлежит сомнению, что в нормальных условиях, при свободной, ничем не стесняемой воле народа, все самостийнические ухищрения и выдумки остались бы цирковыми трюками. Ни среди интеллигенции, ни среди простонародья не было почвы для их воплощения. Это превосходно знали сепаратисты. Один из них, Сриблянский, писал в 1911 году: «Украинское движение не может основываться на соотношении общественных сил, а лишь на своем моральном праве: если оно будет прислушиваться к большинству голосов, то должно будет закрыть лавочку, — большинство против него».

Формальный украинский национализм победил при поддержке внешних сил и обстоятельств, лежавших за пределами самостийнического движения и за пределами украинской жизни вообще. I мировая война и большевицкая революция — вот волшебные слоны, на которых ему удалось въехать в историю. Все са-

мые смелые желания сбылись, как в сказке: национально-государственная территория, национальное правительство, национальные школы, университеты, академии, своя печать, а тот литературный язык, против которого было столько возражений на Украине, сделан не только книжным и школьным, но государственным.

II мировая война завершила здание соборной Украины. Галиция, Буковина, Карпатская Русь, не присоединенные дотоле, оказались включенными в ее состав. При Хрущеве ей отдан Крым.

Все сделано путем сплошного насилия и интриг. Жителей огромных территорий даже не спрашивали об их желании или нежелании пребывать в соборной Украине. Участь карпатороссов, например, просто трагична. Этот народ, веками томившийся под мадьярским игом, выдержавший героическую борьбу за сохранение своей русскости и ни о чем, кроме воссоединения с Россией и возвращения в лоно русской культуры не мечтавший, лишен, даже, прав национального меньшинства в украинской республике — он объ-

явлен народом украинским. Русская и мировая демократия, поднимающая шум в случае малейшего ущемления какого-нибудь людоедского племени в Африке, обошла полным молчанием факт насильственной украинизации карпатороссов.

Впрочем, не при таком же ли молчании ранее прошла принудительная украинизация малороссийского народа? Этот факт затерт и замолчан в публицистике и в истории. Ни простой народ, ни интеллигенция не были спрошены, на каком языке они желают учиться и писать. Он был предписан верховной властью.

Интеллигенция, привыкшая говорить, писать и думать по-русски и вынужденная в короткий срок переучиваться и перейти на сколоченный наскоро новый язык, — испытала немало мучений. Тысячи людей лишились работы из-за неспособности усвоить «державну мову».

Оправдались ли ожидания марксистских теоретиков насчет бурного культурного роста малороссийского населения? Пока что, никакого переворота в этой области не наблюдается. Оглядываясь назад, образованность после введения «ридной

мовы» повисилась ничуть не больше, чем была при господстве общерусского языка. Но самостийнические главари об этом меньше всего заботились. Предметом их вождельний была национальная форма, и как только большевики им предоставили ее, они сочли себя вполне удовлетворенными. Грушевский, Винниченко и другие столпы самостийничества прекратили борьбу с советской властью и вернулись в СССР. Формальнейший из формальных украинцев — Н. Михновский, скрывавшийся до 1923 г. где-то на Кавказе, вернулся на Украину, как только услышал, что там начинается «украинизация настоящего». Но тут и открылась, видимо, цена формализма; Михновский вскоре повесился.

Большевики могли не производить ни украинизации, ни белорусизации. Предоставление формы национального самоуправления грузинам, армянам, узбекам и др. имело смысл по причине подлинно национального обличья этих народов. Там национальная политика могла пробудить симпатии к большевизму. Но на Украине, где национализм высасывался из пальца, где он со-

ставлял всегда малозаметное явление — австромарксистская реформа явилась сущим подарком маньякам и фанатикам. Апелляция к Русской Украине дала бы больше выгод.

Впрочем, украинская политика большевиков до падения Германской Империи определялась не одной только австромарксистской программой, но и указаниями из Берлина. В Берлине, также, заслуги самостийников. Во время войны они сотрудничали с большевиками в пользу общего хозяина — германского генерального штаба.

Когда началось это сотрудничество, точно неизвестно, но весьма возможно, что уже в 1913 году они делали одно дело. В Австрии, в это время, действовал «Союз Вызвольнения Украины», представленный Д. Донцовым, В. Дорошенко, А. Жуком, Мельневским, А. Скоропис-Иолтуховским.

По словам П. Н. Милюкова, в 1913 году «Ленин в Кракове получил на издание своих сочинений австрийские деньги». Узнал об этом Милюков «от одного представителя отделившихся национальностей, получившего там же и в то же время предложение австрийских субсидий».

Быть может, уже тогда самостийники объединены были совместной работой с Лениным. По крайней мере, в листовке «Союза Вызвольнения Украины», выпущенной в 1914 году, в Константинополе, Парвус и Ленин превозносятся как «найкращи марксистськи головы». По-видимому, уже тогда Парвус был общим хозяином для тех и других, а в ходе войны он окончательно связал их через свое копенгагенское ведомство.

Австрийское правительство, кажется, охладело к своим агентам, и они очутились в сфере германской диверсионной акции. Архивы до сих пор хранят тайну подробностей этого сотрудничества, но уже в 1917 году из рассказа прапорщика Ермоленко, заброшенного немцами в русский тыл, и секретаря швейцарского украинского бюро Степаньковского, арестованного контрразведкой Временного Правительства при переходе границы, выяснен факт одновременного сотрудничества большевиков и украинского Союза Вызвольнения с Парвусом и его копенгагенским и стокгольмским центрами. Степаньковский указал Меленевского и Скоропис-Иолтуховского, находившихся в тесной связи с Ганецким

большевицким агентом, осуществлявшим посредничество между Лениным и Парвусом. Можно ли было с приходом к власти забыть таких союзников?

* * *

Русское «общество» никогда не осуждало, а власть не карала самостийников за сотрудничество с внешними врагами. Грушевский, уехавший во Львов и в течение двадцати лет ковавший там заговор против России, ведший открытую пропаганду ее разрушения, — спокойно приезжал, когда ему надо было, и в Киев, и в Петербург, печатал там свои книги и пользовался необыкновенным фавором во всех общественных кругах. В те самые годы, когда он на весь мир поносил Россию за зажим «украинского слова», статьи его, писанные по-украински, печатались в святая святых русской славистики — во втором отделении Императорской Академии Наук, да еще не как-нибудь, а в фонетической транскрипции.

Когда он, наконец, в 1914 году, попал на австрийской территории в руки русских военных властей и, как явный изменник, должен был быть сослан в Сибирь, — в Москве

и в Петрограде начались усиленные хлопоты по облегчению его участи. Устроили так, что Сибирь заменена была Нижним Новгородом, а потом нашли и это слишком «жестоким» — добились ссылки его в Москву.

Оказывать украинофильству поддержку и покровительство считалось прямым общественным долгом с давних пор.

И это несмотря на вопиющее невежество русской интеллигенции в украинском вопросе. Образцом может считаться Н.Г. Чернышевский. Ничего не знавший о Малороссии, кроме того, что можно вычитать у Шевченко, а о Галиции ровно ничего не знавший, он выносит безапелляционные и очень резкие суждения по поводу галицийских дел. Статьи его «Национальная бестактность» и «Народная бестолковость»,

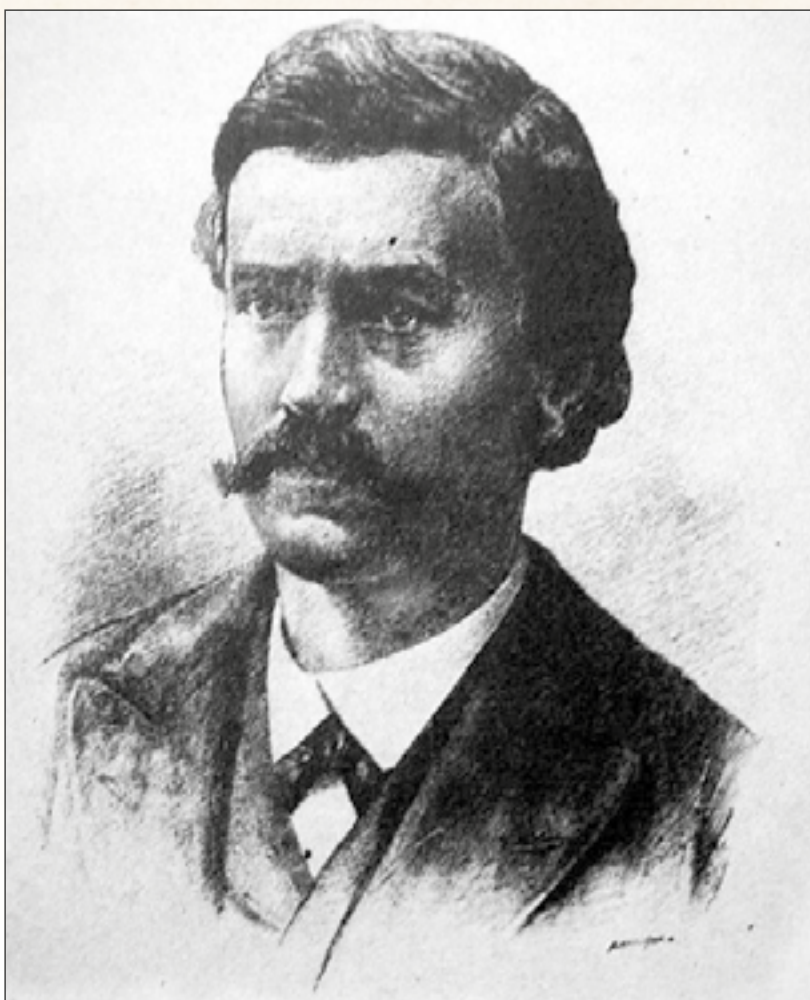
появившиеся в «Современнике» за 1861 году, обнаруживают полное его незнание с местной обстановкой. Упрекая галичан за подмену социального вопроса национальным, он, видимо и в мыслях не держал, что оба эти вопроса в Галиции слиты воедино, что никаких других крестьян там, кроме русинов, нет, так же как никаких других помещиков, кроме польских, за единичными исключениями, тоже нет.

Призыв его — бороться не с поляками, а с австрийским правительством сделанный в то время, когда австрийцы отдали край во власть графа Голуховского, яростного полонизатора — смешон и выдает явно голос польских друзей — его информаторов в галицийских делах. Этими информаторами, надо думать, инспирированы указанные

выше статьи Николая Гавриловича. Нападая на газету «Слово», он даже не разобрался в ее направлении, считая его проавстрийским, тогда как газета была органом «москвофилов». Зато те, что подбивали его на выступление, отлично знали на кого настраивали.

Получив в 1861 году первые номера львовского «Слова», он пришел в ярость при виде языка, которым оно напечатано. «Разве это малорусский язык? Это язык, которым говорят в Москве и Нижнем Новгороде, а не в Киеве или Львове». По его мнению, днепровские малороссы уже выработали себе литературный язык и галичанам незачем от них отделяться. Стремление большинства галицийской интеллигенции овладеть, как раз, тем языком, «которым говорят в Москве и Нижнем Новгороде» было сущей «реакцией» в глазах автора «Что делать». Русская революция, таким образом, больше ста лет тому назад, взяла сторону народовцев и больше чем за полсотни лет до учреждения украинского государства решила, каким языком оно должно писать и говорить. Либералы, такие как Мордовцев в Санкт-Петербургских Ведомостях, Пыпин в Вестнике Европы, защищали этот язык, и все самостийничество, больше, чем сами сепаратисты. «Вестник Европы», выглядел украинофильским журналом.

Господствующим тоном, как в этом, так и в других подобных ему изданиях, были ирония и возмущение по поводу мнимой опасности для целостности государства, которую выдумывают враги украинофильства. Упорно внедрялась мысль о необоснованности таких страхов. По мнению Пыпина, если бы украинофильство заключало какую-нибудь угрозу отечеству, то неизбежно были бы тому фактические доказательства, а так как таковых не существует, то все выпады против него — плод не в меру усердствующих защитников правительственного режима. Украинофильство представлялось не только совершенно невинным, но и почтенным явлением, помышлявшим единственно о культурном

▲ Антонович В.Б.

и экономическом развитии южно-русского народа. Если же допускали какое-то разрушительное начало, то полагали его опасным исключительно для самодержавия, а не для России.

Когда открылась Государственная Дума, все ее левое крыло сделалось горячим заступником и представителем за самостоятельные интересы. Посредством связей с думскими депутатами и фракциями, украинские националисты имели возможность выносить с пропагандными целями обсуждение своих вопросов на думскую трибуну. Члены петербургского «Товариства Украинских Прогрессистов» проложили дорогу к Милюкову, к Керенскому, к Кокошкину. Александр Шульгин в своей книге «L'Ukraine contre Moscou» пишет, что только февральский переворот помешал внесению запроса в Думу относительно высылки из Галиции в Сибирь прелата униатской Церкви графа Андрея Шептицкого — заклятого врага России. Генерал А. А. Брусилов, во время занятия русскими войсками Галиции, арестовал его

за антирусские интриги, но выпустил, взяв обещание прекратить агитационную деятельность. Однако стоило Шептицкому очутиться на свободе, как он снова с церковной кафедры начал проповеди против русских. После этого он был удален из Галиции. За этого-то человека думцы обещали заступиться в самый разгар ожесточенной войны. Заслуги левых думских кругов перед украинскими самостоятельными таковы, что тот же Шульгин считает нужным выразить на страницах своей книги благодарность П. Н. Милюкову. «Мы ему всегда будем признательны за его выступления в Думе». А. Я. Шульгин приходился родственником Василию Витальевичу Шульгину (семья последнего не поддерживала отношений с А. Я. Шульгиным), депутату второй, третьей, четвертой Государственных дум, принявшему из рук Николая II отречение от престола. Он был одним из организаторов и идеологов Белого движения. В декабре 1944 года был задержан в Югославии, вывезен в Москву. Приговорен к 25 годам заключения за антисовет-

скую деятельность. На вопрос перед вынесением приговора, признает ли он себя виновным, Шульгин ответил: «На каждой странице моя подпись, значит, я как бы подтверждаю свои дела. Но вина ли это, или это надо назвать другим словом — это предоставьте судить моей совести».

Для В. В. Шульгина «украинский вопрос» был самым важным среди всех прочих национальных проблем, а себя в этом вопросе он видел продолжателем дела отца и отчима. Считая, что краеугольным камнем национального самоопределения для народа, проживающего на юге России, будет вопрос самоназвания, Шульгин принципиально не употреблял слова «Украина», именуя этот край «Малороссией», а его население «малороссами», а если уж употреблял слово украинцы и производные от него, то обычно ставил их в кавычки. Так же Шульгин относился и к вопросу украинского языка: «галицкий диалект» его, который и трактовался Шульгиным как «настоящий украинский язык», Шульгин считал чуждым населению Южной России.

▲ Волин

▲ Флоринский Т.Д.

«Местный диалект» он называл малороссийским, считая его одним из диалектов «великорусского наречия». Исход борьбы «украинского» и «малороссийского» течений, по Шульгину, упирался в самоидентификацию проживавшего на Украине населения. От этого, по мнению Шульгина, зависело будущее всего Российского государства. Для победы в этой борьбе нужно было объяснить малорусскому народу, что «он, народ живущий от Карпат до Кавказа, самый русский из всех русских». Шульгин многократно высказывался в том духе, что отдельной украинской нации не существует и Малороссия — естественная и неотъемлемая часть России, отделение которой от Великороссии будет ещё и шагом назад в культурном плане. Так как этнических и расовых отличий между великороссами и малороссами Шульгин не видел, для него «украинский вопрос» был вопросом сугубо политический. Для Шульгина малороссы были одной из ветвей русского народа, а украинцы воспринимались им не как народ, а как политическая секта, стремящаяся расколоть его единство, и основным чувством этой секты была «ненависть к остальному русскому народу... [и эта ненависть заставляла] ...их быть друзьями всех врагов России и ковать мазепинские планы». Самого себя Шульгин также считал малороссом.

Говорить о личных связях между самостийниками и членами русских революционных и либеральных партий вряд ли нужно, по причине их широкой известности. В эмиграции жили москвичи, тепло вспоминающие «Симона Васильевича» (Петлюру), издававшего в Москве, перед I мировой войной, самостийническую газету. Главными ее читателями и почитателями были русские интеллигенты. Особыми симпатиями украинофилы пользовались у партии Народников-Социалистов. Когда, в мае 1917 года, украинская делегация в составе Стебницкого, Лотацкого, Волкова, Шульгина и других приехала в Петроград, она, прежде всего, вошла в контакт с Мякотиним и Пе-

▲ Тадеуш Костюшко

шехоновым — лидерами Народных Социалистов. Делегация предъявила своим друзьям, ставшими столпами февральского режима, политический вексель, подписанный ими до революции, потребовав немедленного предоставления автономии Украине. Когда же те попросили потерпеть до Учредительного Собрания, самостийники поставили их на одну доску с реакционерами, напомнив слова Столыпина, «Сперва успокоение, потом реформы».

Академический мир тоже относился к украинской пропаганде абсолютно терпимо. Он делал вид, что не замечает ее. В обеих столицах, под боком у академий и университетов, издавались книги, развивавшие фантастические казачьи теории, не встречая возражений со стороны ученых мужей. Одного слова таких, например, гигантов, как М. А. Дьяконов, С. Ф. Платонов, А. С. Лаппо-Данилевский достаточно было, чтобы обратить в прах все хитросплетения Грушевского. Вместо этого, Грушевский спокойно печатал в Петербурге свои политические памфлеты под именем историй Украины. Критика такого знатока казачьей Украины, как В. А. Мякотин, могла бы догола обнажить фальсификацию, лежавшую в их основе, но Мякотин поднял голос

только после российской катастрофы, попав в эмиграцию. До тех пор он был лучший друг самостийников.

Допустить, чтобы ученые не замечали их лжи, невозможно. Существовал неписанный закон, по которому за самостийниками признавалось право на ложь. Разоблачать их считалось признаком плохого тона, делом «реакционным», за которое человек рисковал получить звание «ученого жандарма» или «генерала от истории». Такого звания удостоился, например, крупнейший славист, профессор киевского университета, природный украинец Т. Д. Флоринский. По-видимому, он и жизнью заплатил за свои антисамостийнические высказывания. В самом начале революции он был убит, по одной версии — большевиками, по другой самостийниками.

Но если были терроризованные и запуганные, то не было недостатка и в убежденных украинофилах. По словам Драгоманова, Скабичевский хвалил Шевченко и всю новейшую украинофильскую литературу, не читавши ее.

К столь же «убежденным» принадлежал академик А. А. Шахматов. Шульгин восторженно о нем отзывался, как о большом друге сепаратистов. Это он устроил самостийниче-

▲ Мякотин В.А.

▲ Слипый Иосиф

ской делегации, в 1917 году, встречу с лидерами групп и партий, близких к Временному Правительству. Он же, надо думать, играл главную роль в 1906 году при составлении академической «Записки» в пользу украинского языка.

В 1909 году в Праге появилась работа известного историка-слависта, археолога профессора Любора Нидерле «Обозрение современного славянства», отличавшаяся научной точностью и объективностью, и, сразу же была переведена на русский язык, а через два года вышла в Париже на французском языке. В ней уделено соответствующее внимание малороссам и великороссам, у которых, по словам Л. Нидерле, «столь много общих черт в истории, традиции, вере, языке и культуре, не говоря уже об общем происхождении, что с точки зрения стороннего и беспристрастного наблюдателя это — только две части одного великого русского народа».

Есть смысл привести эту выдержку не столько ради нее самой, сколько по причине отсутствия ее в русском

издании. Ее можно найти во французском переводе Леже, но в русском, вышедшем под маркой Академии Наук, она выпущена вместе с изрядной частью других рассуждений Нидерле.

Украинский национализм — порождение не одних самостийников, коммунистов-интернационалистов, поляков и немцев, но в такой же степени русских. Чего стоила полонифильская политика императора Александра I, намеревавшегося вернуть Польше малороссийские и белорусские губернии, взятые Екатериной II и Павлом I при польских разделах. Когда это не удалось вследствие недовольства правящих кругов, заявивших устами Карамзина: «Мы охладели бы душой к отечеству, видя оное игралищем самовластного произвола», то «благословенный» царь отдал этот край в полное распоряжение польскому помещицкому землевладению и старопанской полонизаторской политике. Николай Павлович не имел склонности дарить русские земли, но не очень в них и разбирался. Во время поль-

ского мятежа 1830–1831 годов, он с легким сердцем отнес жителей западных губерний, то есть малороссов и белорусов, к «соотечественникам» восставших. В учебнике географии К.И. Арсеньева, статистика, историка, географа, академика Петербургской АН, принятом в школах с 1820 по 1850 годы, население этих губерний именуется «поляками». Какие еще нужны доказательства полной беспризорности Малороссии? Она, в продолжение всего XIX столетия, отдана была на растление самостийничеству и только чудом сохранила свою общность с Россией.

Едва ли не единственный случай подлинной тревоги и подлинного понимания смысла украинского национализма видим в статьях Петра Бернгардовича Струве (экономист, философ, историк, теоретик «легального марксизма») в «Русской Мысли». Это первый призыв, исходящий из «прогрессивного» лагеря к русскому общественному мнению «энергично, без всяких двусмысленностей и поблажек вступить в идейную борьбу с «украинством» как с тен-

денцией ослабить и даже упразднить великое приобретение нашей истории — общерусскую культуру».

П. Б. Струве усмотрел в нем величайшего врага этой культуры — ему представляется вражеским, злонамеренным самое перенесение разговоров об украинизме в этнографическую плоскость как один из способов подмены понятия «русский» понятием «великорусский». Такая подмена плод политической тенденции скрыть «огромный исторический факт: существование русской нации и русской культуры», «именно русской, а не великорусской». «Русский», по его словам, «не есть какая-то отвлеченная «средняя» из всех трех терминов (с прибавками «велико», «мало», «бело»), а живая культурная сила, великая развивающаяся и растущая национальная стихия, творимая нация (nation in the making, как говорят о себе американцы)».

Только после большевицкого эксперимента, сделавшего так много для превращения русской культуры в «великорусскую», можно в полной мере оценить такую постановку вопроса. Русская культура — «неразрывно связана с государством и его историей, но она есть факт в настоящее время даже более важный и основной, чем самое государство».

Низведение ее до местной, «великорусской», дает основание ставить рядом с нею, как равные — малорусскую и белорусскую. Но ни одна из этих «культур» — еще не культура. «Их еще нет, — заявляет Струве, — об этом можно жалеть, этому можно радоваться, но, во всяком случае, это факт». Недаром евреи в черте оседлости, жившие по большей части среди белорусов и малоруссов, приобщались не к малорусской и белорусской, а к русской культуре (в бедной еврейской семье родился великий русский художник Исаак Левитан). На всем пространстве Российской Империи, за исключением Польши и Финляндии, Струве не видит ни одной другой культуры, возвышающейся над всеми местными, всех объединяющей. «Гегемония русской культуры в России есть плод всего исторического развития нашей

страны и факт совершенно естественный». Работа по ее разрушению и постановка в один ряд с нею других, как равноценных, представляется ему колоссальной растратой исторической энергии населения, которая могла бы пойти на дальнейший рост культуры вообще.

Сколь ни были статьи П. Б. Струве необычными для русского «прогрессивного» лагеря, они не указали на самую «интимную» тайну украинского сепаратизма, отличающую его от всех других подобных явлений — на его искусственность, выдуманность.

Гораздо лучше это было видно людям «со стороны», вроде чехов. Карел Крамарж называл его «протоестественным», а Parlamentar, орган чешских националистов, писал об «искусственном взращивании» украинского национализма. До прихода к власти большевиков он только драпировался в национальную тогу, а на самом деле был авантюрой, заговором кучки маньяков. Не имея за собой и одного процента населения и интеллигенции страны, он выдвигал программу отмежевания от русской культуры, вразрез со всеобщим желанием. Не будучи народен, шел не на гребне волны массового движения, а путем интриг и союза со всеми антидемократическими силами, будь то австро-польский либо германский нацизм. Радикальная русская интеллигенция никогда не желала замечать этой его реакционности. Она автоматически подводила его под категорию «прогрессивных» явлений, позволив красоваться в числе «национально-освободительных» движений.

Два лагеря, внешне враждебные друг другу, до сих пор считают Т. Г. Шевченко «своим». При всем обилии легенд облепивших имя и искаживших истинный его облик, Шевченко может считаться наиболее ярким воплощением всех характерных черт того явления, которое именуется «украинским национальным возрождением». Для одних он — «национальный пророк», причиненный чуть не к лику святых; дни

его рождения и смерти (25 и 26 февраля) объявлены украинским духовенством церковными праздниками. Даже в эмиграции ему воздвигаются памятники при содействии партий и правительств Канады и США. Для других он предмет такого же идолопоклонства и этот другой лагерь гораздо раньше начал ставить ему памятники. Как только большевики пришли к власти и учредили культ своих предтеч и героев — статуя Шевченко в числе первых появилась в Петрограде. Позднее, в Харькове и над Днестром, возникли гигантские монументы, величиной уступающие, разве только, статуям Ленина. Ни в России, ни за границей, ни один поэт не удостоился такого увековечения памяти. «Великий украинский поэт, революционер и мыслитель, идейный соратник русских революционных демократов, основоположник революционно-демократического направления в истории украинской общественной мысли» — такова его официальная аттестация в советских словарях, справочниках и энциклопедиях. Она унаследована еще от подпольного периода революции, когда у всех интеллигентских партий и направлений он считался певцом «народного гнева».

Даже произведения его толкуются в каждом лагере по-своему. «Заповит», например, расценивался в свое время в русском подполье, как некий революционный гимн. Призыв поэта к потомкам — восстать, порвать цепи и «вражью злою кровью вольность окропить» понимался там, как социальная революция, а под злой кровью — кровь помещиков и классовых угнетателей.

Совсем иную трактовку дает самостийнический лагерь. В 1945 году, в столетнюю годовщину со дня написания «Заповита», он отметил его появление, как величайшую веху в развитии национальной идеи, как призыв к национальной резне, ибо «кровь ворожа», которую Днепр «понесе з Украины у синее море», ничьей как москальской, великорусской, быть не может.

На памяти пример, как в годы Гражданской войны в России воины

▲ Иван Богун

противоборствующих лагерей пели на один мотив песню, у красных звучало «...так за Совет Народных комиссаров мы грянем громкое ура!», а белые выводили «...так за царя, за родину, Россию мы грянем громкое ура!»

Этот пример приводится не для оценки правильности или неправильности обоих толкований, а как характерный случай переплетения у «великого кобзаря» черт русской революционности с украинским национализмом.

Правда, и та, и другая были поставлены лет сто тому назад под большое сомнение таким видным социалистом и украинофильским деятелем, как М. П. Драгоманов. Шевченко ему казался величиной дутой в лите-

ратурном и в политическом смысле. Революционность его он не высоко ставил и никогда бы не подписался под сочетанием слов «революционер и мыслитель». Он полагал, что с мыслью-то как раз и обстояло хуже всего у Тараса Григорьевича.

Из Академии Художеств Шевченко вынес только поверхностное знакомство с античной мифологией, необходимой для живописца, да с некоторыми знаменитыми эпизодами из римской истории. Никакими систематическими знаниями не обладал, никакого цельного взгляда на жизнь не выработал. Он не стремился, даже, в противоположность многим выходцам из простого народа, восполнять отсутствие школы самообразованием. По словам

близко знавшего его скульптора Микешина, Тарас Григорьевич не шибко жаловал книгу. «Читать он, кажется, никогда не читал при мне; книг, как и вообще ничего не собирал. Валялись у него на полу и по столу растерзанные книжки «Современника», да Мицкевича на польском языке». Такая отрасль знания, как история, к которой ему часто приходилось обращаться в выборе сюжетов — что дало основание Кулишу в 50-х годах объявить его «первым историком» Украины — оставляла желать много лучшего в смысле усвоения. «Российскую общую историю, — пишет тот же Микешин, — Тарас Григорьевич знал очень поверхностно, общих выводов из нее делать не мог; многие ясные и общеизвестные факты или отрицал или не желал принимать во внимание; этим оберегалась его исключительность и непосредственность отношений ко всему малорусскому». Некоторых авторов, о которых писал, он и в руки не брал, как например, Шафарика и Ганку. Главный способ приобретения знаний заключался, очень часто, в прислушивании к тому, о чем говорили в гостиных более сведущие люди. Подхватывая на лету обрывки сведений, поэт «мотав соби на уса, та перероблював соби своим умом».

Не верил М. П. Драгоманов не верил и в его хождение в народ, в пропаганду на Подоле, в Кирилловке и под Каневом, о которой писали в каждой биографии поэта советские историки литературы, но которая сплошь основана на домыслах. Кроме кабацких речей о Божией Матери, никаких образцов его пропаганды не знаем. Достойна развенчания и легенда о его антикрепостничестве. Дворовый человек, чье детство и молодость прошли в унизительной роли казачка в барском доме, не мог, конечно, питать теплых чувств к крепостному строю. Страдал и за родных, которых смог выкупить из неволи лишь незадолго до смерти. Но совершенно ошибочно делать из него, на основании этих биографических фактов, певца горя народного, сознательного борца против крепостного права. Крепостной кре-

стьянин никогда не был ни героем его произведений, ни главным предметом помыслов. Ничего похожего на некрасовскую «Забытую деревню» или на «Размышления у парадного подъезда» невозможно у него найти. Слово «панщина» встречается чрезвычайно редко, фигуры барина-угнетателя совсем не видно и вся его деревня выглядит не крепостной. Люди там страдают не от рабства, а от несчастной любви, злобы, зависти, от общечеловеческих пороков и бедствий.

Тарасу Григорьевичу суждено было дожить до освобождения крестьян. Начиная с 1856 года, вся Россия только и говорила, что об этом освобождении, друзья Шевченко, кирилло-мефодиевцы, ликовали; один он, бывший «крипак», не оставил нам ни в стихах, ни в прозе выражения своей радости.

Не было у него и связей с русскими революционными демократами; он, попросту, ни с кем из них не был знаком, если не считать петрашевца Момбелли, виденного им, как-то раз, на квартире у Гребенки. Да и что представляли собой революционные демократы того времени? Мечтатели, утописты, последователи Фурье и Сен-Симона, либо только что нарождавшиеся поборники общинного социализма. Найдите в литературном наследии Шевченко хоть какой-нибудь след этих идей. Даже причастность его к Кирилло-Мефодиевскому Братству, послужившая причиной ареста и ссылки, была более случайной, чем причастность Достоевского к кружку Петрашевцев.

Но если не социалист и не «революционный демократ», то гайдамак и пугачевец глубоко сидели в Шевченко. В нем было много злобы, которую поэт, казалось, не знал на кого и на что излить. Он воспитался на декабристской традиции, называл декабристов не иначе, как «святыми мучениками», но воспринял их якобинизм не в идейном, а в эмоциональном плане. Ни об их конституциях, ни о преобразовательных планах ничего, конечно, не знал; не знал и о вдохновлявшей их западноевропейской идеологии. Знал

только, что это были люди, дерзнувшие восстать против власти, и этого было достаточно для его симпатий к ним. Не в трактатах Пестеля и Никиты Муравьева, а в «цареубийственных» стихах Рылеева и Бестужева увидел он свой декабризм.

В этом плане и воздавал он дань своим предшественникам.

Особенно сильно звучит у него нота «на царя!».

*Царив, кровавих шинкарих
У пута кутии окуй,
В склипу глибоком замуруй!*

Здесь вряд ли можно согласимся с оценкой Драгоманова, невысоко ставившего такую продукцию поэта. С литературной точки зрения, она, в самом деле, не заслуживает внимания, но как документ политического настроения, очень интересна.

Драгоманов судил о Шевченко с теоретических высот европейского социализма, ему нужны были не обличения «неправд» царей на манер библейских пророков, а протест против политической системы самодержавия. Шевченко не мог, конечно, подняться до этого, но духовный его «якобинизм» от этого не умаляется.

На русскую шестидесятническую интеллигенцию стихи его действовали гораздо сильнее, чем методические поучения Драгоманова. Он — образец революционера не по разуму, а по темпераменту.

Кроме «царей», однако, никаких других предметов его бунтарских устремлений не находим. Есть один-два выпада против своих украинских помещиков, но это не бунт, а что-то вроде общественно-политической элегии.

При всей нелюбви, Тарас Григорьевич не призывает ни резать, ни «у пута кутии» ковать этих панов, ни жечь их усадьбы, как это делали великорусские его учителя «революционные демократы». На кого же, кроме царей, направлялась его ненависть?

Для всякого, кто дал себе труд прочесть «Кобзарь», всякие сомнения отпадают: — на москалей.

Напрасно Кулиш и Костомаров силились внушить русской публике, будто шевченковские «понятия и чувства» не были никогда, даже в самые тяжелые минуты жизни, осквернены ни узкою грубо неприязнью к великоросской народности, ни донкихотскими мечтаниями о местной политической независимости, ни малейшей тени чего-нибудь подобного не проявилось в его поэтических произведениях». Они оспаривали совершенно очевидный факт. Нет числа неприязненным и злобным выпадам в его стихах против москалей. И невозможно истолковать это, как ненависть к одной только правящей царской России. Все москали, весь русский народ ему ненавистны. Даже в чисто любовных сюжетах, где украинская девушка страдает, будучи обманута, обманщиком всегда выступает москаль.

Жалуясь Основьяненку на свое петербургское житье («кругом чужие люди»), он вздыхает: «тяжко, батько, жити з ворогами». Это про Петербург, выкупивший его из неволи, давший образование, приобщивший к культурной среде и вызволивший его впоследствии из ссылки.

Друзья давно пытались смягчить эту его черту в глазах русского общества. Первый его биограф М. Чалый объяснял все влиянием польской шведи юношеской любви Шевченко, но вряд ли такое объяснение можно принять. Антирусизм автора «Заповита» не от жизни и личных переживаний, а от книги, от национально-политической проповеди. Образ москаля, лихого человека, взят целиком со страниц старой казацкой письменности.

В 1858 году, возмущаясь Иваном Аксаковым, забывшим упомянуть в числе славянских народов — украинцев, он не находит других выражений, кроме как: «Мы же им такие близкие родичи: как наш батько горел, то их батько руки грел!» Даже археологические раскопки на юге России представлялись ему грабежом Украины — поисками казацких кладов.

Сданный в солдаты и отправленный за Урал, Тарас Григорьевич,

▲ Петро Сагайдачний

по словам Драгоманова, «живучи среди москалей солдатиков, таких же мужиков, таких же невольников, как сам он, — не дал нам ни одной картины доброго сердца этого «москаля», какие мы видим у других ссыльных... Москаль для него и в 1860 году — только «протиснит», как в 1840 году был только «чужой чоловик».

Откуда такая русофобия? Личной судьбой Шевченко она, во всяком случае, не объяснима. Объяснение в его поэзии.

Поэтом он был не «гениальным» и не крупным; три четверти стихов

и поэм подражательны, безвкусны, провинциальны; все их значение в том, что это дань малороссийскому языку. Но и в оставшейся четверти значительная доля ценилась не любителями поэзии, а революционной интеллигенцией. П. А. Кулиш когда-то писал: если «само общество явилось бы на току критики с лопатой в руках, оно собрало бы небольшое, весьма небольшое количество стихов Шевченко в житницу свою; остальное бы было в его глазах не лучше сору, его же возмечает ветер от лица земли». Ни одна из его поэм не может быть взята целиком в «житницу»,

лишь из отдельных кусков и отрывков можно набрать скромный, но душистый букет, который имеет шансы не увянуть.

Что бы ни говорили советские литературоведы, лира Шевченко не «гражданская» в том смысле, в каком это принято у нас. Она глубоко ностальгична и безутешна в своей скорби.

Называя ее «сиромасой», «сиротиной», вопрошая «защо тебе сплюндровано, защо, мамо, гинешь?» — поэт имеет в виду не современную ему живую Украину, которая «сплюндрована» ничуть не больше всей остальной России. Это не оплакивание страданий закрепощенного люда, это скорбь о ее невозвратном прошлом.

Вот истинная причина «недоли». Исчез золотой век Украины, ее идеальный государственный строй, уничтожена казачья сила. «А що то за люди були тии запорожци! Не було й не буде таких людей!». Полжизни готов он отдать, лишь бы забыть их «незабутни» дела. Волшебные времена Палиев, Гамалиев, Сагайдачных владеют его душой и воображением. Истинная поэзия Шевченко — в этом фантастическом никогда не бывшем мире, в котором нет исторической правды, но создана правда художественная. Все его остальные стихи и поэмы, вместе взятые, не стоят тех строк, где он бредит старинными степями, Днепром, морем, бесчисленным запорожским войском, проходящим, как видение.

О будущем своего края Тарас Григорьевич почти не думал. Раз, как-то, следуя шестидесятичной моде, упомянул о Вашингтоне, которого «дождемся таки колись», но втайне никакого устройства, кроме прежнего казачьего, не хотел.

Перед нами певец отошедшей казачьей эпохи, влюбленный в нее, как Дон Кихот в рыцарские времена. До самой смерти, героем и предметом поклонения его был казак.

Надо ли после этого искать причин русофобии? Всякое пролитие слез над руинами Чигирина, Батурина и прочих гетманских резиденций неотделимо от ненависти к тем, кто

обратил их в развалины. Любовь к казачеству оборотная сторона вражды к Москве.

Но и любовь и ненависть эти — не от жизни, не от современности. Еще Кулишем и Драгомановым установлено, что поэт очень рано, в самом начале своего творчества попал в плен к старой казачьей идеологии. По словам Кулиша, он пострадал от той первоначальной школы, «в которой получил то, что в нем можно было назвать *faute de mieux* образованием», он долго сидел «на седалище губителей и злоязычников».

По-видимому, уже в Петербурге, в конце 30-х годов нашлись люди, просветившие его по части Мазеп, Полуботков и подсунувшие ему «Историю Русов». Без влияния этого произведения трудно вообразить то прихотливое сплетение революционных и космополитических настроений с местным национализмом, которое наблюдаем в творчестве Шевченко. По словам Драгоманова, ни одна книга, кроме Библии, не производила на Тараса Григорьевича такого впечатления, как «История Русов». Он брал из нее целые картины и сюжеты. Такие произведения, как «Подкова», «Гамалия», «Тарасова Нич», «Выбир Наливайка», «Невольник», «Великий Лях», «Чернец» — целиком навеяны ею.

Прошлое Малороссии открылось ему под углом зрения «Летописи Конисского»; он воспитался на ней, воспринял ее, как откровение, объяснявшее причины невзгод и бедствий родного народа. Даже на самый чувствительный для него вопрос о крепостном праве на Украине, «летопись» давала свой ответ, она приписывала введение его москалям. Не один Шевченко, а все кирилло-мефодиевцы вынесли из нее твердое убеждение в москальском происхождении крепостничества. В «Книгах Бытия Украинского Народу» Костомаров писал: «А нимка царица Катерина, курва всесвитная, безбожница, убийница мужа своего, востанне доканала казачество и волю, бо одибравши тих, котри були в Украини старшими, надилила их панством и землями, понадавала им вильну

братию в ярмо и поробила одних панами, а других невольниками». Если будущий ученый историк позволял себя такие речи, то, что можно требовать от необразованного Шевченко? Москали для него стали источником всех бедствий.

По канве «Истории Русов» он рассыпается удивительными узорами, особенно на тему о Екатерине II.

Есть у Шевченко повесть «Близнецы», написанная по-русски. Она может служить автобиографическим документом, объясняющим степень воздействия на него «Истории Русов». Там рассказывается о некоем Никифоре Федоровиче Сокире — мелком украинском помещике, боль-

шом почитателе этого произведения.

«Я сам, будучи его хорошим приятелем, часто гостил у него по нескольку дней и кроме летописи Конисского, не видал даже бердичевского календаря в доме. Видел только дубовый шкаф в комнате и больше ничего. Летопись же Конисского, в роскошном переплете, постоянно лежала на столе и всегда заставал я ее раскрытою. Никифор Федорович несколько раз прочитывал ее, но до самого конца ни разу. Все, все мерзости, все бесчеловечья польские, шведскую войну, Биронова брата, который у стародубских матерей отнимал детей грудных и давал

▲ Богдан Хмельницкий

им щенят кормить грудью для своей псарни — и это прочитывал, но как дойдет до голштинского полковника Крыжановского, плюнет, закроет книгу и еще раз плюнет».

Переживания героя этого отрывка были, несомненно, переживаниями самого Шевченко. «История Русов» с ее собранием «мерзостей» трансформировала его мужицкую ненависть в ненависть национальную или, по крайней мере, тесно их переплела между собой. Кроме «Истории Русов», сделавшейся его настольной книгой, поэт познакомился и со средой, из которой вышло это евангелие национализма. Приехав, в середине 40-х годов, в Киев, он не столько возвращался там в университетских кругах среди будущих членов Кирилло-Мефодиевского Братства, сколько гостил у хлебосольных помещиков Черниговщины и Полтавщины, где его имя было известно и пользовалось популярностью, особенно среди дам. Некоторые из них сами пописывали в «Отечественных Записках».

Мужское общество чаще всего собиралось на почве «мочемордия», как именовалось пьянство. А. Афанасьев-Чужбинский, сам происходивший из лубенских помещиков, красочно описывает тамошние празднества в честь Бахуса. По его словам, пьянство процветало, главным образом, на почве скуки и безделья, сами же по себе помещики представляли «тесный кружок умных и благородных людей, преимущественно гуманных и пользовавшихся всеобщим расположением». В этом обществе можно было встретить и тех оставшихся в живых сподвижников и друзей В. Г. Полетики, из чьей среды вышла «История Русов». Встречи с ними происходили также при дворе генерал-губернатора князя Репнина, с которым Шевченко познакомился через А. В. Капниста, сына поэта. О Мазепе, о Полуботке, о Петре и Екатерине, а также о присоединении Малороссии, как печальной дате в истории

края, он мог наслушаться здесь вдоволь. Недаром именно на эти годы близости с черниговскими и полтавскими помещиками падают самые неприязненные его высказывания о Богдане Хмельницком.

Во всей эпопее Хмельничины он видел только печальный, по его мнению, факт присоединения к Москве, но ни страданий крестьянского люда под «лядским игом», ни ожесточенной борьбы его с Польшей, ни всенародного требования воссоединения с Россией знать не хотел. Величайшая освободительная война украинского крестьянства осталась вовсе незамеченной вчерашним крепостным.

В московском периоде истории, его опять печалит судьба не крестьянства, а казачества. Он плачет о разгоне Сечи, а не о введении нового крепостного права. Возмущаясь тем, что «над детьми казацкими поганци пануют», он ни разу не возмущился пануваньем детей казацких над его мужицкими отцами и дедами, да и над ним самим. Период после присоединения к России представляется ему сплошным обдиранием Украины. «Москалики що заздрили то все очухрали».

Драгоманов не без основания полагал, что черниговские и полтавские знакомства оказали на Шевченко гораздо более сильное влияние, чем разговоры с Гулаком, Костомаровым и Кулишем. Патриотизм его сложился, главным образом, в левобережных усадьбах «потомков гетмана дурного», где его носили на руках, где он был объявлен надеждой Украины, национальным поэтом, где нашлась, даже, почитательница, готовая на собственный счет отправить его на три года в Италию.

«Национальным поэтом» объявлен он не потому, что писал по-малороссийски и не потому, что выражал глубины народного духа. Этого, как раз, и не видно. Многие до и после Шевченко писали по-украински, часто, лучше его, но только он признан «пророком». Причина: — он первый воскресил казачью нена-

висть к Москве, и первый воспел казачьи времена, как национальные. Костомарову не удается убедить нас, будто «Шевченко сказал то, что каждый народный человек сказал бы, если б его народное чувство могло возвыситься до способности выразить то, что хранилось на дне его души». Поэзия его интеллигентская, городская и направленческая. Белинский, сразу же по выходе в свет «Кобзаря», отметил фальшь его народности:

«Если господа Кобзари думают своими поэмами принести пользу низшему классу своих соотечичей, то в этом они очень ошибаются; их поэмы, несмотря на обилие самых вульгарных и площадных слов и выражений, лишены простоты вымысла и рассказа, наполнены вычурами и замашками, свойственными всем плохим пиитам, часто несколько не народны, хотя и подкрепляются ссылками на историю, песни и предания, следовательно, по всем этим признакам — они непонятны простому народу и не имеют в себе ничего с ним симпатизирующего».

Лет через сорок то же самое повторил Драгоманов, полагавший, что «Кобзарь» «не может стать книгою ни вполне народною, ни такой, которая бы вполне служила проповеди «новой правды» среди народа».

Тот же Драгоманов свидетельствует о полном провале попыток довести Шевченко до народных низов. Все опыты чтения его стихов мужикам кончались неудачей. Мужики оставались холодны.

Подобно тому, как казачество, захватившее Украину, не было народным явлением, так и всякая попытка его воскрешения, будь то политика или поэзия, — не народна в такой же степени.

Несмотря на все пропагандистские усилия самостийнической клики, вкупе с нашей прежней партийной властью, Шевченко был и останется не национальным украинским поэтом, а поэтом националистического движения. ■

В.В. КОЛЕСНИК, генерал-майор, Герой Советского Союза

КАК БЫЛ ВЗЯТ ДВОРЕЦ АМИНА

▲ Бывший дворец

Исполнилось сорок лет со дня, который, можно сказать, вверг нашу страну в состояние перманентной войны. Штурм дворца Амина в Кабуле двадцать седьмого декабря семьдесят девятого года начал череду локальных конфликтов, в которых Россия участвует и поныне. Об этой операции, талантливо спланированной менее чем за трое суток, и проведенной менее чем за час, написано немало, но, к сожалению, весьма тенденциозно и однобоко. О том, что дворец штурмовали «Альфа» и «Вымпел», имевшие тогда название «Гром» и «Зенит», в настоящее время знает, видимо, каждый школьник. А об остальных участниках говорят так, что «еще был какой-то мусульманский батальон, который им вроде бы помогал, да десантура какая-то. Или нет, десантура прибыла потом...». Об участии группы «А» и группы «В» в операции, носившей кодовое название «Шторм-333», написаны книги. Главное Разведывательное Управление Генерального Штаба всегда отличала незаурядная скромность и убогая ▶

- «застенчивость». Именно вследствие этого главные исполнители этого «огневого одноактного спектакля» с продолжением на двадцать лет до недавнего времени оставались в тени. Цель этой публикации рассказать о тех, без кого этот штурм просто бы не состоялся. Это рассказ Василия Васильевича Колесника — легендарного человека, который сформировал отдельный отряд специального назначения, сыгравший главную роль в тех событиях, разработал операцию по штурму дворца Тадж-Бек, и руководил ею.

МУСУЛЬМАНСКИЙ БАТАЛЬОН

В ту пору я уже два года был старшим офицером ГРУ ГШ. До этого командовал пятнадцатой бригадой специального назначения, входившей в состав САВО. В 1976 году ее

передали в ТуркВО. Вновь сформированная в том же году двадцать вторая обрСпН формировалась на базе отряда специального назначения, части отряда спецрадиосвязи, а также части офицеров штаба пятнадцатой бригады, которые мы передали в САВО. Поэтому я довольно хоро-

шо знал и этот регион и обе бригады. Кроме того, за годы службы в этих округах я познакомился и с их командованием. Видимо, это и стало причиной того, что я стал направленцем на Среднюю Азию.

Второго мая семьдесят девятого года меня вызвал к себе тогдашний руководитель ГРУ генерал армии П. Ивашутин и поставил задачу сформировать 154 отдельный отряд специального назначения. В его штат входила боевая техника, а общая численность солдат и офицеров составляла пятьсот двадцать человек. Ни такого вооружения, ни такого штата в спецназе до этого не было. Помимо управления и штаба, отряд состоял из четырех рот. Первая рота имела на вооружении БМП-1, вторая и третья — БТР-60пб. Четвертая рота была ротой вооружения, которая состояла из взвода АГС-17, взвода реактивных пехотных огнеметов «Рысь» и взвода саперов. Также в отряд входили отдельные взводы: связи, ЗСУ «Шилка», автомобильный и материального обеспечения. Но главная странность отряда заключалась в том, по какому принципу в него отбирались солдаты, сержанты и офицеры. Это должны были быть лица трех национальностей: узбеки, туркмены и таджики. Отряд в спецназе соответствует батальону в сухопутных войсках. Отсюда название «Мусульманский батальон». Бойцов отбирали только двух призывов, прослуживших год и полгода. Особые требования предъявлялись к физической подготовке кандидатов. Поскольку эксплуатация боевой техники предполагает специальные знания, людей отбирали в мотострелковых и танковых частях соединений обоих азиатских округов. Эту работу выполняли офицеры пятнадцатой и двадцать второй

▲ В.В.Колесник

бригад. В основе, конечно, лежал принцип добровольности, но при отсутствии волонтеров данной военно-учетной специальности хорошего спеца могли зачислить в отряд даже помимо его воли. Через полтора месяца отряд был сформирован. В каждой роте был переводчик, курсант Военного института иностранных языков, направленный для стажировки. Но при таком национальном составе отряда практически не было проблем с языковой подготовкой, поскольку все таджики, примерно половина узбеков и часть туркмен владели фарси — одним из основных языков Афганистана. Не удалось найти только офицера-зенитчика требуемой национальности. Из положения вышли, подобрав темноволосого капитана Паутова, который терялся в общей массе, когда молчал. Батальон возглавил майор Х. Халбаев, исполнявший до этого в пятнадцатой бригаде должность заместителя командира одного из отрядов спецназа по воздушно-десантной подготовке.

В декабре 1979 года 154 ооспН введен в ДРА. В операции по штурму дворца Тадж-Бек — резиденции Амина, выполнял основные задачи. В начале января 1980 года личный состав отряда выведен в Союз. В том же году отряд вновь доукомплектован личным составом и вве-

ден в ДРА, однако до 1984 года осуществлял охрану трубопровода. В 1984 году отряд переведен в г. Джелалабад. С этого момента приступил к выполнению специальных задач в зоне своей ответственности. Однако на первых порах, пытаясь применять тактику засад, отряд успеха не имел. В последствии отряд выработал тактику, максимально эффективную в местных условиях. Наиболее применяемая тактика отряда — налет. Руководство батальона довольно успешно сотрудничало с органами контрразведки ДРА (ХАД). Результативность налетов, проводимых по информации ХАД, была довольно высокой. В 1985 году отряд за успехи в боевой деятельности награжден вымпелом Министра обороны СССР. Последние подразделения отряда вышли из ДРА в феврале 1989 года. Отряд остался в составе 15 обрСпН. В 1993 году бригада была передана вооруженным силам Узбекистана, а позднее была преобразована в десантно-штурмовую бригаду.

РАЙОН ДЕЙСТВИЙ — АФГАНИСТАН

Сформированный отряд в течение июня-августа занимался боевой

подготовкой. В августе отряд проверяла комиссия Генштаба и признала уровень боевой подготовки вновь сформированного отряда хорошим. Иначе и быть не могло, так как в отряд отобрали лучших специалистов двух округов. Комиссия уехала, а отряд продолжил совершенствовать боевую подготовку.

А в это время на личный состав батальона в Москве уже шили униформу Афганской армии, а также готовили необходимые документы. Каждый военнослужащий отряда имел легализационные документы установленного образца на афганском языке. С именами мудрить не пришлось — каждый пользовался своим. Это не должно было бросаться в глаза, поскольку в Афганистане, особенно в северных районах, много и таджиков, и узбеков, да и туркмены тоже не редкость.

В ноябре девятнадцатого-двадцатого числа отряд был переброшен самолетами в Баграм. Личный состав, а также имущество отряда и предметы материального обеспечения, включая дрова, перевезли на Ан-12. Вся тяжелая техника была доставлена на Ан-22 «Антей». Эта операция заняла не более суток.

Выполнив эту задачу, и разместив отряд в Баграме, я убыл в Москву. Отряд находился в Баграме почти

▲ А.А. Громыко и Х. Амин

месяц, где адаптировался к новым условиям.

Забегая вперед скажу, что согласно первоначальному плану руководства, отряд должен был выдвинуться из Баграма и с ходу захватить резиденцию Амина, которая первоначально находилась в Кабуле. Тадж-Бек был недавно отстроенной новой резиденцией Амина, которую он для себя создал после неудачного покушения на него в городе. Видимо, в связи с изменением места резиденции в планы внесли изменения.

НА КАБУЛ

Приблизительно тринадцатого декабря отряду была поставлена задача совершить марш своим ходом и прибыть в Кабул для усиления охраны дворца главы государства, такова была легальная задача отряда. Этот марш чуть не стоил Халбаеву должности. По дороге, как это часто случается, одна из машин вышла из строя. Для того чтобы не задерживать отряд, Халбаев оставил с неисправной машиной необходимые средства техпомощи, назначил руководить ремонтом своего заместителя по техчасти, и колонна отряда продолжила движение. Факт прибытия в Кабул отряда в неполном составе был негативно воспринят главным военным советником генерал-полковником С. К. Магомедовым. Кон-

фликт усилился еще и из-за того, что Халбаев не любил оправдываться и не старался показать себя лучше, чем он есть. Такое поведение сразу настроило против него Султана Кекезовича, по-восточному любившего чинопочитание.

Шестнадцатого декабря я получил задачу вновь вылететь в Афганистан. В помощники взял подполковника Олега Ульяновича Швеца. Семнадцатого декабря загранпаспорта нам привезли прямо к самолету. Вместе с нами в Афган летели генерал Дроздов Юрий Иванович и капитан второго ранга Козлов Эвальд Григорьевич. Мы познакомились и выяснили, что летим делать одно дело. Они курировали деятельность спецподразделений «Гром» и «Зенит» по линии КГБ.

Кроме нас в гермокабине Ан-12 летел экспедитор, сопровождавший груз парфюмерии для посольства. Вылетев из Чкаловского, борт спустил несколько часов приземлился в Баграме. Здесь мы переночевали, а утром выехали в Кабул.

ВО ВТОРОМ КОЛЬЦЕ ОХРАНЫ

В Кабуле я представился Главному военному советнику, и он мне сразу высказал свое недовольство командиром батальона. Обвинив Халбаева в неумении грамотно организовать

марш отряда, он настоятельно порекомендовал мне его снять с должности и назначить другого офицера. Однако Халбаева я знал давно как вполне подготовленного офицера, поэтому я постарался убедить в этом вспыльчивого генерала. Опираясь на факты, я доказал ему, что действия комбата в данной ситуации были абсолютно верными. Поняв, что доводы мои логичны, Султан Магомедов несколько успокоился и приказал мне организовать боевую подготовку отряда в соответствии с вновь полученными задачами, которые заключались в охране дворца Тадж-Бек.

Непосредственно дворец охраняла рота личной охраны — это считалось первой линией охраны. Вторую линию должны были составить мы, а третьей была бригада охраны, которую возглавлял майор Джандат — главный порученец Амина. На следующий день мы поехали к нему знакомиться. Он некогда закончил иностранный факультет нашего воздушно-десантного училища в Рязани, а позже прошел обучение в Военной Академии имени М. В. Фрунзе и поэтому говорил по-русски очень хорошо, хотя поначалу это не афишировал. Я представился как начальник штаба батальона майор Колесов. Познакомившись, мы определили в общих чертах, как будем решать поставленные задачи и организовали связь. Для этого он дал мне небольшую радиостанцию «Уоки-токи», которая позволяла мне с ним легко связаться в любой момент. Также он показал, где можно организовать стрельбище и где проводить занятия. Для этого мы с ним объехали все вокруг.

Каждый батальон бригады имел свою казарму, и лишь танковый жил вместе с первым пехотным батальоном. Его казармы не так давно начали строить. Кто бывал в Кабуле в расположении роты спецназа, должен был видеть находившиеся по соседству здания разведцентра. Это и есть казармы, которые строились для танкового батальона. Их тогда передали нам.

Батальон разместился в недостроенном двухэтажном здании, ко-

торое имело только стены и крышу. Но окна мы завесили плащ-палатками, поставили печки-буржуйки, затопили дровами, которые привезли с собой, и в помещении стало тепло. Кровати поставили в два яруса и таким образом разместили весь личный состав. В отряде по штату были автоперевязочная, врач-анестезиолог и хирург. Для них оборудовали помещение медпункта. На все у нас ушло не более суток. Когда я доложил о проделанной работе Магомедову, он приказал мне составить с афганцами план совместной охраны дворца, отработать порядок взаимодействия, ну, а для того, чтобы наладить личные контакты, предложил организовать торжественный вечер, на который пригласить командование бригады.

ПОД РУССКУЮ ВОДОЧКУ

Поскольку узбеки умеют прекрасно готовить, с поварами проблем не было. На рынке купили зелень и все необходимое. Посольство выделило для этих целей водку и различные деликатесы. Мы поставили палатку УСБ, где накрыли велико-

лепный стол. Афганцы меня уже знали как начштаба, Олега Ульяновича Швеца мы представили как начальника разведки, «комитетчиков» тоже залегендировали под офицеров батальона. Дроздова, например, представили как зампотеха. Поскольку наши гости были мусульманами, возникла проблема с тем, как подавать к столу коньяк и водку. Но потом напитки налили в чайники и поставили на столы.

Гостей было человек пятнадцать. Налили. Смотрим, пьют. А под русскую водочку всегда очень душевно беседуется. Замполит бригады, видимо, не рассчитал свои силы и утратил «революционную бдительность». Полагая, что за этим столом все друзья, он в порыве откровенности рассказал, как Джандат, начальник связи, и он подушками удавили Тараки. Когда комбриг услышал, что несет его комиссар, он пришел в ярость, схватил его за грудки, но потом быстро пришел в себя и извинился перед нами, сказав, что его заместитель выпил лишнего и сам не понимает, что говорит. Конечно, мы и виду не подали, что нас это высказывание пьяного афганца каким-то образом заинтересовало, но на следующий день в Москву ушло сообщение о факте

убийства Тараки, как по линии КГБ, так и по нашей линии. Информация была очень важной, поскольку Амин, ведя переговоры с руководством СССР, использовал жизнь Тараки, как козырную карту. Он обещал сохранить ему жизнь в обмен на ввод наших войск в то время, как Тараки был уже мертв. Думаю, что эта информация помогла нашему правительству действовать более решительно.

ШТУРМ ВМЕСТО ОХРАНЫ

Днем нас вызвал главный военный советник. Здесь же присутствовал и главный советник КГБ генерал-лейтенант Иванов. Они довели до нас информацию, что планируются мероприятия по свержению режима Амина. В соответствии с их планом отряд должен был направить взвод на бронетранспортерах на аэродром, а также к Генеральному штабу, на узел связи, в ХАД и «Царандой». При таком раскладе на основной объект — дворец Тадж-Бек — оставалась рота и два взвода.

Они должны были нейтрализовать роту личной охраны, находившуюся внутри дворца, и бригаду,

▲ Дворец Амина

состоящую из трех пехотных батальонов и одного танкового, охранявшую резиденцию по периметру. Кроме того, нельзя было забывать про зенитный полк, прикрывавший дворец от ударов с воздуха, поскольку на его вооружении находилось двенадцать 100-мм зенитных пушек, а также шестнадцать зенитных установок, представлявших собой спаренные крупнокалиберные пулеметы ДШК. Учитывая его расположение и вооружение, он мог стать серьезной помехой в осуществлении планов руководства. Вдобавок ко всему за дворцом в окопах было три танка. Соотношение сил и средств было явно не в нашу пользу. Поэтому даже на основании самых грубых расчетов я усомнился в возможности осуществить план, предложенный руководством.

НОВЫЙ ПЛАН

Тогда Магомедов предложил мне и советнику командира бригады охраны полковнику Попышеву разработать свой план. Занявшись этим вопросом более серьезно, я понял,

что даже имеющихся сил недостаточно для взятия дворца. Кроме того, нельзя было забывать и про две танковые бригады, которые стояли под Кабулом. Когда пришло время, первым докладывал Попышев. Видимо, он не очень напрягался, поскольку к непосредственному выполнению этого плана он отношения не имел, и поэтому с планом руководства согласился. За ним докладывал я. Произведя расчет сил и средств, а также их соотношение, я повторил, что план руководства неприемлем и предложил свой. Магомедов с Ивановым переглянулись, объявили перерыв и, пообещав собрать нас через пару часов, удалились. Однако это случилось намного позже, около восемнадцати часов. Собрав нас вновь, Магомедов объявил, что мой план утвердили, и я назначен руководителем операции. Кроме этого, он сказал, что мне необходимо переговорить с маршалом Огарковым. Для этого генерал Магомедов и я поехали на узел связи, откуда я по «Булаве» связался с Москвой и попросил к телефону Огаркова. Москва поинтересовалась, кто у телефона. Я попросил передать начальнику Генерального

штаба, что звонит полковник Колесник по его приказу. Спустя некоторое время я услышал в трубке: «Здравствуй, полковник! Что ты мне можешь доложить?».

Я начал докладывать, что объект находится на господствующей высоте, задачу по его охране и обороне выполняют рота личной охраны, бригада охраны, и от ударов с воздуха дворец прикрыт зенитным полком. Орудия и пулеметные установки полка находятся на позициях, которые позволяют вести огонь по наземному противнику в случае такой надобности. Общая численность данных воинских частей составляет около двух с половиной тысяч человек. Кроме того, не исключена возможность вмешательства двух танковых бригад, расквартированных под Кабулом. Я сказал, что в случае прибытия к дворцу, пусть и с некоторым опозданием, хотя бы одного танкового батальона, остановить его будет нечем ввиду отсутствия противотанковых сил и средств. Я объяснил, что батальоны бригады расквартированы в трех городках. Для блокирования каждого нужно не менее роты, а также рота для штурма дворца. Закон-

чивая доклад, я сказал, что, исходя из вышеизложенного, мне необходима рота десантников и взвод ПТУРС.

Выслушав мой доклад, Огарков пообещал выделить в мое распоряжение необходимые силы и приказал подготовить и передать, используя ЗАС, решение на штурм, которое должно было быть подписано мной и Магомедовым. Решение было готово к трем ночи. Я и генерал Магомедов поставили свои подписи, и оно ушло в Москву.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАДАЧ

С этого момента началась непосредственная подготовка к операции. Я разработал конкретный план захвата дворца, а также зенитного полка, поскольку, не выполнив эту задачу, нельзя было надеяться на успех при осуществлении основного замысла. Согласно моему плану полк должен был захватить инженерный взвод, усиленный двумя расчетами АГС-17. Гранатометчики должны были огнем отсечь личный состав от средств ПВО на позициях, а саперы, под их прикрытием, должны были выйти к орудиям и пулеметным установкам и уничтожить их подрывом. Этой группой руководил подполковник Швец.

Заместителю командира отряда Сахатову я поставил задачу отобрать личный состав для захвата танков в окопах у дворца. Для выполнения задачи требовались люди, способные водить танки и вести огонь из них в случае необходимости. Кроме танковых экипажей в эту группу вошли четверо «комитетчиков», два снайпера и два пулеметчика. Всего двенадцать человек. На автомобиле ГАЗ-66 они должны были выдвинуться мимо расположения третьего батальона и захватить три танка в окопах.

Вторая и третья роты отряда, а также приданная рота десантников под командованием старшего лейтенанта Востротина, должны были блокировать расположения второго, третьего и расположение первого

и танкового батальонов, которые дислоцировались вместе, и не допустить их выхода из ППД.

Первая рота под командованием В. Шарипова должна была доставить на своих плечах группы «Грома» и «Зенита» ко дворцу. Непосредственно штурм здания должны были осуществить группы спецназа КГБ совместно с двумя группами первой роты.

ОТ ПОДПИСИ ОКАЗАЛИСЬ

План, отработанный на карте и подписанный мною, я принес для подписи Магомедову и Иванову. Однако, утвердив план устно, ни тот, ни другой свою подпись на план не поставили. Ясно было, что в то время, когда мы решали, как выполнить задачу, поставленную руководством страны, эти лукавые хитрецы думали о том, как избежать ответственности в случае неудачи нашей акции. Тогда я в их присутствии на плане написал: «План устно утвержден Главным военным советником Магомедовым С. К. и Главным советником КГБ Ивановым Б. И. От подписи отказались», поставил время, дату и свою подпись, после чего направился в батальон, чтобы поставить задачи

участникам предстоящего штурма. Вместе со мной в батальон прибыл и генерал Дроздов, который был назначен моим заместителем по руководству группами спецназа КГБ.

Никто из исполнителей, кроме нас и Халбаева, не был посвящен в истинные планы, которые нам предстояло осуществлять. Дроздов коротко доложил обстановку, сказал, что Амин является агентом ЦРУ. После этого я поставил задачи.

Поскольку комитетские группы не имели бронезилетов, мы отдали им свои. Подготовили штурмовые лестницы для того, чтобы в случае вывода из строя БМП огнем противника, можно было продолжить штурм дворца по склонам, которые, кстати, были заминированы.

Двадцать седьмого числа время штурма было перенесено на более ранний срок из-за того, что возникли подозрения по поводу того, что афганцы догадываются о наших планах. Как потом выяснилось, подозрения были небеспочвенными.

ШТУРМ

В связи с этим в девятнадцать часов пятнадцать минут группа Сахатова согласно замыслу за пятнадцать минут до начала штурма,

выдвинулась к своему объекту. Но, проезжая через расположение третьего батальона, они увидели, что в батальоне объявлена тревога. В центре плаца стояли комбат и его заместители. Личный состав получал оружие и боеприпасы. Мгновенно оценив обстановку, Сахатов принял решение захватить командование третьего пехотного батальона. Двигаясь на полном ходу, автомобиль с нашими разведчиками внезапно остановился возле афганских офицеров, и через считанные секунды они лежали в кузове ГАЗ-66, который рванул вперед, оставляя за собой шлейф пыли. В первые минуты солдаты батальона даже не поняли, что произошло, но потом открыли огонь вслед удаляющейся машине. Однако было поздно. Из-за пыли, которая скрывала машину, он оказался неэффективным. Сахатов же, проехав метров двести, остановил машину, спешил личный состав, который тут же залег и открыл огонь по атакующим солдатам охраны. Оставшись без управления, они наступали толпой и представляли собой прекрасную мишень. Два пулемета и восемь автоматов спецназовцев оставили на поле боя убитыми более двухсот человек. Снайперы тем временем сняли часовых у танков.

Услышав стрельбу в расположении третьего батальона, я дал команду на начало операции, запустив серию ракет. Две «Шилки» открыли огонь по дворцу, а еще две — по расположению танкового батальона для того, чтобы не допустить его личный состав к танкам. Расчеты АГС-17 открыли огонь по расположению второго батальона, не позволяя личному составу покинуть казармы. Вторая, третья и рота десантников на броне выдвинулись для блокирования батальонов бригады охраны, а первая рота совместно с группами спецназа КГБ устремилась к дворцу. Дворец стоял на холме, возвышаясь над окрестностями метров на шестьдесят. К нему вели серпантинная дорога и пешеходная лестница шириной метра полтора. Под прикрытием огня «Шилок» рота Шарипова на БМП шла к дворцу по серпантину. Охрана дворца открыла по наступающим ураганный огонь. Боевая машина пехоты шедшая впереди была подбита. Десант, сидевший в ней, покинул машину и при помощи штурмовых лестниц начал взбираться на холм. Машина, шедшая сзади столкнула подбитую, освобождая путь наступающим. Продолжив путь, девять БМП первой роты через

двадцать минут после начала штурма оказались на площадке перед дворцом. Двери десантных отделений распахнулись и бойцы спецназа КГБ и ГРУ ворвались во дворец. Завязался жестокий бой с личной охраной Амина, состоявшей в основном из его родственников. К моменту проникновения во дворец штурмовых групп «Шилки» должны были прекратить огонь. Но в этот момент один из бронетранспортеров упал в канаву, и его командир своими просьбами о помощи «забил» нашу рабочую частоту. Управление временно было потеряно. Для прекращения огня «Шилок» пришлось, как в старину, отправить посыльного. Из-за этой заминки «Шилки» некоторое время били по дворцу, когда в нем уже работали наши группы. Еще минут через двадцать дворец был взят. Охрана дворца практически вся погибла, в живых осталось около десяти человек.

Пока шел бой во дворце, Сахатов со своей группой захватил один из танков и двинулся к Генштабу, но был обстрелян нашими десантниками, которые его к этому времени уже захватили. Поскольку спецназовцы были одеты в афганскую униформу и ехали на афганском танке, десантники без лишних слов шарахнули по танку из «Мухи». Сахатов со своими спешил и, нещадно матерясь, объяснил, что они свои. Услышав родную речь, десантники огонь прекратили.

Как погиб Амин, я не знаю. После боя его тело в одном из окопов похоронил замполит батальона. Остальных убитых защитников дворца похоронили их пленные товарищи немного позже и в другом месте. Хотя значительная часть солдат бригады охраны сдалась, бой после взятия дворца не прекратился. Часть подразделений продолжала оказывать сопротивление. В частности, с остатками третьего батальона наш отряд воевал еще сутки, после чего афганцы ушли в горы. Основная часть афганских солдат и офицеров сдалась в плен. Так, например, практически без боя сдался зенитный полк. Танковый батальон так-

же не оказал сопротивления. Всего было пленено около тысячи семисот человек. За весь штурм с нашей стороны погибло десять человек: пять в батальоне и пятеро в группах «Зенита» и «Грома».

КАБУЛ ТОЖЕ НАШ

Одновременно со штурмом дворца Тадж-Бек группами спецназа КГБ при поддержке десантников из состава батальона 345 парашютно-десантного полка, находившегося до описываемых событий в Баграме, были захвачены Генеральный Штаб, Узел связи, здания ХАД и МВД. Важную роль в том, что части Кабульского гарнизона не были подняты по тревоге, сыграла диверсия, проведенная «Зенитовцами» непосредственно перед штурмом. Они подрывом уничтожили узел коммуникаций города, находящийся в специальном бетонном колодце. Так, минимальными силами с минимальными потерями был осуществлен государственный переворот в Афганистане. Члены семьи Амина находились под охраной батальона еще сутки. У нас же находились некоторые члены будущего Афганского руководства. Операцию по прибытию в Афганистан Бабрака Кармаля осуществлял КГБ. Знаю только, что борт, доставивший его, садился в Баграме в обстановке секретности и повышенной маскировки. Даже огни, обозначающие ВПП, были потушены. Самолет заходил на посадку, подсвечивая взлетку своими прожекторами, а курс выдерживал по радиомаяку.

СПАСИБО ЗА ПЛОХУЮ ПОДГОТОВКУ

Вечером следующего после штурма дня всех руководителей операции чуть не уложил пулеметной очередью советский солдат. Возвращаясь на аминовском «Мерседесе» с банкета, посвященного успешному завершению операции, мы были обстреляны недалеко от здания Генштаба, которое охраняли десантники.

Первым заметил странные вспышки на асфальте и сообразил, что они означают, О.У. Швец. Он выскочил из машины и покрыл часового отборным матом. Это было лучше, чем пароль. Вызвали начальника караула. Появившийся лейтенант для начала получил от Швеца в ухо, а лишь потом выслушал порядок применения оружия часовым на посту. Мы подошли к машине, в капоте которой зияло несколько пулевых отверстий. Немного выше, и ни меня, ни Эвальда Козлова в живых бы точно не было. Генерал Дроздов подошел к лейтенанту и негромко сказал: «Спасибо тебе, сынок, за то, что ты своего солдата стрелять не научил». После этого инцидента мы приехали в наше расположение и для того, чтобы снять нервное напряжение, выпили четыре или пять бутылок водки. Но стресс был настолько сильным, что водка нас не взяла. Несмотря на две бессонные ночи и бой я так и не смог заснуть.

«БАТЯ»

Первого числа восьмидесятого года мы закончили передачу частям сороковой армии боевой техники и тяжелого вооружения отряда. Второго января личный состав «мусуль-

манского» батальона со стрелковым оружием был переброшен двумя Ан-22 в Ташкент. Второго же я попрощался с личным составом отряда, поблагодарил их за службу. Тогда я впервые услышал в свой адрес «Батя». Я увозил в Москву мой план, отчеты об операции, написанные участниками и списки для награждения. Прибыв в столицу, я сразу доложил о результатах и ходе операции Ивашутину П.И., который руководил тогда ГРУ. Он выслушал меня, забрал все подготовленные мной документы, закрыл их в свой сейф и сказал, чтобы я без его ведома никому ни о чем не рассказывал. Но на следующий день он снова вызвал меня, дал своего порученца, машину, вручил мой план и сказал, чтобы я прибыл на доклад к Устинову.

У МИНИСТРА ОБОРОНЫ

В приемной Министра ожидали генерал-полковники, генералы армии. Трудно передать любопытство и изумление, появившееся на их лицах, когда они увидели, что полковника встречает порученец министра, который сам был генерал-лейтенантом, и помогает ему снять шинель. Порученец, повесив мою шинель,

▲ После штурма

сказал: «Проходите, Вас ждет Министр». В кабинете Устинов меня обнял, расцеловал после посадил за стол и, достав Marlboro, предложил закурить. Я извинился и сказал, что курю только «Беломор», но папиросы оставил в шинели. Устинов попросил порученца принести их, мы закурили, и я начал рассказывать. Когда я достал план для того, чтобы объяснить, как мы действовали, министр увидел, что он не утвержден, и надпись, которую я сделал в кабинете Магомедова. Покачивая головой, он сказал: «Я понимаю, почему осторожный кавказец Магомедов не поставил свою подпись на твоём плане. Но почему Иванов не расписался, я понять не могу». Тактично промолчав, я продолжил рассказ. Министр слушал очень внимательно, его интересовало все, но особенно он интересовался техникой. Как она вела себя в бою, насколько эффективны оказались ЗСУ и АГС-17, инженерные боеприпасы. Тогда появились первые РПГ-18 «Муха», и он поинтересовался, как они себя показали в боевой обстановке. Когда я закончил рассказывать об операции, он попросил меня рассказать о себе. Я рассказал, что родители во время войны были партизана-

ми, и их на моих глазах расстреляли фашисты, рассказал, что закончил суворовское, а затем пехотное училище, по распределению попал в спецназ, где и служу до сих пор. Окончил академию Фрунзе, командовал бригадой, сейчас являюсь заместителем начальника направления по спецразведке. Министр спросил, почему я не поступаю в Академию Генерального Штаба, моя должность позволяла это сделать. Я ответил, что на должность назначен недавно и сейчас, когда мне исполнилось сорок четыре года, уже, наверное, не подхожу по возрасту. Предельный возраст для поступления в Академию ГШ — сорок пять лет. Министр сказал: «Передай Ивашутину, что я разрешаю тебе поступать вне конкурса». С этими словами он проводил меня до дверей. Увидев это, маршал Соколов, бывший тогда первым заместителем министра, сказал: «Ну, полковник, еще никого из нас Министр до дверей не провожал».

НАГРАДЫ

Из приемной Устинова я снова прибыл к Ивашутину, где подробно передал о чем шел разговор, в част-

ности и о том, что мне Министр разрешил поступать в этом году вне конкурса в академию Генштаба. Ивашутин поблагодарил меня за доклад и сказал: «Пиши рапорт в Академию», что я и исполнил на следующий день. медкомиссия выявила у меня паховую грыжу, которую я заработал в Кабуле. При проведении рекогносцировки наш УАЗ застрял на горной дороге. Видимо, втаскивая его, я перенапрягся. Пришлось лечь на операцию.

Тут начались проблемы с награждением участников операции. Меня обо всем информировал замполит. То сообщит, что меня представляют к ордену Ленина, то к Герою, в конечном итоге, указ был подписан двадцать восьмого апреля. Героя присвоили мне, Эвальду Козлову и еще нескольким спецназовцам Комитета, погибшим при штурме посмертно. Орденом Ленина наградили семь человек, в том числе Халбаева и Сахатова, хотя я его представлял к званию Героя Советского Союза. Двадцать человек были награждены орденом «Красное Знамя», среди них был и О.У. Швец. Около шестидесяти человек наградили орденом «Красная Звезда» и еще почти триста человек медалями «За отва-

гу» и «За боевые заслуги». Всего же было награждено триста семьдесят человек.

... И ПРОБЛЕМЫ

Каждый год в начале мая список поступающих в Академию Генерального Штаба подписывает сам начальник ГШ. Через своих людей в Главном управлении кадров я узнал, что в списках поступающих в восьмидесятом году меня нет. Испросив разрешения у начальника Управления, я обратился к Ивашутину, напомнив, что мне поступать в этом году разрешил Министр Обороны, списки поступающих утверждены, но меня в них нет. В связи с этим я просил у начальника ГРУ разрешения обратиться по этому вопросу к Устинову. Ивашутин сначала спросил, откуда мне это известно, но я напомнил ему, что всю жизнь прослужил в разведке. После этого он начал меня отговаривать от поступления в Академию ГШ, предлагая поступить вместо этого в Дипломатическую Академию. По окончании ее он обещал направить меня на работу за границу. Но Академия Генштаба была моей давней мечтой, впрочем, о ней, я думаю, мечтает каждый командир, поэтому я уперся. Поняв, что переубедить меня не удалось, он по телефону вызвал началь-

ника Управления кадров генерала Изотова, а меня из кабинета выпроводил, пообещав сообщить решение по моему вопросу завтра. На следующий день я узнал, что зачислен в Академию. Ивашутин, видимо, это место хотел отдать кому-то другому, а поскольку я уперся, отношения наши резко испортились. С тех пор он меня не замечал.

ДЕВЯТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

По окончании Академии я был назначен на должность начальника направления спецразведки — должность генеральская, однако представления на звание генерал-майор уходили наверх и бесследно пропадали.

В Афганистане шла война полным ходом. В начале восьмидесят четвертого было принято решение о начале активного применения спецназа в Афгане. Для этого передислоцировали первый и второй батальоны спецназ, имевшие штатную структуру аналогичную «мусульманскому», в Джелалабад и Газни. Из Лагодехи в Кандагар прибыл третий такой же отряд. К концу года вошел четвертый. В восьмидесят пятом в Кандагар и Лашкаргах прибыли штабы бригад с отрядами спецрадиосвязи и еще три батальона, разместившиеся

в Лошкаргахе, Шахджое и Асадобаде. Чуть позже был создан восьмой. Все эти мероприятия, а также интенсивные боевые действия, которые вели две спецназовские бригады, требовали моего частого присутствия в Афганистане. Шло время, а я оставался полковником на генеральской должности. Но интересной работы было много, и о звании я особо не задумывался. Звание же генерала я получил, уже, когда ГРУ возглавил Михайлов, а Генштаб — Моисеев Михаил Алексеевич, мой однокашник по Академии Генштаба. Мы с ним случайно встретились в Главном Мобуправлении. Увидев меня, он искренне удивился, что я до сих пор полковник. Я сказал, что представление на генеральское звание посылали девять раз, но безрезультатно. Мы вместе пообедали, и я прибыл в свое Управление. Вскоре меня вызвал Михайлов и начал отчитывать за то, что я ходил жаловаться к начальнику Генштаба. Я объяснил ему, что жаловаться я не ходил и далее, как все получилось. Михайлова я знал, еще, когда он был начальником штаба ТуркВО. Он и тогда своего мнения не имел. Информация о том, что Моисеев мой однокашник, явилась для него сигналом. Спустя некоторое время мне присвоили звание генерал-майор. ■

СЕРГЕЙ ДЕМЕНТЬЕВ,
генерал-майор авиации, ветеран боевых действий,
генеральный директор теннисного клуба «Крылья»

23 ГОДА — ПОЛЕТ НОРМАЛЬНЫЙ

ДЛЯ ЛЕТЧИКОВ, КАК ПОЕТСЯ В ИЗВЕСТНОЙ ПЕСНЕ, «ПЕРВЫМ ДЕЛОМ» ВСЕГДА БЫЛИ САМОЛЕТЫ. ДО ТЕННИСА ЛИ ИМ? ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД, ЗАНЯТИЕ С МЯЧИКОМ И РАКЕТКОЙ КАК-ТО НЕ СЛИШКОМ ВЯЖУТСЯ С ОБЛИКОМ МУЖЕСТВЕННЫХ МУЖЧИН В КОЖАННЫХ ШЛЕМАХ И КОМБИНЕЗОНАХ. НО ТОЛЬКО НА ПЕРВЫЙ — 23 ГОДА НАЗАД, 2 АВГУСТА 1996 ГОДА, В ДЕНЬ ИЛЬИ ПРОРОКА — ПОКРОВИТЕЛЯ АВИАТОРОВ, ГРУППА ЭНТУЗИАСТОВ, УМЕВШИХ ДЕРЖАТЬ В РУКАХ НЕ ТОЛЬКО ШТУРВАЛ, НО И РАКЕТКУ, РЕШИЛА СЛОМАТЬ ЭТОТ СТЕРЕОТИП.

Раньше в авиации, теннис не был популярным видом спорта. А между тем у тенниса и авиации много общего, и там и там — большие нагрузки, важна хорошая реакция, время на принятие решения — доли секунд. И в небе, и на корте хорошая голова нужна — причем, если решение уже принято, надо его исполнять. Что в теннисе, что в авиации, самое опасное — менять решение в последний момент. И вот группа, тогда еще молодых авиаторов, объединили усилия и основали теннисный клуб «Крылья». Сегодня без тенниса мы уже никак не можем, «подсели» на него по полной программе. Этот спорт держит нас в тонусе, не дает стареть ветеранам ни душой, ни телом. А многим, кто уже прекратил активную летную деятельность, дает возможность по — прежнему испытывать схожие эмоции. Иногда, одного хорошего удара, достаточно для того, чтобы испытать эмоции соизмеримые с полетом, и создать себе прекрасное настроение на целый день. Так что теперь девиз авиаторов звучит так: «Авиации, любви и теннису — все возрасты покорны».

▲ А.Н. Зелин

Сначала «Крылья» базировались в ЦСКА, потом в академии Жуковского, а сейчас у клуба крытый корт на территории Авиационного комплекса имени С.В. Ильюшина в районе Ходынского поля.

У ильюшинцев вообще теннис в крови — в 1984 году здесь даже создали на основе передовых материалов металлическую ракетку, один

из образцов которой ныне пополнил Музей ракеток, основанный президентом ФТР Шамилем Тарпищевым. Ежегодно, на базе данного комплекса проводится турнир, посвященный генеральному конструктору КБ «Ильюшин», академику, дважды Герою Социалистического Труда, лауреату Ленинской премии Генриху Васильевичу Новожилову,

▲ В.С. Михайлов

который был большим любителем этого вида спорта. К глубочайшему сожалению, 28 апреля 2019 года, Генрих Васильевич ушел из жизни, но все мы уверены, что в память о нем турнир будет жить и дальше.

Со временем, из хобби, теннис в клубе превратился для его членов в серьезное увлечение, стал хорошей возможностью не только поиграть, но и неформально пообщаться в стенах клуба, обсуждая не только перипетии теннисных баталий, но и актуальные вопросы, связанные с авиацией, ее настоящим и будущим.

Конечно, за минувшие 23 года, теннисный клуб претерпел изменения. Постоянно происходит его обновление, но костяк «Крыльев» остается прежним. Большой вклад в становление и деятельность клуба внесли и продолжают вносить его бессменный президент генерал-лейтенант Дмитрий Морозов, активные члены: генерал-полковник Анатолий Тарасенко, генерал-полковник Юрий Мальцев, генерал-лейтенант Сергей Солнцев. При этом, все новые кандидаты проходят жесткий отбор. Не каждый желающий у нас закрепляется, приходят многие — остаются далеко не все. По каким критериям идет отбор? Главное: порядочность человека и его любовь к авиации. В первую очередь, чтобы люди, вновь прибывшие в клуб, со-

▲ А.Ф. Тарасенко

храняли легкую, непринужденную атмосферу, не должно быть никаких обид друг на друга, независимо от хода и результатов матчей.

Особое спасибо генералу-армии Владимиру Михайлову и генерал-полковнику Александру Зелину, которые являются почетными членами ТК «Крылья» и неизменно принимают участие во всех знаковых мероприятиях, проводимых клубом, как сами они шутят, один по четным, второй по нечетным числам.

Ежегодно ТК «Крылья» участвует в различных теннисных турнирах, или же является их организатором. Наиболее значимые, это турниры, посвященные 15летию и 20летию в 2011 и 2016 годах соответственно. Как правило, традиционно в этих турнирах принимают участие дуэты из других клубов, с которыми летчиков связывает многолетняя дружба и соперничество на кортах: Клуб ветеранов Службы внешней разведки, МГИМО, МГУ, Министерство Обороны, Пограничная служба ФСБ, Клуб космонавтов имени Ю. А. Гагарина и др.

Вот и в этом году, 24 августа, накануне открытия МАКС-2019, при спонсорской поддержке АО «Вертолеты России», АО «НПО Прибор», Авиационный комплекс им С. В. Ильюшина, ТК «Крылья» организовали и провели теннисный турнир, посвященный Воздушному Флоту

▲ Святой пророк Илья

России. Турнир прошел на базе Национального теннисного центра им. Хуана Антонио Самаранча. Это одно из самых живописных спортивных сооружений в Москве — расположено на берегу Химкинского водохранилища. Участники турнира — все те же наши давние друзья и соперники. Матч состоялся на открытых кортах, боевая ничья- 5:5. Победил, как мы говорим его Величество теннис. Эмоции, которые царили на кортах и за их пределами трудно передать словами. Это надо видеть своими глазами, а еще лучше научиться играть в теннис.

До встречи на теннисных кортах !

ВЛАДИМИР КОРНЕЕВЕЦ
Ветеран военной разведки

НАРОДА МУДРОСТЬ

*Народа мудрость всем давно известна...
С седых времён средь нас живёт молва,
Что дружно надо жить, светло и честно
И отвечать за данные слова.*

*Помочь коль взялся - не проси оплаты...
Твой труд стократ вернут тебе взамен.
Ведь так веками были мы богаты
До этих мрачных, чуждых перемен.*

*А как умели наши предки веселиться!
Мне посчастливилось застать ещё отчасти,
И спеть могли, и станцевать, а иногда напиться,
Но были веселы, в глазах светилось счастье.*

*И свадьбы называли мы весельем,
И приглашалась в гости вся округа
И лилась песня вечером осенним
И уважали искренне друг друга.*

*Теперь иначе. Бизнес поважнее.
Везде дороги и машины все купили,
Но вот собраться нам становится сложнее,
И песни петь почти, что разучились.*

*С тревогой ждём известий в новостях,
Бежим в обменник за чужой валютой.
В родной стране живём мы как в гостях,
Счетов боимся мы зимою лютой.*

*Так что случилось? Что пошло не так?
И как утратили мы блеск в глазах и силу?
И суетимся пред Европой за пятак,
За то, чтоб только нас туда пустили.*

*Мне кажется, проблема в том, что мы,
Отвергли опыт предков, дух исконный.
И заблудились в дебрях лженаук и тьмы,
И жить пытаемся мы по чужим законам.*

ВЛАДИМИР КОРНЕЕВЕЦ
Ветеран военной разведки

СЧАСТЬЕ

*Вопрос много лет не даёт мне покоя,
В чем счастья смысл и что это такое.
Быть может позиция в органах власти,
Или каприз ублажать свои страсти.*

*Иль денег без меры, чтоб жить не считая —
Ведь многих прельщает идея такая.
А может возможность жить на Мальдивах,
На вилле среди одалисок красивых.*

*А может икра каждый день на столе,
Иль может быть слава как у Пеле.*

*Вино из коллекций, что пьют короли,
Брильянты, рубины, картины Дали.*

*Список соблазнов можно продолжить,
Но правильно ль им так бездумно служить?
Костюмам, рубашкам, белью дорогом,
Иль счастье — помочь кому-то другому?*

*Здоровье родителей, дом и семья,
Родина предков, родился где я,
Работа в охоту, много друзей —
Вот главное в формуле счастья моей.*

Г.П. КОЧЕРГИН,
генерал-майор авиации, Заслуженный военный летчик России

СТАРЫЙ РАБОЧИЙ

*Вы, наверно, про это не знали,
Что в мои молодые года
Здесь цеха корпусами стояли
Предприятия «Знамя труда».*

*Мы в те годы по совести жили,
Если надо, трудясь до утра.
К нам, здороваясь, в цех приходили
За советом конструктора.*

*Я точил свои нормы из стали
Так, что в пальцы въедался металл.
И однажды приехавший Сталин
Мне приветливо руку пожал.*

*Главным было служенье Отчизне,
Был счастливым и радостным век.
Подтверждаю: хозяином жизни
Был рабочий простой человек.*

*А война наступила — и сразу
Добровольно рванулись на фронт.
Нас, рабочих, согласно приказу,
Направляли на Северный флот.*

*На подлодке в ревущие баллы
Не дрожала от страха рука.
Я вращал рулевые штурвалы,
Как вращал маховик у станка.*

*Мы Россию прикрыли собою.
Поименно я в сердце храню
Тех ребят, что не вышли из боя,
Не приняв заводскую броню.*

*А теперь сердце рвется на части
По советским прошедшим годам,
И, понятно, теперешней власти
Я рабочей руки не подам.*

